

№5 (92)
ОКТАБРЬ

2021

СИМБИРСКЪ

12+

Литературный журнал

Организация
объединяющая Мадриг из
вопросам образования,
науки и культуры

УЛЬЯНОВСК
ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГОРОД
ЮНЕСКО

Объявлена подписка
на 1-е полугодие 2022 г.

Цена подписки:

1 номер – 216,35 руб.

3 номера – 649,05 руб.

Стоимость подписки
в редакции:

1 номер – 140 руб.

Индекс ПА041

Аксаковские чтения
в Ульяновске

стр. 4

Сад мыслей многоцветных.
К юбилею
Лидолии Никитиной

стр. 8

Образ слова.
Новый сборник молодых
литераторов

стр. 38

Вечное небо поэту.
Памяти Александра Лайкова

стр. 121

Литературно-художественный и культурно-просветительский
журнал «СИМБИРСКЪ»

Главный редактор Елена Викторовна Водкина (Кувшинникова)
E-mail: karamz_sad@mail.ru. Телефон 8 (927) 803-62-56

Общественный совет:

Председатель – Владимир Лучников
Владимир Артамонов
Ольга Даранова
Раиса Кашкирова
Виктор Малахов
Светлана Матлина
Николай Марянин
Алина Осокина
Илья Таранов
Ольга Шейпак
Юрий Шерстнев

Содержание

Издатель: Областное государственное автономное учреждение «Издательский дом «Ульяновская правда». Адрес издателя, адрес редакции: 432048, г. Ульяновск, ул. Пушкинская, 11, ком. 219. Телефон редакции: 41-04-32

Подписано в печать 8.10.2021 г.
Дата выхода 15.10.2021 г.
Тираж 700 экз. Заказ №657

Отпечатано с готового оригинал-макета в АО «Областная типография «Печатный двор». 432049, г. Ульяновск, ул. Пушкарёва, 27, ul-pd@mail.ru

© Литературный журнал
«СИБИРСКИЙ» №5 (92), 2021

Издание зарегистрировано Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Ульяновской области ПИ №ТУ 73-00350 от 21 марта 2014 г.

Учредитель: Областное государственное автономное учреждение «Издательский дом «Ульяновская правда».

© Дизайн, компьютерная верстка – Ольга Тюльпа.
Руководитель корректорского отдела – Наталья Степченко.

На обложке: Б. Клевогин. Венок. 2016, оргалит, темпера, 70x66
На обороте обложки: Б. Клевогин. Пейзаж с церковью. Деревня Кокрять. 2015, холст, масло, 80x100

- Рукописи принимаются только в электронном виде, не рецензируются и не возвращаются.
- Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации.
- За достоверность фактов несут ответственность авторы публикаций.
- Мнение авторов может не совпадать с позицией редакции.
- При перепечатке ссылка на «Сибирский» обязательна.

Редакционная подписка дешевле, в том числе для юридических лиц.
Информация по телефону 8 (8422) 41-04-32
e-mail: narod73@inbox.ru

Получить журнал можно по адресам в г. Ульяновске:
ул. Пушкинская, 11, каб. 104 (тел. 41-04-32);
ул. Врача Михайлова, 31, ком. 59;
проспект Ленинского Комсомола, 41, ком. 412 (тел. 20-16-40).

Для удобства читателей предлагаем альтернативную подписку через агентство «УРАЛ-ПРЕСС Поволжье», тел. 8 (846) 202-14-12 (г. Самара).

Оформить подписку на I полугодие 2022 года (подписной индекс ПА041) можно и с помощью Интернет на сайте podpiska.pochta.ru или через смартфон по QR-коду:

Любите этот миг. Вступительное слово.....	3
С любовью ко всему родному	
Ольга Клопкина.	
Аксаковские чтения в Ульяновске	4-7
Юбилей	
(К юбилею Лидолии Никитиной)	
Ольга Даранова. Сад листьев многоцветных.....	8-10
На волнах мелодии любви.....	10-11
Виктор Малахов. Мы живем в чудесном мире.....	12-15
Страна поэзия	
Магомед Ахмедов. Стихи (в переводах Ю. Щербакова, Н. Орловой-Маркграф, А. Аврутина)	16-23
Владик Батманов. Иду на свет. Стихи	24-25
Дороги памяти военной	
Анатолий Пирогов. Прощай, родимая сторонка	26-33
Молодые голоса	
Екатерина Богданова. Колокольчик. Рассказ	34-37
Образ слова	38
Ниса Матлина. Гора Пикет.	
Из книги «Чудики не умирают»	39-43
Ирина Шилова. О книге Нисы Матлиной.....	43
Наталья Тибушкина. Не от мира сего	44-47
Акварели Антона Лазарева	48-51
Осень Владимира Ламзина	52-53
Не оскудеет Пластовский родник	54-56
Глубинка	
Людмила Слесарская. Где цветут киселевские зори..	57-59
Людмила Абрамушкина. Осенняя мелодия стиха	60-61
Николай Коваль. Простое слово.....	62-63
Всё живое	
Дмитрий Воронин. Лось	64-66
Соло	
Елена Токарчук. Стихи	67-70
Житейские истории	
Евгений Сафронов. Знахари: детские законы	71-97
Река воспоминаний	
Татьяна Шатунова. Памяти учителя.....	98-102
Татьяна Алисевиц. Имя для мальчика.....	103-104
Литературное наследие	
Сергей Николаев. Гончаров и православие.....	105-107
Ирина Маршалова.	
«Лучезарная вечность И. Гончарова	108-109
Под сенью дружных муз	
Елена Сергеева.	
Беседы в пространстве искусства	110-119
Память сердца	
Александр Лайков. Стихи.....	121
Памяти Александра Лайкова.	
Стихи ульяновских поэтов	122-124
Николай Марянин. Космический пришелец.....	125-127
Родом из детства	
Анатолий Шутый. Всё оставило след.....	128-130
Раиса Кашкирова. Моя Никитинка.....	131-133
Перекресток	
Дмитрий Савельев. О чтении.....	134-138
Ульяновск – литературный город ЮНЕСКО.....	139-140
Юбилейный календарь	141-176

ЛЮБИТЕ ЭТОТ МИГ

В областной библиотеке для детей и юношества состоялись Аксаковские чтения, посвященные юбилею С.Т. Аксакова, об этом на страницах журнала рассказывает Ольга Клопкова. В рубрике «Юбилеи» читайте публикацию Ольги Дарановой к 80-летию писательницы Лидолии Никитиной. На поэтических страницах – подборка Виктора Малахова, недавно отметившего свой юбилей. В лирических стихах – ностальгия по детству:

Только если станет горько,
Жизнь покажется постылой,
Вспомни детство на задворках,
Дворик наш простой и милый!..

В разделе «Страна поэзия» – гости «Симбирска». Представляем творчество народного поэта Дагестана Магомеда Ахмедова в переводах Ю. Щербак-кова, А. Аврутина, Н. Орловой-Маркграф. Здесь же знакомим читателей со стихами молодого лезгинского поэта Владика Батманова.

Известный ульяновский книголюб и краевед Анатолий Пирогов оставил воспоминания о военном детстве. «Как это было, как совпало / Война, беда, мечта и юность...» Публикуем страницы мемуаров и благодарим З.А. Пирогову за предоставленные материалы.

Недавно состоялась презентация сборника молодых литераторов «Образ слова». Читайте прозу молодых авторов: Екатерины Богдановой, Натальи Тибушкиной, Анисии Маглиной. Представляем также творчество художника, иллюстратора, преподавателя ДШИ №7 Антона Лазарева.

Людмила Слесарская рассказывает о школе-пленэре «Киселёвские зори. Сохраняя культурное наследие». На этот раз участники пленэра, приехавшие из разных регионов России, творчески работали в Старом Измайлово, Акшуте, в Новой Ханинеевке.

Поэтические страницы номера продолжают стихи Людмилы Абрамушкиной и Николая Коваля. В рубрике «Всё живое» – рассказ Дмитрия Воронина «Лось». Тема ветра раскрывается в стихах Елены Токарчук, подборку подготовила Л.К. Токарчук.

Публикуем повесть Евгения Сафронова «Знахари: детские законы». Писателя интересует область непознанного, мистического в жизни.

В рубрике «Река воспоминаний» – очерк Татьяны Шатуновой о профессоре консерватории В.А. Столове, рассказ – семейная история Татьяны Алисевиц «Имя для мальчика».

В конце сентября отмечался День памяти Ивана Александровича Гончарова, об этом рассказывает Ирина Маршалова. Молодой автор Сергей Николаев размышляет на тему «Гончаров и православие».

В разделе «Под сенью дружных муз» – публикация Елены Сергеевой о проекте «Беседы в пространстве искусства».

В минувшем сентябре ушел из жизни поэт, журналист Александр Лайков. Для нас это большая потеря. Несколько лет Александр Дмитриевич работал в редакции «Симбирска» и до последнего времени творчески сотрудничал с журналом. Рубрика «Память сердца» посвящена нашему дорогому товарищу. Ульяновские писатели с глубоким сочувствием стихами откликнулись на уход собрата по перу.

В рубрике «Родом из детства» – стихи Анатолия Шутого и ностальгический рассказ Раисы Кашкировой «Моя Никитинка».

Дмитрий Савельев, настоятель храма в с. Прислоניה, участник дискуссий в литературной студии «Восьмерка». Публикуем его размышления о чтении, «что и как мы читали раньше и что и как мы читаем сейчас». О новостях программы «Ульяновск – литературный город ЮНЕСКО» рассказывает Гала Узрютова. Завершает номер «Юбилейный календарь», подготовленный Николаем Маряниным.

25 октября исполняется 70 лет со дня рождения поэта Анатолия Чеснокова (1951–2010). По традиции в эти дни в Карсуне проходят Чесноковские чтения.

На страницах журнала – картина-посвящение и стихи-посвящения А. Чеснокову, на обороте обложки – его стихотворные строки. Хочется цитировать и вспоминать, дышать осенью и читать стихи. Сквозь щемящую грусть ощущать утешение красотой Божьего мира, настоящей поэзией:

Пока еще октябрь
Уходит вдаль по чащам,
Рябиновой свечой
мерца в полумгле,
И робок бледный свет,
Как призрачное счастье,
Любите этот миг на сумрачной земле...

(Анатолий Чесноков)

Елена КУВШИННИКОВА

К 230-летию Сергея Тимофеевича Аксакова

Ольга КЛОПКОВА, главный библиотекарь по краеведческой работе ОГБУК «Ульяновская областная библиотека для детей и юношества имени С.Т. Аксакова».

АКСАКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ В УЛЬЯНОВСКЕ

Межрегиональная научно-практическая конференция «Аксаковские чтения», приуроченная к 230-летию со дня рождения великого русского писателя, критика и общественного деятеля Сергея Тимофеевича Аксакова, организованная при поддержке Фонда президентских грантов, 10-11 сентября 2021 года собрала в Ульяновске специалистов в области науки, культуры и образования из одиннадцати регионов России.

Конференция стала ключевым мероприятием проекта «Аксаковское слово – послание в будущее: Всероссийский литературно-просветительский марафон», организованного Ульяновским фондом поддержки детского чтения, и начала свою работу 10 сентября в Ульяновской областной библиотеке для детей и юношества имени С.Т. Аксакова с торжественного открытия межмузейного выставочного проекта «Аксаковы-Семья-Россия».

Аксаковские чтения. Т.Е. Кичина, А.В. Кильдяшов, О.В. Клопкова

Организаторы выставки – Государственный музей истории российской литературы имени В.И. Даля, культурно-исторический центр «Музей С.Т. Аксакова» при Московском государственном университете геодезии и картографии. Куратор выставки Варвара Борисовна Давлетбаева провела первую содержательную экскурсию по выставочной экспозиции.

Выставка «Аксаковы-семья-Россия»

Конференция объединила представителей Аксаковского сообщества из Ульяновской, Самарской, Оренбургской, Челябинской, Московской областей, Республики Башкортостан, Новосибирска, Москвы, Санкт-Петербурга, Барнаула, Екатеринбурга. С последними изысканиями, составляющими серьезный вклад в дело сохранения памяти, популяризации и продвижения имени писателя, выступили известные аксаковеды, научные сотрудники ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН г. Санкт-Петербурга, мемориального Дома-музея С.Т. Аксакова г. Уфы, Музея-заповедника писателя С.Т. Аксакова Оренбургской

области, Аксаковского комитета Самарской области, Музея семьи Аксаковых Республики Башкортостан, Государственного историко-художественного и литературного музея-заповедника «Абрамцево», университетов, институтов, библиотек имени С.Т. Аксакова и др.

На заседании молодежной секции были подведены итоги межрегионального музейного десанта «Моё слово об Аксакове». Финалисты, авторы лучших работ из Оренбургской, Московской, Самарской, Ульяновской областей и Республики Башкортостан поделились опытом, впечатлениями и выводами о проделанной творческой и исследовательской работе по созданию видеороликов об аксаковских местах родного края, которые они создавали в роли гидов, журналистов, блогеров, экскурсоводов. Подростки и молодёжь из девяти регионов страны сказали своё слово об Аксакове.

Любовь Александровна Сапченко

Члены жюри высоко оценили их творчество и исследовательский труд. Председатель жюри Любовь Александровна Сапченко отметила: «Межрегиональный музейный десант «Моё слово об Аксакове» – замечательный проект, позволяющий приобщить молодое поколение к золотому фонду русской классики. Подготовленные ребятами видеосюжеты показали неподдельный интерес школьников

Участники молодежной секции конференции

к аксаковскому наследию, в чем, конечно же, немалая заслуга их учителей, наставников, библиотекарей. Представленные сюжеты доказали, что ребята любят свой край, изучают его историю, понимают и ценят его красоту, дорожат своими знаменитыми земляками».

Юные участники были награждены дипломами победителей и книгами С.Т. Аксакова, памятные сувенирами с логотипом проекта. В продолжение работы секции ребята ознакомились с выставкой «Аксаковы-семья-Россия», затем отправились на экскурсию-квест «По аксаковским местам Ульяновска»: прошли от Ульяновской областной библиотеки для детей и юношества имени С.Т. Аксакова к смотровой площадке у обелиска, узнали о сквере И.А. Гончарова, улице Ленина (бывшей Московской), часовне Покрова Пресвятой Богородицы, Спасо-Вознесенском соборе, о том, как эти места связаны с именем писателя, зачитали отрывки из повести «Детские годы Багрова-внука» с описанием симбирских мест, сняли большой видеорепортаж.

Экскурсия в Аксаково

Работа второго дня научно-практической конференции «Аксаковские чтения» стала выездной. 11 сентября участники конференции отправились в поездку на историческую родину предков писателя С.Т. Аксакова в село Аксаково Майнского района Ульяновской области. Гостеприимные хозяева Майнской земли не только провели экскурсию в Аксаковском парке, но и вовлекли гостей в театрализованное представление, угостили ароматным чаем и спелыми яблоками, предложили игровую программу для детей. Юные участники конференции

Экскурсия в Аксаковском парке

также побывали на экскурсии в Майнском краеведческом музее, а затем «в гостях у Пелагеи-ключницы», познакомившись с персонажами аксаковских книг: с любознательным юношей и знатоком природы Сергеем Аксаковым, младшей дочерью купеческой и самой Пелагеей, любительницей сказывать сказки.

Квест «В гостях у Пелагеи-ключницы»

Воодушевленные поездкой в село Аксаково, взрослые участники конференции собрались за круглым столом в Майнском межпоселенческом центре культуры, чтобы обсудить актуальные вопросы деятельности Аксаковского сообщества, популяризации литературного и культурного наследия Аксаковых в системе российских библиотек, музеях, школах.

Коллеги из Новосибирска, Московской, Ульяновской, Оренбургской, Челябинской областей, Республики Башкортостан поделились своим опытом работы, возникающими проблемами в библиотечной и образовательной деятельности. Они рассказали как о традиционных, так и новых формах работы. Были подняты вопросы проведения конкурсов для подростков в контексте цифровизации общества и современного образования, проблемы эффективности проводимых мероприятий для детей и подростков.

На круглом столе были подведены итоги работы всей конференции и принята резолюция. Участники конференции отметили высокий научный уровень, актуальность и практическую значимость выступлений, необходимость дальнейших научных исследований творчества С.Т. Аксакова, поиска новых подходов, разработки инновационных методов в популяризации наследия писателя, организации выставочных проектов, а также выразили искреннюю признательность и благодарность Ульяновскому фонду поддержки детского чтения, Ульяновской областной библиотеке для детей и юношества имени С.Т. Аксакова за организацию и проведение межрегиональной научно-практической конференции «Аксаковские чтения». *«Разрешите поблагодарить Вас за дни, проведенные на славной Ульяновской земле во время Аксаковских чтений. Всё было организовано на самом высоком уровне! Вы вносите огромный вклад в развитие Аксаковского движения»,* – высказал общее мнение участник конференции Сергей Витальевич Мотин, кандидат юридических наук, доцент из г. Уфы.

Хочется отметить, что благодаря просветительской, исследовательской и творческой деятельности учреждений культуры и образования, инициативе краеведов, общественных деятелей, писателей, волонтеров аксаковское слово и слово об Аксакове не только не устаревает со временем, оно остаётся актуальным и востребованным, живёт и становится посланием в будущее. Оно читается и произносится взрослыми и юными читателями и благотворно влияет на духовное развитие личности человека.

Участники секции «Актуальные вопросы аксаковедения»

Гости юбилейного вечера

1 октября
 Ульяновская областная библиотека
 для детей и юношества им. С.Т. Аксакова
 отпраздновала 65-летний юбилей.
 Среди почётных гостей на торжестве были
 и ульяновские писатели, члены редакционного
 Совета журнала «Симбирскъ».
 Поздравляем уважаемую
 Татьяну Евгеньевну Кичину,
 директора Аксаковки
 и всех сотрудников библиотеки с юбилеем.
 Благодарим за многолетнее творческое
 сотрудничество! Желаем успехов
 и процветания! Да здравствует библиотека!

Сотрудники Аксаковки. Награждение в день юбилея

ЮБИЛЕИ

Ольга ДАРАНОВА, председатель правления Ульяновского регионального отделения Союза писателей России.

САД МЫСЛЕЙ МНОГОЦВЕТНЫХ ЛИДОЛИИ НИКИТИНОЙ

Штрихи к портрету

23 сентября 2021 года исполнилось 80 лет поэту, прозаику, журналисту, члену Союза писателей СССР и России, лауреату Всероссийского конкурса «Проза – детям», лауреату Международной премии «Филантроп» Лидолии Никитиной.

Стихи она стала писать поздно. Благоспитанная девочка из хорошей семьи, послушная, впитавшая на генетическом уровне культуру своих предков, она впервые написала стишок как-то неосознанно, невольно, по поводу незадачливой школьной подруги, получившей двойку по письму. Её невинный перл прочла бабушка, невозмутимо порвала его на мелкие клочки, прокомментировав это пожеланиями не заниматься ерундой, а лучше готовиться к шахматным турнирам. Девочка подавала нешуточные надежды в шахматах, её выступления на городских и республиканских соревнованиях заботили семью гораздо больше, чем поэтическая блажь.

Но не так всё просто складывалось во внутреннем мире юной Лидолии. Стихи где-то зрели, росли, копились в душе и постепенно пополняли её папку с надписью «Будущая книга»...

Шли годы. И однажды вместе со своим мужем Борисом Аржанцевым они стали подбирать фотографии к будущей книге, создавать её будущий об-

раз. Фотоэтюды об Ульяновске нашли созвучие в строчках Лидолии и вылились в замечательное издание «Солнечные капли слепого дождя». Миниатюры и стихи в ней были помещены под одной обложкой.

Следом взлетела «Воздушная кукла», на обложке которой красовалась странная кукла в белом плаще, парящая в небе вместе с облаками, а внизу тихо жил своей жизнью маленький сказочный городок с собачками, кошками, мирными жителями...

А следующая книга стала подарком для внучки – сборник стихов «Родилась на земле девочка», вышедший в 2012 году. Дизайнер придумала романтический образ для книжечки – девочка в соломенной шляпке, бредущая сквозь зеленеющее поле колошкеев к своему горизонту...

«Цветы начала листопада» продолжили душевный и откровенный разговор писательницы со своими читателями. Этот сборник Лидолия посвятила своей бабушке, которая после ранней смерти мамы в 36 лет сделала для внучки всё возможное и невозможное, чтобы она получила хорошее университетское образование, стала известной шахматисткой, опытным журналистом, а вскоре и членом Союза писателей СССР. Этот сборник оказался самым читаемым среди женщин всех возрастов, чья душа открыта любви, добру, сопереживаниям.

А чуть позже вышел сборник «Сотворение жемчужины», в котором Лидолия пишет не только прозу, но и стихи, и свои размышления о поэзии. В своих размышлениях Лидолия откровенная и непосредственная – от того и интересны людям её мысли, воплощённые в стихи. В них есть философские обобщения, житейская мудрость, желание найти отклик в душах других людей, они искренни в своих добрых посылах и пожеланиях.

Сейчас, по истечении времени, после того, как она противилась самой природе стиха, Лидолия признаётся, что стихи неожиданно поразили её своими внутренними возможностями для общения друг с другом, звучащей в них музыкой души!

И вот новый рубеж на сегодняшний день – поэтическая книга «Сад мыслей многоцветных». Во вступительном слове Лидолия пишет, что книга не имеет конкретного адресата, она сама отыщет тех, в ком, заглушая все внешние помехи, звучит музыка души! А начинается книга со знакомства с автором. «Я – Лидолия. Моё имя придумала мне мама, а на небе, благодаря папе, есть звезда с фамилией Никитина!» – так и слышится её особенный, непосредственный голос.

Что такое её стихи? Воспоминания, предчувствия, сомнения, советы, желания поделиться своими эмоциями и чувствами, уроки жизни, диалог женщины и мужчины.

Вот, к примеру, чисто женское:
*Но для душ, чья купель – вечность,
 Примет старости не существует!
 Потому и не старятся Женщины,
 По которым тоскуют мужчины!*

Читаю её строчки и понимаю, что Лидолия – женщина до кончиков пальцев, до краешка роскошного платья, до упрямого завитка волос. Незамысловатые порой строчки об этой самой «кухне любви», а попадание точное – в десятку! И думаешь: вот

ты промолчала, а она сказала. Возможно, слишком прямолинейно, не так завуалированно и образно, как ты, но – сказала:

Страсть

Евгению Пчёлкину

*Ты не вздумай это пламя
 Побеждать долготерпеньем!
 Не давать ему свободы –
 Лишать чувства обновленья!
 В сумасбродном танце страсти
 Столько магии и силы –
 В нём безумство и отвага
 Выжгут всё, что стало лишним!*

Когда накрывает любовь – прочь осторожность, прочь разум и доводы рассудка, ведь «один поцелуй и... потеря свободы». А сожаления? Есть ли они? Есть... О том, что не понял, не разглядел, не услышал... Всё это есть в стихах Лидолии Никитиной, трепетных, чувственных, откровенных...

В её стихах времена соприкасаются любовью... В них она сама – юная, щедрая на любовь, талантливая, ждущая того единственного, кто оценит её, примет душой и сердцем... В своих стихах она дерзкая, требовательная, утончённая, взывающая к классическим канонам любви и преклонения перед Прекрасной Дамой.

Лидолия часто не заботится о рифме, возможно, спешит. Не оглядываясь на строку. Но для неё главное – уловить момент, передать эмоцию. В своих стихах она и очень современная, помнящая о том, что поколения идут следом, и когда-нибудь благодарная внучка прочтёт её строчки, вспомнит её облик, её слова и наказания:

*А про «сегодня» пусть расскажет внучка,
 Она влюбилась нынче в первый раз!
 Сейчас у Сашеньки такая точно стрижка,
 Как у меня давным-давно была.*

В поэзии Лидолия умеет передать аромат своей эпохи, своего времени, своего бытования на земле. Это даёт ей силы жить, даёт радость воспоминания:

*В своих снах я стремлюсь в ТОГДА!
 Время ТО – мой флакон хрустальный!
 До сих пор в нём силён аромат
 Самой горькой любви и тайной.*

Ещё одно, что нравится в стихах Лидолии, – память юности, смелость юности, которую никогда не уничтожит старость. Всё, что было ярко и памятно в прошлом, весь огромный короб радости она берёт с собой в жизнь зрелую и живёт этой радостью всегда:

*С кем бы распить шампанское
 Из давних друзей моих?
 С мальчиком длинноресничным,
 Ныне – отличным юристом?
 Ах, как, бывало, лет в тридцать
 Шумно мы пировали,
 Пели и танцевали
 Под старенький магнитофон!
 Как много было хорошего
 В обычной житейской заботе,
 Когда без долгих расспросов
 Друзья приходили на помощь.
 Столов не хватит и стульев,
 Чтобы собрать всех рядом, –*

*Тех, кем судьба наградила,
Сделав лучшим подарком!
Скажу всем спасибо мысленно,
По-дружески расцелую
И полный фужер с шампанским
За молодость подниму я!*

И как всегда должно быть и бывает у поэтов, нота созидания мажорно звучит в их творчестве. Так и в новом поэтическом сборнике Лидолии Никитиной:

*Жизнь не терпит уныния,
А поэзия – роботом!
Чёрный стержень у ручки
Полон радостных доводов!*

Накануне юбилея я побывала с операторами «УлПравда ТВ» в гостях у Лидолии Константиновны Никитиной. Первое, что бросилось в глаза, – в прихожей, на туалетном столике лежала чёрная коробочка туши для ресниц – помните, той самой, из 70-х, «Ленинградской», самой лучшей! Точно такая же коробочка была у моей тёти, яркой брюнетки, обликом похожей на Лидолию... Времена и люди соприкоснулись.

Проходим дальше. Вся квартира – островок книг, стеллажи, стеллажи... Лидолия знает, какая книга на какой полке лежит. Это её мир. Салфетки,

любимая японская статуэтка, фотографии, картины, стол, накрытый к чаю, жёлтые лилии, ваза из зелёного стекла. Сама хозяйка в строгом чёрном платье, с ниткой бус, с неизменной причёской, с маникюром... Подумалось, что здесь, на скромной территории её квартиры, уместился большой мир, её прошлое, предки, родители, солнечный Ташкент, школа и вуз, журналистика, радио и телевидение, Ульяновск, литература – всё, чем она жила и живёт с большой любовью. И в который раз она с удовольствием рассказывает о себе, возвращается в минувшее, с жаром говорит о настоящем... Подкупают её жизнелюбие и азарт молодости... Ведь ей всего лишь «четыре раза по двадцать», как она сама о себе говорит!

Мы долго общались, пили вкусный чай с конфетами и замысловатым печеньем, было тепло и уютно.

...Заканчивается сборник стихов Лидолии Никитиной «Сад мыслей многоцветных» любимыми цитатами автора, среди которых приведу вот эту строку Хемингуэя: «Худшее, что может случиться с писателем, – это знание, что он не сможет написать следующую книгу».

Желаем нашей дорогой Лидолии Константиновне, чтобы этого никогда с ней не случилось, а новая книга притягивала и давала силы жить!

НА ВОЛНАХ МЕЛОДИИ ЛЮБВИ

Юбилейный вечер к 80-летию члена Союза писателей России Лидолии Никитиной состоялся 23 сентября 2021 года в Торжественном зале Дворца книги.

Поприветствовала юбиляра исполняющий обязанности министра искусства и культурной политики Ульяновской области Евгений Сидорова. Она преподнесла поздравительный адрес от губернатора Ульяновской области А.Ю. Русских, поздравила Лидолию Константиновну от лица региональной культуры. Ещё один букет был передан юбиляру по просьбе С.И. Морозова, избранного депутата Государственной думы РФ.

Достоинная региональная награда – медаль Почёта – была вручена виновнице торжества за многолетнюю и плодотворную творческую деятельность и в связи с 80-летием со дня рождения.

Она родилась через три месяца после начала Великой Отечественной войны. Об этом Лидолия Никитина написала во Всероссийском автобиографическом ежегоднике «На пороге XXI века»: «Мама, показывая меня уходящему на фронт отцу из окна роддома со второго этажа, в своей записке мужу написала: «Родила дочь-японку! Разрез глаз как у красавиц художника Утамаро!» Мама была художницей по росписи тканей и обожала японское искусство. Её любовь каким-то невероятным образом передавалась и мне. В 17 лет я стала сочинять коротенькие миниатюры, очень похожие на стихи древней японской поэзии».

Её творческий путь начался в Ташкенте, где после окончания института Лидолия работала в газе-

Е.Е. Сидорова вручает медаль Почёта Лидолии Никитиной

тах, на Узбекском республиканском радио, возглавляла редакцию радиовещания для детей и юношества, неоднократно признавалась лучшим радиожурналистом Узбекистана. Публиковалась в газетах и журналах. В Ташкенте вышел и первый сборник миниатюр писательницы «Два шага, чтобы встретиться» (1976), а в 1983 году за второй сборник – «Осенняя элегия» (1980) ей было присвоено звание лауреата конкурса «Ташкентская лира».

С 1963 года её публикации выходят в различных журналах Советского Союза. Её миниатюры стали переводить на языки народов мира, чему способствовали публикации в очень популярном тогда в СССР журнале «Советская женщина».

Палитра её творчества широка и разнообразна: кроме миниатюр, есть и стихи, и мистические новеллы, и воспоминания, и даже сказки для детей и взрослых.

В 1982 году Л.К. Никитина была принята в члены Союза писателей СССР. В 1986 году по приглашению Ульяновской областной писательской организации Л.К. Никитина переехала в Ульяновск. Вела занятия в созданной при библиотеке №8 литературной студии «Лидолия».

Богат творческий багаж Лидолии Никитиной – более 30 книг! Среди них сборники миниатюр, рассказов и стихов: «Юности счастливые мгновения», «Время женщины», «Еще бы немного любви», «Под защитой белых хризантем», «Портреты женщин в интерьере жизни», «Солнечные капли слепого дождя», «Родилась на земле девочка», «Цветы начала листопада», стихи для дам, «Спелых яблок дождь золотой», «Сотворение Жемчужины»; «Сад мыслей многоцветных». Буквально накануне юбилея вышел сборник современных мистических новелл и эссе «Верьте своим предчувствиям».

И все книги Лидолии Никитиной объединяет чувство любви. Не случайно она сама часто вспоминает слова М. Горького «Всё прекрасное на земле родилось из любви к женщине!»

Творчество Лидолии Никитиной в интерпретации участников вечера засверкало новыми гранями. Каждый в ее книгах нашёл своё, близкое только ему трепетное и светлое слово. Миниатюры Лидолии Никитиной обращены к женщине с заботой и мыслью о сохранении и приумножении на земле добра, любви, надежды, красоты.

На вечере слова поздравления и уважения высказали директор Ульяновского драматического театра имени И.А. Гончарова Наталья Никонорова, директор Ульяновского областного театра кукол имени народной артистки России В.М. Леонтьевой Александр Колтун, заместитель начальника управления по делам культуры и организации досуга населения администрации города Ульяновска Юлия Фомичёва, председатель Ульяновской областной организации профсоюза работников народного образования и науки Российской Федерации, член Общественной палаты Ульяновской области Татьяна Твердохлеб, директор ООО «Компания «Кумир» Вячеслав Кудинов, директор Ульяновской областной библиотеки для детей и юношества имени С.Т. Аксакова Татьяна Кичина и многие другие.

Талантливо, легко летели строчки миниатюр Лидолии Никитиной в художественном чтении учащихся школы № 52 (педагог – А.А. Егорова). Звучал Клод Дебюсси «Воспоминание о Паганини» в исполнении учащейся Губернаторской школы искусств для одарённых детей Анны Арешинной. «Письмо в тридцатый век» Роберта Рождественского в уникальном исполнении Вячеслава Кудинова просто потрясло зрителей! Так читать стихи может не каждый актёр...

Л.К. Никитина и О.Н. Даранова

Павловопосадский платок был заботливо возложен на плечи Лидолии Никитиной Тамарой Кулябиной, заслуженным работником культуры РФ, руководителем УРО ОСПК «Русский дом». В ее неповторимом исполнении прозвучала народная песня «Очаровательные глазки».

Лектор-музыковед Ульяновской областной филармонии Лиана Черновалова страстно прочла миниатюру Лидолии Никитиной «Сердце-циркач». Композитор Антон Никонов и певица Алёна Гуляева исполнили микрелюдию по миниатюрам – это был театр двоих!

Подруга юбиляра, поэтесса и певица Декабрина в белом наряде с веночком цветов на голове увлекла всех задорной «Симбирячкой» и русским переплясом! Особенным музыкальным подарком для Лидолии Константиновны стал концертный номер: звучала томная виолончель, произведение Жюль Массне «Размышление». Исполнила его юная солистка филармонии Феодора. Виолончели сопутствовала фортепианная партия в исполнении замечательной пианистки, очаровательной Веры Корчевой. Поздравительный адрес вместе с красивым тортом преподнесли директор Дворца книги – Ульяновской областной научной библиотеки имени В.И. Ленина Светлана Нагаткина и председатель Правления Ульяновского регионального отделения Союза писателей России Ольга Даранова.

В завершение прозвучала проникновенная «Мелодия» Арно Бабаджаняна на стихи Роберта Рождественского в исполнении солиста Государственного ансамбля песни и танца «Волга», заслуженного работника культуры Ульяновской области Владимира Самарева.

Весь вечер в центре праздничных торжеств была именинница – Лидолия Константиновна Никитина. И мы еще раз присоединяемся ко всем поздравлениям. Многая лета!

*Организатор и ведущая вечера –
заслуженный работник культуры
Ульяновской области Ольга Даранова*

Виктор МАЛАХОВ, член Союза писателей России, лауреат поэтической премии им. Н. Благова. Родился 5 сентября 1951 года в г. Челябинске. С 1978 года живёт в Ульяновске. Автор книг «Друже мой», «Чаша осени», «Мерцанье тайны», «Нужные слова», «Второй взгляд» и др.

Редакционный Совет журнала «Симбирскъ» поздравляет Виктора Леонидовича Малахова с юбилеем! **Добра, радости, света!**

МЫ ЖИВЁМ В ЧУДЕСНОМ МИРЕ

СОЕДИНЕНИЕ

Порой дрожат не капельки чернил
На кончике пера, а целые планеты.
Порою сквозь узор сплетённых веток
Видны «миры мерцающих светил».

От вида грандиозных панорам,
Ронявших свои отблески на лица,
Не раз я восхищённо замирал,
И размывались прежние границы.

И, чувствуя волнение в крови,
Тянулся я, вставая на носочки,
Навстречу безразмерным и бессрочным
Высоким состояниям любви.

И только ею мир соединим
Надёжней всех тросов, цементов, скрепок,
И нежный чуткий мир моей соседки
С мятежным миром собственным моим.

ОТМЕТИНА

Ты птица белая с отметиной,
Я узнаю тебя по ней.
Свои желания запретные
Поведай без утайки мне!

Тебя не называют ветреной,
Ты чья-то верная жена.
Ты птица белая с отметиной,
И та отметина черна...

Здесь речь отнюдь не о порочности,
Здесь тайне выказан почёт!
Да, и она, помимо прочего,
Меня чарует и влечёт!

И «беззаконною кометою»
Ты не врывалась в мой покой.
Мне дорога твоя отметина, –
Я сам с отметиной такой!

Мои желания несмелые
Я от тебя не утаю:
Уткнуться в оперенье белое
И позабыть печаль свою!

ОТСВЕТЫ

Природа радуется лету,
Я весь в пыльце от лебеды.
И мной раздвинутые ветки
Опять сомкнулись позади.

Иду по миру осторожно,
Храня гармонию и лад.
На мною пройденных дорожках
Цветы несмятыми стоят.

Внимаю всплескам светотени
В зелёном кружеве ветвей.
...А я уже чуть-чуть осенний
И знаю цену летних дней.

Я этот бересклет и вереск
Оправить рифмой не ленюсь.
Я слишком будущему верю
И слишком прошлое ценю!

И в тишине, как льдинка хрусткой,
Я пью настой июльских дней.
И отсветы осенней грусти
Не портят радости моей.

Определиться не пора ли нам,
 Что счесть хорошим, что плохим?
 Была б ты безупречно правильной –
 О чём бы я писал стихи?

ПРИЧАСТНОСТЬ

Так с неба нам отпущено,
 Что сразу с юных лет
 Мы все – родня по Пушкину.
 Вот это был Поэт!

И нам порою грезится
 (И это неспроста):
 Пока жива Поэзия,
 И нам не перестать!

И сокрушаться нечего:
 Мол, мир прогнал до дна.
 Ему причастность к Вечности
 Поэзией дана!

Покуда имя Пушкина
 Ещё ласкает слух,
 Зеницы ока пуще нам
 Беречь наш русский дух

От века заповедано!
 И мы его храним.
 И достоянье дедово
 Не спустим, яко дым!

Так стукнем, братья, кружками!
 (А в них крутой настой!)
 Нам с неба профиль Пушкина
 Мелькает золотой!

Ещё не это станется!
 И, с музами в родстве,
 Мы песнями и танцами
 Отметим новый век!

НЕОСТОРОЖНАЯ ПРАВДА

Моя мятежная душа,
 Ты тоже неисповедима!
 Всегда ли правда хороша?
 Всегда ль она необходима?

Я помню Тютчева завет,
 Но он же сам его нарушил.
 Молчать, таиться смысла нет –
 От робости мельчают души!

Не всем, конечно, я готов
 Без опасения излиться.
 И множеством неточных слов
 Наводнены судеб страницы.

Молчанье слышать мудрено,
 Оно так беззащитно голо!
 Немногим чувствовать дано
 Его проникновенный голос.

И всё же я рискну сказать,
 Набравшись храбрости, отчаясь,
 Что я люблю твои глаза
 И по тебе, мой друг, скучаю!

Ты можешь и не отвечать!
 Все наши спешные ответы
 Лишь тени яркого луча,
 Дрожащие на тонких ветках.

Ты можешь просто помолчать, –
 Мне даже это будет в радость!
 Но вправе ль я тебя смущать
 Своей неосторожной правдой?

УЧИТЬСЯ

Порой дела загонят в угол,
 Зажав в холодные тиски.
 Но выйдешь на раздолье луга,
 А там порхают мотыльки –

Природы милые созданья,
 Так страстно любящие жизнь!
 На них в безмолвном обожанье
 Гляди неспешно и учись!

И сразу как рукою снимет
 Твою сермяжную печаль!
 Родное высветится имя
 Курсивом в солнечных лучах.

Ты говорила: будет туго,
 Ты не сдавайся, ты держись!
 Учиться надо друг у друга,
 И станет радостнее жизнь!

У рощи реющей, у луга,
 У облаков и певчих птиц...
 Учиться надо друг у друга,
 А совершенству нет границ!

И если только не лениться,
 Былинке радуясь любой,
 Ты мог бы даже научиться
 Искусству быть самим собой!

ВОЛГА

Волга – это значит воля.
 Рыбий плеск и птичий гам,
 Робы белые от соли
 И сады по берегам.

Волга – это струги Стеньки,
 Переключка кораблей,
 Ввысь взметнувшиеся стены
 Белокаменных кремлей.

С Русью слитая навеки
 И её земная суть.
 Это из варягов в греки
 Подзабытый ныне путь.

Волга... Цепь седых курганов,
Тайны дремлющих веков,
Изумленье Ибн-Фадлана
Достиженьям мастеров.

Знает всякий посторонний:
Здесь приветливо живёт
И к труду, и к обороне
Приноровленный народ!

ЦЕНА ПОБЕДЫ

Велика цена Победы!
Но случись иной расклад –
Наши прадеды и деды
Нам вовеки не простят!

Лучшие погибли люди,
Жил в страдании народ.
Но иначе мир на блюде
Нам никто не поднесёт!

Ждали нас такие беды –
Впору было волком выть!
Велика цена Победы, –
Меньше не было, увы!

Счёт слезам, увы, неведом,
Крови пролита река!
Но тем более Победа
Значима и велика!

Велика цена Победы!
Не случись она тогда,
Были бы уже не беды –
Безысходная Беда!

МАТЬ-И-МАЧЕХА

Весна пока что вкрадчива,
Не балует теплом,
Однако мать-и-мачеха
Не помнит о былом,

О прежней непогожести,
О вьюгах прожитых...
На солнышки похожие,
Цветы её желты.

Что им ухабы, рытвины
И придорожный хлам?
Они цветут, открытые
Весенним ветеркам.

Ещё земля не прибрана
Травой в зелёный цвет.
И нет такого выбора:
Цвести ей или нет?

Цветы у мать-и-мачехи
Лучисты и свежи.
И мной забыто начисто
Всё, что мешало жить!

Я говорю спасибо ей
За этот щедрый цвет!
И нет такого выбора:
Любить мне или нет?

«ЛЁГКОЕ ДЫХАНЬЕ»

С самых давних пор стремились люди
Дать определенье красоте.
Кто видел в ней лишь совершенство тел,
А кто «огонь, мерцающий в сосуде».

Огонь и согревающий, и щедрый,
Но жгущий крылья нежных мотыльков.
Я вспомнил облик Оленьки Мещерской –
О, как её дыхание легко!

Всё в этом описании находка:
Изыщество пропорций, стройность ног,
Стремительная лёгкая походка,
Девический наивный разговор!

Серьёзные намеренья имея,
Я зачитал тот бунинский рассказ,
И среди многих милых современниц
Похожую красавицу искал.

Об этом должно говорить стихами
И в самом светлом состоянье чувств:
Я встретил это лёгкое дыханье!
Где и когда – об этом умолчу.

ПО ЗАСЛУГАМ

Вы чего творите, люди?
Дыбом волосы встают!
День какой сегодня? Судный?
И над кем же этот суд?

У кого житишко скудно,
Жизнь кому-то не мила...
Нас бескомпромиссно судят
Наши мысли и дела.

Укоряют, обличают,
Вымывают грязь со дна...
Дар волшебный, дар случайный,
Для чего нам жизнь дана?

Кто вертелся словно флюгер,
Кто всю жизнь хвостом вилял...
Всем воздастся по заслугам,
Свой у каждого финал!

И при всех различьях, люди,
Искра Божья нас роднит!
Что и как на свете будет,
Выбор наш определит.

В КАРАНТИН

Нам есть о чём подумать в карантин
(Так это тяжело с непривычки – думать!):
Куда мы резво катимся (летим?),
Пока нас вихрь с поверхности не сдунул?

Нам есть о чём подумать в карантин!
Когда мы все помыслим о хорошем,
По локоть когти зла укоротим,
Не повторим своих ошибок прошлых!

И я готов приветствовать болезнь,
Всё неблагополучие, что было,
За данный шанс припомнить, кто мы есть,
За остановку на пути в могилу.

НА КОНЕ

Уже я вижу, что пора настала,
Хотя ещё, пожалуй, не для всех!
Медаль из благородного металла
Отметит победителя успех!
Но главное, конечно же, не в этом,
А в том, что ты сегодня на коне!
И можешь называть себя поэтом,
Поскольку соответствуешь вполне!
Пегас, конечно, тёмная лошадка!
Когда им правит слабая рука,
То он поржёт сначала для порядка,
Взбрыкнёт и наземь сбросит седока!
На то он и Пегас, а не корова!
И ухо надо с ним держать остро!
Почуяв седока суровый нором,
Он мчится вдаль без тропок и дорог!
Мы, слава Богу, не на поле брани,
Но и у нас задачи не просты!
...И казака лихого одобряя,
Денис Давыдов смотрит с высоты.

КТО ТЫ?

Деньги в нашем странном мире
Новый идол и кумир.
Шоры нам мешают шире
Посмотреть на этот мир.

Кто к ногам цепляет гири
И на сердце ставит крест?
Жить в таком убогом мире
Не желаю наотрез!

Тосковать душа устала,
Раздражаться, истерить...
Так за чем же дело стало?
Новый мир, душа, твори!

Людям ты дана на вырост,
Так работай, не блефуй!
Что тебе какой-то вирус?
Жалкая фитюлька, тьфу!

Ведь пока свои болезни
Объясняла ты судьбой,
Лярвы всякие налезли
И командуют тобой!

Двери распахни пошире,
Ветхий дом пусти на слом.
Мы живём в чудесном мире,
А не там, где мы живём!

Он давно из сердца рвётся
В мир наружный изнутри.
Кто ты: Тесла или Моцарт?
Выходи, дерзай, твори!

ГОРКИ ДЕТСТВА

Зарастают наши горки!
Видно, нет такого средства,
Чтобы время объегорить,
Возвратить шальное детство!

Только если станет горько,
Жизнь покажется постылой,
Вспомни детство на задворках,
Дворик наш простой и милый!

Горевать о том не стоит!
Только как же без печали?
Потому уже, что столько
Интересного случилось!

Разве мы плохие люди?
Разве время к нам не мило?
Жаль, что этого не будет!
Хорошо, что это было!

ТЕБЕ КАЗАЛОСЬ

Бывало в жизни всякое. Ну да,
Случались в ней и беды и напасти.
И ты уже решил, что никогда
Тебе не встретить истинное счастье.

Да, так тебе казалось. Но года
Твою неспешно душу умудрили.
И понял ты, что счастлив был всегда!
Что бы о том вокруг ни говорили.

СТРАНА ПОЭЗИЯ

МАГОМЕД АХМЕДОВ:

**«СУМЕЙ
ПОСТИЧЬ,
ЧТО РОДИНА –
ОДНА!»**

Известный советский и российский аварский поэт, публицист, общественный деятель. Народный поэт Республики Дагестан. Автор многих книг стихотворений и публицистики на аварском и русском языках. Его произведения переведены на многие языки народов мира. Лауреат многих общероссийских литературных премий, в том числе Большой литературной премии России, «За верность Слову и Отечеству» имени Антона Дельвига. Председатель Союза писателей Республики Дагестан.

Предлагаем стихи Магомеда Ахмедова в переводах Ю.Щербакова, А. Аврутина, Н. Орловой-Маркграф.

Переводы Юрия ЩЕРБАКОВА

Юрий Щербаков – коренной астраханец, председатель Астраханского отделения Союза писателей России. Лауреат Всероссийских литературных премий «России верные сыны» имени Александра Невского, «Традиция», «Имперская культура», имени Василия Тредиаковского, международной премии Курмангазы Сагырбаева, а также лауреат Московской литературной премии в номинации «Литературный перевод» за книгу стихотворных переводов с языков народов России и стран СНГ «А Родина – одна».

Магомед Ахмедов и Юрий Щербаков

НЕБЕСНЫЙ ДАГЕСТАН

Как музыкой неба – её выше нет –
Душа наполняется снова!
Плывут облака кораблями, а вслед
Моё устремляется слово,

Чтоб в море небесном на синей волне
Спешить за мечтою без страха!
Великое счастье даровано мне –
Молитвою славить Аллаха!

За то, что к его заповедным местам
Уйдём в свой черёд, словно песни, –
Туда, где нас встретит другой Дагестан –
Уже не земной, а небесный!

О, небо судьбы, для твоей глубины
Любой из нас – вовсе не лишней.
В одно только веровать люди должны,
Что милостив будет Всевышний!

Что сладкая тяжесть отмеренных лет
Отпустит тебя в поднебесье,
Что был милосердья и радости свет
В делах твоих, мыслях и песнях.

Тогда ты увидишь другой Дагестан,
Его неземные картины.
На тверди небесной, я верую, там
Герои его – как вершины!

Там грозный Шамиль Ахульго бережёт.
Великий воитель, воскресни!
Чтоб не забывал дагестанский народ
Земной Дагестан и небесный!

ПРИВЕТ, ГУНИБ!

Привет тебе, Гуниб, – судьбы моей опора!
Здесь каждая скала – моих основа дней.
Здесь девушка глядит на утренние горы
И, улыбнувшись мне, скрывается в окне.

Улыбка говорит, что молодость воскреснет,
Что негасим её непобедимый свет,
Что первая любовь прекрасной первой песней
Сверкает до сих пор росой на траве,

Что счастье, словно тур, над серебром потока,
По зелени холмов летит за окоём,
Что вслед ему мои признаний давних строки
Берёзы шелестят на языке своём.

Благодарю, Гуниб, за сказочное чудо,
Которое с душой моею совершил,
За то, что сердцем вновь я прикасаться буду
К букету звёзд твоих над башнями вершин!

За то, что с небом здесь готов навеки слиться,
За то, что дни мои здесь горы сберегли!
Привет тебе, Гуниб, заветная столица
Любви и красоты моей родной земли!

ПТИЦА СЕРДЦА

В.А. Кострову

Птица сердца рвётся на свободу,
Рвётся за моею песней вслед:
– Слёз твоих, поэт, святую воду
Соберу, пролью на белый свет!

Пусть от песни в мире зло исчезнет!
Только песню торопя в полёт,
Помни, что не всяк седок – наездник,
Что певец – не каждый, кто поёт!

Птица сердца – нету выше власти,
Чем прозрение в её словах:
– Родина – вот подлинное счастье,
Что Всевышний даровал Аллах!

Птица сердца – в двадцать первом веке
Всё равно стучит она в окно,
Чтобы Человека в человеке
Разбудить в судьбе его земной!

Птица сердца скалы Дагестана,
Знаю я, не бросит никогда.
И не улетит, и в тёплых странах
Не совьёт уютного гнезда.

Птица сердца мне кричит:
– Не слушай
Тех, кто песню вещую бранят!
Сохранишь пылающую душу –
Значит, песня сохранит меня!

СВЕТ

Аульные окна – ваш памятный свет
В душе – словно родины вечный привет.

И я потому лишь в пути не погиб,
Что светят в ночи Гонода и Гуниб.

А звёзды над ними, как слёзы блестят,
Когда что-то в жизни вершу невпопад.

От жажды духовной во веки веков
Спасает меня красота родников.

Там счастье, где речка в горах голуба.
А море и город – иная судьба...

Аульные окна – ваш памятный свет:
Отец мой смеётся и мама в ответ.

...Давно уже мама в ауле одна.
Тускнеет в душе свет родного окна...

ЭЛЕГИЯ

Какой дороги ищешь ты, скажи,
О сын страны, бредущей наугад?
Больной душе у призрачной межи –
Ей всё равно: вперёд или назад.

В страну былую не вернуться вновь –
Налево ли, направо поверни.
Мы потеряли право на любовь,
Грехами прочно заполняя дни.

Двадцатый век был для меня как сад.
Цвести ещё ему бы и цвести.
А двадцать первый – словно тайный яд,
Конец любого доброго пути.

И посреди пылящей целины
Дороги никогда не отыскать.
Но имя незабвенное страны
Произношу с надеждою опять.

Всевышний! Не оставь нас в темноте!
Огонь небесный засвети в ночи,
Чтобы ослепли в одночасье те,
Кто жаждет власть и деньги получить!

Ты умираешь, Родина моя...
И век двадцатый плачет над тобой,
Что не дано в счастливые края
Вернуться за несбывшейся судьбой.

Скажи, какой дороги ищешь ты,
О сын страны, сражённой не в бою?
Нет в этом мире горше сироты,
Чем потерявший Родину свою.

НОЧНОЙ ВЕТЕР

Зачем стучится он в моё окно?
Что разбудить он в памяти стремится?
Неужто счастье? Не сбылось оно –
Вздыхает ветер о бескрылой птице.

Я эту ночь встречаю, как врага.
И нет спасенья от душевной боли.
Пути-дороги замела пурга,
И я один, как будто в чистом поле,

Где ветер воет: «Жизнь прошла почти,
И вся она – в конце или в начале
Тобою обретённого пути –
Заполнена такими вот ночами»...

Зачем стучится он в моё окно?
Ночному ветру разве мало окон?
А впрочем, на душе давным-давно
Царит печаль после борьбы жестокой.

Что делать, друг, когда кромешный мрак –
Он в каждой вести и в любом совете?
Земля, наверно, вертится не так,
И потому ночной рождает ветер.

Магомед АХМЕДОВ

Перевела Нина Орлова-Маркграф

Нина ОРЛОВА-МАРКГРАФ – поэт, прозаик,
переводчик, член Союза писателей России, лауреат
премии им. Сергея Михалкова, лауреат премии
им. святого благоверного князя Александра Невского.

Нина Орлова-Маркграф в Дагестане

НА ВЕРШИНЕ

Я думал, стоя на вершине горной,
что дышит здесь
бессмертья чистый дух,
мне наполняет звездный воздух горло,
и эхо строк, преображая звук,
летит все выше,
через свет и темень
в иные дали и в иное время.

Я думал, глядя вниз,
что, как вершина
выдерживает снег средь ломких скал,
так жизнь я выдержал,
когда ползла лавина
и века нового грозил обвал.

ОХОТНИК

Как в дерево ветвистое топор
вонзают махом – раз! – оно упало,
так валится олень, почти в упор
застреленный охотником бывалым.

Внимательный охотник. Снежный склон.
Для карабина – шесть и два патрон.
И в шею выстрелить –
хорошее решение.
Ни голод, ни нужда. Не голый он,
в охотничьем богатом снаряженье.
Ему убить охота.
Радость в том,
чтоб жизнь отнять –
в расцвете, на излете.
За это благодарен он охоте.

Он любит, если в легкое попал,
(по окровавленным кустарникам прикинет,
что это так). Когда не наповал,
кровь светлая идет. Еще когда навывает.

Но круче, если в область живота –
И темная, со сгустками, кровяца,
тогда она из горла так и хлещет.
Глаза оленя... храп и хрипота.
И прочие для наслажденья вещи.

Охотники на всё на свете есть:
на голулицу-молодость, на честь.
И родина моя – олень – подранок,
кто с вышки целится,
кто ложь в рожок трубя,
охотников немало на тебя,
куда ни глянешь – вся ты в ранах.

Но всех главней Охотник Новый Век.
Засады все меняет и обличья,
он не оленьей кровью и не бычьей
тропу кропит, в горах пятнает снег,
стекло автомобиля, стены, двери –
он человека валит, словно зверя,
грязь с рукава стряхнет привычно,
и, весь дрожа, бежит быстрее всех
освежевать и разделить добычу.

* * *

Читал я громадную книгу земли,
на глине, папирусных свитках,
на желтой бумаге в архивной пыли,
в брошюрах, на скрепках и нитках.

Я жизнь перелистывал.
Долго мой слух
безверья ласкала блудница,
и лживое слово ломало мой дух –
я страшные видел страницы!

Пробитые пулями были одни,
другие – в кровавых отточьях,
А третьи разодраны – соедини
Державы мельчайшие ключья!
Там совесть затерта,

зачищена честь,
подослан к Отчизне убийца!
Но дальше не смог я
сложить и прочесть
обрывки кровавой страницы...

РАЗГОВОР С ВЕТРОМ

Ты душу вынимаешь, ветер,
и возвращаешь лишь клочки!
Дрожат дорог узлы и сети,
крылатый гул летит в ночи.

О чем ты? Что сказать мне хочешь?
О жизни прожитой не так?
Ты вечно свеж и полон мощи,
раскачиваешь мир, как рошу,
а я устал, устал, устал.

Взгляни на угол мой угрюмый.
Как духи тьмы, томятся думы,
ворвись в окно, шуми, кружись,
гляди, могучий, вольный, мчащийся,
на обесчещенное счастье,
на обезжизненную жизнь.

На это тело на диване.
В нем сердце было местом брани,
я вел войну, кидался в бой,
но выбит, вытоптан, изранен –
И враг мне ночь.
И врач мне боль.

Ты что-то отвечаешь, ветер?
Сорвал, согнув, железа лист,
гремишь торжественною жестью –
Опять ужасные известья!
Хорошие – перевелись.

Куда все катится? Не знаю.
Иль надломилась ось земная?
Из года в год, из года в год,
событий безысходней ход,
Земля – и та пощады просит.
Куда она меня уносит
вращением наоборот?

БРОШЕННЫЕ

Свершен кукушки роковой полет –
и ветер свищет в гнездах опустелых...
Что происходит граждане, народ,
на этом свете, что зовётся белым?
Вновь детские дома полны сирот,
мест не хватает в доме престарелых.

Не Смута нынче, не голодный год
и не война-разлучница виною –
обузу видя в детях, лишней рот,
бросает женщина дитя своё родное!

Младенца бросить у чужих дверей!
И Страшного суда тебе не страшно?
С кем я таких сравнил бы матерей?
Со зверем? Оскорбил бы я зверей.
Волчица так не поступила б даже.

Обида детская у стариков в глазах,
и взглядом старика глядит ребёнок.
Похожи их беспомощность и страх,
и слезы одинаково солёны.

Как терпит небо этих палачей?
Как на спине своей земля их носит?
Неужто же блаженствуют на ней,
кто бросил мать
и кто ребёнка бросил?

Живет легко и просто эта мразь.
И заповеди, и закон природы
без колебаний втаптывая в грязь,
забыто все:
с Творцом святая связь,
и чувство родины,
и чувство рода.

ЭПОХА БЕЗДОРОЖЬЯ

Ты гражданин эпохи бездорожья:
грязь, капли крови, мутная вода,
свисают петли с неба – провода,
таков твой путь.
И ты идешь.
Куда?

К больному сердцу приложив ладонь,
стою, окаменелый, у развилки,
у полумесяца,
креста, кольца дорог ...
Где та страна,
которую любил ты?
Ты не сберечь ее,
не возратить не смог.
Ничем помочь.
И прах лежит у ног.

Я помню юности моей веселый бег.
Был чист и счастья ждал,
а вышло вон как!
Меня к груди прижал двадцатый век,
а двадцать первый –
вышлет похоронку!

Двадцатый век – он плачет за спиной.
Не умирай, моя страна, не надо!
И если медлят огнеметы ада,
о Господи, душе моей больной
дай ярый свет, мучителей слепящий,
дай этот дар, как и другой мне дал,
дай ярость мне, чтоб сам я покарал
предателей, кто дом мой обокрал,
корысти ради, родину продал
и кто страну мою довел до краха!

АВАРСКИЙ ЯЗЫК

Я думал: нерушим язык мой древний,
и смерти он сильней,
но вымирают и могучие деревья,
лишенные корней.

Язык аварский –
мятный и молочный,
мед тающий в устах,
и золото в нем
мудрости восточной,
и горных рек хрусталь.

Как мать свою
вы бросить не смогли бы,
О не бросайте, люди, свой язык!
Пой на аварском, девочка Гуниба,
тост по-аварски говори, старик!

Легенды, сказки, озорные шутки
впитал я с материнским молоком.
И полнятся стихи мои, как кубки,
аварским языком.

НЕ ЗРЯ

Бескрылый день на брюхе ноября
Ползет – ни дел великих, ни свершений,
И вечер пуст, и он проходит зря,
Ночь воздвигает чуткие ступени.

Я на колени встал,
чтоб совершить намаз,
подлунный мир остановился, замер –
круг суток замыкал молитвы час,
слова лились, мешаясь со слезами.

И ожила душа,
и дух мой, обновясь,
как будто взял и вышел из темницы,
и ощутил я с вечным Богом связь,
вот было что не зря –
Ему молиться!

ПОСОХ И ЧЕТКИ

Вещим пером
заостренный мой посох
пишет по жесткому грунту эпохи.
Не признает он бумаги офсетной,
Не признает однодневки газетной
Шрифт ее тухлый, буковок блохи.

Под черепицей тяжелою строк
тесно душе.
На полях, между строк,
Родины новые ритмы.
Я изменю и манеру, и слог.
Звездные четки роняет Восток,
Слово, ты станешь молитвой!

Голосом чистым поет муазнин.
Как же красив мусульманский азан!
Всюду он слышен – в полях, на скале.
Всадник, весь светлый, замер в Седле* –
снег. Пики времени тонут во мгле.

Что же, Эпоха! Я лист исписал.
Много поведал, но все не сказал
про мировое ненастье.
Смыло дорогу, а сверху обвал,
пропасть ощерилась пастью,
только вот посох меня удержал,
четки со мною, а не кинжал –
в этом всё счастье!

*Седло – гора в дагестанском Гунибе

Магомед АХМЕДОВ

Перевел с аварского языка Анатолий Аврутин

Анатолий АВРУТИН – белорусский поэт, переводчик, публицист, литературный критик. Член Союза писателей Беларуси, член Союза писателей России. Лауреат Национальной литературной премии Беларуси, лауреат Большой литературной премии России, первый лауреат Международной литературной премии им. Симеона Полоцкого (Москва, 2004), лауреат Международной литературной премии им. Сергея Есенина «О Русь, взмахни крылами...» и многих других литературных премий.

Анатолий Аврутин (в центре) с М. Ахмедовым и В. Батмановым

ЗОВ СЕРДЦА

Я жив твоей любовью, Дагестан,
Но с дрожью на тебя теперь взираю.
Тебя Аллах создал подобным раю,
А ты забыл язык, что Богом дан.
Что делать?.. Даже солнечный Хунзах –
Он языка аварского столица, –
На языке твоём устал молиться,
Да и вершит молитву впопыхах.

Неужто мы теперь уже не мы,
И рабский дух сильнее жажды счастья?
Так солнце превращается в ненастье,
Так горы превращаются в холмы.
Неужто горский дух совсем зачах
И кровь уже не буйствует под кожей?
Без языка на горцев не похожи
Те люди, что рождаются в горах.

Мой Дагестан... И сам ты был орлом,
Когда орлов пускал в полет над кручей.
Казался языков других живуче
Родной... Аварский... В свете золотом.
Не зря ты был землею Шамиля,
Чей дух и в нас присутствует незримо.
Его высоким именем хранима
До сей поры родимая земля.

Мой Дагестан!.. Я вечный пленник твой.
Но мне печаль взрывает подреберье.
Век двадцать первый нам принес безверье...
И душит, вызывая волчий вой.
Поломаны надгробья... И пусты
В родных аулах брошенные сакли.
И никуда не денешься, не так ли,
От этой бесконечной пустоты?

Мой Дагестан!.. Всевышнего молю,
Чтоб воротил он звук родимой речи,
Которая от всех страданий лечит,
В любимый край, на Родину мою.
Ну а пока – не слово, а слеза,
Не отчий дом, а рухнувшие стены.
И я стою, невзгодами согбенный,
И горечь застилает мне глаза.

БУКЕТ

Когда-то на рассвете, чтоб роса
Еще сияла в утренних соцветьях,
Я рвал цветы под птичьи голоса...
Я рвал цветы... С любовью... На рассвете...

Шептали губы что-то невпопад
Шального сердца радостному стуку,
А птицы щебетали: «Саният...» –
В том щебете ни трели про разлуку.

Я твердо знал – судьбе не прекословь!
Судьба дарила горестей немало,
Но поздняя, осенняя любовь
Меня от бед и холода спасала.

Прошло с тех пор немало трудных зим,
Мы вместе пережили эти зимы,
Всё так же тот букет неповторим,
Да и глаза твои неповторимы...

СЕЛЬСКИЕ БЕРЕЗЫ

Письма Родины – листья берёз...
В Годода моём листья кружатся...
Я к берёзе душой прислоняться
Не устал – ни в жару, ни в мороз.

Странно смотрите вы среди скал –
С белоствольной пронзительной дрожью.
Всякий раз, подходя к раздорожью,
Я березовый шепот встречал.

Мне казалось, что выросли вы
Из любви и больших расстояний.
Я встречал вас в Гунибе, в Рязани,
И в Москве, и вдали от Москвы...

Всех дороже мне те, что в горах,
Что стоят, как зеленые свечи,
И роняют листву мне на плечи,
Чтоб мой стих до поры не зачах.

* * *

Куда идти? Порой не знаю сам.
Хвале и похвале давно не верю.
На утоляет жажды мне *замзам**,
И сытость я не финиками мерю.

Вот дверь в мечеть... Себе шепчу: «Замри!»
Гадаю, воли Бога не нарушив:
Толкни туда – окажешься внутри,
Толкни сюда – окажешься снаружи...

Куда идти, коль дьявол в головах
У той толпы, что мечется, не зная –
Коль позабудут люди Божий страх,
Не будет им прощения и рая?

Стою, толпе и Родине чужой,
Стою, судьбой и горестями выжат,
На сквозняке... С измученной душой...
Шепча строку, которую не слышат.

**Замзам – вода из святого для мусульман источника*

* * *

В годами всё темнее белый свет,
Всё меньше и надежд, и ожиданий.
Из сундука давно минувших лет
Неспешно вьётся цепь воспоминаний.

Добро и зло, воюя меж собой,
Всё не сойдут с губительного круга,
Где друг на друга все идут войной –
И день на день, и давний друг на друга.

Добро, почти задушенное злом,
Потоки зла держало под прицелом.
Порою смерть мне чудилась добром
И черный смерч казался снегом белым.

Земля отцов всё делалась черней,
Изнемогая в бедах год от года.
И не осталось Родины на ней,
И не осталось Родине народа.

Гляжу на солнце, солнцем не согрет,
Не находя мучительных ответов:
Какой же я без Родины поэт?
Какая же Отчизна без поэтов?

* * *

Не верит сердце, гений постарел,
Фальшивым догмам верят равнодушно.
Почти достигнут подлости предел,
И душно жить... Бессмысленно и душно.

Что Родина? Здесь стала правдой ложь,
Забит язык и вымышлено имя...
Куда ни глянь, куда ты ни пойдёшь,
Свои края не кажутся своими.

А красота? Как верить в красоту?
Давно уже и Вечности не верю,
Когда орла сбивают на лету
И некому оплакивать потерю...

Свои молчат, а пришлый не поймёт,
Где горский дух, где славные предтечи?
Мой Дагестан, да жив ли мой народ
Без вольных песен?.. Без родимой речи?

* * *

Сгустилась мгла на скалах Дагестана,
Я снова слышу музыку вершин.
Вновь слышу клёкот гордого орлана,
Что с темнотой густеющей един.

Я снова вижу мамину фигурку
У очага, где буйствует огонь.
Отец заходит в дом, снимает бурку
И хлеб кладёт на жесткую ладонь...

Жизнь много раз уроки мне давала –
Я мира с миром не сумел достичь.
Но как же это в памяти запало –
И отчий дом, и гордый птичий клич!

Лишь дома понимаешь цену дому,
И сколько ты ни думай о другом,
Я не желаю никому другому
Родимый дом с погасшим очагом.

* * *

Весна любви побита градом,
И гром небес над головой.
Стихи, что шли с судьбою рядом,
Внутри меня, но не со мной.

Враз почерневшие деревья
Стране любви давно чужды.
А голос страсти, голос древний,
Лишь на полшага от беды.

Так что ж останется потомкам,
Коль нет слезы заплакать вслед,
А жизнь без жизни нитью тонкой
Лишь с темнотой связует свет?

Страна отцов всегда близка мне –
Здесь дорог каждый жест и взгляд.
Но только камни, только камни
Во след летят мне и летят.

У РАЗВАЛИН ГОРСКОЙ САКЛИ

Сюда заходишь – и мороз по коже,
Совсем на смерть похожа тишина.
На черноту вороньих крыл похожи
Углы... А у разбитого окна
Зачем-то тени мертвенные пляшут,
Им пустота вопросы задаёт:
Где люди, что сложили стены наши,
И где орлов над крышами полёт?
Сегодня счастье – слышать клёкот редкий,
Услышать чей-то грустный разговор.
Но здесь веками жили ваши предки,
Зачем ушли? – неясно до сих пор...
Конечно, я стара... И надоело
Здесь строить жизнь, хоть так велел Аллах.
Не нужен труд изнеженному телу,
И горский дух не нужен во дворцах...

Детей растил здесь горец... Счастье строил.
 Так жили деды, прадеды, отцы...
 Но не рождают воинов-героев
 Добытые изменою дворцы.
 Негоже, горцы, предков забывая,
 Пускать нам души горские в распыл.
 Ведь сакля – это Родина вторая.
 Забыл про саклю – Родину забыл!

МОЛИТВА

О дай, Господь, покоя хоть в конце
 Того пути, что я одолеваю.
 Даруй мне хадж... С улыбкой на лице
 Осилю я тогда дорогу к раю.

Еще, Всевышний, дух мой укрепил,
 Чтоб строчки не поникли прежде срока.
 Нет у меня богатств... Не торопи
 Умолкнуть стих, что плачет одиноко.

Слабеет зренье... Скоро я уйду...
 Погаснет жизни яркая зарница.
 Вели, Господь, земную красоту
 В зрачки вобрав, ей снова удивиться...

Пока ж, Всевышний, я тобой храним,
 Горит очаг и сердце тянет к дому,
 Не дай мне стать обузою родным,
 Не дай исчезнуть языку родному.

Когда же вознесусь я навсегда,
 Покинув мир всё с тем же чувством долга,
 Пускай померкнут звёзды и вода.
 Но только на мгновенье... Ненадолго...

* * *

Когда уйду, останется зимою
 Зима... А летом – лето, как всегда.
 Да и беда останется бедою,
 Горами – горы, а водой – вода...

Родимых гор суровые отроги
 На мост Сиратский будут походить.
 Его преодолеть дано немногим,
 Уже не мне их выпадет судить...

Вновь будут сакли рушиться без горцев,
 А горцы – забывать родной очаг.
 И с каждым днём всё меньше стихотворцев
 Вдаль понесут прозрение в очах...

Но прежде чем покину я просторы,
 Где лишь Аллах всевластен и велик,
 Молю Его оставить горцам горы,
 Родные песни и родной язык.

Владик БАТМАНОВ родился 16 октября 1995 года в селении Хорель Магарамкентского района Республики Дагестан. В 2013 году поступил на филологический факультет Дагестанского государственного университета и в социально-педагогический институт (заочно), затем продолжил учебу в магистратуре. Автор нескольких поэтических сборников, секретарь правления Союза писателей Республики Дагестан, является руководителем секции лезгинских писателей СП РД и редактором лезгинской передачи «Вахтар ва инсанар» (Времена и люди) на РГВК «Дагестан».

Член Союза писателей России с 2018 года.
Живет в Махачкале.

ИДУ НА СВЕТ

РОДИНА

Приходят в сны вершины чёрных скал,
Разлив полей и сладкий плеск Шир-Шира.
Я здесь, воды напившись, выросал –
Здесь Родина, здесь музыка, здесь Лира.

Меня цветы стараются обнять,
Так мать ребёнка нежно обнимала.
Здесь восхищаться или восхищать –
Для Родины всех слов прекрасных мало.

Здесь горы вековую седину
Своих вершин в преданья обращали.
Есть много стран... Но вижу я одну –
Мой Дагестан... С улыбкой и в печали.

Ему спокойно за моей спиной!
Здесь в клёкоте орлов слышна молитва,
И голос мамы слышится родной,
И братья есть, готовые на битву.

Мне нравится здесь даже и сорняк,
Да и крапива рук не обжигает.
В горах я сделал самый первый шаг.
Иду на свет... А свет во тьме не тает...

ОСИРОТЕЮ Я...

Что жизнь порой не сложится – не ново,
Любовь проходит, душу беребя.
Но если вдруг полюбишь ты другого,
Я сиротой почувствую себя.

С тобой в строке неистовствует слово,
Лишь о тебе Всевышнего молю.
Но если вдруг полюбишь ты другого,
Я всё равно тебя не разлюблю.

ЛЮБИМАЯ

Я слышал от людей – любовь пьянит,
Особенно когда она взаимна.
Любимая... Мне сердце говорит:
Твоя любовь – величественней гимна!

Когда берешь ты *за* руку меня,
Я чувствую, что бархатная кожа
Твоей ладони – сполохом огня
В моей душе все клеточки тревожит.

У нас с тобой, в жару и в холода,
Теперь одна, любимая, дорога.
И если в небе есть одна звезда,
То это ты мне светишь, недотрога.

Я был спокоен... Где теперь покой?
Лишь о тебе я думаю ночами.
Ты – боль моя, ты – тихий голос мой,
Ты – ангел мой, стоящий за плечами.

Ты – всё мое... И боль моя, и крик,
И небеса, что властвуют над криком.
И сам я лишь любви своей двойник,
В страдании, любви равновеликом.

Люблю тебя... И с каждым днем – вдвойне.
Хочу, чтоб ты всегда звездой сияла,
И чтоб твоя звезда в моём окне
Отныне никогда не угасала.

КОГДА БОЛЕЕТ МАМА

Когда болеет мама, я – слепой,
Моя душа пустеет, будто яма.
Я сутками не сплю, я сам не свой,
Я болен сам, когда болеет мама.

Не хочется ни пить мне и ни есть,
Сижусь один и думаю упрямо,
Чтоб ангел мне принёс благую весть,
Чтоб всё прошло, чтоб выздоровела мама.

Любимой улыбнуться нету сил,
И в сердце нескончаемая драма.
Всевышнего молю, чтоб сохранил
Он мамочку мою... Болеет мама.

Мне полднем ярким чудится – темно.
Лекарства и шприцы... Кардиограмма...
Болеет мама... Свет не льёт в окно –
В душе темно, когда болеет мама.

Мне в жизни больше нечего хотеть,
Я вас молю, великие имамы,
Чтоб нашим мамам больше не болеть,
Чтоб все на свете здравствовали мамы.

СУЛЕЙМАН И АЛИРЗА

Сулейман мне первый стих принёс,
Розы засветились от росы.
Для любимой семь букетов роз
Я собрал из сада Алирзы.

– Что стихи? В стихах один обман,
Росказни для маленьких ребят.
Сможешь так, как прежде – Сулейман? –
Бабушка спросила, Рабият.

Ничего в ответ я не сказал,
Споры – не в натуре мусульман.
Строчку б написать, как Алирза,
Строчку б написать, как Сулейман...

МЕНЯЮТСЯ ЛЮДИ

Никто овец сегодня не пасёт,
Пусты поля... Пастух не занят делом.
И горец наш совсем уже не тот,
Он стал ленивым, злым и неумелым.

А добродетель? Кажется глупцом
Тот, кто другим поможет благодушно.
И каждый нынче думает о том,
Как даром получить всё то, что нужно.

Слабак вчерашний вышел в силачи,
Он мудрых и седых не почитает.
Седому старцу бросит: «Замолчи!»
И мудрости на ус не наматает.

Уже запеть боится соловей,
Когда повсюду каркают вороны.
И женственность убита... Всё смелей
Спешат нарушить горские законы.

А молодежь? Такая молодежь...
Ей конопли б да девушек горячих...
Неужто в бой с такими вот пойдешь?
Скажи, Господь, как всё переиначить?

ДОРОЖИ СВОИМ МУЖЕСТВОМ

Красавицу увидев, не теряй,
Влюбленный, восхищенного рассудка.
Заговорит с тобою – отвечай
С достоинством, но вежливо и чутко.

Ни честь свою, ни мужество своё
Швырять к ногам красавицы не надо.
Слегка навеселе? – Храни чутьё,
Не покупайся ласковостью взгляда.

Пусть женщины восторженно глядят
Как ты идешь, вниманием увенчан.
Но помни, горец, если ты женат,
Жена твоя превыше этих женщин.

Будь мудрым сам и мудрости учись
Нет для мужчины лучшего удела.
Не в силах что-то сделать – не берись,
Гораздо хуже – взяться и не сделать!

Не презирай других... Будь честен! Ведь
Шагая к смерти курсом неизменным,
Для горца лучше с честью умереть,
Чем жить бесчестным, подлым и презренным!

*Перевел с лезгинского языка
Анатолий АВРУТИН*

Анатолий ПИРОГОВ (1929–2019), книголюб, краевед, речной капитан.

ПРОЩАЙ, РОДИМАЯ СТОРОНКА...

*Как это было! Как совпало
Война, беда, мечта и юность!..*

Д. Самойлов

Летом 1947 года я собрал документы и выслал их вместе с заявлением в речное училище, в город Горький. Вскоре пришел вызов: надо было приехать в училище, имея заключение медкомиссии о здоровье.

Я узнал о постоянно действующей комиссии при военкомате и не мешкая отправился в село Мамыкино – так именовался наш райцентр. Автотранспорта в те годы не было и в помине, никто не имел об этом и представления. Сельские жители знали только один способ передвижения – пешком. Дорога была неблизкая, но вполне для меня привычная. Тогда я работал счетоводом в своем колхозе, и мне часто – не менее двух раз в месяц – приходилось по колхозным делам бывать в районных учреждениях. Отмахав привычные 30 километров, к полудню был уже в военкомате. Здесь мне выписали направление на комиссию, которая находилась при районной больнице. В ней малоллюдно – день уже на исходе, и я сходу попадаю к врачам. Довольно бойко прохожу глазного и невропатолога. А в следующем кабинете, уха-горла, чуть было не случился прокол. Докторша обнаружила в левом ухе и извлекла оттуда... засохшего таракана! Надо же так оконфузиться – пришел к врачу с такой тварью в ухе!

– Доктор, мне так неловко перед вами – хоть провались, – бормочу я. – И что же теперь? Неужели негоден?

– Понимаю ваш конфуз... Только не надо стыдиться врача: он всегда ваш союзник против недуга. И хорошо, что мы нашли это злосчастное насекомое.

И теперь с ушами все у вас в норме. И... – счастливо-го вам пути.

С трепетом в душе получаю заветную пометку «годен» и спешу в следующий – уже последний кабинет. Здесь меня осмотрели, прослушали, простукали терапевт и хирург – врачи – мужчины. Тот, что постарше, – хирург. Он же председатель комиссии. Он задал несколько вопросов общего характера:

- Тебе восемнадцать – где работаешь?
- В колхозе – счетоводом.
- Молодцом! Где родители?
- Отец погиб, живем с матерью.
- А сколько вас у матери?
- Четверо.

Были еще вопросы:

- Болел ли корью?
- Да.
- Малярией?
- Да, болел.

Потом сказали: «Все. Можешь одеваться. Позовем – жди».

Вышел в прихожую, оделся, сел. И тут через щелку неплотно прикрытой двери слышу негромкий разговор врачей:

– Итак, коллега – что вы скажете? – это голос старшего.

– Сердце и легкие в норме. Внешний анализ менее благоприятен: худоба тела заметно контрастирует с полнотой лица. И потому допускаю, что это отечность и наличие дистрофии, – заключает терапевт.

– Парень, понятно, худоват: вес его отстаёт от роста. Даже за дорогу в 30 километров он потерял не менее полутора кило. И потому – дистрофию исключаем! А что лицо полное – просто оно еще сохранило детскую округлость – вот и все! – решает старший.

– И что пишем? Здоров и годен? – это голос терапевта.

– Да! Именно так. Пусть едет в свое речное училище и там откармливается.

Через минуту слышу – зовут: «Входите».

Председатель встал из-за стола, подошел с бумагой ко мне:

– Вот тебе документ: здоров, годен. Держи... Поздравляю.

Он пожал мне руку: «Счастливого пути!». А потом спохватился и весело рассмеялся:

– Да, мы совсем забыли, что благословляем будущего капитана! И потому желаем счастливого плавания!

Подошел и терапевт – тоже подал руку:

– Поздравляю! Счастливого плавания.

Вернувшись домой, я рассказал обо всем своим домашним. Мать спросила:

– Когда ты должен явиться в училище?

– Через восемь дней – к 1 августа.

– К этому времени тебя надо покормить, чтобы о голодных отеках врачи не могли и подумать.

– Чем подкармливать-то?

– Зарежем теленка – ему уже три месяца, – решительно сказала мама.

Все были согласны. Даже семилетняя Нина – младшая сестренка – изрекла:

– Теленочка жалко, но Толю жалче.

Так по семейному решению бедное животное

было принесено в жертву ради моего будущего. Спустя неделю, подкормленный свежей телятиной, я распрощался с теми, кого оставлял дома: мамой, бабушкой, сестренками Валей и Ниной, братом Генной – и, вскинув солдатский вещмешок, набитый ржаными булками, двинулся, как всегда, пешим порядком к ближайшей волжской пристани – Переволоки. Впереди – 70 километров – два дня пути. Думалось и вспоминалось в том путевом одиночестве только о прошлом...

За моей спиной уже восемнадцать лет жизни. Двенадцать из них – счастливые. Потому что в мирное время и, главное, – с отцом.

В автобиографии, сохранившейся в его бумагах, он писал: «Род занятий родителей – хлебопашество». По сельским меркам отец слыл грамотным: он кончил трехклассную дореволюционную школу, которая давала более основательные знания в счете и чистописании, чем начальная четырехклассная школа моего времени. Согласно семейным преданиям, именно по грамотности отцу суждено было стать первым председателем колхоза, созданного в начале 1931 года в нашей деревне Исенево (Татарстан, Октябрьский район.) Но в коллективном хлебопашестве Алексей Максимович не преуспел: в 1933 году он вышел из колхоза и подался, как тогда говорили, в отходничество. Мы переехали в лесхоз, где отец начал работать конторским служащим – сначала счетоводом, затем бухгалтером. Дом в деревне сдали внаем без всякой платы – с условием надзора и присмотра за всем дворовым хозяйством. Такие домовладельцы – «отходники» – были не в чести у сельсоветов, и вскоре от властей отец получил предупреждение: во избежание реквизиции дома властями – немедленно продать его. Запомнилось мне это потому, что родители вели разговор о цене дома – 1000 рублей. На них отец мог в то время купить велосипед, который стоил 700 рублей. Дом продали, но «самокат» так и не купили – видимо, деньги ушли на расходы более насущные. Помню, было это в 1936 году, мне было 7 лет.

По мере своего взросления я все больше привязывался к отцу. Он увлекался рыбалкой, и летом мы не мыслили ни единого дня без вечернего уженья. В 1941 г. я окончил четвертый класс, и 29 мая мне вручили похвальную грамоту. Это единственный документ, который тогда, в 1941 г., держал в своих руках папа и который мне удалось с тех пор сохранить...

Папе была суждена короткая жизнь: в декабре 1941 года в тридцатитрехлетнем возрасте он погиб под Москвой. Горечь и тоска по погибшему отцу вошли в мое мальчишеское сознание в те далекие годы и остались во мне навсегда.

С годами я только больше осознавал непостижимость этой утраты. Многие действия и поступки отца, которые я мог видеть, будучи рядом с ним, осмысливаются мной до сих пор. Только отец был единственным на нашем лесхозовском кордоне (поселке) подписчиком на книги серии «ЖЗЛ» и «Библиотеки журнала «Огонек» в течение четырех предвоенных лет, а затем – и на журнал «Литературная учеба». За два года до войны, в 1939 году, он поступил в заочную среднюю школу. Случай на кордоне тоже небывалый. Его духовные интересы, устремления запали в мое существо, стали

со временем достоянием моей души. Мое восприятие мира, отношение к прошлому, к истории и то, что во мне достойно внимания окружающих и вызывает какой-то интерес, – всем этим я обязан отцу – его до обидного короткой жизни, трагической судьбе и памяти. Мне очень понятны строки стихов Д. Самойлова:

Как это было! Как совпало –
Война, беда, мечта и юность!
И это все в меня запало
И лишь потом во мне очнулось!

Исполняя последний наказ отца, мы – мама и четверо детей от двенадцати до двух лет – в августе 1941 года переехали в родную деревню, в дом бабушки по матери.

И потекли годы военного лихолетья. Их особенность заключалась в том, что личное подворье в деревне – дом, огород, домашний скот – обеспечивался только радением женщин и детей, их мускульной силой. На них легли все тягловые, по сути, лошадиные усилия. Дети и женщины тянули санки, тележки, – с дровами, сеном, – впрягались в плуги и пахали огороды. Все это – на пределе человеческих сил. И никуда от этого не деться, потому что поголовье колхозных лошадей постоянно убывало от худобы и неухоженности, от болезней, – всего того, что характерно для общественного конского поголовья. С начала войны постепенно беднел и скудел конский корм – овес совершенно исчез из конского рациона. Слабых животных одолевали и изводили неслыханные болезни: менингит, чесотка. Но самым главным бичом был, конечно, недокорм. Если осенью 1941 года на конном дворе еще было более полусотни лошадей, то к концу 1945 года в колхозе числилось 27 голов.

Так что на личные нужды колхозников лошадей не давали – хоть убейся. И это было нормой. Как и то, что работа в колхозе не оплачивалась ничем. Хлеб, возвращенный в колхозе, вывозился, сдавался государству. В колхозных амбарах оставался только семенной фонд – неприкосновенный.

Вся надежда и спасение колхозников составляла картошка со своего огорода – только она! В первую военную зиму мама меняла все довоенные костюмы, пальто, обувь отца, что-то из общих запасов и сумела печь хлеб в течение всей зимы. В следующем году хлеб в доме пекли только до половины зимы. А на третью зиму его не пекли совсем. Мне нечего было брать с собой в школу, чтобы там подкрепиться. Школа была в соседней деревне, в 4 км от нас. Дороги зимой туда не было, приходилось ходить на лыжах. Морозы, недоедание, угнетающая беспросветность – все это было мучительно, но страдала от этого и мама. Я видел это по утрам, когда она собирала меня в школу. Однажды она расплакалась: «Вижу, как тебе стужено и голодно. И молока-то не нальешь – замерзнет. Что же делать?... Слушай, может, годик переждем со школой?» Так я перестал учиться.

К весне 1944 года наступили исключительно тяжелые времена – 1943 год был низкоурожайным годом. Из-за отсутствия хлеба запасы картошки тоже катастрофически иссякали. Голод толкал людей на потребление в пищу самых немислимых растений.

По деревне пошел слух о съедобности сережек лесного орешника (лещины). В середине марта по весеннему насту мы тоже бросились в лес на сбор сережек. Мы с мамой тоже набрали этого добра, высушили, перемололи на ручной мельнице, а потом испекли, скрепив малой толикой муки, лепешки. Они были, против ожидания, черные и отвратительные. К тому же необыкновенно жесткие. Мама сказала: «Чего же ты ждешь: это ведь дерево, но не злак». Больше орешник не потребляли.

Добывали крахмал из картошки, не собранной в поле осенью и оставленной под снегом. В такой картофелине за зиму клетчатка сгнивает, а крахмал остается в оболочке. Эти мерзлые комочки собирали, как только с поля сойдет снег, очищали от оболочки, промывали и отстаивали оседающий на дно посуды крахмал. Лепешки из него, хоть и были сероватыми от земли, но все-таки казались более съедобными.

Умерли от голода наши близкие: брат моего дедушки Василий Петрович и моя тетька Евдокия Максимовна. Правда, про нее говорили, что она употребляла пищу, приготовленную из зерна, перезимовавшего в колосках под снегом. Помню плакат, выпущенный позднее республиканским Наркомздравом, который разъяснял о болезни, вызываемой таким зерном, – септической ангине.

В деревне той весной, по моим сведениям, умерло девять взрослых человек, которых я хорошо знал. Помню, какая безысходность и отрешенность царил тогда в деревне.

Все было как-то приглушенным, беззвучным – не слышалось ни песен, ни громких разговоров, люди отвыкли смеяться. Всеми – взрослыми и детьми – овладели тоска, безучастность, апатия.

В мае два наших «красных» колхоза – «Красное знамя» и «Красная звезда» были буквально потрясены смертью своих председателей, правда, к тому времени бывших – они умерли на одной неделе. Мне приходилось знать их. В начале войны они председательствовали: Егоров – в «Знамени», Туганов – в «Звезде». В 1942 году они за какие-то упущения были сняты районными властями со своих постов (в этом случае снималась и бронь от призыва в армию) и отправлены по мобилизации на трудовой фронт, т.е. на завод или другое промышленное производство.

Через два года оба они по состоянию здоровья были комиссованы и вернулись домой. Одного из них, Туганова, я видел, когда он, возвращаясь домой, подошел к сельсовету и присел отдохнуть. В этом изможденном, худом старике не было ничего, что напоминало бы живого, бойкого и «ругливого» Туганова. Он был так немощен, что еле говорил.

Дома его никто не ждал – ни жена, ни дети – они голодали. Так жена и сказала: «Ты нам не нужен – кормить тебя нечем». Туганов и сам видел это. На другой день, оставшись дома один и, найдя ножовку, начал пилить ею горло. Сил довести задуманное до конца не хватило, и он, истекая кровью, медленно умирал. Об этом потом рассказывал председатель сельсовета Аркадий Андреевич Мозохин, которого вместе с фельдшером позвали к еще живому Туганову. На их руках он тихо и умер.

А второй председатель – Егоров в те же майские

дни, вернувшись домой к пустому очагу и больной жене на нетопленной печи, вскоре умер, ни разу не выйдя из дома. Почему же колхозники так страдали, умирали от голода, подобно блокадникам, хотя и не были в блокаде и жили вдаль от военных действий?

Все очень просто: к ноябрю 1941 года страна перешла на карточную систему снабжения продуктами рабочих и служащих. И это сотворяется в государстве, о котором десятками лет твердили – «страна рабочих и крестьян»! Колхозников из снабжения продуктами исключили! Главных радетелей хлебной нивы исключили из системы, гарантировавшей людям хлебный паек – пусть даже самый малый – на такой чрезвычайный случай, как война.

«История Отечественной войны» одной строчкой, бесстрастно, отмечает этот позорный факт: «Население, связанное с сельским хозяйством, не принимало на государственное снабжение продуктами питания» (История Отечественной войны, т. 2, 1964 г., стр. 550). И все, больше никаких мотиваций.

Знаю это на своем опыте: отец ушел в армию из рядов служащих (заметьте – не колхозником). И это дало нам, как семье служащего, право: даже живя в колхозе, получать всю войну хлебный паек (муку). Каким бы он ни был малым (нам полагалось по категории иждивенческой), но он, несомненно, выручал нас, помогал сводить концы с концами. Право же, мы не могли не ощущать себя более везучими, чем семьи колхозников.

Такие факты обязательно откладываются в сознании не только отдельного человека. Они копят в народной памяти. Потому и обезлюдели деревни, земля потеряла своих радетелей – крестьян. В них большевики видели только кулаков...

И снова я в прошлом, в 1944 году. Как у Николая Рубцова:

*Память возвращается как птица,
В то гнездо, в котором родилась...*

Надо сказать, что почти все, кто отправился из нашей большой родни на фронт, к тому времени были уже убиты. Не уцелел никто: отец, его двоюродные братья Пироговы – Александр, Петр, Владимир, Василий, Егор, племянники – Николай и Василий; двоюродные братья (по бабушке) – Иван, Степан, Николай – Петровы.

А.А. Пирогов

Не вернулся никто – погибли все 11 человек, ушли и сгинули...

И каждый из них в самой разной мере запечатлелся в моей мальчишеской памяти. В деревне мы часто виделись, а потом я друг за другом их всех и проводил на фронт – в 1941, 1942, 1943 годах...

Летом 1944 года мне предложили работу – учетчиком-заправщиком тракторной бригады МТС (машинно-тракторной станции). Существовала в то время такая государственная организация, обслуживающая на договорных условиях колхозы. Я измерял и учитывал все сельскохозяйственные работы – пахоту, боронование, сев, затем комбайновую уборку хлебов и снова пахоту и сев озимых. Разумеется, вел также учет горюче-смазочных материалов.

С тех пор я навсегда запомнил, какие скудные и горькие урожаи зерновых были у нас в военные годы: рожь намолачивали

до 9 центнеров с гектара, пшеницу – до 6 центнеров с гектара. Зимой 1945 года председатель соседнего колхоза «Красная звезда» дядя Ефим Гурьянов, зная меня по работе в тракторной бригаде, предложил мне должность счетовода колхоза на очень выгодных для меня условиях: пуд муки (16 килограммов) в месяц и пол-литра молока – каждый день – на обед. Я согласился без всяких колебаний. Мама тоже ликовала: мы можем тратить полкило в день, пусть на всех и пусть ржаной, но муки, а не лебеды! Это было нашим спасением!

Крестьянское хозяйство военных лет – это чаще всего двор с погнившей соломенной кровлей, старые постройки, убогость, запустение. Дворы стали ветшать, приходило в упадок с началом коллективизации, когда крестьяне лишились не только своего надела в поле, но с их дворов свели на общий колхозный двор лошадей, первейших, неоценимых помощников человека на земле! Надо ли говорить, что конь был в услужении человека еще до изобретения колеса!

С началом войны, с поголовным призывом мужчин в армию, в деревне остались в основном вдовы с малыми детьми. Во многих домах и с дровами еле-еле перебивались, доживая порой до последнего полена.

Через дом от нас жила с четырьмя детьми пожилая вдова – тетя Маруся Семенова. В семье был только один мужчина – Ваня, мальчик старше меня

на год. Зимой 1943 года пятнадцатилетнего Ванюшку назначили колхозным конюхом. Понятно, что здесь у него была возможность в нерабочее время, по ночам, без ведома начальства, что-то перевезти на лошади. Однажды морозной зимой ночью Ваня, никого не уведомив, запряг лошадь и поехал в лес. Найдя заготовленные кем-то дрова, он загрузил сани – дровни, увязал воз и двинулся в обратный путь. На лесной дороге – мягкой, неупотанной – высокозагруженные сани завалились набок, и лошадь встала. Ваня, понукая лошадь, подпер дровни, которые еще больше накренились и придавили Ваню под себя. Так он и замерз под дровами. Его спохватились и нашли только утром. Лошадь, простоявшая без движения в упряжи всю ночь, тоже позднее погибла.

Другая трагедия – тоже с дровяными мытарствами – случилась позднее, зимой 1945 года. Паша Долгова, сорокалетняя вдова с тремя детьми, в один из январских дней обнаружила, что дрова в поленице на исходе – хватит только на одну-две протопки. Время перевалило за полдень, Паша видела это по солнцу, – часов дома не было – и она решила: до наступления темноты остается около четырех с лишним часов. Этого времени должно хватить, чтобы дойти с санками до леса, погрузить дрова – совсем немного уместится на санках – и вернуться к сумеркам домой, когда старшая дочь Валя, скотница на ферме, тоже возвращается с работы.

Начало темнеть. Валя пришла домой. Младшие девочки сказали, что мама ушла в лес, за дровами. Предчувствуя неладное, Валя побежала к дяде Ефиму Гурьянову, председателю колхоза. Он быстро собрал группу молодых женщин и ребят постарше. Вооружившись фонарями, они побежали в лес. Оказалось, что Паша заблудилась в многочисленных санных дорожках. Выбившись из сил, она бросила санки и пошла наугад по снежной целине, раздирая в снегу все, что было на ногах: лапти, онучи, носки...

С обмороженными ногами ее привезли в деревню и отправили – теперь уже на лошади – в больницу, в Чулпаново, что в 20 километрах от нас.

Летом, уже после мая 1945 года, я увидел Пашу Долгову. Она сидела в самодельной инвалидной тележке возле дома. Обе ее ноги были ампутированы выше колен. Паша узнала меня, мы перекинулись несколькими фразами, и я, глотая слезы, быстро отошел от нее.

Дядя Ефим – так его все звали – Ефим Петрович Гурьянов, наш председатель колхоза. Под его началом я проработал два с половиной года. Колхоз он возглавил во время войны. Его основная сельская профессия – ветеринарный фельдшер. «Коновал» – так он иногда себя называл. В первую мировую он служил тоже по ветеринарной части в кавалерийском эскадроне.

Во время моих с ним поездок в районный центр мне приходилось узнавать немало удивительного, о чем мне до того не приходилось ни читать, ни слышать.

Так Ефим Петрович, рассказывая о военной службе, вспомнил о случае в Екатеринославе, где стоял его полк.

– Город этот запомнился мне интересным случаем. В одной из приднепровских слободок, на

улице, по которой я проходил – малолюдной, заросшей травой – мне повстречался ... царевич!

– Какой такой царевич? – изумился я.

– Царевич Алексей Николаевич, царский наследник.

– Как же вы его увидели? Охрана, поди, такая, что и близко не подпускала.

– Не было охраны никакой, кроме матроса. Говорили потом, что матрос был и нянькой, и охранником. Наследник шел впереди. Аккуратный такой мальчик в форме.

Фуражка, гимнастерка, сапожки хромовые – маленький солдатик. В руках – офицерский хлыстик, которым он ловко сбивал растущие на обочине то ромашки, то одуванчики – что попадетса на пути... Вот такая была встреча.

Помню, я слушал тогда Ефима Петровича с некоторым комсомольским недоверием – мол, погибает старик... Только много-много лет спустя я узнал о судьбе цесаревича Алексея и его няньки – матроса Нагорного, расстрелянных в 1918 году в Екатеринбурге.

Ефим Петрович отлично знал состояние коневодства – доколхозного.

– Все колхозные земли – это бывшие владения нашей сельской общины. В нашем околотке не было помещиков, и земля была разделена на отдельные подворные наделы. Вся пахотная площадь обрабатывалась крестьянами только конными орудиями – плугами и боронами. Считалось, что в Поволжье одна лошадь в среднем приходится на пять человек, то есть одна лошадь – на семью, на один двор. Учитывая безлошадных, в деревне на 100 дворов насчитывалось до 80-90 лошадей. И крестьянство получало столько товарного зерна, что с избытком хватало на потребности государства. Даже во время Русско-германской войны 1914–1917 годов не было и помину о введении карточной системы. Казна покупала зерно у крестьян по рыночной цене. Переход на твердые цены так и остался только разговором в Государственной думе.

А сегодня история такая. В колхозах извелся, вывелся почти весь лошадиный табун. Из 70 голов в начале войны сейчас имеем 27. На поле – трактора, которые работают от МТС, т.е. от государства. Зерно из колхоза увозится по обязательным поставкам за земли – пахотные и пастбищные – и за работу МТС. Колхозникам на трудодни потому ничего и не достается.

– Вот мы обсуждали рабочий план на весенний сев. Планируем закончить его за 9 дней. А мы с помощью МТС закончим его – отсеемся за месяц: у них тоже не хватает тракторов, запчастей. Отсюда – поздние всходы, сорняки пойдут. Какие тут будут урожаи! А государству в любом случае надо сдавать поставки – они так и называются – обязательные. Правда, считается, что государство нам платит. Помнишь, сколько за центнер?

– Помню, конечно, Ефим Петрович. За овес – 3 рубля 80 копеек за 1 центнер, рожь – 8 рублей, пшеница – 10 рублей. Соответственно, нам государство платит за килограмм овса 3,8 копейки, килограмм ржи – 8 копеек, килограмм пшеницы – 10 копеек.

Именно так государство рассчитывалось с колхозами. И колхозники ничего, кроме записанных

трудодней, не получали. Памятен для меня случай, который произошел со мной однажды в Горьком, на Казанском вокзале. Продвигаясь между деревянными диванами для пассажиров, я столкнулся с молодым мужчиной – по виду рабочим. Мы оба при этом замешкались – куда же уклониться. И этот, надо думать, городской пролетарий презрительно бросил мне: «Ну-ка, посторонись, Иван с трудоднями!» Он, этот городской забуддыга, был в сущности прав: колхозник тогда и паспорта не имел. Были одни трудодни! Крепостной с... трудоднями.

Нелепость, укоренившаяся с организацией колхозов: голод начинается в деревне! Там, где хлеб выращивают! Неужели об этом не задумывались в высоких сферах, где затеяли, «замесили» коллективизацию? Много раз я задумывался над этим, искал ответ в исторических источниках. И все-таки нашел в издании предельно идеологизированном – «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза 1941 – 1945» (Военное издательство, 1964) – что-то объективное. Что-то! Привожу строки со страницы 187 этой книги:

«Большой вред сельскому хозяйству страны наносила действовавшая в то время система планирования работ МТС и расчетов с ними, при которой МТС не были заинтересованы в подъеме урожайности и валового сбора зерна. Кроме того, принцип исчисления обязательных поставок колхозами сельхозпродукции с каждого гектара колхозной земли, оправдавший себя в довоенный период, в трудных условиях войны становился нецелесообразным из-за резкого ослабления материально-технической базы колхозов и острого недостатка рабочей силы...»

«Для многоземельных колхозов земля стала в тягость, – писал в декабре 1943 г. на имя Сталина секретарь ЦК ВКП(б) А.А. Андреев, – и они никак не могут выбраться из трудного положения, рассчитаться с государством и выдать зерно на трудодни колхозникам. Бесперспективность и постоянные долги государству в таких колхозах дезорганизуют их внутреннюю обстановку, подрывают дисциплину».

Оказывается, о чем-то думали вершители советской погоды. Только думали... «Я историю излагаю», – писал в своих стихах известный поэт – фронтовик Борис Слуцкий.

Потрясают его строки о деревне:

Когда в деревне голодали
И в городе недоедали...
За городской чертой кончались
Больница, карточки, талон,
И мир села сидел, отчаясь,

С пустым горшком, пустым столом,
Пустым амбаром и овином,
Со взором, скорбным и пустым,
Отцом оставленный и сыном
И духом брошенный святым...

В течение всех лет – с 1941 по 1947 год, – кото-рые я прожил в деревне, хлеб на трудодни колхозникам не выдавали совсем.

Время шло, я вырос, и мне все чаще вспоминались прощальные слова отца, сказанные мне в день ухода в армию 9 августа 1941 года: «Ты остаешься в доме старшим мужчиной. Помогай матери.

И учись. Обязательно учись. Поверь мне: у тебя это получается». Месяцем раньше меня сфотографировали в группе отличников нашей школы и поместили снимок в районной газете. Надо было видеть, как папа носился с этой газетой. «Смотри, Катя, ну, смотри же, – обращался он к маме – это же наш Толя в газете, Толя среди отличников!»

А что сегодня Толя? – спрашивал я себя в конце 1946 года – спустя два года после того, как бросил школу – ушел из седьмого класса. Ответ напрашивался один: Толя теперь обратился в Митрофанушку, в неуча, – по-другому оценивать свои заторможенные ученические качества я был не вправе. Хорошо помню, что не обольщался своим будущим счетоводством, сознавая необходимость ставить перед собой планку повыше – получить среднее техническое образование. Но сначала надо освоить оборванную «семилетку» – без этого нет хода никуда! Но как явиться в школу семнадцатилетним «недорослем»? Хотя бы вечерняя школа была, но она существовала только в городе!

И все-таки, кроме меня и мамы, жил в мире человек, разделявший все беспокойства о моем будущем. Это была моя учительница по русскому языку и литературе Фекла Евдокимовна Законова. Случайно встретившись со мной в райисполкоме, где мы были по своим служебным делам, Фекла Евдокимовна первой заговорила о том, что не выходило у меня из головы в последнее время – о моей несвершившейся «семилетке».

В этом разговоре, совсем не кратком, от Феклы Евдокимовны я услышал слово «экстернат» – книжное и, разумеется, далекое от моей житейской практики. Однако именно это слово определило мои действия в ближайшем будущем.

– Сдашь экзамены экстерном – это разрешено. Ты будешь первым у нас в этом деле. Готовься. Я на тебя очень надеюсь, – говорила Фекла Евдокимовна, подытоживая разговор. – А я уже завтра буду говорить с директором обо всем. Пыжикова ты знаешь. Он тебя тоже помнит – и не только с моих слов.

Вернувшись домой, я побывал в Кирпичном, в школе. Написал заявление, получил разрешение на сдачу экзаменов экстерном. Затем начал готовиться, бывал часто на консультациях – делал то, о чем говорила Фекла Евдокимовна – мой ангел-хранитель, моя спасительница.

Через три с лишним месяца – в мае – я сдавал экзамены. Рядом с нормальными школьниками я ощущал себя дядей – таким заблудившимся великовозрастным школяром. Сдал все предметы с одной оценкой – «отлично», и только один из класса удостоился похвальной грамоты.

Эта оценка смутила меня. Мне казалось, что она может вызвать чувство неловкости у моих «одноклассников», и я не пошел на общий классный сбор, где выдавали школьные свидетельства. Мне прислали записку, когда я могу прийти за документами.

В школе было безлюдно. В кабинете директора были А.А. Пыжиков и Фекла Евдокимовна. О чем-то поговорили, а потом Алексей Александрович вынул из сейфа свидетельство и похвальную грамоту и с большим чувством, волнуясь, поздравил меня:

– От души поздравляю с окончанием школы. Жаль только, что война растянула Ваши школьные

годы: в 1944 году я, молодой учитель, обращался к Вам на «ты», а сегодня – уже на «Вы». Знаю, что в войну Вы потеряли отца. Боль эта – непреходяща и неизбывна. Но знаю и то, что Вы не потеряли в себе стремления развить лучшее, что дано человеку. Счастливого пути.

Фекла Евдокимовна была немногословна:

– Я тоже давно тебя знаю – с 1942 года. И я всегда верила в тебя. Ты был моей гордостью, Толя.

Она обняла, поцеловала меня и добавила:

– Будь счастлив. С Богом!

Итак, куда поступаю учиться? Только туда, где «кормят и одевают». Мой выбор – речное училище в Горьком. Хотя я и вырос в лесном крае, вдали от Волги и не совсем представлял будущую судоводительскую профессию, но в ней впоследствии не разочаровался. Училище отличалось хорошими флотскими традициями. В нем работали замечательные преподаватели. На некоторых из них лег отсвет истории. Математик Д.Н. Зарослов в Петербургском университете занимался в студенческом радиокружке, созданном изобретателем радио А.С. Поповым. Инженер В.И. Докучаев был в молодости сверстником и другом выдающегося летчика П.Н. Нестерова, известного своей «мертвой петлей».

Уважение к своей профессии заложил в нас А.И. Яковлев, завораживавший своими рассказами о службе вместе с адмиралом С.О. Макаровым.

А глубокое понимание словесности, литературы привила нам А.С. Павельева – в прошлом выпускница Высших женских курсов в Петербурге, слышавшая Ахматову, Блока. Мне никогда не забыть того высокого духа, который царил в стенах нашего училища. К моей немалой радости, я окончил его с отличием и был направлен в 1952 году в Волго-Донское пароходство по специальности судоводителя. В 1956 году переехал в Ульяновск и по 1991 год работал в речном порту капитаном на различных судах.

Книга – давнее мое увлечение. Оно привело меня в 1970 году в городской клуб любителей книги «Прометей», в работе которого я участвовал в течение тридцати лет. Мне особенно близки и дороги поэты военного поколения, творчество А. Блока, И. Бунина, К. Паустовского, Н. Рубцова. Меня влекут места, связанные с жизнью любимых писателей. Я не раз бывал в блоковском Шахматове, на родине Паустовского, в рубцовой Вологде, выступал с любимыми темами как в Ульяновске, так и в самых разных местах.

Неравнодушие к литературе и истории помогло мне заинтересовать общественность и ведомства речного флота в необходимости присвоения судам имен известных исторических личностей. Так появились теплоходы «Комдив Гай», «А. Блок», «Н. Карамзин».

Очень горжусь своей дружбой с коллективом работников московского музея-центра К.Г. Паустовского, которая продолжается с 1981 года. С 1989 года являюсь почетным членом музейного клуба «Золотая роза».

Ну а кто не вернется? Кому долюбить не придется?

Ну а кто в сорок первом пулей сражен?

С. Гудзенко

Годы, прожитые в деревне, – с начала войны до отъезда в училище – это постоянные заботы о хлебе насущном, годы радений, неудач, преодолений, потерь, страданий – все во имя того, чтобы удержаться на плаву, выжить на этом свете, где тебе довелось родиться.

Хотя мне и суждено было дожидаться Победных дней, но, как писал поэт Борис Слуцкий:

Счастья все ж они не принесли...

Не боюсь оказаться неправым в своих суждениях – они, как и у многих, бывают субъективными, но считаю: счастье всегда обходило меня, ускользало из рук. А вот удовлетворение от совершенного мною – такое, на которое подвигнуло меня высокое чувство, – такое довольство своим свершением у меня случалось.

В конце февраля 1946 года возвратился домой, в нашу деревню, один из последних участников войны с Германией – Сергей Васильевич Гурьянов (однофамилец председателя). Вскоре мне привелось в одном из своих вояжей в райцентр быть попутчиком солдата. Он шел в военкомат, чтобы стать на воинский учет. Понятно, что дорожный разговор шел о его солдатской судьбе, о мытарствах в немецком плену, в который Сергей угодил еще летом 1941 года. Освободился из плена в победном мае 1945-го.

Когда я заметил, что возвращение его задержалось на полтора года: общая демобилизация прошла в августе – октябре того же 1945 года, Сергей мрачно и зло выкрикнул:

– Да пропади оно все пропадом!.. Из одного плена – немецкого – перевели в свой – советский. Проверяли, как говорится... Словом, для бедного Ванюшки и там и тут – одни камушки!..

С возвращения Гурьянова прошел год, но никого за это время с «западной» сторонки в деревне не дождались. Сергей Васильевич и в самом деле оказался последним из земляков, вернувшихся с советско-германской войны.

Правда, на Востоке продолжали еще служить солдаты быстротечной русско-японской (август – сентябрь 1945 г.) войны, но наши земляки в ней уцелели: они вернулись в деревню позднее, когда я уже уехал оттуда.

Мы нередко с С.В. Гурьяновым встречались: правление колхоза, где я обычно постоянно находился, располагалось напротив дома, по другую сторону улицы. И при каждой встрече в моем сознании вспыхивало: «Последний – с германского фронта – последний уцелевший!» Их было так мало – вернувшихся – всего пятнадцать. А тех, кто не вернулся, – сколько их? Так возник и утвердился во мне этот вопрос. И я решил составить список всех не вернувшихся с фронта – и тех, на кого были извещения, и тех, о ком не было никаких известий, писем в течение вот уже двух лет после окончания войны.

Для меня это не составляло особых трудностей: я мог, закрыв глаза, перечислить по порядку дворов всех живущих поименно и, конечно, всех, кто не пришел с фронта. В этом нет ничего удивительного: все в деревне ведают обо всем гораздо больше, чем

в городе. Таковы уж артельные особенности, сложившиеся в сельской общине.

Вскоре список был готов. Уникальность этого списка – я до сих пор убежден – была несомненна и состояла в том, что я знал, видел этих людей – всех без исключения. Каждый из них был в возрасте деятельном – от двадцати до сорока лет – и в самых разных местах: на улице, полевой дороге, на току, на опушке леса, на мельнице – всюду, где бывают сельские люди – каждый здоровался со мной, спрашивал о родителях, шутил, ласково ерошил мои волосы или как-то по-другому оказывал внимание – мне, мальчишке. Поэтому с каждым именем в моем сознании вспыхивал его образ, вспоминались мельчайшие подробности...

Я не обольщал себя надеждой сохранить этот список в своем непредсказуемом будущем, потому вполне четко и определенно решил: «Я должен запомнить главное – сколько людей не вернулось, сколько погибло, значит». Их было по тому списку 101 человек, а в деревне – 102 дома. Округлив обе цифры до 100, я сказал себе: никоим образом это число невозможно – просто невысказано – забыть:

в среднем на каждый двор приходится один погибший. Так вошла в сознание и никогда уж не забылась эта печальная статистика: не вернулось в деревню 87%. Убежден, что этот счет – выше 80% погибших на советско-германском фронте воинов, призванных, заметьте, в Средней России, – этот счет соответствует реальным потерям в масштабе всей страны. За исключением, возможно, оккупированных немцами областей, где могут быть другие соотношения чисел – призванных и погибших.

Спустя почти столетия, к 55-летию Победы, мне пришлось побывать в родной деревне. Посетил и школу. Там я увидел список погибших односельчан. Надо же! Кто-то из школьников шел по моим следам! Они разыскали 84 имени и хотя «не дотянули» до списка, составленного мной в 1947 году, но степень приближения была довольно высокая. Ребятам тоже пришлось удивиться, когда я, просмотрев список, сходу вспомнил два пропущенных ими имени и сказал: «Теперь в списке у вас 86 имен, ищите остальные 15 – не медля ни дня: увы, ветераны уходят».

МОЛОДЫЕ ГОЛОСА

Екатерина БОГДАНОВА – поэт, прозаик. Родилась в Ульяновске в 1996 году, член Совета молодых литераторов Ульяновской области. Лауреат областной премии «Первая роса», межрегионального конкурса православной литературы «Волжский благовест», конкурса Союзного государства «Мост дружбы», дипломант московского литературного конкурса «Веское слово». Участница творческой программы Всероссийского совещания молодых литераторов СПР. Публиковалась в журналах «Симбирскъ» и «Молодёжная волна». Автор романа «Душа дворянки».

КОЛОКОЛЬЧИК

Рассказ

Софушка отличалась от других детей: росла не по-ребячески спокойной и серьёзной. Она избегала шумных и подвижных игр, а во время прогулок держала меня или няню за руку. В отсутствие взрослых девочка старалась быть рядом со старшим братом, двенадцатилетним Артемием. Она знала, что он не растеряется и позовёт на помощь, если с ней что-то случится.

«Почему я слышу колокольчик, мама?» – часто спрашивала она, и её зелёные глаза, так похожие на мои, блестели от слёз. Я молчала. Мне не хотелось ранить Софушку. Тяжело сказать своему ребёнку, что он болен по причине роковой ошибки одного из родителей.

Мой муж тоже скрывал от малышки горькую правду. Но наступил день, когда она узнала обо всём.

В то воскресенье к нам приехали гости: граф Шереметьев, его жена Катрин и двое озорников-сыновей. После обеда глава семьи удалился в кабинет, а дети затеяли игру в саду.

– Софи, ты что не пойдёшь с нами? – спросил Данила Шереметьев, непоседливый мальчишка лет десяти.

– Ты что не знал? Она больная, – шепнул ему Кирилл, ровесник моего Артемия.

– Маменька, пожалуйста! – сложив на груди ручки, взмолилась Софушка.

– А если отец узнает? Рассердится ведь, – сказала я.

– Не рассердится, всё будет хорошо, обещаю!

– Хорошо, милая, только будь осторожна, – сказала я и обратилась к няне. – Таня, не спускай с неё глаз!

Проводив детей и служанку, я разговорилась с графиней. Катрин рассказала мне о недавней поездке в Европу.

– Отчего вы не путешествуете, Жюли? – закончив, спросила она.

– Нестор служит в Академии наук, – ответила я.

– Он главный хирург военного госпиталя. Ему не до путешествий.

– Ваш муж настоящий гений. Говорят, Нестор Вяземский даже безнадежных больных ставит на ноги.

Мы продолжали беседовать, но на душе было неспокойно. Мысли то и дело возвращались к дочери. И не напрасно ныло моё материнское сердце.

Через час в доме поднялся шум и начался переполох. Нестор принёс бесчувственную Софью на руках. Служанки переодели её в сорочку и уложили на кровать в детской. После этого мой муж велел посторонним выйти.

– Княгиня, я же запретил вам оставлять её одну, – еле сдерживая гнев, отчеканил Нестор.

– Но она была с няней, – виновато пробормотала я. – Она так просила!

– А зачем ты вышла из дома?! – обратился он к очнувшейся Софушке. – Разве я тебе позволил?

– Папенька, простите, – сбивчиво залепетала она. – Я больше никогда, обещаю!

– Я отдам в сиротский дом твоих кукол, если ты ещё раз так сделаешь, – пригрозил мой муж. – То, что ты больна, ещё не значит, что мать обязана исполнять все твои прихоти!

– Нестор! – не выдержав, вмешалась я, чтобы он не зашёл в своей строгости слишком далеко.

– Приступы участились. Все прогулки только в моём присутствии, – сказав это, Нестор удалился, но вскоре вернулся.

– Выпей, это лекарство, – он протянул дочери небольшой стакан.

– Я не хочу, оно горькое! – сделав глоток, захныкала Софушка.

– Софья, до дна! Или ты хочешь каждый день слышать колокольчик?

– Нет! – морщась от отвращения, она стала судорожно глотать чёрную, как дёготь, жидкость.

Я дотянулась до хрустальной вазы с фруктами и отломала для дочери веточку винограда, однако Нестор выхватил её из моих рук.

– Два часа ничего не есть и не пить. Лежать и не вставать, – сурово сказал он, но смягчился, когда дочь показала ему пустой стакан. – Мне нужно работать, Юля. Побудь с ней.

Мой муж ушёл. Софушка лежала, уткнувшись в подушку, и всхлипывала. Её плечики вздрагивали. Я приобняла дочь и стала гладить её тёмные, как у отца, волосы:

– Не плачь, прошу тебя! У меня разрывается сердце, когда ты плачешь.

– Кирилл сказал, что отец ставил опыты на мне, и поэтому я сделалась больна, – призналась Софушка, – что я мучение для вас и вы мечтаете от меня избавиться.

– Выдумщик этот Кирилл, – поспешила разуверить Софью я. – Отец очень любит вас: и Артемия, и тебя, и Мишу!

– Но почему я слышу колокольчик, мама? Почему Артемий и Миша не слышат его, а я слышу?

Что только мы с Нестором ни делали, чтобы уйти от честного ответа! «Ты ангел, – сказал он однажды. – Оттого ты и слышишь, как звонят на небесах в колокольчики другие ангелы».

Но в этот день я не могла, да и не видела смысла больше молчать. Моя дочь стала достаточно взрослой для того, чтобы всё правильно понять.

– Ты хочешь знать правду? – спросила я.

– Да! – в её голосе не было ни капли сомнения.

– Тогда успокойся и слушай.

Софья торопливо вытерла щёки платком и вся обратилась в слух.

– Это случилось тридцатого сентября, восемь лет назад, – начала я.

– В день моих именин? – переспросила она.

– Да. В день, когда ты появилась на свет вот такой крохой, – я показала руками примерную длину

её тельца сразу после рождения. – Только больше не перебивай меня, хорошо?

Рассказывая, я снова мысленно пережила страшную историю, которая решила участь моей девочки. Вторые роды... Какими тяжёлыми они выдалась для меня! Став матерью впервые, я думала, что прошла через сущий ад и что хуже быть просто не может. Как же я заблуждалась! Рожая Софушку, я едва не лишилась рассудка и самой жизни.

– Долго, очень долго. У младенца асфиксия, – закончив осмотр, констатировал доктор Бертольд.

– Тогда, быть может, кесарево сечение? – предложил Нестор.

– Поздно. Головка уже почти в плоскости выхода. Нужно спасать жизнь матери. Вы молоды. У вас ещё будут дети....

– Но есть возможность наложить щипцы! – не растерявшись, воскликнул мой муж и обратился ко мне. – Всё будет хорошо, не бойся, милая!

– Высока вероятность грозных осложнений, – угрюмо произнёс Бертольд. – Я не прибегаю к этому методу родоразрешения.

– Что ж, тогда я всё сделаю сам! – в голосе Нестора звучала уверенность и решительность.

– Но у меня нет щипцов!

– У меня зато есть! – сказал Нестор и вновь склонился надо мной. – У тебя слабые потуги, Юля. Я должен помочь тебе.

– Нет, я прошу тебя! – не владея собой и с трудом осознавая суть происходящего, выкрикнула я.

– Юля, наш ребёнок погибнет, если я этого не сделаю, – объяснил мой муж. – Он уже погибает!

– Хорошо, – согласилась я и стала молить Бога о том, чтобы мой малыш выжил.

– Даже если вам это удастся, ребёнок, скорее всего, уже умер, – продолжал умничать Бертольд, но Нестор уже не слушал его, а спасал нашего сына или доченьку. – К тому же вы не владеете навыком.

– Всё когда-то приходится делать впервые, – сказал мой муж и совершил настоящее чудо.

Мой ребёнок наконец-то появился на свет.

– Девочка! У Юлии Александровны родилась девочка! – заликовали служанки. – Но что же она молчит?

– Нестор, она умерла?! – не помня себя от ужаса, прохрипела я, и тут к моей бесконечной радости комнату огласил громкий детский крик.

– Вот видишь. Всё в порядке. Пелёнки и чистую воду живо! – скомандовал Нестор, и служанки засуетились вокруг новорожденной.

«Княжна, княжна! Какая хорошенькая!» – благоговейно шептали они, разглядывая её ручки и ножки, умывая и пеленая её.

– Что вы на это скажете, мсье? – весело и гордо спросил Нестор, обернувшись к опытному напарнику.

Измученный Бертольд развёл руками и покачал головой:

– Я поздравляю вас, коллега. Это редкий, даже исключительный случай.

Я была счастлива так, как может быть счастлива только мать, наконец-то увидевшая своего ребёнка живым и здоровым спустя двенадцать часов изнуряющих мук. Но счастье омрачала необъяснимая тревога. Уже тогда я предчувствовала беду. Я

обнимала доченьку и благодарила Бога за её спасение, только мой испуганный взгляд был прикован к акушерским щипцам, которые лежали в лотке для инструментов. Их огромные металлические ложки были похожи на челюсти крокодила. Сердце разрывалось при мысли о том, что головка моей хрупкой девочки побывала в них.

– Как ты, душа моя? Всё в порядке? – заботливо спросил Нестор.

– Да, – кивнула я, ощущая смертельную усталость и проваливаясь в сон.

Следом я вспомнила Софушкин первый приступ. Ей было полтора годика. Софья стояла у дивана в детской и рассматривала книжку с картинками, но вдруг замерла как вкопанная и вытаращила глазки.

– Что с тобой, милая? – забеспокоившись, спросила я и поспешно приблизилась к ней.

– Динь-динь-динь, – не моргая и словно вовсе не дыша, ответила она.

– Колокольчик? – спросила я и заглянула в книгу. – Где колокольчик, Софья?

– Динь-динь-динь! – повторила она, и её ножки подкосились.

Моя дочь упала на пол и забилась в судорогах. Её маленькое тельце дёргалось и извивалось, а личико исказилось от неведомого страдания. Мысль о том, что Софушка сейчас умрёт, сковала меня ужасом.

Я закричала от испуга, и на мой голос сбежались все дворовые. Нестор велел служанке увести меня в спальню. Мой муж послал за доктором Бертольдом.

Два часа я пребывала в тягостном неведении. Я пробовала утешиться молитвой, но покой и безмятежность не возвращались ко мне. Наконец, я вернулась в детскую и увидела, что Софья лежит на диванчике и держит в руках любимого плюшевого зайца.

– Мама! – воскликнула моя девочка, и я заулыбалась.

Но недолго сияла на моих устах счастливая улыбка. Лицо моего мужа было очень серьёзным, даже мрачным.

– Что с ней такое? – спросила я. – Нестор, не молчи!

Мой муж усадил меня на диван.

– У нашей дочери эпилепсия, – взяв меня за руку, ответил он. – Она же падучая болезнь. Это патология нервной системы, которая проявляется периодическими приступами в виде потери сознания и судорог. Приступам нередко предшествуют галлюцинации.

– Да, она слышала колокольчик, Нестор! – вспомнила я. – Она сказала: «Динь-динь-динь».

– Эпилепсия. Однозначно, – с тяжёлым вздохом произнёс Бертольд. – Мне очень жаль, но у вашей дочери недуг Жанны д'Арк. Да и проживёт она, скорее всего....

– Не смейте! – резко перебил его Нестор. – Софья будет жить долго и счастливо. Вам ясно?

– Князь, да я буду только рад. Вашей дочери требуется постоянное внимание и особый уход. Я напишу вам рекомендации.

– Может, это можно как-то вылечить? – еле сдерживая слёзы, спросила я.

– Едва ли, мадам. Эффективное лекарство ещё не изобрели, – делая записи, честно сказал немец.

– Но почему это случилось с ней? – воскликнула я.

– Интранатальная травма, – ответил Бертольд. – Ребёнок появился на свет в результате родоразрешающей операции, которая часто ведёт к осложнениям. Прошу прощения, но мне пора.

Откланявшись, врач удалился.

– Прости меня, Юля, – проводив гостя, сказал мой муж.

– Тебе не за что просить прощения, – поспешила утешить его я.

За много лет я ни разу не обвинила Нестора в болезни Софушки. Я понимала, что в ту минуту он не мог поступить иначе, что его бездействие повлекло бы за собой последствия более страшные. Однако он так и не смог себе это простить.

– Значит, если бы не папенька, я бы умерла? – внимательно выслушав меня, спросила потрясённая Софушка.

– Да, моя милая, – ответила я.

– А я думала, что он не любит меня и поэтому не разрешает мне гулять как остальным детям и заставляет пить горькую жижу. Маменька, мне так стыдно!

– Он любит тебя больше всех на свете, Софья. Много лет он пытается найти лекарство для тебя. И я уверена: скоро у него всё получится!

– Маменька, а почитайте мне, пожалуйста, сказку, – попросила она, и я не отказала ей.

Не дослушав до конца, Софушка уснула и проспала около полутора часов. За это время я провела младшего сына, который строил башни из кубиков. Потом я вернулась в комнату дочери.

Вскоре после её пробуждения на пороге появился Нестор с небольшим подносом в руках. На подносе стояла чашка и накрытое блюдце с чайной ложкой.

– Ну как вы себя чувствуете, капризная барышня? – посчитав пульс на тоненьком запястье дочери, спросил он.

– Хорошо, – попыталась улыбнуться Софушка.

– Не желаете перекусить? Я принёс вам чай и пирожное.

– А разве мне можно?

– Можно. Два часа уже прошло, – ответил Нестор. – Лекарство усвоилось.

– Простите, папенька, что я вела себя так дурно, – сказала моя дочь. – Я и представить не могла, что всё так было.

– О чём это она? – настороженно спросил у меня Нестор.

– О колокольчике. Я рассказала ей правду, – несмело призналась я.

– И что же ты узнала, Софья? – обратился он к дочери.

– Что вы спасли меня, – ответила она. – Что я могла погибнуть! Колокольчик – это ничего, я потерплю. Это ведь лучше, чем если бы меня совсем не было, правда?

– Безусловно, – ответил Нестор.

Он придвинул столик к кровати, и Софушка принялась за пирожное.

– У каждого человека свой крест, – сказала я,

когда дочь поставила на поднос пустое блюдце и чашку. – Нужно быть благодарной Богу за жизнь, какой бы она ни была.

– Мама, не плачь! – воскликнула Софушка, заметив, что на моих ресницах заблестели слёзы. – Я уже привыкла. Мне совсем не страшно!

– Ну полно, княгиня, – улыбнулся Нестор. – Скоро Рождество. На Невском уже продают подарки. Софья, а что бы ты хотела получить на праздник?

Наша дочь смущённо улыбнулась.

– Напишите письма, и пусть Артемий сегодня же отнесёт их на чердак.

– Обязательно напишем! – сказала Софушка.

Остаток дня прошёл благополучно. Я вышивала крестом, краем глаза наблюдая, как Софушка, лёжа в постели, пытается научить Мишу грамоте. Однако четырёхлетний шалун исчеркал бумагу карандашом и гордо объявил, что нарисовал всадника.

После ужина Артемий позвал меня к себе и подарил мне красивые синие кристаллы, которые ему удалось вырастить из медного купороса.

Заглянув ненадолго к Софье и Мише, я ушла в спальню. Нестор стоял у окна, глядя в звёздное небо и размышляя о чём-то. Я сняла платье, оставшись в сорочке, распустила волосы, легла, а он всё стоял, безмолвный и неподвижный.

Я встала с кровати и позвала его. Он не шелохнулся. Я подошла к нему и положила руку на его плечо.

– О чём вы думаете, князь?

Нестор обернулся.

– Господь справедливо наказал меня за гордыню и тщеславие, – негромко ответил он. – Позор врачу, который не может вылечить своего ребёнка. Бог мог обрушить гнев на меня. Почему он её заставил страдать? Софья не виновата, что я возомнил себя героем и гением!

– Гении тоже совершают ошибки, – сказала я. – Но они мастерски исправляют их. Ты придумаешь способ вылечить Софушку – я уверена! Этот способ потрясёт всю Россию, а может быть, даже весь мир.

Он взял мою руку и поцеловал её.

– Мы вместе уже тринадцать лет, Юля. Но ты по-прежнему как девочка восхищаешься мною и так свято, так искренне веришь в меня. Даже несмотря на мою страшную ошибку. Твоя любовь способна озарить любую тьму.

– А как иначе, Нестор? Что может быть важнее в трудные времена, чем вера, надежда и любовь?

– И мать их Софья, – добавил он.

Наутро мы с Нестором поднялись на чердак и обнаружили там два письма.

Первое было написано дочерью: «Дорогой Морозко! Прости меня, пожалуйста, за то, что я не слушалась родителей, и принеси мне на Рождество новую куклу. Мой брат Миша ещё мал. Он не умеет писать, но хочет получить на Рождество лошадку. Княжна Софья Вяземская».

Второе письмо написал старший сын: «Дорогой отец! Я знаю, что это вы читаете наши письма. Не покупайте мне дорогие подарки, лучше вылечите мою сестру. Князь Артемий Вяземский».

ОБРАЗ СЛОВА

Новый сборник молодых литераторов

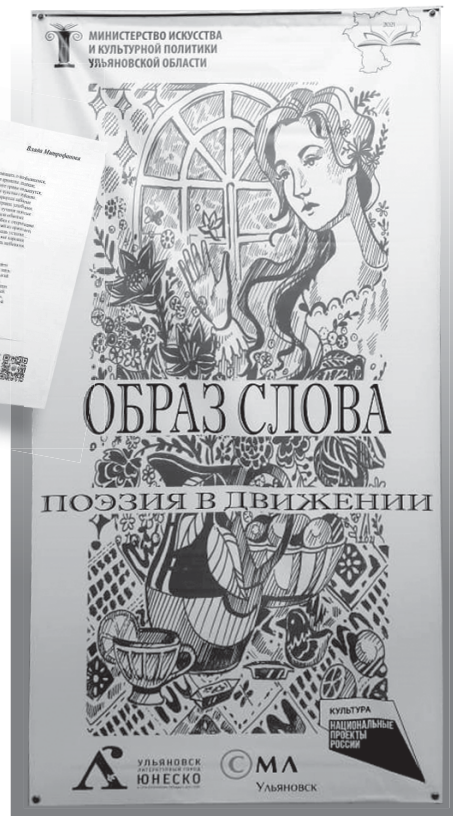
В конце минувшего лета во Дворце книги стартовал новый культурный проект «Поэзия в движении» и состоялась презентация сборника «Образ слова». В книгу вошли произведения двадцати молодых ульяновских поэтов и прозаиков – лауреатов и дипломантов областной молодежной литературной премии «Первая роса». Книга проиллюстрирована юными художниками из творческого объединения «Ежики-художники» и их педагогом – художником Антоном Лазаревым.

Среди авторов сборника «Образ слова» есть молодые писатели, которые проявили себя на региональном и всероссийском уровнях.

Это прозаик, член Союза писателей России, лауреат всероссийских и международных литературных конкурсов Алина Осокина; поэт, член Союза писателей России Анисия Матлина; поэт, руководитель общественного движения «Симбирская православная молодежь» Сергей Николаев. Сборник открывает читателям и новые имена. В него вошли

произведения таких авторов, как Артем Даллакян, Влада Митрофанова, Виктория Шейко и другие, которые уверенно и ярко начинают свой путь в литературе.

Сборник «Образ слова» увидел свет за счет средств городского конкурса творческих проектов и инициатив в сфере культуры «Креативный город». Кроме того, в рамках презентации стартовал новый проект «Поэзия в движении». Его цель – повысить интерес жителей области к чтению.

Весной 2021 года в Молодежном центре
современного искусства состоялась
презентация новой книги
Нисы Матлиной
«Чудики не умирают».

В книге представлены роман «Свидание в Сростках» и рассказы. Все эти произведения объединяет одна центральная фигура – великий писатель, режиссер, актер Василий Макарович Шукшин, любовь к его творчеству и ярчайшей личности.

Две девушки – Марина и Кира – отправляются в отчаянное путешествие из родной глубинки Поволжья на далекий загадочный Алтай. Путешествие, о котором мечтали давно, проходит под знаком юбилея В. Шукшина. Весь роман пронизан воспоминаниями и размышлениями, а также легендами Алтая. Это не только дань памяти любимому писателю, но и прощание с юностью. Ниса Матлина проводит своих героинь через трудности любовных отношений, показывает в динамике становление их характеров и духовный рост. Она наследует и исследует тему чудиков, заявленную В. Шукшиным, и не только в данном романе, но и в рассказах. Недавно Анисия Матлина принята в Союз писателей России.

Предлагаем читателям главу из романа «Чудики не умирают».

Нуса МАТЛИНА

ГОРА ПИКЕТ

И позвала нас своим зычным голосом, потянула, как магнит к себе, любимая гора Василия Макаровича Пикет, что неподалеку от Сростков. И без которой и родное село его не даст целостного представления о молодом Шукшине и духовном его росте, о возмужании.

Гора Пикет. Бикет, как звали ее в старину. Теперь она – известная Шукшинская гора. Мы устремились к ней, отыскав частного извозчика на своей машине (про такси здесь и заикаться нечего – нет их), соблазнившегося подзаработать.

ХРОНИКИ

Гора Пикет – памятник истории и культуры, на ее территории расположено несколько **памятников археологии**.

Группа стоянок «Сростки» юго-восточнее села Сростки (г. Пикет) эпохи палеолита и курганные могильники (г. Пикет) VIII–X вв. н.э. Указом Президента РФ №176 от 20 февраля 1995 г. включены в «Перечень объектов исторического культурного наследия» федерального (общероссийского) значения.

Сросткинская палеолитическая стоянка относится к эпохе верхнего палеолита (древнекаменного века), которая датируется периодом от 40–35 до 17–10 тыс. лет тому назад.

Сросткинское городище (городище Пикет). Расположено на отроге горы Пикет, севернее Тырышкиной горы (прямо над селом). На круто спускающемся мысу – оконечности отрога – зафиксировано около 40 крупных жилищных западин, вытянутых неровными рядами параллельно реке. **Сростки I** (курганный могильник). Расположен на высокой террасе правого берега р. Катунь. Высота мыса над уровнем реки достигает 50 м. На площади памятника насчитывается около 50 курганов, имеющих вид плоских насыпей высотой от 0,3 до 1 м и диаметр от 5,6 до 8,3 м.

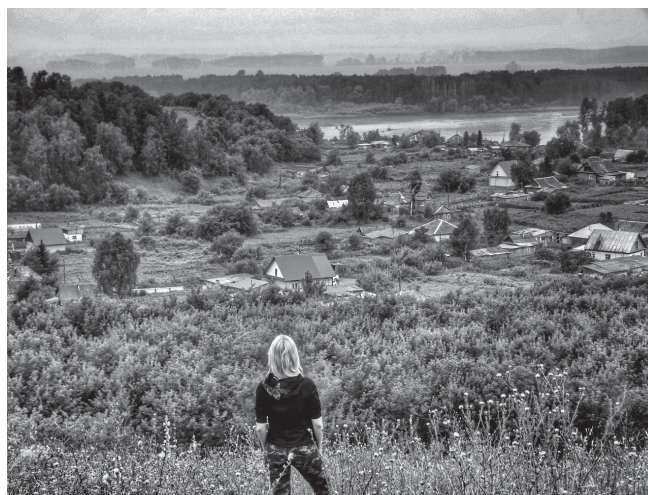
Сростки 2 (курганный могильник). Открыт М.Н. Комаровой в 1925 г. Ею на могильнике зафиксировано 60 курганных насыпей, 6 из которых в том же году были вскрыты.

Курганные могильники села Сростки, как наиболее характерные памятники, дали имя Сросткинской культуре (конец VII–XII вв.), которая появилась в результате прихода древних тюрков из Горного Алтая и соединения их с местным угро-самодийским населением.

Гора Пикет окаймляет село Сростки с юго-востока, у ее подножия на берегу Катунь зародилось село Сростки (ныне – исторический район села Баклань).

На северо-восточном склоне расположено действующее сельское кладбище и часовня, возведенная в 2005–2007 гг.

С 1976 года Пикет является местом проведения Шукшинских чтений – народного литературного праздника. Это одно из самых привлекательных мест села. Северный и северо-восточный склон более пологи, западный и юго-западный отвесные, постепенно понижающиеся. С восточной стороны

протекает река Федуловка, приток Катунь, вдоль южной стороны течет Катунь. С северной стороны проходит Чуйский тракт. Высота Пикета над уровнем моря – 294 м. Площадь – более 140 га. Отсюда, с верхней точки горы Пикет, открывается необыкновенной красоты панорама разнообразных пейзажей поймы реки Катунь и предгорий Алтая. Видны Монахова гора и Бобырган. Эти памятные места не раз упоминались в литературных произведениях В.М. Шукшина. Здесь снят последний кадр фильма «Печки-лавочки» – информация из открытых интернет-ресурсов (Прим. авт.).

Да, в этих местах снят последний кадр фильма «Печки-лавочки», как и весь фильм – на родине Шукшина, где получились народные проводы Василия со всей родней, с матерью. Только не на курорт, куда отправлялся его герой, а за черту земного бытия, на великое прощание с такими любимыми миром и родным народом, к которым прикипел всем существом, о которых писал.

Мы с Кирой буквально валились с ног от усталости и перегруза впечатлений. И мы сбросили кроссовки, постояли босиком. Чудодейственная Алтайская земля делала свое незаметное благодатное дело, словно ворожила, вливая в каждую клеточку тела свою могучую силу.

Преображенные этой силой, мы поднимаемся по горе Пикет. Странное название. Может быть, в прежнее далекое время здесь пылали костры кочевников и бежавших кандалников, был сторожевой пост. Отсюда ведь очень хороший обзор всей окрестности, вплоть до поймы Катуня, Монаховой горы и Бобыргана. Цепляясь за дикий малорослый кустарник, я представила себе, что цепляюсь за кусты калины, которой с обеих сторон обсажена тропинка вверх, а ее зрелые красные и незрелые зеленато-рыжие кисти свешиваются до земли, и кусты усыпаны ими до самой жесткой травянистой земли, как фонарики.

Калиновое нарядное деревце в народе считается прообразом красавицы, печалющейся о красном молодце своем, что поматросил и бросил – эх, загулял, загулял! Калина – символ несчастной любви и плачет кровавыми слезами сердца, оттого и не пройдешь мимо, не разлюбишь это трогательное деревце.

Я бы так и сделала, засадила ею по бокам тропу, если бы жила здесь, ведь на это нужно время и немного труда. А по поздней осени они бы просто пламенели ягодами! И все бы сразу поняли, что скоро зима...

НА ГОРЕ ПИКЕТ

Босиком по траве
За Катунью-рекой,
Что лежит в синеве
Каленую стрелой,

На вершину горы,
Где туманы гостят,
Под которой костры
Разжигает закат,

Где любил он сидеть,
Где, из стали отлит,
На лесов здешних медь
Как при жизни глядит.

Вверх и вверх в синеве,
Чтоб увидиться с ним,
По колючей траве,
По тропинкам седым.

Чтоб за все, что творим,
Встать с повинной главой
Перед взглядом прямым,
Честным взглядом его.

Поодаль виднелось кладбище. Я указала Кире рукой в его сторону:

«Мы в поезде говорили с тобой о том, как тибетцы хоронят своих умерших, как это делают монголы. Про их обычаи.

У алтайцев сейчас возродился и окреп клан шаманов. Как и прежде, они выполняют ритуальные функции. Их для этого зовут, когда кто-то родился, или умер, или занемог. И они совершают специальные обряды.

Алтайцы после того, как пройдет год с похорон, не посещают свои кладбища, как мы посещаем. Мы приходим ведь по святым праздникам, или по датам, связанным с покойными, чтобы помянуть, или в любой день, чтобы выговориться. У них этого не было, и нет. Не справляют здесь и поминки после года. На это запрет. И фотографии умерших нельзя устанавливать на могилах. Считают, что все это тревожит покойников и вызывает их из загробного мира. А если их вызвать, то начинаются катаклизмы, несчастья. Как в случае с алтайской принцессой, о которой я уже рассказывала. Только шаманам позволено устанавливать с ними контакт по особым случаям.

Даже в легендах – мы читали с тобой – их хан Алтай долго думал и придумал спрятать души своих детей в камни – древние памятники, что стояли на горах, чтобы спасти от преследования одолевавших врагов. Потому что трогать памятники не смели, по обычаю, они неприкосновенны даже для злых духов. Это единственное, что они не могут разрушить. Интересно, да?»

Мы двинулись дальше.

Итак, утрамбовывая босыми ногами сухую тропу и останавливаясь, чтобы полнее вобрать в свою грудь благословенный алтайский воздух, мы достигли своей цели и встали на самой макушке горы, где высится могучий памятник Шукшину.

Он установлен в 2004 году. Создал этот замечательный памятник скульптор В. Клыков. И надпись трогаёт сердце каждого человека:

Любимому писателю земли Русской от русских людей с любовью.

Лучше и искреннее не скажешь.

Здесь, на Пикете, каждый год проводятся Шукшинские дни на Алтае при большом стечении народа. Но и в обычные дни сюда идут и едут из разных сел и городов поклониться Шукшину. Так же, как мы с подругой. Это даже больше паломничество в святое место, как у мусульман в Мекку.

*

Сюда прибегал он в детстве и отрочестве прийти в себя от непосильного труда в тылу, выпавшего на долю подростков военной и послевоенной поры, ведь был за кормильца в семье. От обид и хлесткого слова «безотцовщина».

...Здесь он сидит сегодня в одиночестве и, как богатыри древние, повесил буйну голову, призадумавшись. Он часто сюда приходил и оставался вот так же, как теперь, когда жил в Сростках или когда навещал родные места.

Он сидит, думой о родине полон, а охраняет его покой святой Василий, чья часовня находится на отроге горы.

Вот так живой он отрешался от всего и сидел или стоял над рекой. Думы его, думы!

Шукшин и сейчас как бы живой, как бы с нами у костра – до утра. Или это такой дивный сон мне приснился наяву?

Тишина настоялась здесь. Никто не мешал трепетной тишине, только Катунь катила воды свои до Сростков да до слияния с речкой Бией.

Вот он, известный по фотографиям памятник. Можно потрогать руками, погладить. Что мы и не преминули сделать.

Памятник – дань народной любви и признательности своему писателю. Внизу, у основания горы, люди водружают транспаранты с фотографиями и изречениями Василия Макаровича. Готовятся к празднованию юбилея.

По небу плывут розовые облака, тянет гарью от повитой голубой дымкой тайги. Она горит! Как в любимой Василием Макаровичем народной песне:

Взойду я на гору крутую...
Горит, горит село родное,
Вся моя родина горит.

Перед глазами встает другая летняя ночь у костра на обрыве над Волгой. Цапли серые. Лунная дорожка, как парное молоко, вода. Среднерусская равнина. Волжский на «о» говор.

А тут рядом плещется, сияет водами похожая на обретенную подкову счастья Катунь.

Как приятно в теплый погожий день сыскать небольшое озеро либо затоку, на которые так щедра Катунь, дойти до них и полежать на песчаном берегу под лучами золотого солнца, поливающего своей золотой кровью все живое!

Около бережка на волнах покачивается небольшая деревянная лодка. Если проплыть круг по озеру, то можно заметить много интересного, например белоствольные березки. Их ветки так и тянутся к солнцу, а вдали виден мрачный силуэт старого засохшего дерева.

Но, может, оно распускается позже всех и раньше всех теряет листву свою? И не каждый год, а отдыхает, набираясь сил? Как немолодой человек для необходимого рывка, для подвига?

В высоте парят белоснежные чайки, они сверкают как вырезанные из алюминия на темно-голубом просторе неба. Иногда я удивляюсь, до чего красива может быть природа.

И на этом фоне белеет часовня святого Василия.

Тысячу раз права старуха-сказительница, говорившая нам в Белокурихе, что Алтай – это чудесный горный цветок, красный, оранжевый, коричневый. Звезда упала с неба и превратилась в этот цветок!

*

Меня вдруг настигает мысль о времени.

Время... Лишь в эту поездку я начала проникаться его сложной сутью и значением. О времени могут хорошо судить старики, это их право и знание. Время ведь энергия! Оно как бы незаметно. В

юности его девать некуда, а в старости катастрофически не хватает.

Укорачивание, нарастание до критической точки, растяжение, сжатие – это все формы, которые принимает время за срок, отпущенный тебе на земле. Оно либо подстегивает, либо отпускает качаться на своих волнах. Либо взрывается!

От тебя зависит, как им распорядиться. В старости – не спеша торопясь. Иной раз просто чувствуешь, как оно уходит в белое пространство, откуда приходило. Иной раз застыло, стоит на одном месте. А то несется – не догнать. И ты, как загнанный жеребец, роняешь пену бытия с губ и задыхаешься в неравной гонке к финишу.

Успел сделать что надо – хвала тебе. Иначе ведь не удержишь его, не вернешься к исходной точке, ибо сказано не сегодня, что не войти в ту же реку времени дважды. Так что, существуя сейчас, не откладывай на потом. «Потом» может не быть. И тайну эту вызнал и спешил выплеснуть на бумагу свое заветное Шукшин.

Почему «Калина красная» удалась как произведение и не забывается, если хоть раз ее прочел или посмотрел фильм? – Думаю, потому, что она Василию Макаровичу Шукшину кровью далась. Он, как (хан, хозяин, бог) Алтай, живую воду гор, слезы гор – эту кровь свою – перекачал в это произведение, напоил ею, и «Калина красная» ожила, подобно камням из сказаний. Недаром она красная!

Хотелось плакать и петь. Хотелось сесть рядом с Василием Макаровичем, прижаться к его каменному плечу, как к живому и теплому, и тоже смотреть в зелено-голубую даль, в колышущееся под ветром море тайги, на величественные картины природы, открывшиеся взору, живущие своей жизнью. И так до поры, когда над головой замерцают звезды...

Было, было ощущение его присутствия, казалось, его душа осталась здесь и парит на незримых широких крыльях, как тот орел, с достоинством делающий сейчас замедленные круги, плавающий в вечеряющей выси.

Широко раскинув руки и самозабвенно кружась, с вершины горы я прокричала свой гимн жизни, как древняя шаманка так кричала, наверно, свои озарения под бубен своего сердца. И можно было увидеть, погрузившись в века, как на Пикете люди до зари жгут высокие костры, освещая все вокруг. Не спят, чтобы не пропустить врагов, оповестить народ о набеге кочевых враждебных племен... Зычно перекликаются в ночи сторожевые люди...

И надо же! – Мигом весь эпатаж и бравурность, своего рода защитная реакция от обид и суровости нынешнего жития, слетели, как под чистым резким ветром пыль! И предстала пред ним какая есть: обычная, простецкая, без закидонов, русская девчонка со старинным деревенским бабушкиным именем, с доверчиво открытой душой.

Сердце выстукивало:

Василий Макарович!

Спасибо Вам за то, что явились мне во сне в переломный момент моей жизни, когда я заколебалась, вступая на писательскую стезю. Одолевали сомнения: справлюсь ли? Вы сказали: «Пиши. Ни на

что не обращай внимания. Все, что есть на сердце, выкладывай».

Спасибо Вам за то, что благословили меня.

Сегодня подмеченные Вами еще в то время энергичные, как Вы их здорово окрестили, люди ловко проворачивают свои дела, хозяйничают, одним словом. Наступило их время.

Общество еще вернется к Вашим принципам и заветам, как к чистому роднику, на своем будущем витке развития, к Вашим критериям добра и зла, Вашей жизненной философии, выстраданной на собственном опыте. Они, эти мысли, зародились еще и отсюда, из сердцевины Вашей родины, на основе легенд и сказаний Алтая о сотворении мира, о битвах белых и черных сил, их непримиримых смертельных схватках.

Вы – для будущего.

Это неизбежно и справедливо.

Вот что хотела сказать и сказала Вам в ответ на ваши пророчества и размышления о судьбе России в эту волнующую и неповторимо проникновенную минуту на горе Пикет.

И вложила в вашу руку веточки с кистями

калины нашей, симбирской. Как привет с Волги...

Сейчас, когда я вспоминаю свое стояние пред Василием Макаровичем (памятник для меня живой), когда в канун Нового 2021 года заканчиваю эту книгу, хочется добавить:

Уходит страшный год для России и других стран. Неуправляемый коронавирус свирепствует, унося жизни. Какой-то добрый человек повесил над главным проспектом нашего города электрическую надпись из цветных фонариков: Новый год, не подведи! Сила в народе такая, что мы выживем! Как после чумы, как после войны. Наша родина воспрянет – мы живем с этой верой и стараемся делать добрые дела.

Правда и добро – не забываем Ваши заветы.

Кто-то ищет и находит себе духовного отца среди священников, а я исповедуюсь Вам. Да и, по сути, вся эта книга – исповедь. Вы мой духовный пастырь. И, скорее всего, не ошибусь, и для нашего поколения, составившего свое мировоззрение на Ваших высказываниях и творчестве. На Вашем отношении к жизни и преданном служении великому русскому слову.

Ирина ШИЛОВА, Канада

О КНИГЕ НИСЫ МАТЛИНОЙ «ЧУДИКИ НЕ УМИРАЮТ»

В периоды социальной нестабильности, в одном из которых мы живём, книги с темами обличения и разочарования становятся модными и востребованными. Вероятно, они помогают людям критически отнестись к окружающим событиям и искать новые формы жизни. Но главной проблемой таких книг является отсутствие веры в будущее и отсутствие предложения практических моделей для того, чтобы двигаться вперёд, продолжать жить.

Книга Нисы Матлиной «Чудики не умирают» относится к противоположной группе произведений: в сложные социальные периоды авторы таких книг находят и представляют читателю примеры выхода из трудных ситуаций и картины счастья, которые не менее необходимы, чем критические произведения.

И роман «Свидание в Сростках», и рассказы, которые составляют содержание этой книги, громко и даже торжественно несут функцию «связи времён»: Василий Шукшин (1929–1974), известный российский писатель, актёр и режиссёр, был любим поколением семидесятых, а теперь новое поколение через пятьдесят лет разделяет эту любовь. «Хорошо, что мы побывали там, постояли рядышком сами по себе в гостях у Василия Макаровича, это было как свидание с ним среди необъятной красоты природы. И хорошо, что нас не водили экскурсоводы из комнаты в комнату, не проводили с нами экскурсию, не сообщали свою информацию – мы сами говорили с писателем душа с душой», – пишет Ниса Матлина.

Судьба Шукшина была отражением событий,

происходивших в стране. Он не был тем ребенком, который был защищен от социальных потрясений середины века его семьёй. Семья была из далёкой алтайской деревни, отец был репрессирован, детство и юность прошли в постоянном поиске работы и смене мест жительства. Относительно благополучные шестидесятые и семидесятые годы отделяют период трудностей середины века от нестабильности восьмидесятых и потрясений девяностых, и молодая писательница заметила и обосновала общность между этими двумя периодами.

Василий Шукшин относился к группе «деревенских писателей». Они сыграли, возможно, самую главную роль в отходе русской литературы от её пропагандистского характера к критической литературе различных направлений постсоветского периода. Но творчество Шукшина отличается от относительно гомогенного творчества «деревенских писателей»: герои его произведений более маргинализированы. Хотя они имеют свои корни в деревенской среде и «забытых» правительством колхозах, но отвержены даже своей средой. Как мы знаем, они часто имеют проблемы с законом и с другими членами своей семьи. И Ниса Матлина видит во многих современных ей молодых людях тех же «шукшинских чудиков», которые стараются сохранить свою индивидуальность, в то время как всё вокруг них направлено на её подавление: «Я заметила, что почти все рассказы Шукшина похожи на этюды к «Калине красной». А похожие на его героев парни встречаются до сих пор на каждом шагу, только поведай они свои истории.

Наталья ТИБУШКИНА родилась в 1991 году, работает в Ульяновском государственном техническом университете. По образованию филолог, окончила филологический факультет УлГПУ, учится в аспирантуре. Посещает молодежную литературную студию «ЛИК».

НЕ ОТ МИРА СЕГО

Ярко светило солнце, под ногами поскрипывал снег, а с карнизов радостно свешивались сосульки, напоминая, что на дворе уже начало весны. Сосульки до такой степени расхрабрились в этот март, что вымахали до гигантских размеров и норовили свалиться кому-нибудь на голову.

Марина и Катя вышли из трамвая и подошли к цветочному ларьку. На душе у обеих девочек было беспокойно. Купив в ларьке по четыре гвоздики, девочки направились к дому на одной из улиц городка. Хоронили их однокурсницу, девятнадцатилетнюю Эллу. Возле подъезда уже собрались соседи, подтягивались одноклассники Эллы. Ждали ритуальную службу, чтобы попрощаться с погибшей и ехать в церковь на отпевание.

Девочки подошли к толпе. Более стойкая к жизненным невзгодам Марина, казалось, спокойно шла к дому да еще и успевала лишний раз наставить Катерину, у которой слезы застилали глаза.

– Не рухни в лужу! Чего ты расклеилась? Без году неделя дружили и тут вдруг такая любовь!

Катя вздрогнула, по душе больно хлестнули жестокие слова однокурсницы.

– Сердца у тебя нет, – тихо бросила она вслед убежавшей Марине.

Марина развернулась и в упор посмотрела на нее. В глазах у нее сверкала такая злоба и безмерное страдание, что Катя внутренне съежилась.

– Что? Что ты сказала? – Марина побледнела. – Да что ты вообще знаешь? Ты кто? Это я ее подругой была, это я ее из всяких приключений вытаскивала. Это я была с ней на ритуалах на кладбище, а потом увозила ее на такси почти без сознания. А что знаешь ты? Только свои книжки!

Катя оцепенела от неожиданности. Безжалостные слова ранили Катину неокрепшее сердце, но она ничего не сказала, даже не попыталась защититься. Она понимала, что смерть подруги помутила сознание Марины, отчего она сейчас бросалась такими несправедливыми обвинениями.

Марина смотрела на Катю испытующе, заламывая кисти рук до хруста. Красные гвоздики рассыпались по снегу. Марина наклонилась собрать их. Один цветок все же переломился пополам под ее резкими движениями. Катя вздрогнула, увидев поврежденный цветок. Казалось, что ярко-красная шапочка сейчас оросит снег кровавыми каплями. Катя так выразительно смотрела на цветок, что Марина перевела на него взгляд, поняла, что хотела сказать Катя. Марина тряхнула головой и резко произнесла:

– Да ну тебя со своими приметами. Ты тоже с Эльки пример берешь? Жить в реальности надо, а

не гнаться за призраками! Обе вы не от мира сего! Марина вдруг всхлипнула, прижала к груди сломанный цветок и побежала к одноклассникам.

Все мысли Кати занимала теперь лишь погибшая Элла. На глаза наворачивались слезы, рыдания подкатывали к горлу. Не было сил смотреть на ребят. Катя сжимала в руках гвоздики и разглядывала окружающих. Каждый реагировал на потерю однокурсницы или родного человека по-своему. Брата Эллы держали под руки бабушка и дедушка. Парень был словно оцепеневший, он все время норовил куда-то бежать, как бывает у людей на грани буйного помешательства.

Окно на первом этаже было в следах пожара, неподалеку лежала куча какого-то хлама – обгоревшей мебели, бумажных листов, тетрадок. Катя отступила на несколько шагов от толпы, присела перед грудой пострадавших ученических тетрадей, вытянула наиболее уцелевшие и спрятала под куртку. Ей так хотелось сохранить то, что своей рукой писала Элла. Внимание Кати привлек еще один листок с надписями. Он был словно из другого столетия – пожелтевший, шершавый. На листке была изображена сама Катерина. И не в привычном образе, а в наряде XIX века: светло-желтом платье, заплетенными волосами по моде того столетия, с диадемой и шляпкой. Рисунок был похож на фотографическую карточку. Листок был подписан: «Моей драгоценной подруге Катрин на добрую память. Люблю тебя, моя дражайшая, милая, наивная Катенька. Всегда твоя Эля». Катя едва не расплакалась, смотря на эти трогательные записи, сделанные чернилами и старинными перьями.

Катя осмотрелась и живо представила себе картину пожара. Загоревшиеся шторы от неловко разоженной свечи. Вот лизнуло пламя занавески, перебросилось на карниз, побежало дальше по мебели, обжигая тетради. Кате стало страшно, едва она представила, как испугалась Элла, как потеряла сознание от удушающего дыма.

Элла была эксцентричной девушкой, не похожей на других. Она любила проводить разнообразные магические обряды и одевалась как типичная готка.

Сложно было поверить, что Эллы больше нет. Для Кати она была именно добрым нежным ангелочком, несмотря на свой необычный вид.

Катя познакомилась с Эллой год назад на первом курсе филфака. Тонкая невысокая девушка с длинными белыми волосами и в черном балахоне сразу привлекла внимание к себе. Кате она напомнила русалку. Позднее Катя стала видеть в ней героиню из популярной книжки про Гарри Поттера

– Полумну Лавгуд – необычную, не похожую ни на кого девочку. Элла была настолько загадочной, что Катя, самая что ни на есть заурядная, обычная Катя боялась к ней подходить. Катю удивлял выбор Эллы. Такая девушка, по мнению Кати, должна была учиться где-нибудь в Литинституте в Москве или в художественном училище в Петербурге, но никак не в провинциальном заштатном городишке в обычном педагогическом университете. Местный институт выбирали в основном учительские дочери, ребята, не поступившие в более престижные вузы, и в меньшей степени те, кто чувствовал истинное призвание к нелегкой профессии учителя. Элла не подходила ни под одну из категорий. Катя наблюдала за ней и поражалась ее эрудиции. Элла, казалось, отвечала совсем без подготовки. На древнерусской литературе могла с легкостью осветить историческую составляющую летописей, процитировать наизусть «Слово о полку Игореве», легко и просто охарактеризовать различные литературоведческие позиции – от начального изучения древних памятников до современных исследователей. Преподаватели, никогда не видевшие на своем веку ничего подобного, лишь удивлялись, где она распала такие уникальные сведения, доступные лишь серьезным ученым. Элла лишь улыбалась и ничего не говорила.

Элла была как будто не из этого мира. Светлые, почти что белые волнистые волосы рассыпались по плечам девушки, лишь по бокам обычно были заплетены две тоненькие косички и скреплены на затылке заколкой. На бледном лице выделялись большие голубые глаза, густо подведенные черными тенями. Несмотря на свой наряд и макияж типичной готки, она улыбалась, была светлым и добрым человеком. Родители Эллы и ее брата развелись несколько лет назад, по сути, бросили детей и разъехались по разным городам. И Элла на них не обижалась, считала, что родители вольны поступать так, как им пожелается.

Однокурсники, прежде сторонившиеся странной девушки, все больше проникались к ней, находя в ней приятного собеседника. Элла могла выслушать, постоять рядом, поддержать нужными словами. Она многим из них могла бы стать подругой, нежной и мудрой, но не хотела. Компании ее не привлекали, бесконечно веселиться и сплетничать было выше ее сил, поэтому большую часть времени она проводила одна с листом бумаги, карандашами и своими мыслями наедине. К ней не приставали, не лезли с неразумными вопросами, принимая ее такой, какая она есть. Элла близко общалась лишь с бывшей одноклассницей Мариной, с которой дружила давно. Хотя, казалось, что могло быть между ними общего? Нежная, загадочная Элла и реалистка до кончиков ногтей, резкая, грубая Марина. Бывшая одноклассница не раз фыркала над необычными увлечениями Эллы, но все равно ходила с ней на кладбища, не давала подругу в обиду «идейным готам» и восхищалась ее рисунками, которые Элла рисовала постоянно. Одних портретов Марины скопилось уже больше сотни. Элла любила писать портреты под старину, изображала Ярославну из «Слова о полку Игореве», Петра и Февронию, князей и княжон древних дворянских фамилий. Всякий раз,

когда они проходили очередную тему по истории, у Эллы появлялась картина того или иного исторического события или исторической личности.

Катя же была почти полной противоположностью загадочной Эллы. Она не обладала и четвертью способностей Эллы. Она много читала, выполняла все домашние задания, днями и ночами зубрила. В отличие от Эллы Катя не любила устные выступления, больше уделяя внимание письменным работам. Она обожала литературу XX века, зачитывалась Шукшиным, Шолоховым, Распутиным. Катя мечтала стать ученым, писать статьи и научные книги. Как интроверта ее больше привлекало общение с книжками и компьютером, нежели с реальными людьми. Из-за своей замкнутости Катя была очень наблюдательной и вдумчивой девушкой. На переменах она обычно стояла возле окна в большом, озаренном солнечным светом коридоре. Окна были большими, вся площадь вокруг университета открывалась как на ладони. Особенно Кате нравилось, когда светило солнце. Она не любила темноту, дождь, тучи. У нее сразу портилось настроение, и она чувствовала себя несчастной.

Изолированность от внешнего мира, неумение общаться и отсутствие друзей заставляли Катю полностью жить в мире книг. Временами ей хотелось найти подругу по интересам, но она не знала, как это сделать – как подойти, что спросить, как потом общаться. Ей было страшно испортить о себе впечатление, затруднить чужих людей своим присутствием. Катя сравнивала себя с героинями романов Шарлотты Бронте. Была такая же упрямая и одновременно скромная, как Джейн Эйр, тихая и вынужденно робкая, как Люси Сноу.

Потому тихую Катю считали гораздо более странной, чем жизнерадостную Эллу. К экзотическому внешнему виду Эллы вскоре привыкли как студенты, так и преподаватели.

Пожалуй, Катя и не смогла бы подружиться с Эллой, если бы не случай. Еще на первом курсе в холодном декабре выпал первый снег, днем вся природа озарялась ослепительным солнцем. Катя радовалась, что закончились дожди, приближалось время новогоднего волшебства. Филфак полным составом от первого до пятого курса сдавал зачеты. Первому курсу было сложнее всего. Они проходили эту процедуру впервые. Преподаватели лютовали. Похоже, ожидалась серьезная «чистка» курса, чтобы избавиться от ненужных и случайных людей, которым не нужна учеба. Перед зачетами активизировались даже прогульщики. Вылететь никому не хотелось, поэтому в спешном порядке поведение в группе нормализовалось, домашние задания стали выполняться, а долги постепенно закрывались. Способным и трудолюбивым было легче. У них не было долгов. Катя с легкостью сдала все зачеты, у Эллы были пропуски, поэтому она бегала с отработками. Но для нее все эти зачеты были делом пустяковым. Слишком простыми и легкими казались задания, а программа даже примитивной.

В двадцатых числах декабря на большой перемене Катя как обычно сидела на подоконнике на своем обычном месте и любовалась площадью, залитой солнечным светом. Мороз покрыл сыпучий снег настом, и солнце теперь отражалось от

стеклянного снега, создавая эффект зеркала. Завороженная зимним волшебством, Катя не слышала, как подошла Элла.

– Красиво, да? – улыбнулась Элла.

– Волшебство, – отозвалась Катерина.

Элла вдруг внимательно посмотрела на Катю своими пронзительными голубыми глазами.

– Не надоело здесь сидеть? Пойдем погуляем, смотри, какая погода замечательная!

Катя не знала, как реагировать на предложение Эллы, поэтому ответила то, что пришло в голову:

– А я еще с сентября мечтала с тобой подружиться, но не решалась подойти.

Элла вдруг звонко засмеялась.

– Вот уж не думала, что моя заурядная персона представляет для кого-то интерес.

– Да ты что, Элла! Я так тобой восхищаюсь. Ты такая способная и талантливая. Редко встретишь такого человека, как ты.

Элла мгновенно сделалась серьезной.

– Ты видела мои рисунки?

– Да! И они мне очень понравились.

Элла опустила голову, схватила Катерину за руку и тихо сказала приглушенным голосом:

– Пойдем отсюда. Любишь природу? Пошли на набережную любоваться!

Так постепенно шаг за шагом завязалась их дружба. Прогулки, домашние задания, которые они теперь делили на двоих, соединяли и сближали девочек. На учебе в университете Элла познакомила Катю с Мариной. Бывшая одноклассница Эллы сначала фыркала при виде Кати, но потом смирилась с ее присутствием. Элла умела настоять на своем.

Стремительными шагами приближались Новый год и Рождество. Эллу буквально завораживали рождественские таинства. В рождественскую ночь девочки собрались у Марины дома. Элла и Катя развесили на занавесках и окнах снежинки, восковые фигурки ангелов, звезды. На елке сияли волшебные рождественские огни, чуть подрагивали свечные огоньки. Элла рассказывала рождественские истории и неожиданно предложила:

– Давайте погадаем!

Марина до этого момента самым бестактным образом поглощала торт, так заботливо приготовленный Эллой и Катей. Стоило Элле предложить гадание, Марина едва не вылила чай на себя от неожиданности. Катя замерла возле елки с очередной фигуркой ангелочка.

– А может быть, погуляем? – выдохнула Марина, откашливаясь и вытирая со стола пролитый чай.

Элла вздрогнула, зажигая очередную свечку. Огонечек чуть было не потух. Подбежала к окну, посмотрела по сторонам, резко задернула шторы, повернулась к девочкам. Глаза Эллы блеснули страхом, губы подрагивали, а скулы заострились.

– Вы что, девочки? Какая прогулка? Сейчас же такое время, когда по улицам разгуливает нечистая сила! Я даже дверь не открою, чтобы не впустить ненароком!

Катя замерла на месте, ожидая, что Элла скажет дальше. А Марина захихикала.

– Хи! Сейчас да, всякая нечисть в виде алкашей и наркоманов под кайфом по дворам разгуливает и мечтает заполучить в свои лапы какую-нибудь девушку!

Элла не шелохнулась. Испуг сменился абсолютным спокойствием, почти холодностью.

– По преданию, в сочельник нечистая сила разгуливает по улицам. Это не шутка. Вот зажжется в двенадцать ночи Святая звезда, тогда пойдем на улицу.

Через час девочки вышли на улицу. На черном небе поочередно зажигались звезды, под ногами поскрипывал снег.

– Смотрите, сейчас загорится особая звезда! Она будет сиять необычным голубоватым светом.

Катя слушала, что говорила Элла, и смотрела на небо. Почудилось – звенит – колокольчики чистым серебряным звоном, не так, как на Пасху, не перезвонами, а певучим звонным гулом. Зажглась звезда – Святая звезда – голубовато-серебристая – рождественская! Загорелась звезда и все другое стало – снег, воздух, небо – святое. Рождество!

* * *

Катя вспомнила их последнюю встречу с Эллой. Они как раз защитили фольклорную практику. Катя тогда бросилась на шею Элле.

– Спасибо! Не видать мне отличной оценки без тебя!

Элла добродушно улыбнулась.

– Не прибедряйся. Фольклор – целиком твоя работа. А что я сделала? Лишь сходила с тобой в парк, с детишками поиграла, пока ты с камерой вокруг прыгала.

Катя засмеялась.

– У тебя какие планы на лето?

– Хочу съездить в Беларусь к тете с дядей, а ты? Катя опустила голову.

– В городе и на даче. Ничего нового.

Элла чувствовала неловкость ситуации.

– Прости, Катенька, я не могу взять тебя с собой. Для меня это особая поездка... Может быть, последняя, – Элла сжала губы, произнесла последние слова чуть приглушенным тоном.

Катя испугалась.

– Ты что? В смысле «последняя»?

Элла поняла, что сказала что-то не то, неестественно захихикала.

– Не обращай внимания на меня, это я так, сама себя пугаю! Я приеду в конце августа, подарок тебе привезу.

Катя улыбнулась.

Девочки почти до темноты гуляли по городу, сидели в парке, ели мороженое и обсуждали прошедший учебный год и предстоящее лето. Кате не давали покоя слова Эллы про «последнюю» поездку, поэтому, когда подъехала маршрутка, Катя бросилась в объятия подруги и воскликнула:

– Не нужно мне подарков, главное, чтобы ты сама приехала. Я буду тебя ждать!

Оказавшись в маршрутке, Катя обернулась, посмотрела в окно, чтобы еще раз махнуть рукой Элле на прощание, но остановка была пуста.

Летом Элла уехала к родственникам в Беларусь, и больше Катя ее не видела. Элла не отвечала на звонки, не пришла в университет в начале учебного года. Катя переживала, не знала, что произошло. Марина упорно отмалчивалась.

Быстро пробежал осенний семестр второго курса. Тяжелая сессия давала о себе знать. Катя не могла ни о чем думать, кроме экзаменов. Только в глубине души оставалось волнение за Эллу.

Новый семестр встретил Катю каким-то странным, необъяснимым чувством. В душе была тоска, внезапно где-то в глубине души поселился страх.

В феврале погода совсем испортилась. Снег таял, превращаясь в грязную кашу. Приходить домой с мокрыми ногами и в грязной обуви – что может быть хуже. С неба сыпалась какая-то мокрая пороша. Не поймешь – то ли дождь, то ли снег. Липкий, колючий. Солнца не было уже почти три недели. Страх в душе Кати усиливался с каждым днем. Снились какие-то странные сны с огнем и криками Эллы.

Все разрешилось самым страшным образом. Второкурсники готовились к паре по польскому языку, как вдруг появилась взволнованная староста и сделала объявление:

– Ребята, вчера погибла Элла Красникова.

Дальнейшие слова Катя уже не слышала. Негнущимися пальцами достала кошелек, отдала старосте деньги – просили, кто сколько может дать на похороны.

Занятие по польскому прошло мимо Кати. Оцепенение не спало даже тогда, когда прозвенел звонок с конца пары. Закинула тетрадки в сумку, вышла из кабинета. Ничего вокруг себя не замечая, спустилась с лестницы, не помнила, как застегнула куртку. В маршрутке Катя забилась в самый дальний угол и отвернулась к окну.

Обычно она ехала домой и рассматривала прохожих. А сейчас не хотелось ничего. Тупо смотрела в окно и ничего не видела.

Не помнила, как дошла до дома. Только оказавшись в квартире, дала волю слезам и больному крику. Мама напугалась, стала расспрашивать. Катя, захлебываясь в рыданиях, рассказала, что погибла Элла.

Накануне похорон Эллы Катя не спала совсем. Не могла, не получалось, сон никак не приходил. Катя просто лежала на кровати с закрытыми глазами и гоняла в голове мысли. Она не могла поверить, что Эллы больше нет. Катя вспоминала весь прошлый год до мелочей. Как они вместе обсуждали занятия, как готовились к семинарам, как ходили гулять. Кате хотелось заплакать, закричать, завывать, но, словно железными тисками, удерживала подступающий крик, боясь разбудить маму.

* * *

Похороны прошли как во сне.

Элла в гробу, одетая в свадебное платье, была такой маленькой и хрупкой, черты нежного лица заострились. Тонкие ручки сжимали крест и икону. Кате хотелось упасть рядом с гробом, закричать, зарыдать, но она сдержалась. Она не любила сцен на глазах у всех.

После поминок Катя поехала домой. Погода снова стала пасмурной, солнце исчезло, под ногами опять захлюпала грязь со снегом. Катя зашла в квартиру, забилась с пледом в кресло. Голова отчаянно болела, по вискам словно стучали отбойными молотками. Слезы лились не переставая. Душа рвалась на части, ведь Элла была ей как сестра. Катя ощущала пустоту, при каждом воспоминании об Элле сжималось сердце. Вот как бывает.

Отходила Катерина долго. Не могла общаться ни с кем и в то же время не могла оставаться одна.

Но однажды к Кате во сне пришла Элла. Это была особенная летняя ночь накануне Ивана Купалы. Катя долго не могла заснуть. Внезапно окно распахнулось, и Катя увидела девушку. Бледная, прозрачная, в длинных белых одеяниях и с крыльями ангела за спиной – настоящий призрак. Катя ахнула – Элла! Заостренные черты лица, тонкие губы, вьющиеся белые волосы. Катя протянула руку, чтобы прикоснуться. Призрак отшатнулся. Катя услышала голос погибшей подруги:

– Не горюй, живи дальше! Я не хочу, чтобы обо мне плакали. Не в слезах заключается память о человеке, а в добрых поступках.

Призрак Эллы исчез так же неожиданно, как и появился. Только белое перо от ее крыльев осталось лежать на полу.

Наутро Катя проснулась. Она поняла, что это был сон. Но как объяснить перо?

Катя училась жить без подруги. Вспоминала ее слова о «последней» поездке. Так она знала, знала, что умрет. Только откуда? Загадка какая-то. А Элла всегда казалась сверхъестественным существом, добрым, всепрощающим, не от мира сего.

Катя всегда и всю жизнь будет помнить свою подругу, временами скучать по ней. А Элла всегда будет мудрым ангелом. Наверное, правильно говорят, что такие, как Элла, не живут долго. Не для этого мира они созданы.

АКВАРЕЛИ АНТОНА ЛАЗАРЕВА

Антон Александрович Лазарев – молодой художник, состоит в молодежной секции Ульяновского регионального отделения ВТОО «Союз художников России», преподаватель ДШИ № 7, руководитель творческого объединения «Ёжики-художники». Антон Лазарев был признан «Лучшим преподавателем сезона 2018–2019 года по изобразительному (декоративно-прикладному) творчеству» на ежегодной Международной премии Artis-2019, г. Санкт-Петербург. В 2020 году был отмечен дипломом I степени лауреата конкурса среди молодых работников культуры «Обломовское яблоко».

В 2015 году благодаря инициативе Антона, на базе ДШИ № 7 было создано творческое объединение «Ёжики-художники», целью которого стало объединить учащихся разных возрастов, преподавателей и творчески активных людей города. В 2021 г. творческое объединение прошло процедуру защиты на присвоение звания «Народная самодеятельная студия». Ученики Антона Лазарева неоднократно становились лауреатами различных конкурсов, участниками арт-резиденций, представляли свои работы на региональном и Всероссийском уровнях.

В июне этого года Антон Лазарев принял участие в программе арт-кластера «Таврида» в образовательном заезде «Новые русские сезоны (Республика Крым)». Антон поделился своими воспоминаниями о поездке: «Больше всего меня поразила природа и ландшафты бухты Капсель и как вписаны в нее арт-объекты, созданные участниками других заездов. Конечно

же мне, как художнику, больше всего понравилась организация работы по мастерским. Мастерскую пленэрной живописи курировали педагоги – Денис Козловский – живописец, член Союза художников России, организатор и куратор молодежных пленэров и Михаил Кононыхин – живописец, монументалист, член Союза художников России. Мастерскую набросков курировал Сергей Хлопков – график, живописец, монументалист, член Союза художников России. А мастерскую скульптуры – Роман Макаров – скульптор, член Московского союза художников. Каждый куратор школы разработал свой индивидуальный план работы с участниками, использовал свой концепт ведения занятия.

Уникальность этого опыта заключалась в том, что непосредственно участники не были закреплены за отдельной мастерской и могли переходить по направлениям, меняя сферу деятельности и расширяя свои компетенции. В первой половине дня можно было отправиться на пленэр, а во второй – делать наброски.

Из поездки я привез много впечатлений, много интересных знакомств и много новых идей для творчества».

*Материалы рубрики «Молодые голоса»
подготовила Алина Осокина*

**РАСКРЫТЫЙ АЛЬБОМ.
АКВАРЕЛИ АНТОНА ЛАЗАРЕВА**

Церковь Трех Святителей

Цветы Тавриды

Мазуров Антон
2021

Домик в деревне

Маяк

Август

Бухта Кансель

ОСЕНЬ ВЛАДИМИРА ЛАМЗИНА

НЕ ОСКУДЕЕТ ПЛАСТОВСКИЙ РОДНИК

Школа-пленэр «Киселевские зори»

Храм в Старом Измайлово

А.К. Адамович за работой. Старое Измайлово

Старое Измайлово. Работа А.К. Адамовича

Портрет Сони художника из Москвы В.В. Самсоновой

Сонечка в образе крестьянской девочки

Художник из Москвы В.В. Самсонова и Сонечка

Пруды Измайлово

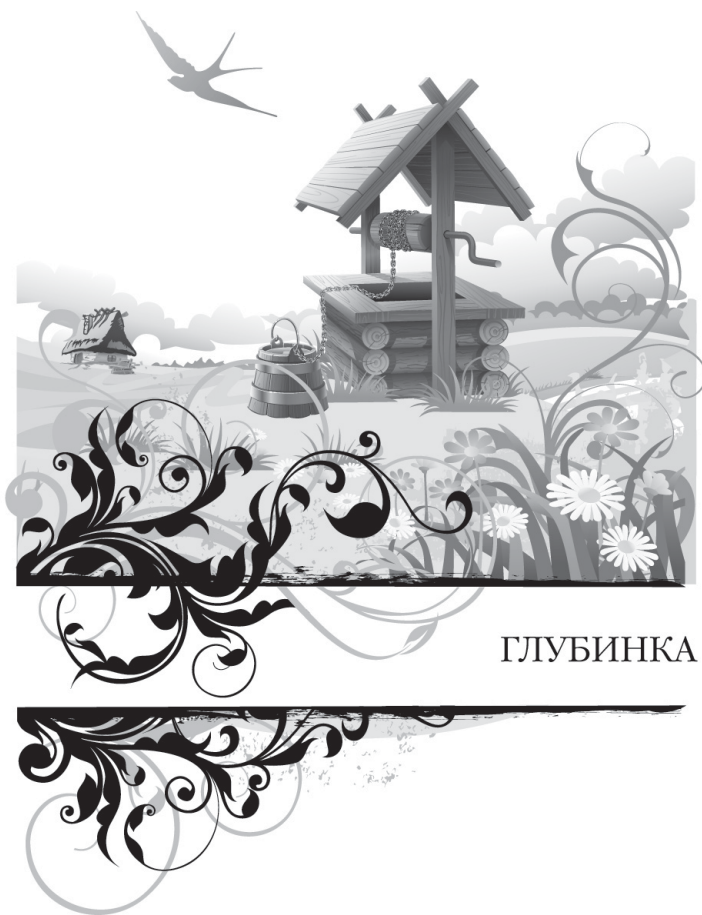
На Измайловском пруду. Работа К.Б. Пастушенко

*Интерьер в Акиуатском музее.
Работа Э.В. Гавшинской из Архангельска*

Акиуат. На ступеньках музея

ГЛУБИНКА

Людмила СЛЕСАРСКАЯ, член Союза художников России, инициатор и постоянный участник школы-пленэра «Киселёвские зори. Сохраняя культурное наследие»

ГДЕ ЦВЕТУТ КИСЕЛЁВСКИЕ ЗОРИ...

Озёрный край – посёлок Измайлово Барышского района Ульяновской области. Как же здесь красиво! На прудах ранним утром стелется седой туман, превращая берега, отражения на воде, домики, рыбаков с удочками в утренней прохладе в сказочную нереальность. Сколько же здесь той первозданной старины, которая так манит художников! Вот оно, щемящее сердце, ощущение родины! И это ощущение так хочется передать нашим детям. Показать им красоту природы и житейскую простоту, познакомиться с новыми местами, историей и культурой народов нашей области, научить трудиться, дружить и любить свой край.

В течение десяти дней в конце июля этого года в Измайлово проходила X Всероссийская передвижная творческая школа-пленэр «Киселёвские зори. Сохраняя культурное наследие». Вот уже десять лет существует этот проект имени художника Виктора Васильевича Киселёва (из села Комаровка Майнского района – ученика, а в дальнейшем близкого друга

и соратника знаменитого художника Аркадия Александровича Пластова).

Каждый год пленэр посвящается новому имени художника – уроженца Симбирской-Ульяновской области. Участники наших пленэров открыли для себя имена таких художников, как Аркадий Александрович и Николай Аркадьевич Пластовы, Виктор Васильевич Киселёв, Николай Грошев, Иван Семёнович Сорокин, Александр Степанович Гордеев, Виктор Алексеевич Пятницкий, Василий Григорьевич Худяков, Василий Иванович Зуев.

В этом году школа-пленэр проходила под девизом «Творчества связующая нить. Измайлово – Москва» и посвящалась жизни и творчеству художников В.В. и И.В. Трофимовых. Вадим Вадимович Трофимов – известный художник-анималист – и его дочь Ирина Вадимовна Трофимова – художник декоративно-прикладного творчества – являются внуком и правнучкой владельца измайловской суточной фабрики помещика Н.Я. Шатрова.

По программе пленэра прошли мастер-классы различного направления изобразительного искусства и творчества, знакомство с жизнью и творчеством известных и малоизвестных художников, родившихся в Ульяновской области и Симбирском уезде, с живописными историческими местами, культурным наследием нашего края. На юбилейный пленэр приехали заслуженные, профессиональные художники, члены Союза художников России, члены Молодёжной секции УРО ВТОО «Союз художников России», Творческого союза художников России, студенты Пензенского художественного училища, учащиеся детских художественных школ и школ искусств, их преподаватели из Москвы, Казани, Архангельска, Самары, Нижнего Новгорода, Пензы, Сызрани, Губкина Белгородской области, Ульяновска, Димитровграда, Новоульяновска, Барыша, Измайлова.

Поездки в сёла Акшут, Новая Ханинеевка и Старое Измайлово были особенно запоминающимися. В Акшуте мы посетили краеведческий музей, научились играть в кости, примерили головные уборы прошлого века, а внучка заведующей музеем Веры Петровны Фоминой переоделась в крестьянскую девочку, создав кроткий, нежный образ, который вдохновил всех художников на создание портрета. Есть в Акшуте, недалеко от музея, небольшое озеро. На озере цветут розовые лилии нимфеи – как маленькая Франция художника Клода Моне. Как же это красиво!

Недалеко от Измайлово, у подножья высокого хребта, поросшего дремучим лесом, расположилась Новая Ханинеевка. Там свои особенности пейзажных мотивов. В центре села – древний собор, здесь находится подворье Жадовского монастыря. На подворье всего три монахини. С матушкой-настоятельницей Иоанной я встретилась в 2019 году, и она попросила привезти детские работы для акции «Дети строят храм». Только через два года я смогла привезти обещанные рисунки и поделки.

В Старом Измайлово стоит Собор-богатырь, поросший молодью берёзок. Как вихры волос из-под шлема, торчат они из-под основания купола. Он стоит, обдуваемый ветрами времени, но оно над ним не властно. Вот такой образ богатыря, несломленного, непобедимого, получился на картинах участников пленэра.

По итогам пленэра, в конце мероприятия, всегда, проходит большой просмотр. На этот раз было представлено более 540 работ, среди которых членами экспертной комиссии были отобраны лучшие этюды и зарисовки для отчетной выставки. Она откроется в середине октября в Ульяновской областной научной библиотеке и продлится до конца ноября. А в фойе Дома культуры посёлка Измайлово в день торжественного закрытия мероприятия развернулась наша большая выставка. Жители посёлка приходили на выставку целыми семьями, с маленькими детишками на руках. Для них это редкое событие – на картинах привычные, родные уголки посёлка, увиденные по-новому, взглядом восхищённого художника.

И, конечно, неизбежаемым для нас стал концерт художественной самодеятельности торжественного закрытия пленэра. На сцене звучали стихи, песни,

В Новой Ханинеевке

Мастер-класс по акварели члена Союза акварелистов России, преподавателя ДШИ – 6 Е.А. Муравьёвой

Художник из Димитровграда Н.И. Костюченко показывает мастер-класс по графическому натюрморту

Художник из Казани С.В. Чучева – постоянный участник нашего пленэра

слова благодарности организаторам мероприятия, состоялось награждение дипломами и подарками участников и лауреатов конкурса по итогам пленэра.

Прощание было трогательным, но мы надеемся, что в Измайлово приедем ещё не раз.

В разные годы пленэры проходили в разных местах и не раз вдохновляли на стихи.

Пленэр «Киселёвские зори» 2013 года

(посвящённый заслуженному художнику РСФСР В.В. Киселёву – единственному ученику заслуженного художника РСФСР А.А. Пластова, прошедший под девизом «Путь ученика к учителю» к 120-летию со дня рождения А.А. Пластова. Проводился в с. Белое Озеро Майнского района).

* * *

Студенты Пензенского художественного училища

На Белом озере, где шепчут камыши,
Красив пейзаж в любое время года.
Мы на пленэр туда с тобою поспешим
Из разных городов в объятия природы.
Там ветер спит на крыльях стрекозы,
Дубрава летнею прохладой манит,
Со смехом дети убегают от грозы
И утренние стелятся туманы.
Где цветастый петух, пробуждая рассвет,
Горделиво привстал на заборе,
Где у озера будто бы берега нет,
Там цветут «Киселёвские зори».
Нарисуем поля, где растут ковыли,
Как пасутся стада на бугре у опушки,
Воробьёв, что купаются дружно в пыли,
И лесок, где кукуют кукушки.
Нас время торопит и надо успеть
Подметить, что месяц похож на подковку,
Запомнить, в рисунке запечатлеть,
А утром поехать с тобой в Комаровку.
Заплачет ива в Комаровке над ручьём,
Приметит на погост заросшую дорогу;
Мы к Виктору Васильичу зайдём
И в мыслях обратимся к Богу.
Наталья Викторовна встретит в мастерской,
А дети станут так внимательны и тихи
И где та просека укажет нам рукой,
Которою отец ходил до Прислонихи.
Расскажет, как он с Пластовым дружил,
Как на войне пришлось ему непросто
И то, что он в окопах пережил,
Дало зерно для творческого роста.
Не оскудеет Пластовский родник,
И сам художник в мастерскую приглашает,
Здесь каждый, как прилежный ученик,
Его уроки мастерства перенимает.
Ступени творчества нам хочется познать,
Какими Пластов с Киселёвым шли дорогами,
Хотим всё это нашим детям передать,
И мы считаем их своими педагогами.
Нас детский дом на время приютит,
Накормит вкусно пирогами и борщами,
А время незаметно быстро пролетит,
И мы обнимемся с тобою на прощанье.

Предварительный просмотр работ

Людмила АБРАМУШКИНА родилась в 1947 году в р.п. Карсун Ульяновской области. Окончила Куйбышевский (ныне Самарский) мединститут. С 1977 года работала врачом. Член литературного объединения «Родники». Печаталась в газете «Карсунский вестник», в сборниках карсунских поэтов, журнале «Мономах», художественно-публицистическом альманахе «Гостинный двор», в альманахе «Гончаровская беседка». В 2011 году вышел сборник стихов «Вечная тема – вечный вопрос», в 2017 году – «Природы величье».

Член Ульяновской организации Российского союза профессиональных литераторов.

ОСЕННЯЯ МЕЛОДИЯ СТИХА

ПРОВИНЦИЯ

Провинция, ты – грусть, ты – и величье.
Мудрей, душевней крупных городов.
Твой тихий голос, скромное обличье
Мне дороги, как первая любовь.

А люди из провинции добрее,
И души чище, и светлей слеза.
Здесь взгляд приветливый тебя согреет,
Здесь чаще встретишь добрые глаза.

Тебя, моя глубинка, нынче славлю,
Тебе желаю быть самой собой.
Здесь совесть остаётся в жизни главной.
С тобою связана одной судьбой.

И разделил он участь всей
Поруганной России нашей:
В местах порушенных церквей
Всё – клубы. Все поют и пляшут.

Теперь уж вряд ли возведут
Такой собор на месте прежнем,
Колокола не пропоют,
Взывая к Вере и Надежде.

Примечание: районный Дом культуры находится на месте взорванного в 30-е годы Крестовоздвиженского собора. Всего в Карсуне было разрушено 8 церквей, расстреляно 37 священнослужителей.

07.07.2002 г.

КРЕСТОВОЗДВИЖЕНСКИЙ СОБОР

*«Где ввысь молитва возносилась,
Нетороплива и проста,
Я о прощенье попросила
Многострадального Христа»
Т. Эйхман*

Крестовоздвиженский собор,
Как перенес ты святотатство,
Когда разнес тебя топор
Безбожного и злого братства.

Когда плевки и грязный мат
В тебя от нелюдей летели.
И колокола звонкий лад
Замолк. И птицы ввысь взлетели.

Старушка древняя одна
Шептала бледными устами:
– Кому ж так церковь не нужна?
О Господи! Что будет с нами?!

А дальше был ещё террор,
Тюрьма священникам – за веру.
Карсун с тех самых давних пор
Лишен был церкви, в Бога веры.

ГОСПОДЬ, УСЛЫШЬ МОЮ МОЛИТВУ

Господь, услышь мою молитву,
Не дай пропасть во чреве дней,
Дай силы выстоять нам битву
За наших внуков, сыновей.

Как много в мире сатанизма,
Греховных мыслей, грязных дел.
Любимая моя отчизна,
Ужель страдать лишь твой удел?!

Духовность, поднимись, как прежде,
И сбрось оковы злых цепей.
Я буду жить теперь в надежде
На Господа и на людей.

Молиться буду за спасенье
Своих родных, своих детей.
Я у Христа прошу прощенья
И радости на склоне дней.

НОЧНАЯ ПЕСНЯ

Тревоги и заботы дня
Укрыла ночь под тёмной шалью.
Глядит сквозь ветви на меня
Лишь месяц ласково-печально.

Плывут по небу облака
Сегодня с юга и на север,
Глядит Юпитер свысока,
Чуть улыбается Венере.

И кажется, что я плыву
Меж облаков к прозрачным далям,
Во сне плыву иль наяву,
Теперь пойму уже едва ли...

* * *

Осенняя мелодия стиха...
В ней грусть, печаль и светлые напевы.
Уж сброшены зеленые меха,
И дерева – с лицом стыдливой девы.

Им зябко на пронзительном ветру,
Им в роще неуютно безголосой.
Пойду наряд, что сброшен, подберу,
Укрою ветви, чтоб не жгли морозы,

Чтоб не коснулись нежной красоты.
А по весне, когда набухнут почки,
Среди туманной ночи, немоты
Чуть слышно вдруг проклюнутся листочки...

Как много тысяч лет тому назад,
Природа снова будет одеваться
В немыслимо дикий наряд
И снова будет солнцу улыбаться.

ПЕСНЯ ЛЮБВИ

И жёлтая осень, и жёлтые листья –
Как символ печали, прощанья с тобой,
Познание вечных, непознанных истин
И ветра осеннего грустный гобой.

Мы оба тогда понимали, что скоро
Закончится тихого счастья мираж.
Автобус уж подан, дорога – на город.
Давно упакован нехитрый багаж.

Недолго история наша продлится,
Так... несколько писем да фото одно.
А время быстрее и быстрее всё мчится,
Разлуку с тобой нам познать суждено.

Такой доброты и любви не встречала,
Движений души твоей, трепетных губ.
Ни с кем никогда так легко не молчала,
Никто на всём свете мне не был так люб.

Тебе посылаю души своей трепет,
Тебе – постоянство заботы моей,
Свет листьев зеленый и птенчиков лепет,
Всю гамму весеннюю солнечных дней.

А мне – только грусть, мне теперь только мука,
Коль в жизни с тобой разминуться пришлось.
Терновый венец мне надела разлука,
О чём нам мечталось, совсем не сбылось.

Но верится, время не властно над нами,
Хоть след твой затерян... зови не зови.
Как Волга ласкает свой бег волнами,
Так я тебе шлю свою песню любви.

ДВЕ НЕДЕЛИ СЧАСТЬЯ

Всего лишь было две недели счастья,
А эхо встреч – на долгие года...
Спасение в житейское ненастье,
Тепло весны – в шальные холода.

И пусть не будет счастьем продолженья,
Но свет его, как память прошлых лет,
Со мной всегда... я знала то паренье
Любви красивой, чувств высоких след...

ОСЕННЯЯ ЛЮБОВЬ

Осенняя любовь, приди средь серых буден
И золотом листья всё озари вокруг.
Рябина красная пускай ударит в бубен,
А солнце позднее пускай очертит круг.

Осенняя любовь теплом своим согреет,
И будет мрачный мир хоть чуточку светлей.
И пусть я не Ассоль, нет капитана Грея,
Но поздняя любовь – она еще милей.

Николай КОВАЛЬ родился 1 декабря 1941 года в Красноярском крае. Автор поэтических сборников «Таежный звон», «Лунная нежность», «Далекое эхо», книги рассказов «Марафон». Живёт в Ульяновске.

ПРОСТОЕ СЛОВО

БЕЛЫЙ ЯР

Столетний бор. Взметнулись сосны к небу.
Сквозь кроны льется света божий дар.
Иду по лыжному запутанному следу
В разбросанный вдоль Волги Белый Яр.

Белым-бело от праздничного снега.
Вокруг покой в нетронутой глуши.
Трещит мороз, но так тепло от бега
И так легко в естественной тиши.

Столетний бор. Лыжня. Опушка.
Сосновый бор, серебряная пыль.
Не слышно птиц. На елях снег подушкой.
А между сосен снежная кадриль.

Мороз трещит. Краснеют нос и щеки.
Лыжня бежит, петляя меж стволов.
Зима и лес даны нам, как истоки
Душевной радости и добрых снов.

Зима в лесу – загадочная сказка.
Сосновый бор... Серебряная пыль.
Горит закат малиновою краской,
Окрашивая лес и нашу быль.

Столетний бор. К тебе благоговею.
Так много лет, но ты еще не стар.
Упала мгла. Лесной иду аллеей
В уютный санаторий «Белый Яр».

Зажглась луна. Волшебная картинка.
На берегу большой реки Итиль.
Искрится небо в звездах-льдинках.
Сосновый бор. Серебряная пыль.

ПОНИМАНИЕ

Зажмёт тоска порой тисками,
Собрав печаль всю в хоровод.
Застынет сердце, словно камень,
И чёрным станет жизни свод.

Вдруг так захочется напиться
Иль набузить назло себе.
Душа, безликою синицей,
Словно запуталась в силке.

Войдёт жена. Присядет рядом.
Положит руку на плечо.
И тихо скажет: «Ну, не надо,
Терзать себя. Так суждено!»

Уйму печаль, оставлю муки;
Встряхну себя: «Чего поник?!»
И улыбнусь. И вскину руки:
«Я что, как будто не мужик?!»

На второй план сведу проблемы.
В душе родится снова песнь.
Жизнь – это всё-таки богема.
Прекрасно то, что мы в ней есть.

Как мало надо, чтобы снова,
Заря зажглась, даря тепло.
С любовью взгляд. Простое слово.
И понимание... Не зло.

СУИЦИД

Мать склонилась над могилой,
Стонет, плачет... Горек жизни свет.
Сына... Сына схоронила,
Большого на свете горя нет.

Страшное досталось испытание,
Потянуло ветром ледяным.
«Ну, за что такое наказание?
Господи! Верни его живым».

От отчаянья, что висло над душою,
От беспечно брошенных обид,
Сын ушёл, пожертвовав собою,
Совершив бездумный суицид.

За слезой, во взгляде помутневшем
Жизни нет. Сплошная пустота.
Прядь волос, от горя поседевших,
Выбилась с-под чёрного платка.

Почему так жизнь не справедлива?
Замыкает жизнь не тем ключом...
В горе мать склонилась над могилой,
Опершись на крест худым плечом.

Говорят, что время душу лечит,
Если только боль не ворошить.
Может быть, с годами станет легче,
Да сейчас нет мочи пережить.

Если станет чем-то свет немилым,
Мысль мелькнёт: «А стоит дальше жить?» –
Вспомни мать над свежей могилой
И о тех, кто будет хоронить.

ХОЛОДНЫЙ МАЙ

Помутнели небеса и степи.
Холодом укутан майский день.
Дня закат судьбу мою зацепит,
Подарив измены грязной тень.

Почему всё так несправедливо?
Всем словам всего лишь грош цена.
Ведь цвела в душе неприхотливой,
Без разливов тёплая весна.

Побреду с тоской один по городу.
Вечер. В окнах чей-то свет горит.
Мне под ноги пляшущие бороды
Стелют в лужи с грустью фонари.

Пусто как на многолюдной улице...
В одиночестве и сердцу холодней.
Оттого со мной грустят и хмурятся
Огоньки умытых площадей.

Дует ветер резкими порывами,
В этот день... Холодная весна...
Вместе с ложью душу ночь накрыла,
Майский дождь оставив для меня.

Успокоюсь. Будет всё, как надо.
Сам Всевышний ведаёт судьбой.
Будет цвет у яблоневого сада,
Стает лёд с души моей весной.

Может быть, когда-нибудь...
Но вряд ли...
Слишком поздно. Ночь уже темна.
Жизнь пойдёт зашоренным порядком,
Выпив свет любви моей до дна.

У СВИЯГИ

Ласкает тёплый ветер вечер.
Река, застыв, готовится ко сну.
Расправив ласковые плечи,
Лес принимает ночи мглу.

Зеркальна гладь. Полунемая
Вода играет с зарёй.
Обрыва линия кривая
Нависла молча над рекой.

В печали ива ветви свесив,
Пред сном любит себя собой.
Над горизонтом выплыл месяц,
Весёлый, худенький, живой.

Ещё нет мглы. Сереют дали.
Граница дня и тьмы ночной.
Рыбки в фонтанчики играют,
Тревожа бархатный покой.

Шуршит камыш. Цветы, качаясь,
Роняют запахи духов...
Такой вот миг зовётся раем
Среди всех жизненных миров.

ТЕРПИ, СЫНОК

Твердила мать, когда мне было больно:
«Не плачь, сынок! Немножко потерпи...»
Её забота и спокойствие невольно
Надеждою светилась впереди.

И я терпел, сжимая свои зубы,
И молча ждал, когда утихнет боль.
Сознание, что кто-то тебя любит,
Свою волшебную играло роль.

«Терпи сынок! Такая наша доля.
Чем меньше слёз, тем крепче человек!»
И я терпел, с ума сходя от боли,
По сути весь прожитой жизни век.

Я не кричал и не просил пощады.
Не плакался друзьям по пустякам.
Огонь и трубы жизненного ада
Прошёл скорбя по полным падежам.

«Терпи, сынок! Другим прощай пороки.
Всяк человек судьбы своей кузнец!»
Её слова, как для реки притоки,
Для дома как положенный венец.

Знавал обиды, подлость, унижения.
Порой бессилие тем же дать в ответ.
«Терпи, сынок! Терпеть – не поражение.
У нас есть то, чего у подлых нет».

Года прошли. Уж матери нет ныне.
Но те слова в душе своей храню.
Порой, как боль, тоска нахлынет,
До слёз... Но помню и терплю.

У ГРАНИЦЫ

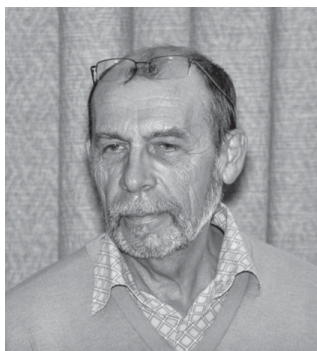
Глиссады всех житейских линий
Сошлись во мне, войдя в мой дом.
Не сплю. Гадаю. Жду. Быть может, ныне
Раздастся горя жутковатый гром.

Не развязать и, видно, не распутать,
Не разрубить проблемного узла.
Одна из многих линий почему-то
В нём бороздой по сердцу пролегла.

То затихая, то, как вихрь, взмывая,
Над ней кружит печали боль моя.
Пока терплю. И боль не роковая,
Но это же, понятно мне, пока.

А ночью снова грусть меня поднимет,
Вгоняя в горло жутковатый ком.
Как будто вязь моих заветных линий
Разъединилась страшным сном.

Вдвоём с мечтой придётся мне отныне
Жить, торопясь, считая метроном.
Пока вдали в прекрасном небе синем
Не грянет мой последний в жизни гром.

Дмитрий ВОРОНИН родился в 1961 году в г. Клайпеда Литовской ССР. Сельский учитель. Член Союза писателей России, член Конгресса литераторов Украины. Автор трех книг прозы. Лауреат премии им. А. Куприна. Лауреат издания «День Литературы» (Москва), лауреат I премии конкурса «Защитим правду о Победе» газеты «Литературная Россия».

Публиковался более чем в 40 «толстых» литературных журналах России и ближнего зарубежья, в том числе «Нева», «Наш современник», «Молодая Гвардия», «Север», «Подъём», «Сибирь», «Дон», «Простор», «Огни Кузбасса», «Сура», «Аврора», «Гостинный двор», «Бийский вестник». Участник 50 альманахов и прозаических сборников в России и за рубежом. Живет в п. Тишино Калининградской области.

ЛОСЬ

К деду Андрею Ивановичу на юбилей собралась вся родня: сыновья с жёнами, дочки с мужьями и внуков целый детский сад. Кто к празднику пешочком до дедовой избы дотопал, а кто и поездом добирался несколько суток. Пашка, к примеру, старший сынок, аж из самой Москвы приехал, шутка ли? А ещё на поздравление родня ближняя и дальняя стеклась. Сёстры, братья Андрея Ивановича, родные да двоюродные, за ними сёстры да братья бабки Лены, жены именинника, а там дружки закадычные да и просто соседи по улице. А коль улица на деревню Смирновку всего одна выстроилась, так можно прямо и сказать, что собрался у деда Андрея почитай весь народ, что в Смирновке проживал, человек за сто, а может, и под все двести, если с детишками высчитывать.

Ну и ничего удивительного, ведь дед Андрей в большом почёте среди деревенских числился. В прежние времена агрономом в колхозе работал, а помимо профессии ещё и рыбак, каких поискать, да грибник заядлый. Ко всему прочему пасеку содержал единственную на всю деревню. Так что если за медком

для профилактики от всяких там хворостей, ну это, известное дело, к Иванычу, к кому же ещё? И не драл дед Андрей за лакомство в три шкуры, как в городе, кому и задарма мёду нальёт, если человек хороший или в бедности. А уж рыбак какой, тут и разговору нет, ас да и только, корифей, хоть сейчас в академики. И о наживке всё до скрупулёзности выложит, и о снастях поделится, где какую рыбёху ловить да в какую погоду обскажет, так что мужики к нему всегда за советом, поскольку кто же в Смирновке не рыбак? Но Андрей Иванович всё же главный. А грибник каковский! Пойдут компанией в лес и лишь в опушку вступятся, его и нет уже. Все в корзинах только дно успеют прикрыть, а дед Андрей с полной навстречу идёт и в усы ухмыляется. И на спор не раз мужики руки били, кто быстрее грибов нарежет, да всяк Андрею Иванычу проигрывали.

Ну во всём как будто Андрей Иванович мастак, но оказалось, что не во всём – охотник никакой. Тут и не его вина даже, просто в самой Смирновке вообще никто не охотился, как-то не заложились эта пристрастность в местных жителях. Рыбаки, ягодники, грибники – это да, а вот к охоте – с полным безразличием, и разговор о сём ни разу не заводился. А если б кто и завёл, поглядели бы на него, как на умалишённого, да и весь сказ.

Но как бы то ни было, а Андрей Иванович частенько сны снил, как с двустволкой по лесу на медведя крадёт, и чем ближе к зверю подбирается, тем всё больше и больше душа обмирает, а сердце колоколом в груди бьётся. А уж когда медведь вот он, рядом, стрельни только да тащи добычу домой, сон резко обрывался, и Андрей Иванович, весь потный, непременно вскрикивал и просыпался. Не давал, видимо, деду Андрею покоя тайный зов предков. Тайну эту про охоту жена Лена знала. Ну а где жена знает, там и дети ведают.

Вот на юбилее Пашка и достал неожиданный подарок – ружьё-двустволку, купленное по случаю у спившегося горе-охотника. Все так и ахнули, а Андрей Иванович даже слезу пустил, так расчувствовался. Целый час ружьё главным объектом внимания было, каждому мужику подержать хоть с полминуты оружие требовалось, к плечу прижать, мушку навести. Ну и разговоры под это дело охотничьи завязались, хоть на охоту отродясь никто в самой деревне не хаживал. Однако тут вдруг открылось, что и Николай, сосед, где-то на Дальнем Востоке медведя обкладывал, и Петро, брательник двоюродный, на волков на Северах ходил, и даже Минька, деревенский пропитуха, зайцев десятками стрелявал, когда на Урале срочную служил.

– Всё! – вскричал распалённый разговорами и спиртным Андрей Иванович. – Завтра спозаранку иду на охоту, на лося, вот! Кто со мной, полпятого сбор у ворот.

– А чего ж на лося-то, Иваныч? Мобуть, на медведя зараз? – расхрабрились мужики. – Медведокто, слыхивали, шастат по округе. Вона, в Красных Баках у Игнатовых улии разорил, а в Карпунихе у Михеевых бычка задрал. Так, можа, и подстрелим его? Себе мяско, соседям – подмога.

– Нет, сказал! – стукнул кулаком по столу Андрей Иванович. – Говорено на лося, значит, на лося. Ён – зверь справной, на всех хватит. К тому

ж не стреливал его никто, как я вас послушал. Вот, Колян медведя брал? Брал. Так что ж, я опосля его вторым буду? Ни в жисть! Петька на волка ходил? Ходил. На фиг мне с ним повторяться. Минька зайцев травил? Травил. Не хватало, чтоб я ещё с Минькой вровень ставился!

– А чем я ниже тебя? – поперхнулся самогоном Минька.

– Сиди уж, пока не прогнали, – зашикали на него дружки-выпивохи.

– Кто лису гонял, кто тетерю выслеживал, кто белку в глаз подбивал, кому кабан на пути попадался, – продолжал Андрей Иванович загибать пальцы, – а вот на лося хаживать ещё никому не приходилось. Вот я первый на деревне его и порешу.

– А почему ты? – вновь вскинулся охмелевший Минька. – А можа, он мне достанется!

– Ага, на живца. Бутылку с брагой к палке привяжешь и тут же поймаешь. Они ж, лоси, только что на твою брагу и поклёвывают, особо спозаранку, когда похмелье на них, как и на тебя, западает, – засмеялись кругом.

Поутру человек двадцать вышли к лесу. У каждого за плечами мешок с припасами и нож за голенищем. А Минька, тот даже корзину прихватил и вилы впридачу.

– По грибы, что ли, Митяй? – встретили его смешком охотники.

– Ничё и не по грибы, – нахмурился Минька. – Под мясо взял, мешок вот прохудился.

– А вилы пошто? Лося в глаз бить?

– Да не-е. Он зайцев вилами натывает. Он же у нас мастак по ушастым. Вчерась сам бахвалился, как в солдатах с ними воевал, весь Урал по сию пору без зайчатины живёт.

– Брешите, брешите, – беззлобно отбивался Минька от подтрунивавших мужиков. – А вот коль какой кабан вдруг на вас или волчара выскочит, вы что, его ножиком тыкать будете?

– И то правда, мужики, – вступился за Миньку дед Андрей. – Хоть по рогатине какой прихватите, всё ж какая-никакая подмога.

Через минут десять каждый подобрал себе по дубцу, и все дружно двинулись вслед за Андреем Ивановичем.

– Куда идём-то, Иваныч?

– В Горелый лес. Я там о прошлом годе два раз лосей видал, когда по бруснику хаживал.

– Так, мобуть, куда поближе? Это ажно чуть не десять километров топать, ежели не больше, даль така, – захныкал Минька.

– А ты не ходи, кто неволит, – отмахнулись от него охотники. – Зайцы, поди, и тут-то шлындают. Наловишь на уху.

– Вот ащё, – насупился Минька и поплёлся вслед за всеми.

Пройдя лесом больше половины пути, дед Андрей объявил привал, и все охотники с радостью попадали в траву. Лес в июльскую пору был хорош: светел, тёпл и приветлив, шелест листвы и щебетанье птиц – всё это очаровывало и наполняло лёгкостью и мечтательностью.

– Эх, хорошо-то как! – растянулся на траве во весь свой богатырский рост Пашка. – Благодать да и только!

– Это да-а, – согласно кивнул дядька Петро. – Лучше нашего леса в мире и нет ничего.

– Ну ты сказанёшь, – засмеялся Пашка. – Мир – вон какой огромный, и Африка, и Америка. Мест-то сколько всяких, не счесть. Есть, небось, и покраще.

– Места-то, может, и всякие, а такого, как у нас в Смирновке, зуб даю, нету, и не говори зазря, – зажмурил от удовольствия глаза Петро. – Где ащё стокмо ягод да грибов растёт, а? А где, чтоб березнячок, а в ём берёзки как на подбор, по-девичьи в струнку вытянулись, а? А чтоб сосняк корабельный до самого неба или ёлки распушены, будто павы? То-то! Вона и речка наша, Шиманиха, каких нет нигде. Чистотелая, величаявая, рыбами да раками богатющая, что там Волга!

– Ты на Волге-то бывал хотя б?

– А чего на ей бывать, интерес какой? Рыбы нет, грязна от берега до берега, река разве? Токмо время тратить.

– Насчёт времени это ты, Петро, точнёхонько угадал, – поднялся на ноги дед Андрей. – Хорош загорать, идтить пора, а то так-то и зверя не увидим.

И только он это произнёс, как где-то вдаль раздался громкий дикий рёв.

– Что это? – аж подпрыгнул от неожиданности Минька. – Слыхали?

– Не глухие.

– Мобуть, гром, – предположил кто-то, когда рёв повторился.

– Какой гром, – сдвинул брови Николай, – медведь энто. Токмо он так ревьёт, а боле некому.

– Можя, не он, – побледнел Минька, крепко схватившись за вилы. – Можя, кто другой?

– Кто – другой?

– Ну, лось али кабан.

– Ты чё, Минька, сбрыкнулся, чего ли? – скривился Николай. – Ты ещё скажи, что энто заяц. Говорено же, медведь, токмо он так орёт, за версту слышно.

– И чаво таперь? – заволновались вокруг.

– Чаво-чаво! Да, ничего. Вона у Андрея Иваныча ружо, будем из его косолапого стреливать. Так ведь, Андрей Иваныч?

– Так, конечно, оно так, – почесал затылок дед Андрей. – Токмо я на лося собирался, патроны на него с вечера заготовил. Подойдут ли на медведя?

– Ну, так чего паниковать-то зазря, – вытащил из пачки папиросу Николай. – Доставай давай скорей, Иваныч, из сваво мешка патроны да заряжай, покуда медведь ещё далече.

– Давай, давай, Иваныч, – воспрянули духом мужики.

– Чичас, чичас, робята, – засуетился дед

Андрей, развязывая мешок.

Несколько раз перевероротив содержимое котомки, дед Андрей ошарашено уставился на мужиков.

– Нету, – испуганно прошептал он. – В другой мешок вчерась, видать, положил.

– А-а-а, – заскулил Минька и обессилено опустился на землю.

– Чаго деять-то будем? – виновато обвёл всех взглядом Андрей Иванович.

– Бежать надоть, – предложил кто-то.

– Не-а, – хмуро покачал головой Николай. – От косолапого не убежишь – догонит и порешит поодиночке.

– На дерева надоть лезти, – захныкал Минька, – можя, он мимо пробежит.

– Каки дерева, дурак али как? Медведь по деревьям что белка.

– Так и что?

– А вот что, – обвёл всех суровым взглядом Николай и затушил папиросу. – Встанем кругом, дубцы в руки, у кого ножи тоже. Могёт, косолапый спужается и в сторону уйдёт, а нет, так хоть спробуем его завалить чем есть. Даст бог, получится.

На том и порешили, встали в круг и стали ждать. Минут через пять со стороны густого ельника послышался хруст веток и дикий рёв. А ещё через полминуты еловый лапник раздвинулся и...

– Ах, кудрить её раз так, – выдохнул кто-то из охотников, – это ж корова!

На мужиков из-за ёлок вылупилась рогатая, с белыми пятнами голова заблудившейся бурёнки.

– Ничего себе! Я чуть в портки не наложил со страху, а тут такое! – возмутился пришедший в себя Минька.

– А чё, надо было медведю заместо коровы, чтоб, значит, наложил? – рассмеялись вокруг.

– И чё теперь делать будем?

– Ничё, назад до дому вертаться надоть.

– А как жа лось? – совсем расстроился Минька. – Я ж мясца собрался подловить, даж корзину взял.

– А вона лось, – хохотнул Петро, указывая на бурёнку. – Вот сведём домой, а там и оприходуем, ежели бесхозная.

Так незадачливые охотники и вернулись в Смирновку несолоно хлебавши. Мало того, ещё и трофейная корова оказалась пропажей бабки Полины. После такого случая дед Андрей подарок свой велел сыну назад в город свезти, чтоб ничего о его конфузе не напоминало.

Но всё ж один раз в пару-тройку недель, как только стадо коров возвращалось в деревню с выпаса, на боку у бурёнки Андрея Ивановича краской было кем-то жирно выписано: «Лось».

Елена ТОКАРЧУК (06.07.1976 – 09.06. 2007), поэт, выпускница Литературного института им. А.М. Горького, член Российского союза профессиональных литераторов, лауреат премии «Филантроп».

МОЙ ВЕТЕР СИНЕГЛАЗ И БЕСКОРЫСТЕН...

Тема ветра в стихах Елены Токарчук

ЧИТАЯ ГЁТЕ

Если небо гребнем ветра
Мои волосы расчешет,
Если солнце, словно руки,
Мне лучи свои протянет,

Если я нужна кому-то,
Хоть бы кошке, хоть собаке,
Или нищему слепому,
То и это тоже – счастье.

12 августа 1990 г.

ЧИТАЯ ГЁТЕ. ПЕСНЯ ДРУГОЙ ЛОТТЫ

Снова осень. Воеет ветер,
Лижет пальцы рук.
Ты не умер. Где ты, Вертер,
Благородный друг?

Пережди душевный кризис
И ночную тьму.
Через даль ко мне приблизись –
Я тебя пойму.

**Воет ветер на охоте
В чаще сентября...**
Есть ты, Вертер,
Или Гёте сочинил тебя?

Осень 1990 г.

* * *

**Ах ты, ветер мой,
Ветер мой сумасшедший.**
Небо словно икона,
Когда в нём – кровь.

И дышать оказалось
Намного легче,
Чем прощенья просить
За свою любовь.

И дышать оказалось
Намного лучше,
Чем казаться травой,
Набирающей седь.

**Ветер будет,
И тёмными будут тучи,**
Когда что-то
Заставит меня улететь.

12 мая 1991 г.

* * *

Похоже, я туда вернусь,
Где до рождения была...
Там в облаках лежала грусть,
Луна невидимо плыла.

А что ещё? Над морем мрак
И тихим голосом – слова...
Там скалы раздвигались так,
Как пасть рассерженного льва.

**Там дикий ветер, мелкий дождь
И перламутровая грязь.**
Вот я вернусь, а ты уйдёшь –
Луна невидимо нашлась...

Неужто в этом я права –
Трава немачеха-немать,
Не женщина? – А те слова?..
– Да сколько же их можно ждать?!

25 мая 1991 г.

* * *

«Перегоним!», «Перегнали!» –
Слышишь крики, грустный голубь?
– Неизведанные дали –
Это вера? – Это голод.
Нет хлеба в поле рынка.
На катках дерутся дети.
Наша Родина – снежинка. –
Это помнит синий ветер.
Из трубы по старой крыше
Дым обманутый струится.
Грустный голубь, тише, тише –
Вижу каменные лица.
Чем-то рот у них завязан.

Что-то красное в глазницах.
Улетаешь? Ты обязан
В эту жизнь и мне присниться.
Нам бы не было печали,
Если б мы не знали сроду:
«Перегоним!», «Перегнали!»,
«Зададим врагам народа!»
Небо – серость и желтинка,
Как доступный облик Бога.
Вот и падает снежинка.
Вот и счастья в ней немного.

14 декабря 1991 г.

* * *

**Я в незнакомой темени
От ветра трепещу.**
Я в незнакомом времени
Знакомого ищу.

Боюсь дышать и слышаться
Ликующей струной.
А дерево колышется,
Как память, надо мной.

От страха неизбежности
Лишаюсь ярких сил.
И только пламень нежности
Никто не загасил.

Мелькают духи юркие.
Полёту их учу.
И простираю руки я
К Господнему лучу.

21 января 1997 г.

ДУХ ДЕРЕВА

Дух дерева, задобри утро,
Отдай нескучные пути.
Мне было как-то неуютно
Одной проснуться и уйти.

**Избавлюсь от шального ветра,
Управившись с моей судьбой.**
Я стану женщиной бессмертной
И жизнь дарующей стопой.

И небеса, взирая грустно,
Ведут над птицами контроль.
Я стану так лелеять чувства,
Чтоб претерпеть и страх, и боль.

Так напою стволы и корни
Живой водицей – допьяна...
А ветер свищет самый чёрный.
Вздыхает дух... И я одна...

*6.03.1991 г.
г. Уральск*

ПЕРВАЯ ТРАВКА

Первая травка – такая зелёная...
Нет у тебя ни цветов, ни плодов.
Свежим дыханием весны вдохновлённая,
Таянем льдистых, последних снегов.

Первая травка – застенчиво-нежная...
Новорождённой касаюсь души.
Ты отклонить излишня подснежника
Лёгким движеньем своим не спеши.

Первая травка – такая упорная!
Ты прорастаешь сквозь камни и лёд.
Слышу триумф твой в звучании горна я,
Солнце в лучах тебе жизнь свою льёт.

Первая травка, воистину первая!..
В сердце вселилась весенняя боль.
Встану с тобою под ветра напевы я,
Первая песнь моя, радость, любовь!

3.02.2006

* * *

Ветер с поля желанье навевет
Век представить сиреневым сном.
Без прозрачной холодной идеи
Проживать мне и ночью, и днём.

Жизнь имеет полнейшее право
Предлагать все вопросы стихам.
Только польза ей будет на славу,
Как построят поэзии храм,

Как прольются жемчужные тучи
Или будет кружить вороньё.
И поэзию жизнь не научит,
Обучаясь всему у неё.

Жизнь не встанет на месте, я тоже,
Чтоб любовь разгоралась ясней
И сильнее в сто крат, и моложе
За кирпичною тяжестью дней.

Без прозрачной холодной идеи
Проживать мне и ночью, и днём.
И опять расцветут орхидеи
В затуманенном сердце моём.

12 июля 1993 г.
г. Уральск

* * *

Старайтесь сказочно прожить
И пожелать лесной прогулки.
Лучей прерывистая нить,
Птенцов распев какой-то гулкий,

Скрипит усталый бурелом.
Вы на меня свой лес примерьте.
Погибнет дерево с дуплом,
Но для души не будет смерти.

Вчерашний помните ли день?
И мы в альбоме рисовали
Любви мучительную тень,
Глаза с ресницами в овале.

Казалось утро молодым
За тихим вальсом листопада.
Вчерашний помните ли дым?
А может, помнить и не надо.

И чувствам звёздные огни
Роняют праведные звуки:
«Старайтесь сказочно прожить
И пожелать лесной прогулки».

А снам не верим. – **Ветерку –**
Его попробуйте, потребуй.
Мы отравили ту тоску,
Что от травы тянулась к небу.

25 марта 1992 г.

* * *

Если творца вызывают на суд,
Это не дно, а вершина.
Лишь бы огонь, на котором сожгут,
Взяли на обжиг кувшина.

Лишь бы соратник не был отделен
Ветром от божьего стяга.
Выше всего непреложный закон –
Верить в незыблемость блага.

Путь высоты познавая в своём,
Статься послушным ушам.
Всё, что когда-либо мы создаём,
Это в итоге мы сами.

1 апреля 1997 г.

* * *

В любой реальности – стезя,
Как нитка в бусах. Детский смех,
По волнам вечности скользят,
Всему сияет и во всех.

Ничто и жизнь – одно и то ж,
Раз разлагается собой.
Но чуешь творческую дрожь
Души небесно-голубой.

И в темноту – попробуй кань,
Попробуй светлое оставь!
Её живительная ткань
Сближает прошлое и явь.

Непредсказуема душа.
И ей бессмертье дано.

И ветер, листьями шурша,
Поёт мне: «Ты и я – одно».

31 мая – 30 июня 1997 г.

* * *

Корабельщик, веди своё судно
К неземным, но божественным странам,
Чтобы плаванью быть неподсудным,
Быть спокойным к ветрам и туманам.

Не завидуй товарищам кормчим.
Ненадёжна дорога чужая.
Мы бездумно с собою покончим,
С предназначенных курсов съезжая.

Дух, сокрывшийся в плаванье дальнем,
Ни живущим сльвёт, ни умершим.
Но в труде своём многострадальном
Обретает окраску и стержень.

15 – 18 ноября 1996 г.

РОМАШКА

Я возьму злую боль. Я – ромашка.
Приложи меня к ране в крови.
Мне ничуть не мешает растяжка
В кинофильме последней любви.

Но когда ты кого-то заметишь,
А в глазах будет буря и страх,
**Сумасшедший, отчаянный ветер,
Погадай на моих лепестках!**

18 июня 1995 г.
г. Ульяновск – п. Баратаевка

* * *

А раньше того, что само по себе,
Ничто не сумеет родиться.
**И я подчинялась небесной судьбе,
Как ветру – смиренная птица,**
Как солнцу – травинка, как льдинка – ручью.
Вчера – трудовая сторица.
Сегодня – я с жизнью сыграла вничью,
Умея во всём раствориться.

10 июня 1997 г.

* * *

Мой ветер синеглаз и бескорыстен.
Я – странница, страница, пустота.
Как данница невысказанных истин,
Написанных с кленового листа,

Я вижу на высоком небосклоне
Мятежный, взбунтовавшийся закат,
Жалею чёрный дуб, что здесь не понят,
И верю, что виновного простят.

Желтеет равнодушный, душный город.
Здесь кто-то заблудился где-нибудь.
Дождитесь, я приду к вам очень скоро!
Мне нужен добрый Бог и добрый путь.

27 сентября 1991 г. г. Вологда –
21 февраля 1992 г. г. Уральск.

* * *

Письмо моё – действие священное.
Письмо моё – действие свободное.
Занятье моё вдохновенное,
Занятие богоугодное.

Ведь всё, что пишу я, сбывается,
Стирается междоусобица.
Душа моя тем согревается
И к свету подняться торопится.

Все знаки на строчке таинственны,
Как звёзды, как почки весенние,
О том, что тебя, мой единственный,
Встречаю я в каждом творении.

Все знаки как музыка к опере,
Как ветер для крыльев и скорости.
Храню я на сердце твой оберег –
Учат твой – от сглаза и хворостей.

Хожу я по полю да по лесу,
Несу тебе хвойную веточку.
Душа моя – к южному полюсу,
Рука – к восходящему светочу.

Пишу тебе справа налево я.
Ищу я рассветную истину
И шепчет мне мышка полёвая:
«Сейчас я Великое вытяну!»

12 июля 2001 г.

Благодарим Л.К. Токарчук
за предоставленные к публикации стихи
Елены Токарчук

ЖИТЕЙСКИЕ ИСТОРИИ

Евгений САФРОНОВ, фольклорист, кандидат филологических наук, член Союза писателей России, лауреат премии им. И.А. Гончарова. Автор более 30 научных публикаций, в том числе монографии «Сновидения в традиционной культуре. Исследование и тексты». Автор книг: «Жонглер и другие рассказы», «Ерошкин – предсказатель из Кувая. Повести и рассказы», «Экспедиция. Бабушки офлайн». Рассказы публиковались в журналах «Симбирскъ», «Карамзинский сад», «Литерра Nova», сборниках «Отражения», «Первая роса», «Зеленая лампа 2.0».

ЗНАХАРИ: ДЕТСКИЕ ЗАКОНЫ

Повесть

Часть 1. Дядя Витя

Глаза тонули в небе. Облако напоминало лицо воздушной девочки, ангела. Я смотрел на нее и, казалось, говорил с ней о чем-то. Троллейбус выплёвывал из сине-белых дверей одного пассажира за другим, а я обходил его спереди, смотря на расплывающиеся очертания облачного девичьего лица.

Эта привычка – смотреть на небо – была моим суеверием. Одним из многих. Нельзя наступать на края уличной брусчатки, а иначе с мамой приключится беда. Надо обязательно положить в чай именно одну ложку сахара, а не две – или в школе ждет плохая отметка. И надо почаще смотреть в небо, так как там – энергия, сила, нужная для жизни. Если

вас в детстве никогда не мучили подобные страхи и представления, я вам завидую; моя же голова в девять лет порой пухла от придуманной паутины странных примет.

Участок дороги, которую я переходил, был четырехполосный: два потока в одну сторону, два – в другую. На одной обочине, куда я направлялся, прямо перед входом на вещевого рынок торговали жареными семечками четыре старушки. Позади остался большой магазин, который никогда не пустовал. Тогда еще не было супер-, мега- и гипермаркетов, и магазин назывался просто магазином – независимо от размеров.

Когда мой взгляд наконец-то опустился с небес на землю, я уже катился на капоте сбившего меня автомобиля – темно-синей «восьмерки». Я не помню визга тормозов, хотя черный след от шин на асфальте был длиной больше четырех метров: я потом не раз приходил к этой троллейбусной остановке, чтобы понять, как такое могло произойти. До того, как машина остановилась, я успел заметить сквозь лобовое стекло лицо водителя и его черные усы с коричневыми волосками возле самых ноздрей. Мужчина, сидевший за рулем, застыл с судорожно выпрямленной спиной. Его расширенные, пустые от ужаса глаза мне затем не раз снились.

На капоте я лежал левым боком, голова почти касалась стекла. Когда колеса «восьмерки» замерли, я оттолкнулся рукой, что была прижата к капоту, и снова очутился на ногах. Через три-четыре минуты поток авто встал в обе стороны – на всех четырех полосах. Это я помню совершенно отчетливо. Синеватый троллейбус так и остался на остановке, народ хлынул из него, чтобы посмотреть поближе на сбитого мальчишку. К ним присоединились покупатели из большого магазина и рынка. Но главную роль сыграли бабушки – торговки семечками. Провибрешь в толпе, самая маленькая из них схватила успешного вылезти водителя за рубашку и закричала: «Убил мальчонку! Уби-ил!» Ее головной платочек сбился набок, в уголках глаз заблестели слезы.

Собравшиеся будто только этого и ждали: плотное кольцо тел вокруг нас сжалось еще сильнее, с разных сторон послышались советы и крики. Кто-то предлагал вызвать скорую, кто-то – милицию. Водитель с сухими, посиневшими губами прислонился к полуоткрытой дверце «восьмерки» и не отрывая взгляда от маленькой бабушки, перешедшей на причет. Какая-то молодая, раскрасневшаяся девушка лет восемнадцати сидела передо мной на корточках и спрашивала:

– Где у тебя болит, мальчик? Мальчик, где больно? Почему ты молчишь?

– Да у него шок, вы что: не видите?! – говорила пожилая женщина, стоявшая где-то сзади. – Его надо в больницу. Вон детская поликлиника совсем рядом!

– Убил мальчонку! Сыно-очка уби-ил! – продолжала причитать старушка, леденя кровь окружающим.

– Смотрите! Не упустите его! – кричал про водителя с задних рядов мужской голос. – Пусть ведёт мальчишку в больницу сам! Пусть за всё платит, за его лечение!

– Мальчик, где ты живешь? Родители с тобой? Мальчик, мальчик, ну почему ты молчишь?! – снова и снова спрашивала девушка с красными щеками.

Я, наверное, действительно тогда вызывал жалость и сочувствие: моя худоба была притчей во языцех у родственников; острые коленки покрыты вечными царапинами и синяками; вихры на голове всё никак не хотели приглаживаться. Но я точно не был ни стеснительным, ни молчуном. Я просто не мог понять: зачем сбежали сюда все эти люди? Ведь со мной ничего не случилось.

– Мне не больно! – наконец произнес я. – Со мной всё в порядке. Можно я пойду?

– Да у него шок! – опять пожилая женщина

сзади. – Мальчик, где ты живешь? Ты сейчас и десяти метров не пройдешь – свалишься! Машина-то неслась как сумасшедшая! Да от тебя мокрого места не должно остаться. Не пускайте его, ведите его в больницу!

А еще в том возрасте я был «упёртым как баран», – это по выражению моего отчима. Поэтому если я решил отправиться домой, то уж не удержишь.

– Со мной нормально всё! Я пойду, ладно? Я пойду, пойду... – и я начал решительно продвигаться вперед. Людская стена расступилась, и через несколько шагов я оказался возле табуреток и коробок, брошенных продавцами семечек. Через пару минут рынок остался позади, и лишь тогда я оглянулся. Толпа постепенно редела. Поток автомобилей снова заструился по двум крайним полосам. Фигурка горе-водителя всё еще стояла возле автомобиля, со всех сторон окруженная атакующими бабушками.

Ни одного перелома, синяка или ушиба я у себя не нашел – ни тогда, ни потом. Родителям ничего не рассказал, так как прекрасно знал, чем это могло закончиться: мать перестала бы пускать меня дальше родного двора.

Дня через два я и думать об этом забыл: девять лет – такой возраст, когда каждое утро будто начало новой жизни. Зато у меня было время поразмышлять об этом позже. Случайное везенье? Поток воздуха от автомобиля, мягко опустивший меня на капот? Электромагнитная буря? Не знаю. Возможно. Возможно...

Но дело в том, что были и другие странные случаи.

Глава 1

Мы сидим с Катей в белом «Рено». Катя – врач-кардиолог по образованию, окончила местный госуниверситет. Сейчас она работает в какой-то фармкомпании и занимается разъездами – отсюда ее служебный новенький авто, на котором мы с ней катим в село. Катим с Катей.

– Спасибо вам, Леша, за дядю Витю! Он мне помог – правда, ненадолго. Но это хоть какой-то результат. А от многих ведь вообще пользы нет никакой...

Мы с ней в чем-то похожи: и я, и она уже лет двадцать колесим по разным районам и областям России-матушки. И ищем мы с ней примерно одних и тех же людей.

– Я вам говорила про точку? Она такая черная, жирная, как клякса. С белым ободком по краям. Омерзительная, как опарыш. Я ее вижу уже много лет, вот даже сейчас, когда на вас смотрю. После того, как полечусь, – вроде бы всё пропадает, а затем – снова здорово. И другое есть еще. Разное.

Катя ведёт машину неуверенно, хотя, как я потом узнал, права она получила лет восемь назад. Да и ходит она так же. И, мне кажется, даже дышит не слишком глубоко. Будто ее кто-то сильно напугал в детстве, и страх этот, какое-то внутреннее стеснение остались с ней навсегда. В этом смысле я понимал ее как никто другой: ведь я пережил встречу с Женщиной в синем и Куклой.

– А я вас представляла совсем иначе – старее, что ли. Голос у вас старше внешности, – она

подмигивает поворотником, и белый «Рено» уходит направо – на Сызранскую трассу.

Ага. Мне такое часто говорят: про голос и внешность. Мы с Катей знакомы уже больше года, но офлайн встретились только сегодня. В январе 2017-го на сотовый мне позвонила женщина, которая прочитала мою заметку в местной газете. В статье рассказывалось о встречах с несколькими «лечащими» – знахарями, знающими, колдунами, экстрасенсами. Называть их можно по-разному, суть от этого не меняется. Там же я описал свою беседу с дядей Витей – известным по всей округе целителем. Звонившая представилась Катей и попросила у меня его адрес. Я ей тогда отказал.

– Видите ли, Екатерина, я – исследователь. Антрополог, фольклорист. Роль справочника по местным знахарям – совсем не моё. Я не сообщаю ни имён, ни адресов, это одно из важных условий моего с ними общения. Именно поэтому люди, с которыми я встречаюсь, мне доверяют. Ведь вы понимаете, что в газетной статье все имена вымышлены? И названия сёл там не указываются. Так что – извините... – и нажал на смартфоне отмену вызова.

Позвонила она снова через четыре дня; сказала, что это вопрос жизни и смерти, а затем расплакалась. На этот раз я смилостивился.

– Послушайте, я рассуждаю так: ведь есть «знающие», которые помогают только ближайшим родственникам, а есть те, к чьему крыльцу давно протоптана народная тропа. Дядя Витя относится ко второму типу, у него много клиентов. Поэтому-то я и решил сделать для вас исключение, – что и говорить, отвечал я ей как распоследний ученый сукин сын: ни слова в простоте. С превосходством в тоне и снисходительностью в содержании. Но она в ответ лишь поблагодарила и пообещала мне «давать регулярные отчеты» (это уже ее выраженьице) о своих поездках к колдуну в Барышский район. И Катя свое слово сдержала.

* * *

– Я к нему ездила, Лёша. Дядя Витя очень плох. Да, со здоровьем. Я ведь врач, я вам говорила? Послезавтра к нему поеду опять: повезу лекарства и тонометр хороший. У него давление скачет и с кишечником проблемы, – рассказывала она мне по телефону после первой поездки к знахарю.

Я тогда порадовался за них: Катя помогла со здоровьем восьмидесятилетнему целителю, а он лечил ее. Каждый на своем уровне. Хорошо ведь! Хорошо, да не очень. Как всегда, были нюансы.

– Знаете, сколько я по таким людям уже мотаюсь, Лёша? – говорила моя новая знакомая, когда звонила в третий раз. – Много-много лет. А толку почти никакого. У дяди Вити вроде что-то стало улучшаться, но он ведь сам болен, ему самому помощь нужна...

Катя во время отчетов никогда не упоминала о том, чем именно больна, что ее заставило столько лет потратить на поиски своего целителя. Я надеялся, что при личной встрече смогу это выяснить: всё-таки до того села, где жил колдун, на машине было два часа ходу. За это время можно побеседовать о многом. И я не ошибся.

– У меня был парень, познакомились в

университете. Он учился на юриста и ничего особенного собой не представлял. Но я в том возрасте почему-то считала, что одиночество – это плохо. Такой настрой внутри был: «Надо найти кого-нибудь, надо кого-нибудь найти обязательно...». Кто-нибудь и попался. Серый (я его всегда «Серым» называла, ему это нравилось, кстати) оказался жутким бабником, а главное – поучал меня бесконечно. Принялся играть роль «тирана-муженька», хотя мы и не думали с ним расписываться, – продолжает моя собеседница, внимательно глядя на несущиеся навстречу грузовики и фуры.

Самое интересное произошло, когда Сергей решил познакомить свою подругу с матерью. Именно этот момент Катя считает поворотным в своей жизни.

– Мамаша у него оказалась из этих – богомолок. Так я, по крайней мере, думала сначала. Весь зал в иконах, занавесочки, свечечки, стаканы с пшеном, коричневые тетрадошки с засаленными страницами. Она накрыла нам богатый стол: ты что, ведь драгоценный сыночек девушку привел! Завязался разговор. И я вроде как ей понравилась. «Ты, Катенька, моего Серёженьку не обижай, береги его. Он кровиночка моя единственная...» – это она меня так наставляла полушёпотом, когда «кровиночка» курить на балкон выходил.

Слово за слово и мамаша под самый конец застолья совсем разоткровенничалась.

– «Я ведь лечу, Катенька, людям помогаю. Порчу могу снять, сглаз. Даже одержимых принимаю, вот в той комнатке, у меня комнатка отдельная, вот в ней клиентов и отчитываю». Она мне так говорит и говорит, а сама посматривает на меня исподтишка: мол, как я, поняла ли всё, что нужно? А когда Серенький-то в последний раз на балкон курить побежал – перед тем, как провозжать меня пойти, – эта старая ведьма ко мне наклоняется и шепчет: «Ты, ягодка, знай: я сына в обиду никому не дам. Он, если кого полюбил, – то навеки. А если его обидит кто – долго не проживёт! Поняла?» И улыбается, золотыми коронками блестит. Я с тех пор никогда у них и не была. Одного раза – выше крыши.

Через месяц Катя с Сергеем разбежались окончательно. А затем появилась точка. Жирная, как опарыш. Но не сразу. До этого были сны. Подробностей она уже не помнила: очень уж ей хотелось поскорей всё забыть.

– Я помню главное: сижу будто я на стуле вот в той самой комнатке, где мать Серого клиентов своих принимает. А я туда в реальности даже не заглядывала никогда. Мамаша стоит надо мной, блестит своими коронками да улыбается страшно. В руках у нее – длинная металлическая спица. И она медленно приближается ко мне, и этой спицей упирается прямо вот сюда, – женщина отрывает левую руку от руля и показывает пальцем между глаз, чуть выше переносицы. – А затем вертеть начинает, крутить спицей, словно хочет череп мне проколоть. Я кричу, пытаюсь подняться со стула, но всё тело будто туго-туго нитками шерстяными спутано, шелохнуться нельзя...

Когда Катя впервые увидела точку, то не обратила на нее особого внимания: может, давление или глаза просто устали. Но черный опарыш с белым

ободком становился всё больше и больше. Девушка кинулась в больницу, ей там назначили различные обследования – была и у окулиста, и томограмму головного мозга сделали. Вердикт таков: всё в норме.

– Вот тогда я по бабушкам и по экстрасенсам начала ездить. Искала их везде – и по объявлениям в газетах, и по сарафанному радио. Затем, как интернет появился, стала рыть там. Я и работу-то из-за этого себе нормальную найти так и не смогла: хорошего ведь кардиолога с руками оторвут – везде нужны. Но я устроилась в такое место, чтобы ездить побольше можно было. И искать. Вот с тех пор и катаюсь, Леша. Полжизни уже прокаталась, а всё без толку.

Едем дальше. Катя кивает на кафе впереди: мол, перекусить, Алексей Викторович, не желаете? Я соглашаюсь, и за чашкой кофе беседа продолжается.

– А вы почему этим занимаетесь? Ну я понимаю: наука и всё такое. Но наука-то разная бывает, почему именно такая странная тема – целители, колдуны всякие? Если не секрет, а, Леша?

Я пожимаю плечами и думаю, с чего же начать. С прабабки-знахарки? С Женщины в синем? С Куклы? Или всё-таки с дренажной трубы и Поля? А может, с того момента, когда меня сбила машина? Или со сновидений? Боже, как же тяжело рассказывать самому...

– Даже не знаю. Просто интересовался всегда таким – с самого детства. Склонность, наверное, была, – говорю я, чуть растягивая слова, и с облегчением вижу, что Катя кивает в ответ. Это означает, что мне снова можно вернуться к роли слушателя. Рассказывать – не мое.

– А у меня тетя во всё это верила и интересовалась: вещие сны, тарелки летающие. У нее домовый свой был, представляете? Уверяла, что он маленький, мохнатенький, она ему кашку на ночь оставляла в особой тарелочке. И печенья на стол клала. А утром всё исчезало – даже крошек не оставалось, хотя жила тетя одна, ни кошек, ни собак у нее не водилось: терпеть животных не могла, аллергия у нее.

Потом мы переходим на дядю Витю. Мы к нему едем, чтобы помочь: хотим немного прибраться в его избе, заменить кое-какие лекарства и – главное – договориться с соседями, чтобы они к нему почаще заглядывали. Человек он одинокий, слепой, даже печку не может себе разжечь.

– А раньше ведь очереди из машин возле его двора выстраивались: всем нужен был. А сейчас заболел, постарел, принимать не может – и все о нем позабыли, – вздыхает моя собеседница.

Я смотрю ей в глаза и думаю про себя: «Все да не все. Вот ты, Катя, всё-таки на что-то надеешься, раз каждую неделю у него бываешь? Или просто привязалась к больному старику? Бывает же бескорыстная помощь и человеческое отношение...»

– Я извиняюсь, Катя... – начинаю я и не знаю, стоит ли продолжать. – А точку вы эту прямо сейчас тоже видите?

Женщина быстро смотрит на меня, потом отворачивается и кивает.

– Надеетесь, что дядя Витя вам поможет?

Она молчит некоторое время, а затем допивает остатки чая одним глотком.

– Он ведь уже помог, Леша. Только он и помог.

Мне, может, осталось-то чуть-чуть у него долечиться. Вдруг силы к нему вернуться?

После кафе мы едем минут двадцать молча. Я смотрю на текущие по бокам бесхозные осенние поля, и память непроизвольно перескакивает на детство. Да, тогда тоже было поле, точнее – Поле. И вход туда, на ту сторону...

* * *

– Лови его, лови! – Колька кричит так, что у меня гложет левое ухо. – Дай-ка я сам, Лешка, дай сам, держи ведро!

Руки у него полочнее, он вгоняет раскрытые ладони в мутную, красноватую от ржавчины воду и через секунду с торжеством показывает мне маленькое темно-коричневое чудище с клешнями.

Потом, когда мы в ведре притащили двух этих «рачков» к бабушкиному двору, дед, матерясь, достал из сарая лопату и перерубил нашу добычу на мелкие куски.

– У нас и так медведки всю помидору подкосили, а вы их еще с поля тащите!

Вот так мы узнали, как выглядят таинственные медведки. Бабушка не уставала жаловаться на эту напасть, а показать их нам всё никак не могла. Но Поле всегда показывало: оно делилось с нами открытиями каждый день.

– Пойдем в Нагорный, а? – однажды предложил Колька. Он хоть тоже бывал у бабушки наездами, но знал эти места получше, чем я. Шли через Поле. Нагорный видно не было, так как его скрывали холмы и насыпь с асфальтовой дорогой.

Поле – пахнувший свалкой, пылью и сожженной травой пустырь – мы излазили вдоль и поперек. Но там, за дорогой, таилась совершенно неведомая земля, терра инкогнита, которая только и ждала нас, обещая самые захватывающие приключения. Мы нашли трубу не сразу. Карабкаться вверх по крутой насыпи, а затем спускаться с нее было лень. Да и машины там носились с таким пугающим гулом, что становилось не по себе. Кольке недавно исполнилось восемь, а мне – семь. Узнай дед с бабкой, что мы одни пошли в Нагорный, скорее всего, это закончилось бы телефонным звонком родителям. А ничего страшнее и представить нельзя: ведь приезд родителей всегда означал конец лета и приключений.

Огромная бетонная труба пробивала насквозь большую дорожную насыпь. Наверное, по весне и во время затяжных ливней именно она спасала асфальт наверху от проседаний и разрушения. Но нас это интересовало меньше всего.

– Смотри, – прошептал Колька, указывая на далекий свет, льющийся из круглого отверстия на противоположном конце трубы. – Там – Нагорный. Мы пройдем сквозь и окажемся на той стороне. Здорово, да?

Я нехотя кивнул. Здорово-то здорово, но в трубе было темно, оттуда веяло холодом, а по ее дну тек небольшой ручеек, позеленивший серую бетонную поверхность, по которой нам предстояло идти. Непонятный страх сковывал всё тело, что-то – вероятно, ветер – подталкивало меня обратно, не хотело пускать.

Но Колька уже зашагал вперед. Размеры трубы

позволяли идти не сгибаясь. Моему брательнику, хоть он и считался высоким для своего возраста, нужно было встать на цыпочки, чтобы дотянуться до темно-серого «потолка».

Мне показалось, что мы провели в бетонной темноте полчаса, однако даже в том возрасте я понимал, что это невозможно. Длина трубы не могла превышать десяти метров: высокая насыпь плюс дорога-двухполоска. Но я клянусь, что мы прошли намного больше: я успел продрогнуть и устать. Когда я наконец след за Колькой вывалился из бетонного плена, солнце светило нам уже в затылок, хотя до входа в трубу лучи били прямо в глаза.

– Вон он! – брат показал на серые двухэтажные дома, скучившиеся на нескольких пологих холмах. – Поэтому его и называют «Нагорный»: видишь, буд-то на горах стоит.

Поселок оказался самым тихим местом на свете. По сравнению с Садовкой, где находился бабушкин дом, жизнь здесь словно замерла. Нам попались навстречу всего двое прохожих. Один раз где-то вдалеке прогрохотал грузовик. У меня в кармане позвякивало несколько монеток, Колька предложил купить мороженое. Мы завернули в сторону местного автовокзала – одноэтажного грязно-желтого здания. Внутри стояли два ряда пустых потёртых кресел с пластиковыми красными сиденьями. Во всем здании мы заметили всего двух человек – кассиршу (мы слышали только ее голос: она с кем-то монотонно разговаривала по телефону) и продавца газет и книг.

Небольшой столик покрывала пыльная клеенка, книги стояли корешками вверх. У мужчины, сидевшего по ту сторону стола, было вытянутое, почти лошадиное лицо, которое внизу заканчивалось острой бородкой, а сверху блестело лысиной.

Мы с братом уже тогда любили читать. Я обожал фантастику, сходил с ума по Жюлью Верну, брат любил приключения и перечитал всего Луи Буссенара – из того, что валялось на полках старой садовской библиотеки.

Я подошел к столику и чуть вытянул голову, пытаясь рассмотреть названия книг. Продавец молча выудил откуда-то темно-зеленый квадратный томик и протянул мне. На задней обложке была изображена почти обнаженная женщина, стоявшая вполборота. В ее глазах застыл ужас: она видела то, что было недоступно читателю.

– Это то, что тебе нужно, – сказал уверенно продавец. Он говорил со мной, как со взрослым – серьезно и с уважением. Я перевернул книгу, чтобы увидеть название и имя автора. «Г.Ф. Лавкрафт. Сияние извне и другие рассказы». Мне это ни о чем не говорило.

– Покупай, не раздумывай, – сказал мужчина. Когда он произносил слова, в пустом зале возникало слабое эхо. Может быть, из-за этого голос продавца казался таким значительным и потусторонним.

– У меня, наверно, денег не хватит... – проворчал я и вынул из кармана свои жалкие гроши. Продавец не глядя сгрёб мелочь себе в ладонь и кивнул. Я стиснул книгу в руке и медленно отступил к выходу.

– Дурак... – ворчал Колька, пока мы бежали обратно к трубе: вечерело, и нас могли хватиться.

– Все деньги отдал за какую-то тётку голую на обложке. Лучше бы мы мороженое и лимонад купили. Что за Лавкрафт? Может, книжка говённая?!

Я не отвечал ему. Хотелось только одного: поскорее увидеть родное Поле. Когда мы выскочили с другого конца трубы, совсем стемнело. Ночью, лёжа под одеялом с фонариком (бабушка запрещала включать по ночам лампу), я проглотил за несколько часов весь темно-зеленый томик: там и было-то пять или шесть рассказов и одна повесть. Космический лавкрафтовский ужас покорило мое сердце года на три, но затем я охладел к хоррору. Томик так и остался в бабушкиной избе, а затем куда-то делся: скорее всего, пошел на туалетную бумагу.

Через 20 лет я ненадолго заехал в Садовку. Бабушка с дедушкой уже умерли, и их дом полностью перекроили в стиле «а-ля коттедж». Я самому себе не признавался в том, с какой целью тогда заглянул в село своего детства.

Переночевав у родственников, я с утра отправился на пустырь. Великое Поле почти не изменилось: всё тот же запах свалки и ржавые, красные лужи. Но теперь оно показало мне удивительно маленьким и настолько невзрачным, что я даже не стал задерживаться здесь. Почти три часа я искал дренажную трубу. Я исследовал дорожную насыпь вдоль и поперек на расстоянии четырех километров. Да, за столько лет могло случиться что угодно: трубу могли зачем-то вытащить или засыпать. Как еще иначе объяснить то, что я не смог найти ее? Потом я взобрался на насыпь, тремя большими шагами перешел узкую асфальтовую дорогу и...

Нагорного я не обнаружил. Нет-нет, сам поселок, конечно, был, но совсем в другой стороне: не на холмах, а там, за перекрестком. Я решил поставить в этом деле точку и найти хотя бы жёлтое здание автовокзала. Наверное, его перестроили. Или снесли. Или что-то еще. Должно же быть какое-то логическое, взрослое объяснение всей этой дичи. Но я не стал никого расспрашивать и вернулся в Садовку к своему авто.

Еще недели через две я сделал последнюю попытку: обрыл весь интернет, чтобы найти то самое издание темно-зеленого Лавкрафта. Я отлично помнил, как выглядела эта чёртова книга, я даже запах ее до сих пор чувствую. Возможно, такое издание на русском и существовало когда-нибудь в природе, но «Гугл» и «Яндекс» об этом ничегошеньки не знают.

Да, разумеется, я могу спросить Кольку: ему сейчас почти тридцать, и живет он не так далеко от Садовки и Нагорного. Но мы с ним не общаемся уже много лет, мне трудно будет говорить с ним. И – вероятно, это самое главное – я боюсь его расспрашивать. Что бы он мне ни сказал, вряд ли это изменит мое отношение: пусть трубу засыпали или убрали, а желтый вокзал снесли. Пусть так. Для меня важнее, что я был там и что я оттуда смог принести книгу – материальное свидетельство чего-то иного.

У детства свои законы, нечего пытаться их применить к взрослой жизни.

Глава 2

– Мертвых людей нету, Леша. Все живы, все живы. Вот я когда хожу на рынок – они все там торгуют, да. И в церкви их много. А недавно на Пасху

– Господь свидетель – вышел я на крыльцо и вижу: целый караван с кладбища идет. Многих узнал – и мать, и брата видел. Я кричу им с крыльца: «Зашли бы, в баньке хоть попарились бы!» А брат машет рукой в ответ: некогда, мол. Не до бани нам. Идти надо! А куда они идут – Бог весть...

Я познакомился с дядей Витей четыре года назад, когда был еще жив его сын. Мы проговорили на крыльце его избы два часа и, быть может, беседовали бы и дольше, но к знахарю приехали клиенты – судя по номерам машины, издалека. Пришлось прервать разговор.

До встречи с ним я бывал у многих «экстрасенсов» – тех, кто считает, что обладает необычными способностями. В этом уверены и окружающие их люди. Но дядя Витя – особый разговор. С ним... как бы это поточнее сказать... С ним мои игры в науку отошли на второй план.

* * *

На висках у нее четко проступали вены – они вздулись, как у лошади, которую попытались остановить на полном скаку. Потом девушка начала кричать – словно кошка, половину тела которой разломил пролетевший мимо автомобиль. Эти звуки выворачивают наизнанку: тот, кто хоть раз их слышал, сделает всё, чтобы не услышать их вновь.

Она сидела на высоком деревянном стуле лицом к большому иконостасу, возле которого горело семь свечей. Темные шторы отрезали нас от наружности.

– Ты в глаза ей не смотри, понял? Понял? А то переймёшь! – дядя Витя предупредил меня об этом сразу. Я напросился к нему, чтобы посмотреть, как он лечит, и вот в 11 утра привезли первую клиентку – девушку лет семнадцати. С ней был седой мужчина, который сейчас стоял позади стула, и руки его, лежавшие на ее плечах, ходили ходуном.

– Чёрт в ней сидит. Читать долго придется! Выходить из комнаты никому нельзя, а то плохо будет, – расслабленное, с мягкими, бабьими округлостями лицо дяди Вити преобразилось. Глубокая вертикальная морщина легла между бровями, глаза сузились до черных щёлок.

На видео и фото он снимать мне не позволил, и я всё записывал на диктофон, примостившись на низенький стул в самом дальнем углу. Целитель встал спиной к клиентке, лицом к иконостасу и прочитал несколько обычных молитв – «Верую», «Богородицу», «Отче наш», «Да воскреснет Бог». Затем он повернулся к окну и стал крестить стекла и рамы:

«Аминь, аминь, аминь. Каждая дырочка, каждая щёлочка, огради меня кóлочками – бревенчатыми крылечками, вокруг нашей хоромины, каменной оградой, железным тыном. Кто эту ограду городил? Ангелы Господни...» – местами он переходил на шёпот.

Где-то минут через пятнадцать неожиданно приоткрылась дверь из зала, и в комнату проскользнул уже немолодой сын знахаря. Он быстро притворил за собой и поставил возле иконостаса глубокий медный чан, в котором что-то чернело.

Я только потом узнал, что дядя Витя лет двадцать проработал старостой местной церкви – уже после того, как вышел на пенсию. Старый чан, скорее всего, достался ему с места прежней работы.

Одержимая закричала не сразу. Монотонное чтение дяди Вити меня чуть расслабило, почти убаюкало. А потом там, на стуле, что-то зашевелилось. Девушка сидела ко мне вполоборота; к совету не смотреть ей в глаза я отнесся очень серьезно. И насколько об этом не пожалел. Крик раздался внезапно, и вздрогнули все – кроме дяди Вити. Седой мужчина склонился над сидящей, потому что та попыталась встать.

– Держите ее крепче! – прошептал сын знахаря, который стоял возле окна. – Если что, я пособлю.

Затем девушка завyla и перешла на тот самый кошачий, тонкий, пронзительный визг-плач. Я переслушивал эту диктофонную запись много раз, поскольку должен был ее расшифровать. Момент с визгом я сразу же перематывал, так как просто не мог его выдержать. В этих звуках нет ничего человеческого.

Знахарь опустил руки в чан и вынул почерневший от времени большой металлический крест, с которого капала вода. Он повернулся к извивающейся на стуле девушке и прислонил крест к ее макушке. Целитель переходил от шепота к напевному речитативу. Я автоматически определял в том, что он произносил, тексты молитв, псалмов, духовных стихов и заговоров.

«Да воскреснет Бог и расточатся враги его... От колдунов-от ведунов, от молодых-от старых, от глазливых, от ворона-каркана, от пух-мих, от старца, от старицы, от цыганских, шаманских, татарских, мордовских, русских. Унеси своей золотой стрелой в дремучие леса...»

Еще через несколько минут девушка замолчала, как-то обмякла на стуле, и дальше мы слушали только монотонный голос знахаря. Когда всё закончилось и благодарный отец (а кто бы еще это мог быть?) увел свою дочь, поддерживая под руку, мы уселись в сенцах пить чай. Сын быстро выпил две кружки вприкуску с бутербродами и убежал «прибраться». У дяди Вити был усталый, но довольный вид – как у человека, преодолевшего крутой подъем.

– Не любит Юрка этого, – старик кивнул вслед убежавшему сыну. – Раньше ему нравилось мне помогать, а с месяц назад как прорвало его: «Папк, черти меня измучили: снятся, мать их! Такое свинство кажут, аж волосы дыбом встают. Я такое, говорит, один раз только по кабельному в городе видел, порнуха самая гнилая!» И теперь его калачом не заманишь, когда вот эдаких привозят – с нечистью внутри.

Я давно хотел побеседовать со знахарем один на один, чтобы задать свои традиционные вопросы.

– Вот как у меня это началось всё, Леша, – об этом же спрашиваешь, да?.. Меня учил дед мой – Иван Трофимыч, хороший старик был. Я вот приду к нему, заберусь на русскую печку, а он сядет на лавку рядом и калякает-калякает. «Вот, мол, Витенька, железные птицы будут по небу летать. Всё кругом тенётами зарастёт! Вода будет на вес золота». И правда: ведь самолеты лётаят? Так? А тенёта – вон посмотри: кругом же одни провода. Это вот он всё из Библии узнал и мне пересказывал. А я на ус сижую да мотаю.

Первый раз за маленьким Витей заметили странности, когда ему едва исполнилось три года.

– Мать вспоминала: вот Белка, это наша коровка-кормилица, что-то прихворнула, а потом перестала подпускать. Не даёт доиться, хоть ты тресни. И вот мамка говорит отцу: «Ты попробуй сам, может, у тебя получится». И встала недалёчко, чтобы посмотреть, а меня на руках держит. Отец вроде сел с дойником, а Белка взволновалась, мычит, глаза кровью налились, того и гляди лягнет или запрыгает. И мать мне говорила, я сам-то не помню, что я, дескать, зашептал: «Елка, Елочка! Тихо-тихо-тихо...» – я «Белка» тогда не выговаривал, «Елкой» звал. «Вот, говорит, ты, Витенька, шепчешь, а коровка поспокойше-поспокойше. И всё – как вкопанная». С тех пор нормально доилась. Так-то вот.

Трофимыч учил внука «и молитовкам, и заговóрам». Когда Витя в школу пошел – это уж после войны – то часто случалось так: мать думает, что он учится, а он у деда на печке другую науку постигает.

– Мать заглянет: «Папк, у тебя, что ли, Витька-то?». А дед меня на печке шмотьем всяким закидает: нет, дескать, Мария, не видел пострелёнка! Так вот он со мной и возился. Но недолго музыка играла. Мне годков девять стукнуло, а дедка на тот свет собрался. Я его и щас, Лёш, вижу, часто с ним беседую. Приходит-приходит, как же...

Когда Виктору Ивановичу было чуть больше пятидесяти, знахарю поставили диагноз: опухоль головного мозга. Случилось это под самый занавес Советского Союза, поэтому, быть может, его детям удалось поместить больного в какую-то московскую чудо-клинику. Сейчас бы просто денег не хватило.

– Вот лежу я там, лежу. Наверно, месяц лежал, анализами замучили. В палате нас четверо. И вот троим решают операцию сделать: всё, готовьтесь – через пять дней. Я скорей медсестре коробку конфет подсунил, чтобы сыну старшему позвонить – Толику, он под Самарой живет. «Толик, – кричу ему в трубку, – бросай всё, езжай к тётке Зине в Васильевку. Спроси у нее насчет меня». Он и вправду съездил. На следующий день после обеда звонит, медсестра меня зовет к телефону. «Не делай, папка, операцию! Не делай! Тетка Зина говорит, что не врачбно это. Облепихой бы надо!»

Ну и всё: заартачился я. Отказную написал и домой засобирался. Ну меня выписывали, конечно, чтоб похоронить: «Езжай, дед, туды тебе и дорога. Захочешь вернуться – поздно будет. Койко-мест нет».

Я вернулся в сельцо свое, заготовил облепихи целый стог – и ну ее дурóм пить. Каждый Божный день литрами глотал. А потом узнал: те двое из моей палаты, которые на операцию согласились, Богу душу отдали. Один сразу – прямо там, в клинике этой, другой позжей – с полгодика протянул. А я уж тридцать лет небо копчу после московской больнички. Ну, Леша? Кому верить, кого слушать? То-то...

* * *

Три года назад старый знахарь чувствовал себя намного бодрее. Я к нему приехал в очередной раз в сентябре и наткнулся на амбарный замок, висящий на двери в тени крыльца. Расспросил соседей, оказалось, что дядя Витя с сыном Юркой подались в лес по грибы.

«Они надолго. Может, до самого вечера!» – меня это, понятно, расстроило. Соседка, заметив мое уныние, предложила: «А вы их в лесу поищите. Они обычно слишком далеко не ходят: ноги-то у Виктора никудышные. Вон в ту сторону от кладбища влево – вон туда они пошли».

Я вытащил из артезианских глубин багажника своей «десятки» резиновые сапоги и зашагал к кладбищу. Знахарь выбрал, наверное, лучший день в году для похода за грибами. Почти все листья еще сидели на ветках, но многие из них уже изменили зеленому с желтым, оранжевым и красным. Возникло то редкое настроение, когда до просветления, до слез радуешься обыкновенным солнечным лучам, веселым белым одеждам какой-нибудь молодой берёзки, запахам влажной земли.

На шее болтался старый Nikon, так что сразу же была объявлена фотоохота на самые заметные мухоморы. Где-то через час я услышал призывные крики. В голосе почудились знакомые интонации, и мои ноги мгновенно отяжелили. Я ускорил шаги и вскоре увидел Юрку; встревоженный взгляд его черных глаз меня испугал.

– Отец куда-то делся, – сказал он, пожав мне руку. – Минут сорок дозваться не могу. Вот только что где-то сзади тёрся – и нету.

Мы решили разделитьсь, обменялись номерами сотовых, чтобы, если что, созвониться, и разбрелись в разные стороны. Я углубился на восток – в сторону Петрова оврага. По дну его тёк широкий ручей, переходящий местами в болото. Я нашел более-менее мелкое место и похвалил себя за то, что надел резиновые сапоги: ноги проваливались чуть ли не по щиколотку. Затем с большим трудом вскарабкался наверх по крутому склону. Раз в десять минут я нарушал тишину призывным: «Дя-дя Ви-итя! Ви-иктор Ива-аныч!» Но в ответ – тишина. Юрка тоже не звонил: это означало, что дело принимало серьезный оборот. Если мы не найдем старика до вечера, то ночевка в лесу на холодной влажной земле вряд ли прибавит знахарю здоровья.

– От ёшки-матрёшки, да куда же всё делось-то?! – я услышал этот вопрос в тот момент, когда повернул обратно к оврагу. Дядя Витя сидел на поваленной сосне и пытался дрожащими пальцами раскурить сигаретину без фильтра. Рядом валялась корзина с грибами.

– Дядь Вить, ты куда запропастился? – я шел к нему навстречу, широко улыбаясь: нашелся-таки!

Знахарь посмотрел на меня серьезно, будто на незнакомого.

– Ты, что ли, Лешка?

– Ну а кто же?

– Что-то глаза совсем запорошило. Но ведь такое щас видел, мил человек, закачаешься просто!..

– Да как ты сюда попал-то? – смеюсь я. – Мы же с Юркой пол-леса исшагали, тебя высматривая. Позвоню ему, чтобы не волновался.

– Ага, – кивает целитель и снова пытается разжечь сигарету. – Позвони-позвони. А потом расскажу тебе, где я побывал.

Юрка сразу понял, как нас найти, и обещался вскоре быть. Я уселся рядом с дядей Витей на сломанную сосну. Он глубоко затянулся и выпустил дым в небо.

– Вот, Лешка, пошли мы по грибы. А я думаю: «Далеко шарахаться не буду, ноги больные, да и вижу плохо. Пусть Юрка вон побегаёт-пособирает». И тут гляжу: белый гриб. Потом еще один. Ну я нож достал и айда пошёл – режу и режу. Один за другим, корзинку набиваю. И вот очухался, глаза поднял, а круг меня... Вот не описать, Лешка! Красота такая, что дух у меня воспарил, как в церкви во время службы. Это я, когда старостой работал, любил слушать певчих на крылосе, ой, любил...

Смотрю: деревья все – вот ровно как золотые, аж сияют! Солнышко их выблестило так, что горят. Речка рядом течет – голубая-голубая. Птицы небесные поют-щебечут, да так нежно и весело, что плакать хочется. А вдаль – там где-то... Вот я в лесу сам, а даль какую-то вижу, горизонт. Чудо чудесное! Вот там вон – мост. Тоже сияет, будто радуга. Такой полукруглый, со старинными перилами, дивный. Хочется мне туда – горло свело судорогой, как хочется.

И только я туда двинулся, шагов двадцать прошел, а мне голос сверху: «Рано тебе еще сюда! Возвращайся, людям послужи!» Я замер, идти не могу, тудым-сюдым – и всё. Очнулся – вот на дереве этом сижу. Курить вынул, а тут ты, Лешка, нарисовался...

Я слушал дядю Витю с интересом, но сам всё гадал: ну как, как восьмидесятилетний старик с больными ногами сумел перебраться через овраг? Конечно, привидеться ему могло всякое: может, плохо стало, может, сознание потерял. Но добрался-то он сюда каким образом?

Эту загадку не смог решить и Юрка. Он – местный, здешний лес знает как свои пять пальцев. Чтобы попасть на то место, где я нашел дядю Витю, нужно было либо карабкаться по крутому оврагу, либо искать более пологие места, которые начинались километрах в четырех отсюда.

– Ну не мог он сюда сам взобраться! Это чертовщина какая-то... – говорил мне сын знахаря, пока мы вдвоем с большим трудом, контролируя каждый шаг, переводили дядю Витю через Петров овраг.

А знахарь был весел и бодр как никогда и в сотый раз пересказывал свое видение.

– Вот течёт-бежит речка – ах ты Боже мой, какой красоты, ты бы видел, Юрка! И мостик вдальке – всё блестит золотом, деревья чуть ли не до неба, птички заливаются. Вот красив наш лес, ничего не скажешь, но против того, что я видел, – никакого сравнения! В раю я побывал, ребятишки. Бог сподобил меня...

Так он шёл и радовался, будто ребёнок. Мы тоже улыбались, смотря на его сияющее лицо. А уже на следующее утро он полностью ослеп.

Прекрасный лес с золотыми деревьями дядя Витя мог теперь увидеть только в воображении. Не до грибов, одним словом.

Глава 3

– Дядь Вить, вот смотрите: на этой коробке три спички приклеено, это чтобы легче в туалет ходить по-большому. А на этом – одна спичка, вот пощупайте, – Катя вкладывает коробку в руку знахаря. – Это для нормализации давления, очень хорошее лекарство.

Старик морщится и отдает коробки назад. Моя спутница сама придумала эту систему с

наклеенными скотчем спичками – и очень гордилась этим. Слепой целитель мог теперь легко определить, где какое лекарство.

– Да не надо мне, Катенька. Вот зачем опять приехала? Я уж помирать собрался, а ты меня мучаешь...

– Надо, дядя Витя, надо лекарства пить! Вот вы в последний раз по-большому в туалет когда ходили?

Целитель отворачивается и ничего не отвечает. Мы добрались до его избы около четырех вечера. Катя припарковала белый «Рено» у самого крыльца, а потом мы долго стучали в дверь – пока не послышалось шарканье старых тапочек знахаря.

Я молча осматриваю зал избы. С той поры, как я был здесь, многое изменилось: из мебели остались только стол и два стула; кругом грязь, пыль, разбросанные вещи. Стоит тяжелый запах плохо проветриваемого помещения.

Юрка умер полгода назад. Старший сын Федор давным-давно забыл дорогу к отцу: не звонил и не приезжал в родное село много лет. Знахарь остался совсем один и хотел только одного – поскорее перебраться к тем, кто уже по ту сторону.

– Я их всех вижу, Леша! Всех вижу. Они часто ко мне приходят – и мать, и брат, а теперь и сынок вот начал похаживать. Пора мне, пора: задержался я здесь, надо завязывать с этим... – дядя Витя охотно отвлекается на беседу со мной, потому что настоячивые вопросы Кати сильно его смущают.

Я его хорошо понимал: у моего родного деда, умершего десять лет назад, был такой же характер. Не мог он смириться с тем, что молодая, по его меркам, девчонка – пусть и врач – расспрашивала, давно ли он ходил в туалет. И дело не в мужской гордости, а в том, что внутри себя мы никогда не стареем. В этом весь секрет. Мы не успеваем и опомниться, как наше лицо покрывает сеть морщин, руки и ноги слабеют, волосы белеют. Годы утекают со страшной скоростью, и чем ближе к концу, тем быстрее и бурливее их поток. Именно поэтому на лицах стариков всегда блестят мальчишеские и девчоночьи глаза. К собственной старости невозможно ни привыкнуть, ни приспособиться.

– Эх, Леша... Знал бы ты, как я тоскую по Юрке моему! Ведь из-за меня, из-за знахарства моего сын-то и загнулся.

По официальной версии, у младшего сына приключился инсульт, но дядя Витя во всём обвинял себя. Знахарь на разные лады повторял одно и то же: якобы Юра взял на себя то, что кто-то из клиентов привез с собой внутри.

– Порча, Лёш, никуда не девается. Вот мне дед мой, Трофимыч-то, такую штуку показывал. Взял он как-то раз репу – хорошую, крепкую, крупную. Подозвал меня и говорит: «Вот, Витенька, смотри внимательно!» И начал над этой репой шептать. Ага, долгонько говорил что-то. А потом велел мне нож принести и прямо на лавке ее располовинил. И вижу: там внутри стержень черный в указательный палец толщиной.

«Это, – говорит, – порча такая. Вишь: на репе как проявилось чернотой. А теперь принеси-ка мне моток ниток». Принес ему, подал нитки – грубая нить такая была. Дед связал две половины репы, крепко-накрепко прикрутил. И – снова читать. Читал-читал, я уж устал глядеть на него.

«Теперь, Витенька, смотри...» И разрезает нитки на репе-то, а там этот стерженёк сделался узеньким, как спица, даже тоньше. «Вот. Порчу до конца не уберёшь: что-нибудь да останется».

Знахарь уверял, что тот, кто снимает болезнь, всегда немного «дерьма» берет на себя. С чертями же вообще – особый разговор.

– Я Юрке сто раз говорил: молитву особую и до и после лечения читать надо. Спать ложишься – заминивай и окна, и подушку, и щели все в полу. Тогда нечисть в глаза лезть не будет. А он молодой ведь! Где забудет, где рукой махнёт. Мне эти черти самому житья не дают: вот сядешь ужинать, а они начинают шепуршить под столом. Я иной раз, еще глаза когда хорошие были, отдерну занавеску – вон ту, что кровать загораживает, а их там – тьма-тьмущая, сидят, ногами болтают, непотребством занимаются всяким...

Катя нашу беседу слушает вполуха, раскладывая лекарства на столе, стоящем под иконостасом. Иконы здесь были поменьше и победнее – не такие, как в той комнате, где знахарь лечил. Как только дядя Витя замолкает, она снова затевает разговор про свое – про медицину.

– А вот в прошлый раз, дядь Вить, я индапамид привозила – там без побочных эффектов, только оно еще мочегонное, правда. Его найти не могу. Вы пили это лекарство?

– Пил чего-то там! – раздражённо машет рукой старик. – Потом бросил. Без конца в туалет бегаешь, не хочу я его... А вы бы лучше мне черёмки где достали, а?

Знахарь вдруг оживляется, будто вспоминает что-то очень важное:

– Лёш, у нас тут возле речки, ну ты знаешь, – черёмка растёт. Вы бы сходили, мне веточек принесли. А? Благодарен был бы по гроб жизни!

Я киваю, потом вспоминаю, что мой собеседник слепой, и говорю:

– Сейчас прям пойду, дядя Вить. А то скоро стемнеет. Принесу. Каких вам – потоньше которые?

– Да любых, Леш. Мне любые сгодятся. Черёмка – хорошее деревце, меня всегда выручало.

* * *

К берегу я вышел нескоро: вроде бы помнил, где лучше подойти к речке, но всё упирался то в неудобные обрывы, то в топь. Быстро вечерело. Как выглядит осенняя черёмуха, я примерно представлял, но вот найду ли я ее в темноте – сомневался.

Катя сказала, что, пока я хожу за «дурацкими ветками», она обойдет соседей и попробует договориться, чтобы к Виктору Ивановичу кто-нибудь регулярно заглядывал: ведь слепому человеку даже стготовить себе сложно. На том и порешили – и разошлись в разные стороны от стоящего у крыльца белого «Рено».

Когда я наконец нашел удобный спуск, из-за горизонта выплыл широкий серп убывающей луны. Под ногами шелестели опавшие листья; почти голые ивы обступили берег со всех сторон. Несмотря на близость села, было очень тихо. Лунная дорожка слегка дрожала в вяло текущей воде. Иногда откуда-то слева до меня доносился одинокий собачий лай.

Мне захотелось присесть, чтобы послушать

вечернее село. Всё равно назад в город придётся ехать в темноте, так что торопиться теперь некуда. Я поискал глазами черёмуху и, кажется, заметил два молодых деревца. Затем приземлился на толстый пенёк, оставшийся, вероятно, от векового тополя, и закрыл глаза. Так легче было прислушиваться. Сколько я сидел – не знаю. Холода не чувствовал, так как прихватил с собой теплую куртку. От усталости или из-за тишины на меня накатила дремота; тело совсем расслабилось.

– Всё-таки зачем вам на самом деле нужен дядя Витя? – от неожиданности я дернулся в сторону и упал коленкой на корешок, торчавший возле пня.

– Блин! – я покосился на выросшую из-под земли Катю и, встав на ноги, принялся отряхивать колени.

– Ушиблись? – я едва видел ее лицо: единственный источник света – лунный серп – заслонили легкие облака. – Я не хотела вас напугать, Леша.

– Но вам это удалось, – проворчал я. – Незаметно как вы подошли.

– Я уже договорилась с Бочкаревыми – это соседи дяди Вити через дом. Там семейная пара, им лет по шестьдесят всего. Они готовы придти к нему... За небольшую денежку, конечно.

Мы помолчали. Я вспомнил про черёмуху и сказал об этом своей спутнице.

– Подождите... Давайте на «ты»? Так легче просто, да? Леша, я задала вопрос – про Виктора Ивановича.

– Зачем он мне нужен? Странный вопрос. Я же рассказывал: мне такие люди интересны сами по себе... – я отметил про себя, что Катя сейчас говорит как-то по-другому, с совсем иными интонациями. Мне трудно было четко определить изменения в ее тоне, но первое, что пришло в голову: появилась настойчивость, я бы даже сказал – грубость.

– Да-да. Наука, как ты там всё говоришь: антро-по-ло-гия? О-очень интересно! Я бы тоже могла так про себя сказать: зачем ты, мол, Екатерина Сергеевна, катаешься уж 20 лет по разным бабкам, ночами не спишь, разыскивая объявления в дурацких газетах и на форумах? И ответить: медицина всему виной. Кар-ди-о-ло-гия! Ха-ха! Смешно, Леша!..

Я всматривался в ее темное лицо. Ветер наконец-то сдул облака в сторону, и луна осветила глаза женщины – расширенные, блестящие. Я понял, что почти ничего не знаю о своей собеседнице. Год мы с ней общались по телефону, обсуждая здоровье дяди Вити... Что она там рассказывала про черную точку?

– Не совсем вас понимаю, Катя... – пробормотал я.

Что-то знакомое промелькнуло во всем ее облике, в том, как она смотрела на меня. Что-то синее было в Кате, и меня это по-настоящему испугало.

– Мы же договорились на «ты»? А чего тут понимать-то, Леша? Давай уж здесь, в темноте, всё проговорим, чтобы больше к этому не возвращаться. Окей? Не будем юлить друг перед другом и выпендриваться. Дядя Витя – не подделка. В нем есть настоящая сила, он – знахарь от Бога. И ты это прекрасно знаешь, и я. Так? Сейчас у него никого не осталось: один сын умер, другому – на всё пофиг.

И он... – тут Катя улыбнулась, и я поднял брови от удивления, уже догадываясь, куда та клонит. – Виктор Иванович то бишь... Он – болен. Умирает. Жить больше не хочет, он же сам говорил. А дар-то, знания эти кому-то надо оставить, так ведь? Весь вопрос – кому?

Я молчал. Мне – как исследователю – эта ситуация должна была представляться крайне любопытной, даже забавной, но я ощущал себя так, будто мне холодным лезвием ножа водят по горлу.

– Что? Я правильно тебя раскусила, Лёш? А? Ведь ты тоже искал такую удачу, такое редкое стечение обстоятельств: чтобы и настоящий целитель, и передать чтобы некому было? А? Ну, признайся-признайся?! Нечего тут передо мной учёностью своей прикрываться!

Я вобрал в легкие вечерний речной воздух, пытаюсь собраться с мыслями.

– Катя, Виктор Иванович – удивительный человек. Я знаю его уже несколько лет, беседую с ним, записываю его...

– Я это слышала, чего сто раз повторять-то! – отчеканила та. – Эту пластинку можешь оставить для других – для кого там, я не знаю, – студентов, других ан-тро-по-ло-гов, фольклористов, кто там у вас еще? Но меня не обманешь... Я, Лёшенька, сама такая, – она придвинулась ко мне вплотную; запах ее дезодоранта ударил мне в ноздри. – Сама покочесила – будь здоров. Столько лет, как дура, мотаюсь. Всё, хватит, хватит! Понятно тебе? Дядя Витя – мой. Мой! Я за ним ухаживаю, а остальным тут делать нечего. Ясно?

Я опять молчал. А чего тут скажешь? Диагноз налицо, как говорится.

– Думаешь, что я большая дура? Ну и хрен с ним, думай. Пусть я больная! А ты поживи с этим опарышем в башке столько, сколько я! А ты каждую ночь с гадостью этой нечистой побудь наедине! Когда он, оно лезет на тебя, крихтит, сволочь, но лезет, а ты сделать ничего не можешь! Ты знаешь, когда я нормально спала в последний раз? А!? – Катя перешла на крик и вдруг зашмыгала носом. Потом закрыла лицо руками.

– Катя, я... И не думал претендовать. У меня... Я вообще для другого сюда приехал! – говорить с ней было бесполезно. Она отвернулась и, спотыкаясь, побежала обратно в село.

Темнота поглотила женскую фигурку мгновенно, я только слышал, как ее сапоги шуршат листьями, а затем стучат по щебню, которым были выложены окраинные улицы села. Затем я вынул складной нож из кармана и пошел к черёмухе.

* * *

Женщину в синем я увидел, когда мне было десять лет. Я точно помню свой возраст, потому что на день рождения мне подарили двухколесный – настоящий и взрослый – велосипед. Мы жили в Новом городе, окна девятиэтажки выходили в поле, за которым зеленели деревья лесопарка. Многие годы на небольшом пятачке этой ничейной земли появлялись и исчезали горы мусора и вагончики-бараки: там строили, бросали, затем опять начинали возводить мечеть, и каждое утро я просыпался под звукозапись утренней мусульманской молитвы.

С мальчишками мы гоняли на велосипедах к лесу и обратно до поздней ночи. Благо узкая дорожка, доходящая до первых деревьев парка, была заасфальтирована. Нашей ватаге этот маршрут никогда не надоедал, и мы никого не боялись. Как-то июньским вечером на пару с Андриюхой, толстым шестиклассником, самым старшим из нашей компании, мы рванули за мечеть. Знакомые девчонки рассказали, что видели там прямо на асфальте полуживого «ужика». Пропустить такое – равносильно потере смысла мальчишеской жизни.

Ужика мы не нашли, хотя осмотрели каждый сантиметр растрескавшейся дороги. Я уже сел на новенькое сиденье своего велика, как вдруг услышал испуганное: «Кто это, Лешка? Смотри, смотри!!!» Андриюха показывал в сторону того участка поля, где оно переходило в лес. Что-то синее быстро перемещалось по диагонали, нацелившись в нашу сторону.

Заходящее солнце еще не погасило дневной свет, заливая розовым и красным облака. Лучи били ей сначала прямо в спину, но потом она чуть повернула – так, чтобы бежать прямо на нас. Я сидел на велосипеде, одной ногой опираясь на асфальт. Мой друг стоял в двух шагах, держа свой велик за руль.

К десяти годам я считал себя очень взрослым, и меня трудно было испугать. Заброшенные гаражи, темные подвалы и чердаки, ночной лес и вечернее кладбище – всё это давно освоено и пройдено. Девчачьи страшилки и истории про желтые глаза, красное пятно на стене, гигантскую мясорубку и мертвяков в шкафу вызывали во мне презрительную усмешку и сочувствие к тому, кто осмеливался болтать про такую чушь.

Но в тот момент костяшки пальцев побелели от того, как сильно мои руки вцепились в руль. Я забыл, кто я такой и зачем нахожусь здесь – на дороге, ведущей в лес. Когда солнце светило ей в спину, я видел лишь нечто темно-синее и бесформенное. Но когда угол зрения изменился, я понял, что это женщина. Длинные черные волосы лежали на плечах мертвой сетью: они не шевелились, несмотря на скорость ее бега. Темно-синее платье скрывало ее ноги полностью, по крайней мере я их не видел. Я точно знал, что поле – это сплошные кочки вспаханной, но так и не засеянной земли. Оно не обрабатывалось несколько лет; вспученное покрывало ссохшейся коричневой травы кое-где пробивала свежая зелень. По этой поверхности было трудно идти, не то что бежать в длинном платье.

Однако Женщина в синем не бежала, а мчалась, летела. Когда она повернулась, лучи заходящего солнца позволили наконец увидеть ее лицо – искаженное, бугристое подобие маски, в которой подбородок уплыл куда-то влево, а лоб вправо. Вместо рта – черная нора; наверное, она кричала, но мы ничего не слышали. Мне кажется, что глаз ее я тогда не увидел, но во сне – а снилась она мне потом часто – больше всего меня пугал именно ее взгляд. Он звал и говорил о чём-то таком, что я буду искать всю оставшуюся жизнь.

Из оцепенения меня вывел крик друга, который уже сидел на велике и крутил педали, как сумасшедший.

– Тика-ай! Тикай! Тика-а-ай! – и я утёк. Да так,

что не помнил, как влетел во двор. Затем мы, задыхаясь, размахивая руками, смеясь, пересказывали увиденное друг другу. Через день об этом знали все наши знакомые. История дополнялась немислимыми подробностями: «синяя тётка» увеличилась до размера мечети, в конце концов Женщин в синем стало несколько – пять или десять. Пойти вечером «за мечеть» считалось теперь настоящим подвигом – и, честно сказать, мы с Андрюхой на этот подвиг не решились года два.

Самому себе я объяснял это по-разному – так же, как пытался оправдать исчезновение дренажной трубы и желтого вокзала в Нагорном. Возможно, кто-то просто так решил пошутить. Или нам почудилось всё это: мало ли на что способно детское воображение? Есть и еще один вариант – мы увидели нечто неопределенное, а затем напридумывали деталей, в которые сами и поверили. Обычное дело для подростков. Логично? Да, очень.

Но вся закавыка в том, что образ Женщины в синем начал преследовать меня повсюду – я узнавал ее в героях книг и картин, в мультфильмах и кино. Черт побери, дважды я замечал «тётку в синем» в телевизионной рекламе.

Когда я впервые лет в шестнадцать увидел одно из полотен Пикассо, сердце мое ушло в пятки. Думаю, что Пабло тоже встречался с ней в детстве, другого просто быть не может: уж слишком совпадают детали этой проклятой картины с тем, что смог разглядеть я.

Наяву, в реальности я увидел ее еще всего один раз – и слава Богу. Слава Богу. Надеюсь, что та наша встреча – последняя.

* * *

«Рено» у крыльца стоял, но Кати в избе не было. Знахарь сидел на старом диване, уставившись в пустой экран неработающего телевизора. Я положил ветки черёмухи на стол.

– Всё правильно, пусть пока в тепле полежат. Черёмка – она тепло любит, – одобрил дядя Витя. Я спросил его про мою спутницу, старик пожал плечами.

– Не волнуйся, придёт твоя врачиха...

Знахарь повернулся в мою сторону и слепыми, красноватыми глазами посмотрел мне прямо в лицо.

– Леш, скажи-ка мне: как тебя угораздило с ней вместе приехать-то?

Я смущенно отвернулся от него. Дело в том, что я ему еще не говорил, что Катя узнала о том, где он живет, именно от меня.

– А-а, вон в чем дело... – неожиданно улыбнулся дядя Витя в ответ на мое признание. – Ну-ну...

Мы помолчали. Он снова уставился на экран телевизора, мне стало не по себе от тишины, которую нарушал лишь треск от горевших дров в затопленной печке-голландке.

– Ты ведь ее боишься, Лёш, Катю-то эту? А? Я же чувствую. Вот и мне не больно хорошо, когда она приезжает. Ведь мотается ко мне каждую неделю. Я поначалу лечил ее, вроде как получалось. А потом – вот ни в какую! Как об стенку головой. Не допускает меня что-то. Ну, думаю: кто сделал ей, ну спортил ее кто, – меня посильнее. А потом покумекал:

не-е, думаю, не то тут что-то. И вот как вы ушли за черёмкой, меня будто обухом по голове. Допетрил, значит: Лёш, она ведь сама себя спортила-то. Бывает такое, точно говорю...

Он побряхтел, приподнялся на ноги и, протянув руку, точно попал пальцами в ручку кружки с водой. Сделал несколько глотков, а потом тяжело опустился на диван.

– Ей ведь надо от меня что-то, Лёша. Меня так просто не надуешь: стар я больно для такого, с людьми много калякал, знаю таких. Я ей сто раз говорил: «Катенька, не приезжай, не могу я тебя больше лечить!» А она: «Вы, мол, мне помогите, и я вам хочу за добро добром отплатить. Я ведь врач». Лёш, ей-богу, мучаюсь я. Скажи ей, чтобы не ездила больше!..

– Она, дядь Вить... Мы сейчас с ней общались, там, возле речки. Она мне сказала, зачем на самом деле к вам приезжает...

Старик поджал губы и сузил красноватые глаза. Я не успел договорить: он меня перебил.

– Ах ты, мать твою за душу! Дура баба... Ведь ей нельзя, не дано ей, – он закашлялся. – Ох, до греха вы меня доведёте, хоть руки на себя накладывай! Она думает, что это так просто: взял да отдал? Это же не каждый сможет тащить-то на себе! Да и зачем ей? Лёш, ведь у нее душа – слабая. Понимаешь, о чём я?

– Не совсем...

– Не совсем? Хрен ты учёный... – старик вдруг сморщился и поднёс правую ладонь к виску. – Лёш, дай-ка, там таблетки у меня. Не те, что она привезла, а в коробочке у меня там. Белые такие, «Карвиллол», что ли, какой-то. Мне фельдшерница принесла наша. Ага. Щас я... А то прям в висок давит.

Я дал ему красно-белую коробку, он выдавил себе в руку таблетку и забросил в рот. Потом допил воду из кружки.

– Щас отпустит... Мне тебе сказать надо, пока она не пришла.

Через несколько минут он снова взглянул на меня слепыми глазами и продолжил.

– Вот про Трофимыча, деда своего, я тебе рассказывал... Вот и он мог, и я так могу. Вот бывалоча шутил я: бабы соберутся возле колонки, начнут лясем-трясем разводить, а я мимо иду. Они там смеются, чё ли, а мне обидно станет. Или если я утром с ноги не той встал – тоже вот такое мог сотворить. Короче, напушу на них: будто воды по колено, бурлит везде. Они визжат, подолы задерут, и кто куда. А мне – смешно вроде. Ага. Ну помоложе был, дурак, чё говорить...

Вот, Лёш, и Катя твоя такая: ведь ей палец покажи, она поверит и молиться этому пальцу будет. Стояла бы среди этих баб – первая бы прочь от воды побежала! А воды-то и нет, понимаешь? Нет воды. Доверчивая душа у нее, как воск податливая. Ей нельзя такое. Она вот, говорит, ездит, дескать, везде, лечится у бабок. А сама от каждой бабки дрянь цепляет. Они ей ненароком садят, поскольку знают: та всё возьмёт. Да еще спасибо скажет. Нельзя ей этим заниматься, нельзя и всё!

Я слушал его, чуть улыбаясь. Мне отчего-то сразу стало легче. Но улыбка сползла с моего лица, когда я взглянул на дядю Витю снова. Он сжал губы и покачал головой.

– Чего лыбишься-то, Лёшка? Ведь у тебя-то – еще хуже, чем у ней. Ведь и ты катаешься тоже?

– Так я ведь по-другому, дядь Вить...

– По-другому... – заворчал знахарь и завозился, как старая медведица, на диване; пружины заскрипели все разом, но тут же угомонились. – Может, и по-другому. Спорить не буду. Но вот что я тебе скажу: ты, Лёшка, тоже ко мне больше не приезжай. Понял? Я тебе запрещаю! Допетрил, почему? Или мне, старику, тебе мозги вправить надо?

Я почувствовал себя так, будто пришёл на экзамен, не выучив ни одного билета. Возникла и какая-то дурацкая обида, словно дядя Витя что-то мне был должен, но отказывался отдавать.

– Ладно, – старик тяжело вздохнул. – Я тебе скажу раз и навсегда. По душе ты мне, Лешка. У меня никого не осталось, умру – хоронить-то некому будет, ладно хоть денег припас на этот случай. Я тебе говорю, потому что добра тебе хочу. Не приезжай ко мне больше, слышишь? Умру – можешь приехать, проводить старика, землю бросить на деревянную крышку. А до этого приедешь если – с крыльца спушу, так и знай!

Я смотрел на него во все глаза; плечи мои переёрнуло от озноба, возникшего откуда-то изнутри. Я решил, что договорить нужно здесь и сейчас. Так, чтобы не думалось больше. Поэтому и задал этот вопрос.

– Передать... боитесь?

– Боюсь? Чего мне бояться-то? – знахарь усмехнулся. – Я-то таскаю в себе это с малолетства. Это тебе бояться надо. Слышь, Лёш?

Дядя Витя наклонился в мою сторону, и мне на миг показалось, что его голова заняла пол-избы. Лицо его исказилось, будто сверлящая боль в виске снова вернулась к нему.

– Я умираю. Это точно... Столько раз других провожал, что здесь и гадать не нужно. Мне только хуже становится, а тут ты нарисуешься. Трудно будет умирать мне, ой трудно, я ведь сбросить всё захочу... Ты ведь не Катя, ты-то возмёшь за милу душу, мне и делать ничего не придётся. Ну, желаешь этого? А?

Последние слова он почти прорычал; от боли его подбородок повело куда-то в сторону, и я побледнел, заметив, что лицо знахаря начинает походить на проклятую картину Пикассо. Я едва сдержал себя – так мне захотелось вскочить и убежать прочь. Как там кричал Андрюха? «Тика-ай!»

– Нет, дядь Вить, не хочу! – выдавил я наконец и впервые нажал кнопку «стоп» на диктофоне, не закончив еще беседы со знахарем. Привычка записывать от него каждое слово засела во мне намертво – как и детский обычай пялиться на небо при переходе через четырехполосную дорогу.

– Ну вот и хорошо. Рад я, что поговорили. Иди посмотри – может, пришла уж твоя Катя. Езжайте с Богом. Езжайте...

Сквозь лобовое стекло белого «Рено» я увидел женский силуэт. Как только я показался на крыльце, она включила зажигание и фары.

– Ты с дядей Витей не попрощаешься, Катя? – спросил я, открыв переднюю пассажирскую дверь.

– Я уж попрощалась. Позвоню ему еще сто раз. Ты едешь? Еще часа три до города пиликать, а завтра на работу.

Я сбегал назад в избу, взял свою сумку и обнял на прощание дядю Витю.

– Иди, иди. Я потом встану, запру за вами... Катка-то и заходить не хочет? Вот и хорошо. Я и ей мозги вправлю еще. Шутки они шутят. Давай, давай, Леша! Звони, если что. И приезжай, когда я сказал. Не раньше, понял?

На обратном пути мы с моей спутницей, в основном, молчали. Заглянули в Барышэ в магазин и купили минералки. Остановились и у родника возле Порецкого.

– Он что: тоже тебе запретил приезжать? – спросила Катя, когда на темном горизонте показались пятна городских фонарей. Я кивнул.

– Ну и что ты теперь? Он каждый раз так говорит. А сам в помощи нуждается. Я врач, я это знаю. В следующие выходные я собираюсь к нему. Взять тебя с собой?

Я посмотрел ей в лицо и удивился: как эта девчонка могла меня так напугать – там, на берегу, рядом с большим пнем? Теперь я видел только худое, измученное лицо и тонкие, почти прозрачные пальцы, лежавшие на руле. И глаза – глаза отчаявшегося человека.

– Катя, не стоит к нему ездить, – говорю я. – Он не поможет тебе, и ничего тебе не передаст. Он мне сам сказал.

– Когда? – она резко ударяет по тормозам и останавливается на обочине, включив аварийку. – Когда он тебе это сказал?!

Перемена в ней происходит в считанные секунды: взгляд становится колючим, нижняя челюсть слегка выпячивается вперед.

– Мы с дядей Витей говорили об этом – пока тебя не было.

– Он тебе всё пообещал, да? Ты хочешь себе всё хапнуть, так, Лёша?

– Да я...

– Выметайся!!

Я непонимающе уставился на нее.

– Вылезай из тачки, слышишь? Пошёл отсюда! – она закричала и вдруг ударила по клаксону. Машина загудела, как раненый слон.

– Всё-всё, я понял! Спокойно! Я только сумку возьму.

«Рено» рванул с обочины – да так, что в первые мгновения зад машины чуть прижался к асфальту. Я смотрел некоторое время на удаляющиеся габариты авто Кати, а затем мысленно благословил ситуацию.

До ближайшей остановки, где я мог бы поймать маршрутку, – всего три-четыре километра. Нужно ведь немного развеяться перед возвращением домой, в семью. Обочина четырехполосной трассы для таких целей – просто идеальное место. И я потащился в сторону города. Шёл, улыбаясь.

И не было рядом дяди Вити, который неодобрительно покачал бы головой.

Часть 2. Татьяна Сергеевна

В одиннадцать лет родители подарили мне кутенка-ризеншнауцера. Через четыре года Найда выросла в большую черную бородатую собаку, которая не любила лаять, но обожала появляться в темноте рядом со случайными прохожими и тем

самым пугать их до полусмерти. Я гулял с ней по ночам без поводка – в том самом лесу, откуда когда-то выбежала Женщина в синем. Детское пространство «за мечетью» всегда влекло меня, как преступника – место преступления.

Перед самым входом в лес кто-то из собаководов установил широкое бревно на треножниках, вкопанных в землю. Такие обычно встречаются на площадках для дрессировки. Когда я гулял с Найдой, мы нередко останавливались там надолго. Можно было прислониться спиной к бревну и смотреть на звездное небо.

В тот раз я сделал это на автомате: любоваться звездами не хотелось; да и облака то и дело закрывали Млечный Путь. То, что я потом называл про себя «встреча», произошло так по-обыденному, что я до сих пор пожимаю плечами, когда слышу истории про НЛО. В том-то вся и закавыка, что человек, над головой которого сегодня зависла летающая тарелка, завтра поедет на работу. Вечером зайдет в супермаркет за хлебом-молоком, а потом усядется перед телевизором. А утром – снова на работу.

В битве чуда с повседневностью первое – всегда проигрывает.

Тарелка была больше похожа на маленький колышек, заостренный с одного конца. Сначала она скользнула в сторону города, затем вернулась к лесу и зависла, как мне показалось, прямо над моей головой. Размеры ее я оценить не мог, потому что летела она, скорее всего, слишком высоко.

Затем было еще несколько быстрых перемещений «город-лес», и всё. Колышек исчез. Я углубился с Найдой по знакомой тропе, стараясь не выколоть глаза случайной веткой. Когда вернулся, поднял голову вверх и не увидел звезд вообще: облака закрыли свет космических странников.

В общем-то, ничего особенного потом не произошло. Ну, на ночное небо я стал глядеть чаще. Намного чаще. Перечитал все доступные мне книжки по этому поводу – почти все дурацкие и скучнейшие. Подсел на сериал «Секретные материалы»: в те годы как раз вышел первый сезон.

Спустя десятилетие я стал записывать истории про встречи с НЛО уже как фольклорные тексты, выстроив крепкую стену научных терминов между собой и воспоминанием о «встрече».

Ну и... Ладно, признаюсь... Чёрт побери, когда они уже там прилетят снова? Сколько их можно ждать?!

Глава 4

– Я поклялась, что больше никогда об этом не расскажу. Налетела один раз на грабли, больше не хочется... Но, Леша, тебе всё-таки опишу этот случай. Ведь трудно в себе это держать, ни с кем не поделиться... – Татьяна Сергеевна слабо, как-то болезненно улыбается. И спрашивает меня, хочу ли я еще чаю с брусничным вареньем. Я не отказываюсь: брусника здесь – ум отъешь. Да и места сказочные: Юлово озеро всё-таки.

Моя собеседница работает учительницей в местной школе. На вид ей лет пятьдесят. Если бы она завязала на своей голове светлый платочек, под стать цвету ее волос, то точно стала бы похожа на послушницу в женском монастыре. Из тех, что

поспешно прячут взгляд при виде постороннего и стараются поскорее вернуться к своим иконкам, грядкам и вязальным спицам.

– Я тогда в саду что-то делала, наверное, картошку окучивала. Свечерело быстро. Поднимаю глаза, а она – там, на небе, прямо над головой. Крупная такая звёздочка, переливается белым и голубым. Других звезд пока не видно: еще не так сильно стемнело. А эта – прям как жемчужинка, поблёскивает и немного двигается: туда-сюда, туда-сюда.

Учительница наливает мне из белого, с нарисованной на боку ягодой чайничка медово-коричневой заварки, потом добавляет кипятка и пододвигает брусничного варенья в прозрачной «розетке». Я зацепляю маленькой ложкой сладкой брусники и отпиваю из чашки.

– Ну как, вкусно? Тут такие места, такие места! Дышишь воздухом, и надыхаться нельзя. Приезжай к нам почаще, Леша.

Я киваю и жду продолжения рассказа. Диктофон, лежащий на столе, подмигивает крохотной лампочкой; цифры-секунды поспешно меняют друга на его экранчике.

– Я сначала как-то не обратила на нее особого внимания. Думаю: «Ну, наверно, планета какая-нибудь – Венера или Юпитер». Их ведь сразу-то не отличишь, где звезда, а где планета. Повозилась еще немного, собрала инструмент – мотыгу и лопату с ведрами. Поднимаю глаза, а она приблизилась. В четверть луны величиной. Такая узенькая тарелочка. Я рот раскрыла и смотрю на нее, глаз не могу оторвать. И даже нет мыслей про то, чтобы за телефон схватиться, заснять там что-то. Ничего подобного. Смотрю и смотрю. Никаких особых чувств... Как я добралась до кровати и уснула – не помню.

На следующее утро я и забыла про всё. Летние каникулы вроде, но дел по дому – уйма. Мы тут ремонт в терраске затеяли, красить, обои клеить. Суэта, в общем. И вот часов десять вечера, наверное, уж закружаться надо, ужинать да спать. А меня вот будто кто-то тянет в сад. Накинула куртёшку, вышла и глаза сразу к небу подняла. На месте моя звёздочка. Блестит, переливается. Не знаю, сколько я так простояла. Устала и спать пошла.

И вот с тех пор у меня началось: каждый вечер выхожу, люблюсь. Я никому сначала не рассказывала, даже мужу с дочерью, – боялась, что засмеют. Я ведь с ней и разговаривать стала, песни даже ей пела. Вот работаю в саду или просто сижу, вынесу стул, поставлю под яблоню – и смотрю. Общаюсь с ней.

До того я, Лёша, к моей звёздочке привыкла и привязалась, вот как к живому существу – к котёнку какому-нибудь. Не могу уже без нее...

Дочка это дело просекла, конечно. Я ей по секрету всё рассказала. Она пошла со мной в сад вечером, смотрела-смотрела, а потом говорит: «Мам, звезда это обычная. Самая обыкновенная. А то, что она перемещается немного туда-сюда, так это кажется всё – из-за атмосферы. Я, говорит, читала про такое в интернете». Я с ней и не спорила. Ну пусть обыкновенная звезда, пусть. Но я уже не могу без неё, как родная она мне стала.

Дочь только головой качает: «Свихнёшься ты, мамка, с этой звездой. Брось к ней ходить!» Но

какой там! Я вечера дожждаться не могла, бегала к ней на свиданку, будто к парню молодому...

Татьяна Сергеевна встала из-за стола, взяла с полки свой смартфон и показала мне фото – черно-тут с размазанными светлыми точками.

– Вот она! – ее палец со сломанным ногтём указывает на одну из точек; по мне, так они все одинаковые. – Правда, замечательная?

Я киваю и снова принимаюсь за брусничное варенье. Учительница кладет смартфон на прежнее место.

– И вот я, дуручка, не смогла сдержаться. Какое-то у нас собрание в школе было: конец августа, начало учебного года, что-то обсуждали. А я возьми и ляпни там про свое сокровище. Рассказала-то двум-трем коллегам – вроде как подругам. А они по всей школе разнесли, на смех меня подняли: «Смотри, Танька, заберут тебя эти непланетяне-то!»

Я огорчилась, конечно, иду назад домой и плачу: «Ну зачем рассказала? Почему не сдержалась?!» Не могла в тот день вечера дожждаться, раз пять вы-бегала в сад. И вот темнеет-темнеет, а ее всё нет и нет! Я сама не своя. Одеюсь поплотнее, уселась в саду на стул и решила, что заночую здесь, все глаза прогляжу, но звездочку мою увижу.

Ага, как же, дождалась... Ни в эту ночь, ни в остальные – ничего не было. Пропало мое сокровище, пропало из-за моей же глупости. Как я убивалась, ты бы видел, Леша! Муж не поймёт, что со мной, дочка не знает, как утешить. А я хожу, будто медведь-шатун, из стороны в сторону, слёзы текут по щекам, словно вода. И не могу себя в руки взять.

– И не появилась больше? – спрашиваю я, а у самого внутри дрожит всё и откликается каждому слову рассказчицы. Мне ли не знать, что такое ходить по ночам на одно и то же место и до боли в шее всматриваться в небо? Дождёшься их, как же! Держи карман шире...

– Нет, – учительница вздыхает и глядит в окно, за которым начинается вечереть. – Не видела я ее больше. Да и не хочу уже, Леша. Может, и к лучшему, что ушла она. Я хоть успокоилась, делами своими теперь могу заниматься, на работу ходить. Я ведь много думала про это, анализировать пыталась. Теперь мне кажется, что ни к чему хорошему не привела бы такая зависимость: я ведь как наркоманка стала. Ничего мне не нужно – ни семьи, ни школы. Только бы сидеть да разговаривать с ней.

Я киваю в ответ и решаю, что пора менять тему беседы. Однако она вдруг выдает продолжение, от которого у меня захватывает дух.

– А у подруги моей тоже вот случай. Натальей ее зовут. Мать у ней лежала года два парализованная. Ташкин муж запретил ее домой брать, так что она в своей избе лежала, благо недалеко бегать было. Я ей тоже иногда помогала: Наталья позвонит, попросит, я зайду туда, к ее матери, приберусь, покормлю. В дом престарелых или в больницу подруга категорически отказывалась ее везти. Фельдшер приходила к ним раз в месяц, лекарства какие-то выписывала. «Мать это моя, и умрёт она на моих руках. Не отдам!» – и всё.

Да только так случилось, что тётя Света, мать-то Наталья, умерла на моих руках. Да, угораздило меня тогда к ней пойти. И с тех пор началось...

В тот вечер Татьяна Сергеевна торопилась: мужа надо было собрать в командировку, он уезжал почти на неделю в Санкт-Петербург. Мать подруги и до болезни не считалась общительной, а после того, как слегла, вообще говорила редко, отвечала односложно.

– И вот вожусь на кухне: супчику, что ли, разогреваю, чтобы похлебала она, и слышу – хрипит: «Тань! Та-ань!» Я бегом к кровати, а у тётки Светы уж глаза закатываются, одни белки видать. Пока звонила, пока что – она уж и дышать перестала. Я в слезы, по щекам ее ударяю. Да где уж там! Наталья прибежала – нет ее матери. Вызвали фельдшера для освидетельствования, а сами сидим – ревом.

Дней через десять после похорон в угол избы учительницы кто-то сильно ударил. Было двенадцать ночи, муж Татьяны Сергеевны выскочил – никого.

– А вернулся он какой-то бледный: сам не свой. Я заметила, давай его пытаться, он молчит как партизан. И только через два дня раскололся: «Увидел я, Тань, как искра летит. Шарик такой огненный. Сначала над домом тети Светы покрутился, а потом – к Сотниковым помчался. И там прямо над крышей развалился у них – целый сноп искр». Сотниковы – это Натальяина семья, по мужу у них такая фамилия.

Я бегом к подруге и давай ей мозги промывать. У меня, слава Богу, бабка знала про такое: кто это летает и зачем.

«Ты, говорю, Наташка, в своем уме: ты зачем такое делаешь? Зачем мать привечать?» Она – в слезы. «Не могу, – отвечает, – Тань, с собой ничего сделать. Каждый день плачу по ней, на могилу хожу. Вот когда она парализованная лежала – я как будто охладела к ней, устала от нее, от ее молчания. А теперь как прорвало меня, виноватой чувствую себя. Ведь лежала она в своей избе одна-одинёшенька целыми днями и ночами. Чего я там: приду на полчасика и убегаю...»

Я ее ругаю на чем свет стоит. «Это к тебе летуны летают, говорю. Убьют тебя ведь: нельзя плакать сильно!» Она кивает, а я по глазам вижу, что не слушает она меня. И точно.

Однажды иду вечером с работы. Что-то задержалась в школе, продлёнка и совещание, в общем, уже после семи возвращалась. А темнеет в ноябре рано, фонарей у нас три штуки на всё село. Иду и вижу: поднимается с той стороны, где кладбище, шар вот с хороший кулак величиной. А за ним – как хвост. Вот после кометы тянется такой шлейф, и здесь то же самое. Поднялся он – и юрк к Сотниковым.

«Ну, – думаю, – держись, Наталья! Я тебе сейчас устрою головомойку!»

Зашла к ним во двор: у них открыто, собаки нет. И слышу какой-то разговор. Да не в избе, а вот в сараюшке напротив. Пригляделась: лампа горит. Подхожу и слышу: «Мамка, ну не пускает он меня! Ругает! Я бы с радостью к тебе ходила, да Федька не дает!». А Федька Сотников – это муж ее. Я его как-то в сторону отвела и говорю: «Ты следи за Наташкой-то! На кладбище ее пореже пускай. Дождёшься, шанда-рахнет мать ее чем-нибудь, и жену ты потеряешь...»

Да и понятно, что ведь не мать к ней ходит, а нечисть, привидение. От них хорошего ничего не жди. Мне бабка про это много рассказывала.

И вот как услышала я Натальин-то голос из сарая, у меня – дрожь по всему телу, аж волосы на загривке встали, руки не слушаются! Но и любопытство меня разбирает. Я ведь, Лёш, тоже, как и ты, вот этим всем интересуюсь: даже «Битву экстрасенсов» смотрю. Ты смотришь?

Я отрицательно мотаю головой и жду продолжения рассказа. Учительница косится на мой диктофон и понимающе кивает.

– Подошла я поближе, щель нашла в стенке, да так удачно: всё как на ладони. Стоит Наташка бок ко мне, пялится в тёмный угол и болтает без умолку. Другого голоса я не слышу, нет никаких ответов, чудится ей всё это, понятно. Она уж и плачет, и просит ее, и по-всякому. Я подумала-подумала и решила уйти: если зайдёшь сейчас, перепугаешь ее насмерть.

Моя собеседница замолкает и снова смотрит в окно. На улице уже совсем темно, пора мне округляться и возвращаться в город.

– Так и чем всё это закончилось? – спрашиваю я учительницу.

– А ничем. Вроде бы постепенно у нее на нет сошло. По крайней мере, шаров огненных больше никто над ее домом не видел. Наталья, кстати, сама стала похожа на свою умершую мать – молчаливая, угрюмая. Мы с ней сейчас намного меньше общаемся. Но, наверное, переборола она как-то тоску свою...

Я киваю, и мы прощаемся. Прощаемся не насовсем, потому что много чего еще осталось нерассказанного – и это несмотря на то, что встречались мы с ней уже трижды. Татьяна Сергеевна ждет меня и в четвертый раз: у нее есть одна интересная идея.

* * *

– Мы и клюкву, и чернику здесь собираем, надо просто места знать. Вы от комаров-то средство взяли? Замучают ведь! – Татьяна Сергеевна одета попоходному: болоньевая куртка бледно-оранжевого цвета, резиновые сапоги почти до колен и небольшой рюкзачок за спиной. На голове – платок, завязанный сзади. Она даже в оранжевой куртке напоминает монашку или паломницу, собравшуюся посетить святые земли. Моя экипировка похожа, ведь гид меня предупредила заранее.

Мы идем вчетвером – она, я, ее шестнадцатилетний племянник Толик и Черныш, чистопородная дворняга с торчащими вверх ушами. Пока любуемся красотами озера, учительница перечисляет местные чудеса: провал, чертовы ямы-вонючки, Моховое болото и «страшное место», где раньше стояла мельница.

– Если уж вы занимаетесь этим всем, то вам сам Бог велел побывать здесь. Тут иногда такое происходит – волосы дыбом встают!.. – моя провожатая идет вслед за своим молчаливым племянником, который, по ее словам, излазил здесь всё вдоль и поперёк.

Я примерно представляю, о чем она говорит, так как местные СМИ не раз писали о странностях Юлова озера. Тут стандартный набор туристических достопримечательностей: бездонные провалы якобы от метеоритов, целебные родники, НЛО, которые прилетают сюда чуть ли не каждую неделю,

– видимо, чтобы оттянуться на выходных. Жители села этой славы не чураются, а наоборот сопровождают журналистов, рассказывают о том, что слышали. Так что наш поход вполне вписывается в общую парадигму.

Я охотно согласился на предложение Татьяны Сергеевны пройтись сначала в сторону почти вымершей Дубровки, а затем – если повезёт добраться засветло – посмотреть и здешние болота. Меня привлекли, конечно, не природные красоты, а рассказы, на которые мой гид точно не поскупится дорогой.

– Нет ничего лучше леса, Лёша. Знаешь, как он меня заряжает – особенно вот перед полнолунием! В полнолуние меня прям гнёт, мостиком выгибает, так и тянет ночью из дома убежать к озеру. А потом хочется всё это отдать: я скотину глажу, детей на руки беру, особенно вот больных которые. Все успокаиваются и легче себя чувствуют. Тут закон простой: Божье забрал, Богу и верни.

На берегу видны небольшие строения – это, вероятно, санаторий или детский лагерь. Местные мне говорили, что тут есть нечто подобное. Но вся эта здравница и житница уже давно пережила свои лучшие времена.

О том, что учительница лечит, я знал и раньше. Но вот про то, что ее «гнёт» в полнолуние, я еще не слышал.

– Так это же сон у меня был в детстве, видение. Я разве тебе не рассказывала? Мы с родителями в Юлово из-за этого и попали... – черно-серебристая гладь озера в последний раз показывается из-за деревьев, а потом мы углубляемся в лес к родникам; Черныш бежит впереди. – Ну, точнее, не из-за этого, конечно. У меня в детстве туберкулез приключился, родители замучались меня по больницам таскать – я уж вся прозрачной сделалась. И вот однажды я заснула, а мать добудиться меня не смогла (это она мне потом сама рассказывала). Переполошились все: отец скорую вызвал, мать по щекам меня бьет, водой брызгает, а я лежу – и едва дышу. И вот вижу во сне озеро – такое красивое-красивое. Облака наверху светло-сиреневые, по берегам – волшебный лес, отражающийся в воде-зеркале. А на берегу стоит монах – ну, человек в чёрном. Я его не боюсь совсем, наоборот, мне к нему хочется. Подбегаю к нему, спрашиваю: «Дядя, дядя, а что это за место такое?» Он посмотрел на меня так по-доброму, но с какой-то печалью в глазах. И отвечает: «Это Юлово озеро, дочка. Хочешь грудку поправить – приезжай. Всем места хватит». И очнулась я. Такой вот сон.

– И вы из-за этого сюда приехали? – интересуюсь я и посматриваю на диктофон: пишет ли?

– Ну да. Когда я очнулась, вижу: мать плачет, целует мне руки. А я ей говорю: «Мама, а где такое – Юлово озеро? Мне дядя сказал туда ехать». Мы в то время в Самарской области жили. Оказалось, что в Юлово как раз детский санаторий для туберкулезных больных. Не знаю: может, я где-то слышала краем уха про него – вот и приснилось мне. Родители до такого состояния были доведены, что за любую соломинку цеплялись, вот и поехали сюда не раздумывая.

Черныш лает за деревьями, и племянш сообщает, что скоро мы выйдем на провалы – ямы-вонючки. В свежий лесной воздух добавляются нотки

неприятного запаха тухлых яиц. Толик опережает нас на несколько десятков шагов, потом мы слышим его голос: «Идите сюда! Тут лучше всего видно».

Знаменитые провалы представляют собой большие круглые лужи-болотца, частично покрытые травой и хвоей. По слухам, эти «чёртовы колодцы» очень глубокие.

– Сюда метеориты свалились, дыры пробили – это еще в древности! – авторитетно говорит Толик. Я в ответ киваю. Татьяна Сергеевна добавляет, что здешняя вода очень полезная, так как в ней много сероводорода.

Я про себя думаю, что неплохо было бы узнать, что пишут про здешние болотца географы-геологи. Запах усиливается, хочется поскорее убраться подальше отсюда. Мои провожатые предлагают идти к родникам, и я поспешно киваю.

– Я тут однажды заплутал – часа три, наверно, проходил. Слава Богу, хоть Черныш со мной был, не так страшно было, – рассказывает племяш. Сероводородный запах остался позади. Лес густеет, листовенные деревья уступили соснам.

В предыдущие встречи юловская хозяйка несколько раз упоминала о своей собаке – в основном, как раз по поводу походов за ягодой или за родниковой водой. «У меня с Чернышом как связь. Я чувствую, когда ему плохо, а он лечит меня, если заболелю», – уверяла меня учительница.

Остроухая дворняга оказалась родом из города: Татьяна Сергеевна подобрала небольшого черного кутёнка на автовокзале, когда возвращалась в Юлово с какой-то городской педагогической конференции. Собака и вела не совсем сельский образ жизни: ее часто пускали в избу; зимой она вообще меняла дворовую конуру на хозяйский зал.

По дороге мы то и дело нагибались за ягодами. Попадалась и брусника, и лесная клубника и даже необычная для этих широт черника.

– Я здесь собираю и зверобой, и душицу, и таволгу. А потом завариваю – и сама пью, и всех соседей пою чаем на травах. А вот весной беру почки березовые, корень лопуха и листочки брусничника. Это всё полезная травка. Я ведь «ЗОЖ» выписываю. Лёш, ты «ЗОЖ» читаешь? Нет? Зря, полезная газета.

На родниках мы пробыли минут двадцать. Они бьют здесь из-под земли в разных местах и образуют небольшой водоем. Потом мы отправились в сторону Мохового болота, но в тот день так и не смогли туда попасть. Наши планы и маршрут резко изменились после того, как из-за деревьев вынырнул Толик. Они с собакой то опережали нас, то отставали; мы с Татьяной Сергеевной не спеша шли вперед, увлечённые беседой.

– Надо бы привал сделать, подкрепиться пора, – предложил племяш. – Вы, кстати, Черныша не видели? Куда-то убежал, дозваться не могу.

Сначала Татьяна Сергеевна не обратила внимания на пропажу собаки: Черныш знал эти места не хуже остальных моих гидов. Однако минут через пятнадцать, когда мы нашли удобную полянку для трапезы, она забеспокоилась.

– Черны-ыш! Черны-ыш! Куда он делся? Вы пока здесь разложите покрывальце и вот на газеты можно – там яйца вареные, колбаса, помидоры. Я пойду позову его.

Мы с племянником умяли по два бутерброда. Толик успел рассказать занимательную историю про то, как они с другом ходили на «страшное место».

– Это там, где мельница раньше стояла. Сейчас почти ничего не осталось. Вот, говорят, если ночью прийти туда, постоять с закрытыми глазами, то можно старого мельника увидеть. Но это байки, конечно. Я там был глубоким вечером – ничего не привиделось.

Вернулась Татьяна Сергеевна совершенно расстроенная: собаку она не нашла. Мы решили, что настала наша очередь искать.

– Тётъ Тань, ты пока поешь, а мы пройдемся, покричим его! – предложил Толик, но учительница покачала головой. Уголки губ ее опустились вниз, глаза потухли.

– Я чувствую, Толь: что-то не так. Кушать всё равно не смогу. Давайте искать, мальчишки! Беда просто...

Мы разделились: Толик пошел по каким-то едва заметным тропам вправо, моя спутница решила вернуться к родникам. Я зашагал следом за ней, поскольку лес знал плохо. Мы искали полтора часа и в конце концов двинулись назад в село.

– Может, он к избе прибежал? – с надеждой спрашивала хозяйка собаки. – Черныш – умный пёс.

– Да, конечно, тётъ Тань, куда он денется? Он сто раз был здесь, каждый куст знает, – успокаивал племянник. Но я видел, что лицо Татьяны Сергеевны мрачнеет с каждым шагом всё больше.

Когда мы обогнули озеро и вышли на сельскую улицу, она вдруг разрыдалась.

– Его нет, нет! Понимаете? Я его совсем не чувствую... Толь, ну как так возможно? Его в болото, что ли, затащило?

Через два часа за окнами стало совсем темно. Мы всё это время сидели с Толиком в терраске; его тетка, сославшись на головную боль, ушла в зал. Мы оба знали, что она сидит там и смотрит в окно, стараясь разглядеть черную четвероногую фигурку.

Я тоже очень ждал Черныша: не хотелось уезжать из Юлова в таком настроении. Меня терзало и чувство вины – ведь если бы не я, возможно, они и не пошли бы сегодня в лес.

– Он уже не вернётся, Леша. Я это знаю... – я зашел к ней попрощаться и увидел, что Татьяна Сергеевна сидит за столом, на котором стояли три зажженных свечи. – Я карты раскинула на Черныша: все смерть показывают. Как такое возможно – не знаю. Ведь ни визга, ничего не слышали...

Мы помолчали, а потом я принялся извиняться, но моя собеседница в ответ только рукой махнула.

– Лёш, ты тут ни при чем! Так уж суждено ему было. Я еще не разобралась до конца, что к чему. Но думаю, что случайностей не бывает. Ты не переживай: за Черныша и без того есть кому поплакать. Главное, чтобы другого чего плохого не случилось. Это ведь как жертва, как предупреждение. Черныш взял на себя что-то негативное, если бы он не погиб, может, с нами плохое что-нибудь произошло.

Я кивал, но очень надеялся, что она ошибается, и дня через два, когда я позвоню в Юлово, Татьяна Сергеевна порадует меня хорошей новостью про вернувшуюся из леса дворнягу. Но учительница оказалась права: Черныша мы больше не увидели.

Глава 5

Про это я не рассказывал еще ни одной живой душе и сам старался забыть о случившемся. Но после пропажи дворняги я не мог не вспомнить про свое... увлечение. Слова Татьяны Сергеевны о жертве и предупреждении занозой засели в моей голове.

Фары высвечивали темные куски асфальтовой дороги; Юлово осталось далеко позади – вместе со своими тайнами, чертовыми колодцами и плачущей женщиной со светлыми волосами.

В памяти сами собой всплывали картины другой ночной дороги. Там тоже была черная собака – ризеншнауцер Найда. Она бежала впереди, иногда полностью растворяясь в темноте, затем выныривала откуда-то сбоку. А я шёл, шёл и шёл. В кармане моей куртки лежал небольшой фонарик, а в руках болтался пакет с толстой книгой. Сколько мне тогда было?... Лет четырнадцать? Нет. Уже, наверное, пятнадцать. Да, пятнадцать. Я направлялся к двум старым крестам, торчавшим из-под земли совсем недалеко от темной волжской воды. Страх я не чувствовал, наоборот – какое-то внутреннее возбуждение, – то самое волнение, которое ощущает человек, приобщающийся к чему-то запретному и таинственному. Что и говорить: я был тогда подростком и... дураком.

Слава Богу, книгу, лежавшую в пакете, я потом сжёг. Акт бессмысленный, но он принёс мне хотя бы временное облегчение.

* * *

Мой детский интерес к таинственному, эзотерическому родными и близкими не поощрялся и не запрещался: они просто об этом не знали. Я прочитал к пятнадцати годам много, очень много такого, чего читать совсем не стоило. Большая часть этих книг – популярных, наспех изданных – были родом из 90-х годов, когда страну, где раньше подобные темы запрещались, вдруг захватила волна перво-бытного интереса к экстрасенсам, шаманам, астрологам, гадалкам, колдунам и знахарям.

Книжные развалы были забиты «Советами сибирских знахарей», большими и малыми книгами заговоров; переиздания сонников XIX века соседствовали с высосанными из пальца «Путешествиями в астрал», «Тантрическим сексом» и руководствами многочисленных мастеров по НЛП, картам таро и гипнозу. Я глотал всё это без разбору, что-то опробовал, затем забывал и переходил к новым «Тайным доктринам» и «Белым богиням».

В одной из них – кажется, это был очередной толстенный том «Заговоров сибирской целительницы» – я нашел главку, которая называлась примерно так: «Как стать колдуном» или «Старинный обряд посвящения в колдуны». Как я сейчас понимаю, автор этого нетленного труда что-то надёргал из переизданий Ивана Сахарова, что-то – из современных популярных книг; возможно, подключилась и фантазия, приправленная фильмами. Дело совсем не в этом. Соль в том, что я решил это всё выполнить. Дословно и пошагово. Зачем? Сложный вопрос. Вероятно, ради расширения опыта.

Если коротко, нужно было ровно в полночь оказаться возле заброшенной могилы. Стоя над ней, прочитать длиннющий – страницы на три

печатного текста – заговор, который, видимо, был контаминацией самых различных текстов – выдуманных и действительно записанных в свое время фольклористами. Где найти заброшенные могилы, я знал: берег Волги был избеган-изведен мной вдоль и поперек. На одном из холмов метрах в двухстах от белых барашков волн, ласкающих береговой песок, скрывались в траве три или четыре могильных холмика.

По слухам, там когда-то располагалось сельское кладбище – возможно, еще до того, как воды Куйбышевского водохранилища похоронили под собой множество сёл, церквей, заливных лугов и людских надежд. Выйти из дома ночью тоже было проще простого: с Найдой я часто гулял именно в эту пору.

Я ждал почти неделю подходящей погоды – так, чтобы меня не накрыл по дороге дождь или сильный ветер. Заранее припас свежие батарейки для фонарика и пакет для книги с заговорами. Дорога к Волге проходила через строительную свалку; потом нужно было идти полем и через лесопосадку. С большой черной Найдой я всегда чувствовал себя уверенно и безопасно. Однако чем ближе я подходил к Волге, тем реже показывалась рядом с моими ногами собака. В конце концов я взял ее на поводок; шнауцер шел вперед неохотно, хотя обычно собаке нравились походы к реке.

Когда свалка закончилась и кроссовки подняли вверх сухую пыль полевой тропинки, мне захотелось включить фонарик. Как только я это сделал, тьма сгустилась, словно сметана. Какие-то тени заплясали по полевой траве и ближайшим деревьям. Я посветил на наручные часы – 23:20. Тогда я заставил себя выключить свет: я боялся, что мне не хватит энергии, чтобы прочитать текст из книги. Батарейки, купленные мною в газетном киоске, были самыми дешевыми: на другие у меня просто не хватило карманных денег.

В общем-то, особого страха я не испытывал, поскольку, как уже говорил, привык к ночным прогулкам по лесу. Тревожило меня лишь странное поведение Найды: она жалась к ногам, словно дворовая шавка, и то и дело порывалась сесть, чтобы не идти дальше.

Вскоре лесопосадка полностью закрыла желтый свет от далеких городских фонарей и окон. Это к лучшему: глаза быстрее привыкли к темноте; к тому же из-за облаков показалась половинчатая луна. Ее желто-серый свет позволял хорошо видеть полевую тропинку и наступающий на меня слева лес.

Темно-синее платье, мелькнувшее среди деревьев, я заметил, когда до заброшенных могил оставалось минут двадцать ходу. Я резко остановился; в висках запульсировала кровь. Найда села в пыль и повернула голову в ту сторону, куда, не смея даже моргнуть, смотрел и я.

«Мне показалось, мне это показалось, мне показалось, показалось...» – сначала я это шептал, потом начал говорить громче и громче. Рука потянулась к фонарику, но я понимал: включенный свет только сгустит темноту. Мы простояли так минут пять; дрожащей рукой я гладил собаку между ушами. Нигде ничего не двигалось и не шевелилось.

Я прошел еще метров триста, и темно-синее пятно снова мелькнуло между ближайшими

деревьями. На этот раз я услышал шорох – такой звук издает тяжелый подол, трущийся о траву и землю. В горле остановился ком, который всё никак не проглатывался. Первый порыв – бежать сломя голову назад, к окнам города, к родной электрической желтизне. Но я четко знал – откуда, не спрашивайте – что именно в тот момент я окончательно и бесповоротно проиграю. Если она не сожмёт мое плечо своей ледяной рукой в реальности – догнав здесь, в поле, то уж точно не упустит своего во сне. Я вспомнил про книгу. Зашуршав пакетом, я быстро вынул ее оттуда, включил фонарь и открыл первые страницы. Там были тексты известных молитв – самых обычных, многие из которых я знал наизусть: «Отче наш», «Богородица Дева, радуйся», «Живые помощи». Но сейчас я хотел только одного: спастись от взгляда в зовущую темноту, где за деревьями маячит Она – та, кто очень ждет, чтобы я повернулся и, крича во всё горло, побежал назад.

Я забыл о времени. На правом запястье у меня был намотан поводок, в одной руке светил фонарик, в другой лежала раскрытая книга. Я читал, читал и читал. Страницу за страницей, пока не дошел до главы «Заговоры на удачу».

Я не знаю, в какой момент предал ее; повлияли на меня дикий страх, полностью поработивший ум, или я сознательно сделал выбор. Я говорю совершенно искренне: я не могу ответить на вопрос, сознательно или нет я принес тогда жертву. Отдал твари в синем Найду вместо себя. Могу только последовательно описать то, как всё произошло.

Когда поводок ослаб и начал постепенно сползать с запястья, я не оторвал взгляда от страниц сволочной книги. Когда я услышал шорох, который издают собачьи когти и мягкие подушечки лап при соприкосновении с высохшей землей, я не поднял взгляда, не позвал собаку, не закричал. Я читал и читал, и не было у этих текстов конца. От «аминь, аминь, аминь» я снова переходил к «Господи, выхожу из ворот в поле, в поле – частокол. Огороди меня, раба Божьего...»

Прошла вечность. Я поднял глаза: темно-синее платье за деревьями исчезло. Фонарик светил желто-тусклым, обреченным светом. Найды рядом не было; сухими, окоченевшими губами я позвал ее. Потом еще раз и еще. Еще раз и еще. Заплакав, я бросился в лесопосадку. Бегал по полю. В конце концов добрался и до волжского берега. Фонарик к тому времени начал подмигивать. Я посветил на наручные часы: 2:10. Я искал собаку почти два часа – полностью забыв о своем страхе перед Женщиной в синем.

Но внутри, где-то очень глубоко внутри себя, я знал: бояться было нечего. Тварь пришла и забрала себе то, что хотела. На сегодняшнюю ночь она удовлетворилась и сгнула. Мы поняли с ней друг друга очень хорошо – в тот момент, когда я читал книгу. Она спросила, а я, подыхая от страха, согласился. И она взяла свое.

* * *

Мы с Толиком сидели возле костра. Рядом стояла палатка, в которой нам предстояло провести ночь. Татьяна Сергеевна после того, как пропал Черныш, в лес не ходила – только на берег озера.

Идея заночевать в «страшном месте» родилась у Толика. Он уже так несколько раз делал с друзьями.

– Но мы же, Алексей Викторович, гогочем постоянно, а потом выпьем пива – и спать. Что тут может привидеться? А вот если с вами пойдём, уж точно чего-нибудь заметим.

Я не приезжал в Юлово почти год: побывал один раз после пропажи Черныша, а затем мое время поглотили другие записи и поездки. Поэтому, когда позвонил Толик и предложил сходить в «страшное место», я согласился не раздумывая. Татьяна Сергеевна искренне обрадовалась моему приезду, снова угощала брусничным вареньем. Однако, услышав об идее племяша, поджала губы и отвернулась в сторону окна.

– Зря вы это, Лёша. Мало вам Черныша? Нечего судьбу пытаться...

Но затем она сама же снарядила нас в поход: на скорую руку напекла пирожков, приготовила два термоса с чаем, нашла где-то запасные резиновые сапоги и спальники.

– Сегодня, кстати, новолуние. Время-то неплохое: лес хорошую зарядку дает. Ну, ладно, идите с Богом. Я вам вечером на сотовый позвоню. И утром тоже.

Толик оказался очень общительным парнем. В присутствии тётки – настоящего мастера устного жанра – он терялся и стеснялся, а вот наедине со мной, рядом с весело горящим костром вдруг раскрылся.

– У меня друзья – Славка и Стас – здесь как-то тоже ночевали. Это два года назад в августе дело было. Они не для того, чтобы увидеть чё-то, сюда пришли, а так – просто: посидеть, отдохнуть, как говорится. Они не «барагозы», как любит тетка Таня выражаться: если пьют, то в меру. В общем, доверять им можно. Вот сидим, говорит, костерок, шашлычки, всё нормально. Погода тихая. Звёзды видать. И вот с того места, – Толик указал на край поляны, где стояла наша палатка, – свечение какое-то. Такое зеленоватое. Как вот на болотах иногда бывает, будто фосфор. Но тут болота в другой стороне, место-то на высоте – выше уровня озера. Славик встал, чтобы получше рассмотреть. Вот он-то и увидел, а Стас сидел – поэтому только свечение заметил. «Вижу: старик стоит. Борода седая до пуза, а сам весь в чёрном. Руку поднял вверх и показывает мне пальцем в небо». Тут Стасик тоже вскочил на ноги, Славка отвлекся на него на какие-то полсекунды, поглядел снова – ничего уж нет. Такие дела вот.

Я кивнул и вспомнил про детский сон Татьяны Сергеевны – о человеке в чёрном.

– Да, – соглашается племяш. – Она тоже про это упоминала, когда я ей Славкину историю пересказал. Говорит, что старик в черном – не мельник совсем, а какой-то монах. Может, он погиб неподалеку, а возможно – тут какой-то монастырь стоял раньше.

Я слушаю Толика и вдруг за языками костра замечаю черный четвероногий силуэт. Холод мгновенно пробегает по всему телу, и я вскакиваю на ноги. Племяшник тоже медленно приподнимается, оглядываясь по сторонам.

– Что такое? – в его голосе слышится тревога и...

какая-то ирония: мол, Алексей Викторович, вы что – подыграть мне решили?

– Ничего... – бормочу я и снова приземляюсь на обрубок сосны, служивший мне стулом. – Показалось, наверно.

– А что, что вы увидели?! – живо интересуется мой собеседник. Я с неохотой говорю о собачьем силуэте.

– Да, – Толик опускает глаза к тлеющему костру. – По собаке тетка здорово убивается, до сих пор забыть не может. Мы ей хотели кутёнка привезти – черного, с ушками, точь-в-точь как Черныш был. «Не хочу, – говорит, – никого. Я лучше вообще без собаки буду, чем еще раз такое пережить!» Ну и всё. Мы это дело оставили. А я вот думаю, что зря: надо было привезти ей, точно бы быстрее забыла.

Я едва слушаю племяша, а сам всё никак не могу успокоиться: за языками костра стоял не Черныш, а более крупная собака. Я даже бороду успел разглядеть – перед тем, как она исчезла. Говорю же: чёртовое место! Лучше бы мы сюда не приходили.

Часа через два у Толика начинают слипаться глаза, и я предлагаю ему пойти в палатку.

– Вы тут тоже один долго-то не сидите, – он широко зеваёт. – Сами знаете почему...

Потом он много раз жалел о том, что не стал бороться со сном. Но кто его знает: может, вдвоем мы бы не увидели всего этого.

Когда племяш ушел, я подбросил сухих веток в костер и накинул на себя плед: с озера потянуло влажным холодом. Спать не хотелось. Серые, будто нарисованные простым карандашом верхушки деревьев совсем не мешали любоваться ночным небом. Юловские звезды – это и впрямь нечто необыкновенное. Даже в своих очках, которые давно пора заменить (зрение за последний год ухудшилось на целую диоптрию), я видел сотни пульсирующих маленьких солнц. Млечный Путь казался столь близким, что его сияющий бледный бок так и хотелось погладить рукой.

Я любовался ночным небом, вероятно, с полчасика, прежде чем заметил первые признаки... я до сих пор не знаю, как точнее назвать увиденное. Нет, не звездопад, а, скорее, звездный салют. Что-то большое и светлое неожиданно появилось над деревьями. Оно росло и вспухало, словно световой гриб. Однако это призрачное, фиолетовое свечение никак не влияло на видимость остальных звёзд: Млечный Путь по-прежнему мерцал на своем месте.

Гриб вытянулся над лесом, уплотнился до комка размером с луну и, будто большой воздушный шар, взмыл вверх. Я, расширив глаза, смотрел на него, боясь пошевелиться. Мне даже не пришло в голову броситься в палатку, чтобы разбудить Толика, схватить фотоаппарат или хотя бы смартфон.

И я нисколько не пожалел о том, что не двинулся с места. Всё произошло в считанные секунды; скорее всего, отвлекись я хоть ненадолго, самое главное я бы пропустил. Светящийся фиолетовый ком внезапно остановился, а потом... это даже не вспышка, совсем не так, как во время салюта, нет. Комок просто растекся на тысячи разных блестящих ниточек, у каждой из которых – своя траектория. Это было похоже на то, как если бы в темных океанских толщах некая живая масса, какая-нибудь

фосфоресцирующая медуза вдруг распалась бы на миллионы отдельных клеточек, которые со страшной скоростью рванули бы в разные стороны.

Тело фиолетовой медузы заняло полнеба, а потом – ничего. В мгновение ока всё приняло прежний вид. Всё также тихо покачивались верхушки деревьев, светили-пульсировали звезды, где-то далеко распевали ночные песни лягушки, и какая-то птица мерно, один раз в минуту, вскрикивала и умирала вновь.

Я закрыл глаза и так просидел долго. Затем встал, забросал костер землей и отправился на боковую. Пусть лучше я усну, думая о прекрасной светящейся медузе, чем снова начну различать за деревьями, обступившими поляну, черную фигурку бородатой собаки.

* * *

Мы уже успели упаковать палатку и двинуться в обратный путь к утреннему селу, когда сотовый Толика запел последний шедевр из современной попсы. Он сказал несколько слов в трубку, его брови округлились, а потом племяш сунул мобильный мне.

– Лёша! – голос Татьяны Сергеевны звенел от радости; я почти увидел ее помолодевшее лицо – лицо паломницы, добравшейся-таки до заветной цели: иерусалимского храма или какого-нибудь Афонского монастыря. – Она вернулась, слышишь? Моя звёздочка! Понимаешь? Меня вчера так гнуть стало, что я пулей выскочила в сад. Поднимаю глаза на небо, а там – она! Господи! Счастье-то какое... Я только об одном моллю: чтобы она и сегодня мне показала!

Мы поговорили еще немного, и я отдал племяннику трубку. Радость, которой поделилась со мной Татьяна Сергеевна, казалось, наполняла всё окружающее. Но улыбка сошла с моего лица совсем скоро. Буквально через несколько минут зазвонил уже мой сотовый. Я посмотрел на экран: высветился номер Кати, с которой я не разговаривал около года, – с того самого момента, когда белый «Рено» рванул вперед, оставив меня на обочине. С дядей Витей я созванивался часто, раз в неделю точно, – узнавал, как у него дела, спрашивал, не нужно ли чего. Он отвечал односложно и каждый раз запрещал мне приезжать к нему.

– Лёша! – резкие нотки голоса Кати были чужими и неуместными в этом волшебном утреннем лесу – как белый цвет врачебного халата на детском дне рождения. – Виктор Иванович умер. Завтра похороны. Ты приедешь?

Я закрыл глаза и на мысленном экране в разные стороны разбежались светящиеся струи фиолетовой медузы.

– Да, – выдавил я наконец. – Я приеду. От меня какая-то помощь нужна: привезти чего-нибудь или позвонить кому-то?

– Нет. Я всё уже организовала. Просто приезжай. Там потом поминки будут – в школьной столовой. Но тебе там быть совсем не обязательно. Если только захочешь... Ну всё. До встречи.

Я кивнул и нажал отмену вызова. Ночная птица, которая тревожила своими мерными криками окружающий лес, снова на миг проснулась, а потом умерла.

Часть 3. Перекресток

В 1980-е годы самыми крутыми детскими фильмами считались «Приключения Электроника» и «Гостя из будущего». Еще показывали про Петрова и Васечкина; кое-что мне запомнилось и из зарубежной фантастики. Однако фильмов ужасов не было вообще: в Советском Союзе и затем в постсоветской России точно не умели, да и сейчас не умеют снимать хоррор-кино.

Я это говорю для того, чтобы хоть как-то объяснить произошедшее: мое воображение в семилетнем возрасте просто не было готово к такому удару. Кабельный канал, по которому где-то в 11 вечера должны были показывать американский ужастик про куклу Чаки, работал только в домике бабы Тони – матери моего дяди, жившего в Садовке. С разрешения взрослых, мы отправились к ней втроем – я, мой двоюродный брат Мишка и его шестилетняя сестренка Наташка. Мишке в тот момент исполнилось лет двенадцать, и его-то, как я сейчас понимаю, третьесортное кино точно не испугало.

Избёнка матери моего дяди, окруженная заброшенными садами, стояла недалеко от железнодорожной станции. Вечером здесь было тихо и очень темно: в баб-тонином медвежьем углу вообще не светили уличные фонари. Долетавшие до ее дома звуки проносившихся товарняков лишь усугубляли впечатление какой-то оторванности этого места от остального села.

Вместе с бабушкой в избе жил ее внук Валентин. Он работал охранником – сутки через трое, – и в тот вечер как раз выпала его смена. Кстати, внук-то и организовал кабельное телевидение: самой старушке за глаза хватило бы новостей по первому каналу.

Ожившая большая кукла, которая гнусно ухмылялась с выпуклого экрана бабкиного телевизора, меня не слишком испугала. Но в фильм я погрузился с головой: ладони сами собой сжимались в кулаки, когда герои слышали звуки маленьких быстрых ножек. Сердце замирало от ужаса, стоило лишь заметить на стене тень от кукольной ручки, державшей нож.

Назад мы возвращались глубоко за полночь: в небольшой избе бабы Тони просто негде разместить на ночлег столько человек. Да и идти было недолго – минут двадцать от силы. Проулок рядом с избой старушки никогда не асфальтировали, а лишь раз в пять-семь лет посыпали щебёнкой, чтобы по весне и осенью люди не тонули в грязи. Вдоль всей улицы с левой стороны тянулся толстый газопровод, который опирался на металлические трубы, вкопанные в землю через равные промежутки.

Как только дверь калитки закрылась за нами, мы оказались в кромешной тьме, чуть подсвеченной звездами и единственным окном далекой избы, где кто-то тоже полуночничал. Наташка сразу же схватилась за руку старшего брата. Я, спотыкаясь о щебёнку, пошел за ними следом, стараясь идти как можно быстрее, чтобы не отставать.

Мы сделали несколько десятков шагов в полной тишине, как вдруг Мишкин голос заорал: «Вон он – Чаки! Кукла с ножом! Смотрите-смотрите!» – глаза уже чуть привыкли к темноте, и я различал руку двоюродного брата, указывающую на ближайшие кусты. Наташка завизжала и начала плакать; мое

сердце ушло в пятки и там осталось надолго.

– Ой, да ла-адно! – Мишка захохотал. – Это я пошутил, дурочка! Чего разревелась-то? Будешь плакать – больше с собой никогда не возьму!

Сестрénка тут же затихла, лишь изредка всхлипывая.

– Это фильм, понятно? Не бывает живых кукол... Эй, Лёшка! Вот скажи ей: может кукла ожить?

Я тихо ответил, что нет, такого не может быть. Мы пошли дальше. Глаза всё больше привыкали к темноте, я уже хорошо различал разномастные заборы, очертания изб, мимо которых мы шли, и подпорки газопровода.

– А если всё-таки Чаки – на самом деле есть? – вдруг снова заговорил братец. Случается же такое настроение, когда действительно хочется напугать кого-нибудь до полусмерти – особенно если твои спутники уже настроены на эту волну. Мишка в тот вечер точно был настроен.

– Нет его! Нет! – маленькая сестрénка, уже преставшая всхлипывать, снова зашмыгала носом. – Куклы не умеют говорить.

– Это наши куклы, – уверенно возразил Мишкин голос. – А в Америке всё могут: у них там на специальных заводах делают. Я сам по телеку видел... Вон он, смотрите! Вон он!

На вторую его выходку я отреагировал спокойнее: мне даже немного передалось настроение брата.

– Да, да, вон там: на газопроводе он сидит! – подтвердил я и хихикнул.

Наташка снова заплакала.

– Ла-адно, плакса, пошли! Не пойду я с тобой больше к бабе Тоне фильмы смотреть. Ты маленькая ещё!

– Я не маленькая! – Наташка заплакала сильнее – теперь уже от обиды. – Я не боюсь! Я не боюсь!

– А чего же тогда ревьешь? Если сейчас же вот не заткнёшься – всё, никогда больше не возьму с собой...

– А я маме всё расскажу! Всё расскажу! Что ты меня пугаешь!

– У-у, ябеда. Ябеда-корябеда...

Слушая их переговоры, я случайно поднял глаза на толстый газопровод и... закричал. Вверху, оседлав трубу, словно коня, сидела большая Кукла и, ухмыляясь, смотрела мне прямо в глаза. Я успел разглядеть ее синий полосатый костюмчик и ряд мелких белых зубов, которыми был набит улыбающийся рот.

Идущие впереди остановились. Я бросился к Мишке и схватил его за свободную руку.

– Скорее... Скорее, Мишка! Я ее видел, я клянусь, клянусь!.. Побегали отсюда! – я задыхался и плакал.

– Ну вот, еще один плакса, – пробубнил братец и стал оглядываться по сторонам. – Где видел, чего видел?

– На газопроводе, там вон! Там! Она спряталась, наверно... Пойдём быстрее! – что-то прозвучало в моем тоне такое, отчего напрягся и сам Мишка. Сестрénка перестала всхлипывать и лишь светила расширенными от ужаса глазами.

Мы ускорили шаг, почти побежали, спотыкаясь о проклятую щебёнку. Несмотря на то что мы

сами создавали порядочный шум, новый звук, идущий сверху, слышали все. Будто кто-то барабанными палочками бьёт по трубе. Мишка резко встал и взглянул вверх. Я и Наташка замерли тоже. Брат был выше всех – поэтому он заметил первый. Я успел увидеть лишь часть постепенно высывающегося из-за трубы кукольного черепа, покрытого тёмными волосами. Старший братец заорал лозящимся подростковым голосом и потащил нас вперёд, словно взбесившийся локомотив. Метров через пятьдесят Наташка споткнулась и упала, в кровь раздробив коленку.

Мишка подхватил ее на руки, и мы побежали снова – брат с сестрёнкой на руках, а я сзади. Когда мы влетели во двор, старший тут же закрыл ворота изнутри. Затем прямо в обуви мы понеслись в зал, где уже спали дядя с тётёй.

Больше на ночные просмотры к бабе Тоне нас не пускали. Да и, честно сказать, никто из нас троих не горел желанием туда идти. Наташкин спасительный возраст позволил ей быстро забыть о произошедшем. С Мишкой мы несколько раз говорили про это, но в конце концов он стал уверять, что нам всё это почудилось: он якобы просто хотел нас напугать и притворился всю дорогу.

Я ему не поверил, хотя очень хотел, чтобы всё было именно так, как он говорит. Как известно, чтобы преодолеть свой страх, нужно столкнуться с ним лицом к лицу – но в другой, контролируемой обстановке. Я это отлично понимаю. Но фильм про Куклу-убийцу я больше никогда не пересматривал: всё как-то не хватало времени.

И... Я не знаю, зачем хочу добавить это, но куда денешься от фактов? Через несколько лет изба бабы Тони сгорела дотла – сразу после ее смерти. Скорее всего, тут замешан ее внук, уходивший в запой на целые недели. Только детское воображение и заполненный суевериями ум может увидеть здесь какую-то *иную* причину пожара.

Глава 6

Это село находится в Барышском районе, но я не упомяну его названия – просто потому, что обещал своим рассказчикам, что скрою место происхождения. Ровно по той же причине я утаил название села дяди Вити.

– Вот когда Святки – вот в это время... Двенадцать лет назад приключилось всё: там были три девочки и два парня. Все, кроме Петьки Трифонова, сейчас здесь живут – можете их сами расспросить. У них уж дети у всех, а тогда – по четырнадцать-пятнадцать лет было, – тётя Наташа поправляет тыльной стороной руки бело-синий головной платок и переворачивает кусок теста. Потом берёт скалку и раскатывает его на большой деревянной доске. Рядом в глубоком белом тазике стоит уже готовый фарш.

В селе говорили, что она лечит бородавки и зубную боль. Именно поэтому я в первую очередь пошел к ней. Но после часовой беседы с ней мы вышли на эту историю – про гадания на перекрестке. И я понял, что должен расспросить об этом всех – из тех, кто был причастен к событиям двенадцатилетней давности.

Чуть позже выяснилось, что участники той

истории не совсем гадали: то, чем они занимались, обычно именуют «вызовом», «вызываньями». Любой, кто когда-нибудь ездил в пионерский лагерь, легко поймёт, о чем идет речь. Дух Пушкина или Есенина, Пиковая дама и гномик-матерщинник, жвачный король и конфетная фея – вот те более-менее безобидные персонажи, о которых обычно рассказывают дети. Ритуалы их вызова различаются: можно использовать простые карандаши или зеркало, можно на нитку в темной комнате вешать конфеты – для угощения пришедших на зов. Я сам в детстве поднимал на пальцах своего друга по лагерю Петьку: до этого мы кого-то вызывали – скорее всего, того же Пушкина. Потом встали вокруг лежавшего с зажмуренными глазами друга. Пятеро участников ритуала подсунили указательные пальцы под тело Петьки и – подняли его вверх. Затем, конечно, расхохотались, и друг рухнул на кровать.

Так и должны завершаться все подобные детские обряды – хохотом и весельем. Но в те Святки произошло по-другому.

– Две девочки гадали – Юлька и Светка. Они сначала что-то в бане делали, а потом пошли с мальчишками на перекресток, где вот церковь недостроенная у нас стояла. Молодежь любила там на брёвках сидеть, болтать да пиво пить, – продолжает тётя Наташа, ловко завёртывая в тесто фарш. Готовились домашние пельмени, которыми гостеприимная хозяйка обязательно хотела меня угостить. – И вот кого-то они вызвали, я уж не помню. Какую-то куклу. Страх какой-то. И все вроде бы хиханьки да хаханьки, но тут у Юли глаза закатились – и она давай мужским голосом голосить. Мальчишки-то сначала снова засмеялись, да только Юльку-то эту все как облупленную знали: ну не может девочка так прикидываться! А затем подружка ее, Светка-то, – в слёзы. Тут уж все присмирели.

А эта, вторая-то, рычит утробно, и всё на кладбище рвётся. Парни пытались ее удержать, Юлька их раскидала, словно щенков, – и побежала туда...

Когда тётя Наташа упомянула о кукле, сердце мое застучало быстрее. Однако что-то добавить к уже сказанному она не смогла. Сказала только то, что в итоге одержимую увезли куда-то в Тольятти – в больницу.

– А вы идите вон к Женьке – он, наверное, сейчас дома. Это парень, вот чуть помладше вас. Он всё своими глазами видел, точно вам расскажет, как дело-то было, – посоветовала мне новая знакомая. Угостившись пельменями, я напрямик отправился к избе, на которую мне указала тётя Наташа.

Еще издаleка я увидел возле двора серую «пятнашку». Под капотом возился рослый мужчина с залысынами на голове. Он заметил меня лишь тогда, когда я подошел вплотную к авто и поздоровался с ним. Услышав о моей просьбе «побеседовать», Женька смерил меня угрюмым взглядом, вытер испачканные в машинном масле руки и, сев на лавку, закурил. Я приземлился рядом.

– Давно дело-то было. Я сам всё видел. Светка жас в Москве, а Юлька-то вон – через две улицы живёт, замуж вышла. Но я вам не советую к ней идти: она ни с кем про это не говорит. Полтора года ведь в Тольятти лечилась, а потом вернулась совсем другим человеком. Раньше смешливая была, хохотушка

такая – палец покажи, смеяться будет. А после того перекрёстка изменилась, – парень сплюнул в сторону и выудил из пачки еще одну сигарету.

Всё случилось вечером 3 января. Юлька и раньше любила погадать: ей это уменье от бабки досталось. Увлекалась она и всякими страшными историями – умела так рассказать про какого-нибудь оборотня или тётку Васёнку, колдунью с соседней улицы, что даже мальчишки потом вечерами боялись гулять поодиночке.

– Я толком не знаю, как они там вызывали. Знаю, что был у них круг нарисованный и иголка большая – штопают которой. Это мне Светка потом шепнула, а от Юльки вообще не добьешься ни слова. «Сначала, говорит, дух вызвали – какого-то Наполеона или Гитлера». Ну, по приколу, чё. Затем решили даже Фредди Крюгера позвать – фильм-то был американский. И эту, как ее... про куклу-то ужасик показывали давно уж. Как там ее...

– Чаки, – подсказываю я и ёжусь от внезапного озноба.

– О, точно! Вот этого Чаки дурацкого. Всё вроде нормально поначалу-то было. А потом Светка рассказывает: как они стали с Чаки-то разговаривать, иголка вдруг задрожала, запрыгала. Такое началось – пипец полный! Они всё в бане побросали и к нам – на перекрёсток. И вот там уж пошло дело-то... – Женька еще раз сплюнул в сторону. – Я тебе скажу: я никогда не видел такого и не хочу больше. У Юльки глаза закатились, а потом она как стала материть нас голосом не своим, грубым, утробным: «Сволочи, убью всех, вырежу по одному нах...! Пустите, – говорит, – мне на кладбище надо!» Мы ее с Петькой Трифоновым схватили, а она вот так руки раскинула, – мужчина развёл руки в сторону, – и мы с ним попадали кто куда. Силища в ней – будто у Шварценеггера...

Нашли Юлю лишь через полтора часа. Она сидела в лесу под деревом недалеко от кладбища и плакала. Говорить не могла почти неделю. Ее увезли в районную больницу, а потом – по совету врача – в Тольяттинскую клинику.

– И у нее вот с тех пор, это уж мне ее родители сказали, я сам внимания не обратил бы, – глаза другого цвета стали. Раньше карие, даже зеленые были, а тут поголубели прям, посинели – и всё тут.

Женька встал, я тоже поднялся вслед за ним. После того, как я пожал ему руку на прощанье и уже повернулся, чтобы идти дальше, парень окликнул меня.

– Вы это... Вы к ней-то, Юльке, не ходите, но можете мимо дома ее пройти, он вон там – за перекрёстком, третий по правой стороне.

– А... зачем? – интересуюсь я.

– Да так.... Просто в окна посмотрите – той избы, где она с мужем живёт. Сами поймёте.

Я киваю, благодарю его еще раз и иду к перекрёстку. Третий дом вижу сразу. В окнах стоят, висят, торчат десятки кукол – обычных, бумажных, тканевых, маленьких и больших, в тувельках, в шапочках, в носочках, самодельных и покупных. Я неоднократно в разных сёлах сталкивался с таким обычаем: старушки иногда выставляли одну-две куклы в межстеколье – для красоты, так сказать. Но изба Юли слишком выделялась из этого ряда. Слишком.

Я засмотрелся на всё это разнообразие и... нарушил Женькин запрет. Через минуту моя рука уже стучит в ворота кукольного дома. Темы для беседы с хозяйкой у меня точно найдутся.

* * *

Вдоль обеих стен большой терраски, оформленных «под дерево», тянутся стеллажи, полочки, крючочки. Все они заставлены и увешаны куклами.

– Давайте я вас проведу и покажу всё, – приглашает хозяйка – черноволосая худая женщина со светло-синими глазами. – Все сразу их разглядывать начинают. Правда, интересная коллекция?

Я киваю и невольно продолжаю вертеть головой по сторонам.

– Это всё – самодельные?

– Половина на половину. Что-то делаю сама, что-то покупаю. Я этим уж лет десять занимаюсь.

– А как у вас это началось? – осторожно интересуюсь я.

– Я заболела, – отвечает просто Юля и молчит; я опускаю глаза под ее пристальным взглядом. – Куклы стали настоящим спасением для меня. Вот смотрите...

Она берет двух небольших феечек с полки.

– Это куколки из флиса. Мне также нравится текстиль. Посмотрите, какие хорошенькие получаются.

Я верчу в руках рыжеволосую красавицу в щеголеватой дамской шляпке и кружевных перчаточках. Затем беру с полки смешного домовёнка, тело которого сотворено из соломы.

– Очень хорошие, – соглашаюсь я. – У вас настоящий талант!

Ее лицо проясняется: она чувствует мою искренность. Мы понемногу продвигаемся вдоль стеллажей.

– А какая кукла была у вас самая первая? – спрашиваю я.

– Из покупных или из самодельных? Первых самодельных тут уж нет: я ведь раздариваю много. И в детские дома, и детсады, и так просто. Многие охотно берут – это ведь красиво. Иначе бы у меня тут просто места не хватило. А вот недавно у нас в администрации праздник был, как он там называется... День семьи и верности. И я вот сделала десять штук больших берегинь. И их подарили нашим самым лучшим мамам – многодетным. Всем так понравилось... Вот одна осталась.

Она берет в руку куклу, одетую в зелено-клетчатый сарафан. Лица у берегини нет – лишь белая тканевая поверхность. Ладонь моей собеседницы прячется под сарафан, и вдруг куколка словно оживает – кланяется, приветствуя меня. Я улыбаюсь: ловко у Юли получается управлять своими маленькими шедеврами!

Мы переходим к следующему стеллажу. На его полках сидят и лежат какие-то необычные сказочные существа – то ли животные, то ли люди, то ли птицы.

– А у вас есть самые любимые куклы?

– Я всех люблю. Но самые любимые – те, что *оттуда*, – моя провожатая неопределенно машет рукой в сторону. – Они – самые живые, у них душа есть.

– «Оттуда» – это как понять? – снова спрашиваю я.

– Оттуда – это из сна. Как мне видится, такими я их и делаю. Даже придумывать ничего не надо. Я застываю на месте и молча смотрю на нее.

– Рассказать? – синеглазая чуть улыбается. Я киваю, и мы переходим в небольшую кухонку – продолжение терраски. В доме, вероятно, больше никого нет – да я, честно говоря, и думать забыл о ком-либо еще, кроме своей спутницы.

– Я когда заболела, мне было очень тяжело. Жить не хотелось. И помнила я мало что – кусками какими-то. В Тольятти долго лежала, вам, наверное, рассказывали... Там диспансер есть большой, психоневрологический, мне врач попалась очень хорошая – Татьяна Витальевна. Она так заинтересовалась моим случаем, всё обо мне разузнала. Вот она-то мне и принесла первую выкройку куклы и ткань. «Юленька, клин клином вышибают. Попробуй куклу сшить. Если всё получится – тебе полегчает». А я... – хозяйка избы взглянула на терраску за моей спиной, – я очень их боялась. Ненавидела любой намёк на кукол – после перекрёстка-то...

Несколько недель пациентка не прикасалась к выкройке, принесённой врачом. Юля засунула ее в самый дальний угол тумбочки и постаралась забыть про всё. И вот тогда-то ей и приснился первый сон.

– Сновидение было похоже на детскую сказку или мультяшечку – по насыщенности красок и самой атмосфере. Я была в таком месте – в городе, закрытом со всех сторон. Словно это большой-большой ящик, шкатулка, в которой много-много полочек-ярусов. На каждом из них – своя жизнь, своя работа. Внизу, в самой глубине, – шахты. Я туда старалась не заглядывать: там вагонетки, уголь какой-то добывают, всё серое. Там что-то злое, страшное. А на других ярусах – получше. Вот тот, где я была, – там сплошная зелень. Будто ветки одного гигантского дерева разрослись кругом. И на этих ветках – разные существа...

На самом деле моя собеседница, конечно, описывала некую обобщенную картину – то, что ей приснилось за несколько лет. Проснувшись после первого сна, она достала из тумбочки ткань и долго смотрела на нее. А затем начала постепенно учиться – на самых разных материалах. Так появились зверушки, птушки, феи, ящерки и куколки.

– Я до сих пор не знаю, сколько всего ярусов в этом городке-шкатулке. Меня словно кто-то не пускает ни вниз, ни вверх. Но мне хватает и моей полки: там на гигантских ветках – маленькие белые домики, и в каждом – свой хозяин. Я к ним иногда заглядываю в гости и, как проснусь, берусь за материалы. И тогда появляются они, – хозяйка кукольного домика кивает на постояльцев стеллажей и полочек.

Я молчу в ответ, смотрю на тех куколок, что сидят перед нами на столе, а сам думаю только об одном: ведь где-то среди всех этих ярусных обитателей должен прятаться и тот, кто так грубо вторгся в жизнь Юли, тот, кто навсегда изменил цвет ее глаз...

Глава 7

– Я иду вот по этим зелёным веткам и листьям и заворачиваю в сторону – всё влево и влево. И начинаю будто спускаться куда-то по спирали, – говорит Юля. Я спросил ее о самом запомнившемся

сновидении про город-шкатулку, и она рассказала в ответ эту историю.

– И вот стоит домик, но не белого цвета, к которому я уж привыкла, а какого-то сероватого. Я захожу в дверь и вижу сидящего за столом мужчину, одетого в робу или мешковину. Он поворачивает ко мне лицо, и я узнаю папу – он умер четыре года назад из-за пневмонии. Я бросаюсь к нему, чтобы обнять, поцеловать его, а отец так холодно на меня смотрит и отстраняется. Я сажусь рядом, хочу рассказать ему всё: как я соскучилась, что у нас нового произошло. Но он меня останавливает – так повелительно, как король какой-нибудь, и говорит: «На-творила ты делов, Юленька, что и говорить... Мы все здесь страдаем! Нет нам покоя, пока он на свободе и творит чёрные, угольные дела свои. Ведь сгинем все – по твоей милости!..» – и неожиданно плачет. Я тоже в слёзы, спрашиваю его, чем же я виновата, что же наделала-то я?

А он вот так вот рукой подбородок подпер и глаза немного прищурил: «Горе ты мое луковое! Разве ты не видишь, что у нас уж половина домов – пустые! Неужели ты совсем ослепла? Или не дают голубые глаза твои правду видеть?»

А я действительно стала замечать: зайдешь в белый домик, а он пустой. Словно совсем недавно, вот за несколько минут до моего прихода, хозяин там был, может, даже ждал меня, но теперь... нет никого. Никого... – она замолкает и снова глядит на стеллажи в терраске. Потом спрашивает меня, не хочу ли я еще чаю, и я киваю.

– И как же... – пытаюсь я продолжить разговор. – Потом еще что-то было, еще снилось? Про отца?

Юля трёт рукой переносицу. Кажется, она уже устала от нашей беседы.

– Нет. Всё то же самое: мой ярус, пустые домики – без своих смешных обитателей. А отца я больше не встречала. Я теперь уж кукол оттуда почти не делаю: некого делать. Берегу то, что есть. Всех остальных – отдаю, раздариваю и продаю, а этих – нет.

Я долго молчу, медленно потягиваю чай из кружки и понимаю, что должен задать этот вопрос – нельзя уйти, не задав его:

– Отец говорил вам про Чаки? Так ведь? О нём?

Женщина быстро оглядывается по сторонам и сжимает губы так, что они превращаются в две бледные нитки.

– Уходите отсюда! – шепчет Юля. – Я и так вам лишнего наболтала. Вы, наверно, всё здесь разнюхали обо мне: в селе только и радость одна – языками почесать, но никто не знает, каково мне жить со всем этим! Уходите!

Я приподнимаюсь, беру диктофон со стола и начинаю извиняться.

– Идите, идите... На черта мне ваши извинения! И больше никогда не стучите в мою дверь – всё равно не открою.

Я иду к выходу; хозяйкины тапочки, словно страницы большой книги, шелестят вслед за мной.

– Юля, простите меня. Я не смог просто сдержаться себя... – дверь захлопывается, я делаю несколько шагов от крыльца в сторону перекрёстка и вдруг слышу звук откинутой щеколды.

– Вы... Вы Алексеем же представились, так? – синеглазая произносит слова всё так же полупрошептом. –

Лёша, приезжайте сюда еще... один раз. Говорите ваш телефон, ну, скорей же! Я позвоню, когда надо будет...

Я торопливо называю номер своего сотового; женщина, вздрагивая всем телом, словно испуганная лошадь, записывает на листочек диктуемые цифры. Потом дверь закрывается, и я выхожу на асфальт. Внутри – опустошенность и чувство выполненного долга. Никаких чёртовых угрызений совести.

* * *

Юля позвонила мне, когда я сидел в школьной столовой, – на поминках после похорон дяди Вити. Как ни странно, людей собралось много – около сотни человек. Ни одного знакомого лица: все откуда-то знают Виктора Ивановича, кого-то он лечил, кому-то приходился родственником и соседом. Приехали даже из Самары и Пензенской области. За столом и на кладбище много говорили о том, какой дядя Витя был замечательный – отзывчивый, добрый, всем помогал, никому не отказывал.

Я слушал эти разговоры, смотрел на незнакомые лица и чувствовал себя как выжатый лимон. «Где вы все были, когда он – слепой и беспомощный – не мог даже приготовить еду себе по-человечески?» – думал я и тут же себя одёргивал. Сам-то я не приезжал к нему почти год – и ничего, хорошо всё, можно других осуждать. По-настоящему о нём, наверное, только Катя и заботилась, – несмотря на все предупреждения знахаря. Это я струсил и, как дурак, свято соблюдал его запрет.

– Всё хорошо? – спрашивает Катя. – Может, еще блинов?

Я отказываюсь. Она порхает между столов, за всем наблюдает и везде успевает: это ее стихия – организовывать и контролировать. Поминки на самом высшем уровне, насколько это вообще можно сделать в селе. Молодец!..

От нее я узнал, что приехавшие из Самары родственники (кажется, дочка старшего сына Виктора Ивановича) уже интересовались наследством – избой целителя.

– Продавать ее собираются, – сообщила мне Катя с легкой улыбкой; у нее теперь всё было легко – как у бабочки. – Но долго покупателей искать не придётся: я сама куплю у них избушку-развалюшку.

Я в ответ вскидываю брови и молчу. Не хочется ни о чём расспрашивать и влезать в ненужные подробности. Дяди Вити уже нет – остальное меня не слишком волнует...

– Алексей? – говорит мне в трубку полузабытый голос, и рука со столовским компотом замирает на полпути. – Это Юля. Помните такую? Вы сможете приехать завтра или послезавтра? Лучше – завтра.

– Да, – отвечаю я, глядя на постепенно пустеющие столы: люди понемногу расходятся с поминок. Неожиданно остро осознаю, что больше никогда не услышу голос дяди Вити, и окружающее плывёт, туманится, запотеваает, словно лобовое стекло автомобиля.

– Тогда я жду вас завтра. У меня есть для вас подарок, – и трубка замолкает.

Юля всё-таки сдержала обещание и позвонила. Но ехать к ней почему-то совсем не хочется.

* * *

На этот раз мне открыл дверь мужчина лет тридцати пяти – хмурый, усатый, в очках. Мы с ним поздоровались, и он без лишних вопросов проводил меня вдоль кукольных стеллажей терраски в зал. В прошлый раз я здесь не был.

Хозяйку кукольного домика я едва узнал: она похудела так, что сквозь прозрачную кожу на щеках отчетливо проступали скулы. Казалось, что еще немного и покажутся ряды зубов – будто на выбеленном временем черепе. Юля полулежала на диване; ноги были прикрыты одеялом. Как только я поздоровался с ней и сел на единственный стул, муж сразу же вышел и плотно прикрыл дверь за собой.

– Лёша! Очень хорошо, что ты приехал. Не обиделся за то, как я в прошлый раз тебя приняла?.. Но это неважно, всё это неважно... Ты знаешь, когда вы... когда ты в прошлый раз ушел, я тут же поняла, что тебя сам Бог ко мне направил... Хотя в него, в Бога-то, я и не верю совсем. Нисколючки, – она говорила торопливо, делая неожиданные паузы. Белки глаз – розовые, воспаленные, будто она не спала несколько суток. Я чувствовал себя неуютно – так, как ощущают себя в присутствии пациентов психиатрических клиник.

– Мне после твоего прихода снова папа стал сниться, представляешь? Он мне про тебя кое-что рассказал. И я... помнишь, я подарок обещала? Сейчас. Серёжа! Серёжа, принеси, пожалуйста, – да, да, ту, на подставке которая.

Ее муж вошел через минуту, держа в руках нечто похожее на поднос, накрытый белой тканью.

– Ага. Всё, всё, ну, иди, иди же! – она даже не посмотрела на своего хмурого супруга. – Вот, Лёша. Это чтобы ты убедился... Так мне отец сказал: «Он увидит и поверит тебе. И поможет, обязательно поможет». Ну, чего ты ждёшь? Убирай покрывальце.

Сергей поставил поднос на невысокий журнальный столик, стоявший возле дивана. Я приподнялся и сдернул ткань. Сначала я ничего не понял, не осознал, не увидел. А потом, когда до меня наконец дошло, я просто оцепенел. В горле пересохло, будто туда накидали песка. Я молча встал и налил себе из небольшого чайника кипяченой воды. Выпил стакан залпом, как пьют водку на поминках по любимому деду.

Новый шедевр Юли представлял собой овальный кусок фанеры. На гладкую поверхность были наклеены мох и немного хвои. Поверх этого слоя – несколько сосновых веточек, поставленных вертикально вверх. Ближе к правому краю располагалась тропинка – тоже сделанная из какого-то природного материала, наверное, подкрашенного песка. Всё это довольно искусно изображало лесопосадку и кусочки поля.

Среди сосновых веточек стояла кукла в длинном темно-синем платье. Ее лица я не смог разглядеть, так как его скрывали черные волосы. Мне до сих пор кажется, что Юля пожертвовала прядью своих волос, чтобы создать кукольное подобие моей детской фобии. Маленькая бледная ручка с мастерски сделанными пальчиками держала в руках поводок. Рядом с темно-синим подолом сидел черный

бородатый ризен – шерстяная игрушка, изображавшая Найду.

Лежавшая на диване смотрела на меня с каким-то жадным, болезненным любопытством.

– Ну? Всё так? Это всё так и было? – быстро заговорила она. – Значит, отец мне сказал правду! Я всё с его слов и сделала. Тогда и всё остальное – правда. Слышишь, Лёша? Папа сказал, что ты сможешь мне помочь. И им всем – они этой помощи ждут. Слышишь?

Я не обращал внимания на слова Юли, всё еще не в силах оторваться от куска фанеры. Вода не смогла победить наждачную сухость в горле. Темная лесопосадка, ведущая к берегу Волги, снова обступила меня со всех сторон. Я даже взглянул на свои руки: нет ли там фонарика и книги с заговорами?

(«Найда! Где ты? Где ты?..»)

– Лёша, так ты сможешь нам? – Юля откинула одеяло и спустила ноги на пол. Скелетная худоба ее ступней поразила меня.

– Я попытаюсь... – пробормотал я. – Что ты задумала?

– Это не я, не я. Папа говорит, и они все говорят, что это остановит его. Только это и остановит. Потому что он уже всех утащил к себе – туда, вниз, в шахты, где уголь и темнота. Лёша, Лёша, он и за мной придёт скоро! Господи!.. Господи! – женщина вдруг разрыдалась и завывала – пронзительно и страшно. Я вспомнил, что уже слышал такой крик – в комнатке дяди Вити, когда тот отчитывал одержимую.

Через несколько секунд вбежал Сергей. Он всё делал так быстро и чётко, что было понятно: приступы случались многократно, возможно, не один раз в день. Муж схватил с подоконника пластиковую банку, вытряхнул оттуда две или три желтые капсулы и, обняв жену за плечи, скормил ей таблетки одну за другой. Потом дал воды. Юля, уткнувшись ему в плечо, плакала.

Минут через пятнадцать мы смогли вернуться к беседе. Сергей на этот раз остался с нами в зале.

– Он закопан рядом с кладбищем. Там, за оградой. Я найду сразу, я помню хорошо, где это место, – Юля говорила тусклым, безжизненным голосом – видимо, из-за успокоительного. – Отец сказал, что его нужно перезахоронить – так, чтобы он успокоился. Навсегда... Понимаешь?

Я слушал ее внимательно и не верил самому себе: у меня даже мысли не возникло отказаться от всего этого, развернуться и уйти, хотя бы вспомнить, что я всё-таки какой-никакой, но исследователь, учёный... Я думал только о том, как бы сделать это получше, – так, чтобы нам никто не смог помешать.

По словам Юли, тот, кто изменил цвет ее глаз, мог успокоиться лишь в присутствии сильного человека. В селе, где родилась и выросла моя собеседница, бытовало такое поверье: самоубийцам, утопленникам и колдунам раньше (а иногда – и сейчас) старые люди всегда старались положить в гроб небольшую куклу.

– Это как заместитель, замена, понимаешь, Лёша? Если закопаешь их с игрушкой – они уже с собой никого не возьмут из живых. Не будут приходить в сновидениях и звать с собой.

Самое тягостное условие всего этого действия

состояло в том, что похоронить Куклу нужно было рядом... с дядей Витей. Я не знаю, откуда Юля узнала о старом знахаре и его недавней смерти. Она уверяла, что ей всё рассказал умерший отец – так же, как о моей встрече с Женщиной в синем.

– Мы с Сергеем поможем вырыть ее, но отвезти Куклу к могиле знахаря тебе нужно одному. Так велел отец. Он сказал, что нам с мужем нельзя там находиться. Тогда всё закончится. Знахарь его удержит, заставит успокоиться... Лёша, ты мне веришь?

Я устало кивал головой: хотелось спать или лучше всего – умереть. Я не мог себе даже представить, как мы провернём всё это в реальности.

Ночевать я остался у хозяйки кукольного дома. Наше дело мы наметили на завтрашний вечер. Расстояние между сёлами, где жил дядя Вита и где 12 лет назад две подружки-дурочки вызвали злобную Куклу, – не больше шестидесяти километров. Времени должно хватить.

Меня положили в отдельной комнате, супруги легли в зале. Спал я без сновидений.

Глава 8

Автомобиль мы оставили с выключенными фарами на обочине – метрах в трехстах от местного кладбища. Я нёс выключенный фонарик, лопату и мешок. Сергей поддерживал за талию свою жену: она едва могла переставлять ноги.

Пока шли к месту, где собирались заняться, быть может, самой странной эксгумацией на свете, я пытался справиться со своим собственным рассудком – рациональным, логичным умом, который позволял мне писать научные статьи.

Я не спрашивал себя, какого чёрта делаю на кладбище ночью в компании с бывшей пациенткой психиатрической клиники. Меня интересовало другое: то, что мы выкопаем (если, конечно, вообще что-то найдём), Юля сшила сама или где-то купила? Смартфон сегодня днем подсказал мне, что у Чаки – персонажа американского фильма – были реальные прототипы: куклы из серии *Mu Buddy* («Мой приятель»).

«В крайнем случае она могла дойти и до того, чтобы заказать эту игрушку по интернету. Сумасшедшие люди – великие хитрецы. А потом она просто закопала ее здесь, рядом с оградой», – размышлял я, внутренне готовясь к чему угодно.

Юля нашла место довольно быстро. Ничем не обозначенный участок заросшей колючками земли в пяти метрах от кладбищенского забора.

– Копать придется тебе одному. Нам нельзя с мужем... Ну, ты понимаешь...

Я не стал спорить. Попросил Сергея держать фонарь так, чтобы свет не был виден со стороны села, и принялся за работу. Копал минут десять. Краем глаза видел, что нашу спутницу бьёт мелкая дрожь.

«Лишь бы она не закричала – как тогда в доме. И без того нервы на пределе», – думал я. Лопата углубилась почти на два штыка, и я решил спросить, сколько еще примерно копать, но тут послышался глухой удар. Еще через пять минут мы с Сергеем вытащили продолговатый деревянный ящичек.

– Что? Надо обязательно вскрывать его? – спросил я с отвращением. У меня было ощущение, что мы действительно выкопали мертвое тело. Лицо

черноволосой женщины даже в темноте светилось белизной – словно головы ее кукол-берегинь.

Я соскреб лопатой землю с ящика, а потом отогнул карманным ножом несколько гвоздей – криво и наспех вколоченных. Под крышечкой мы обнаружили лежавшую в куче старого тряпья большую куклу. Свет от фонаря успел выхватить джинсовый комбинезон, полосатую кофточку и кукольный череп с темной копной волос. Я понял, что моя догадка подтвердилась: кто-то закопал тут точную копию американской игрушки.

Юля тихо охнула и сделала несколько шагов назад. Я закрыл крышку и вернул гвозди в прежнее положение. Потом мы с Сергеем быстро засыпали яму и набросали туда прошлогодних сухих колючек, чтобы скрыть следы «эксгумации».

– Всё, теперь езжайте, – прошептала Юля; ее глаза блуждали, руки не находили себе места. – Скорее, ради Бога, скорее!.. Мы дойдем до дома с Сергеем сами. Пожалуйста, сделайте всё, как мы договаривались: закопайте его в ногах у дяди Вити.

Я вопросительно взглянул на Сергея, и тот кивнул. Мы с ним погрузили выкопанный ящик в багажник «десятки», и я поехал в сторону асфальта. Правая рука сама потянулась к пульту от автомагнитолы, и из колонок зазвучала бодрая музыка 80-х. Мне до тошноты не хотелось слышать глухие удары, которые иногда доносились из багажника: деревянный ящик то и дело подпрыгивал на кочках, и... честное слово, эти звуки доставали меня всё сильнее и сильнее.

* * *

В село я въехал уже во втором часу ночи. Машины оставил недалеко от кладбищенских ворот. Пикнув сигнализацией, сунул ящик с куклой под мышку, взял лопату и фонарь. Дядю Витю похоронили справа от входа – там, где начинался «новый порядок». Свежий холм был завален венками; на большом деревянном кресте поблескивал, отражая свет от фонарика, керамический овал с фотографией.

Мне захотелось сделать всё побыстрее, чтобы избавиться от щемящего чувства тоски.

Поставив ящик на лавку, установленную рядом с соседней могилой, я убрал два венка в сторону и принялся копать. По сравнению с жесткой землей, которую пришлось ворошить часа два назад, насыпь над могилой целителя показалась мне пухом. Не прошло и десяти минут, а работа была уже наполовину сделана: яма в ногах дяди Вити получилась аккуратной и глубокой.

Я выпрямился, и тут кто-то сильно ударил меня по спине. Вскрикнув, я упал лицом вниз и до крови поцарапал себе щеку искусственным цветком от венка. Я попытался подняться и получил еще один удар в спину; затем меня начали бить по ногам. Били, скорее всего, палкой.

Еще один удар – на этот раз не по мне – и фонарь, висевший на могильной оградке, потух. Звякнуло разбившееся стекло.

– Я так и знала, что ты это сделаешь! – женский знакомый голос. Я, прикрывая голову руками, откатился от свежей могилы и встал на ноги. В темноте, чуть подсвеченной звездами, – чья-то фигура. От нее снова раздается какой-то нечеловеческий,

звериный рык, я бросаюсь в сторону и лишь поэтому не получаю удар по лицу.

– Катя, успокойся! – я срываюсь на крик. – Су-масшедшая! Ты меня чуть не убила!

– И убью, сволочь такая! – она матерится – грязно, совсем не по-женски. – Думаешь, я не знала, что ты обязательно попытаешься сделать это?

– Да я... – я не мог даже представить, как ей в двух словах рассказать, чем я тут занимался. – Мне нужно...

– Я знаю, что тебе нужно! – еще один рывок вперед, но мои глаза уже немного привыкли к темноте. Я уклоняюсь от удара и перескакиваю через низкую ограду соседней полузаброшенной могилы. Стараюсь, чтобы между разъяренной женщиной и мной находился крест или памятник. Наш странный кладбищенский танец продолжается; мы с Катей уже шагаем в десяти от могилы дяди Вити.

– Послушай, давай ты успокоишься, а?! И я тебе попробую всё объяснить! – я стараюсь говорить тихо: не хватало, чтобы кто-то из села прибежал сюда. Тогда всё – пиши пропало; мы с ней точно прославимся на весь район.

Но в ответ – снова крик бешенства. Катя бежит на меня, выставив вперед свою жердину, словно копые.

– Ты хотел взять всё себе! Раскопать могилу, разговор прочитать – и дело в шляпе. Ты что: меня за лохушку держишь? – снова бросок и поток отборного мата. Я уже полностью пришел в себя; испуг и усталость сменяются злостью и раздражением.

– Дура! – ору я наконец. – Я приехал сюда совсем по другой причине. Давай я тебе всё расскажу!..

Мы останавливаемся с ней и, тяжело дыша, смотрим на темные силуэты друг друга. Между нами – чей-то могильный памятник.

– Хорошо, – наконец-то говорит она и бросает палку на землю. – Идём к могиле дяди Вити. Я посмотрю, что ты там натворил...

Она поворачивается, я спешу за ней. Ящик с Куклой по-прежнему стоит на лавке. Я опускаю его на траву и приглашаю Катю сесть.

– Сам садись. Мне и здесь хорошо! – огрызается она и, подсвечивая смартфоном, быстро оглядывает яму, которую я вырыл. Затем светит на ящик с Куклой. Я начинаю рассказывать...

Минут через пятьдесят мы сидели в избе дяди Вити и пили чай со смородиновыми листьями. Я был грязный, как черт; Катя дала мне старую рубаху – наверное, из запасов целителя.

Говорил, в основном, я; Катя отвечала неохотно и односложно. Ящик с Чаки она позволила захоронить в выкопанной мной яме, но мой рассказ ее не очень-то убедил: видимо, всё выглядело слишком фантастично.

Гвозди на ящике мне пришлось отогнуть еще раз, чтобы Катя сама увидела куклу.

– Всё это глупо! – сказала она мне там, на кладбище. – Вся эта твоя история. Ну хорошо, пусть будет по-твоему: закапывай свою идиотскую куклу! Но я еще не знаю, как поступлю потом: может, мне придется ее выкопать и выбросить на помойку? Если она мне помешает – я так и сделаю. Понял?

Я не стал с ней спорить. Примерно в третьем часу ночи я засобиравшись в дорогу.

– Куда ты сейчас – в то село, к этой Юле?

– Да. А утром – в город.

Катя кивнула. Она проводила меня до порога. Мы постояли несколько секунд, глядя друг другу в глаза.

– Если ты думаешь, что я начну извиняться... – начала она раздраженно.

– Нет, – я махнул рукой. – Я просто хотел спросить: ты всё еще видишь эту свою... точку? Опарыша?

Катя откинула со лба чёлку и покачала головой:

– Нет. С тех пор как живу здесь – ни разу. Я говорила тебе, что сюда окончательно перебралась? Каждый будний день в город мотаюсь, но мне не привыкать.

– То есть после похорон дяди Вити...

– Нет... Точка и до этого у меня пропадала почти полностью. Он всё-таки помог мне. Умирая, всё-таки смог добить этого опарыша, излечить меня!..

Я снял очки, протер их уголком старой рубахи. Мне вдруг вспомнился рассказ целителя про черный стержень внутри репы, но я не стал об этом говорить той, что считалась теперь полноправной хозяйкой дома дядя Вити. И, кажется, была уверена в том, что его дар тоже должен принадлежать исключительно ей.

Мы попрощались, я прошел мимо белого «Рено», припаркованного у самого крыльца, и завел двигатель своей «десятки». На мысленном экране всплыло ухмыляющееся лицо Чаки – его синие глаза и рот, полный мелких острых зубов.

– Пусть земля будет тебе пухом, – прошептал я и опустил боковое окно автомобиля, чтобы вдохнуть свежего воздуха. – Ты уж, дядя Витя, держи его там в строгости. Дальше ограды – не пушай!..

Через два часа, когда край неба посветлел, я постучался в дверь кукольного дома. Мне открыл Сергей. Я впервые заметил, что между зубами у него забавная щербинка: он улыбался. Юля уснула, как только они вернулись с кладбища, и спала до сих пор.

Я тоже отправился на боковую. Днем мне надо попасть в город, так что понежиться в кровати не удастся.

Эпилог

Чай с брусничным вареньем – это всё-таки здорово. Вообще, в Юлово есть нечто такое, что заставляет возвращаться сюда снова и снова. Я чувствовал себя здесь, словно в Садовке – селе моего детства, в котором дедушка с бабушкой вовсе не умерли, а просто ждут своего внука, колесящего Бог знает где.

– Всё-таки ты, Лёша, похож на меня: такая же у тебя мятущаяся душа, и ищешь ты вечно то, чего другим задаром не надо. Мне ведь даже сон про тебя

снился! – говорит Татьяна Сергеевна и привычным жестом поправляет светлые волосы послушницы.

– Какой сон? – интересуюсь я. – Хороший?

– Как сказать... Вот будто едешь ты на своей машинёшке. Кругом – ночь, ни зги не видно. И вот сзади начинает что-то бумкать: «Бум! Бум! Бу-ум-м!» Я слышу, и мне страшно становится. Такие глухие удары, как будто вот из багажника кто-то вырваться хочет. А ты – продолжаешь ехать вперед, даже бровью не поведёшь. Как будто всё так и надо.

– И всё? – спрашиваю я. – На этом сон и заканчивается?

– Нет, – улыбается юловская хозяйка. – Знала, что ты обязательно спросишь... Кое-что еще. Ведь меня самой в той машине и нету будто, я просто вижу всё происходящее откуда-то сверху. Зато есть другие: у тебя ведь все пассажирские сиденья – в кулаках. Самых разных: больших и маленьких, из ткани и пластмассы – каких только нет! И все они, это самое странное, – живые. И вот от них, от одного их присутствия так хорошо на душе делается, так весело и... безопасно. И постепенно я успокаиваюсь, уже не боюсь за тебя.

Про свою звёздочку Татьяна Сергеевна попросила меня не расспрашивать: боится, что наши разговоры спугнут ее. Хотя тут и спрашивать нечего – достаточно было посмотреть на ее светящиеся глаза, чтобы понять: свиданья продолжаются.

Перед тем, как попрощаться, учительница объявила, что они с племянником Толиком приготовили мне подарок.

– Ты уж не обессудь, Леша, если не понравится, но она тебе нужнее, чем мне, – улыбаясь, говорила юловская послушница. – Толик ради этого даже в Самару мотался, потому что в Ульяновске нет таких питомников.

Племянник на руках принес в зал черное маленькое чудо – чистопородного ризеншнауцера. Кутенок спал, и поэтому Толик говорил шёпотом.

– Глаза у нее пока синеватые. Такое бывает у кутят – потом, наверно, почернеют. Я ведь сначала тётке хотел ее задарить, но она ни в какую. Говорит, что вам – нужнее. Ну, как? Хороший подарок?

Я осторожно взял шерстяной комочек из его рук, посмотрел на морду с небольшой бородкой и кивнул. Подарок и впрямь хороший. Лучший из тех, что у меня были за последние годы... Мы долго прощались – сначала в доме, а затем на улице.

– Ну, всё, Леша, давай-давай, с Богом!.. Ты ведь еще вернешься в Юлово, я точно знаю, так что – нечего, нечего. Долгие проводы – лишние слёзы.

Татьяна Сергеевна, как всегда, оказалась права: в Юлово я приезжал еще трижды. Если племян звал на местные родники, я не отказывался, но каждый раз брал Найду на поводок – так оно надежнее будет. Всё-таки места здесь сами знаете какие.

РЕКА

ВОСПОМИНАНИЙ

Татьяна ШАТУНОВА, член Российского союза профессиональных литераторов.

ПАМЯТИ ЛЮБИМОГО УЧИТЕЛЯ

Девятого мая 2019 года, в день Великой Победы, перестало биться сердце любимого моего педагога, профессора Казанской консерватории, ученика великого пианиста Эмиля Григорьевича Гилельса Столова Виктора Александровича.

В эти дни я была в Москве, получала свой новенький членский билет в РСПЛ. Сообщение о его смерти я получила позднее, когда вернулась в Ульяновск. Я сразу же позвонила в Казань, супруге Виктора Александровича Анне Иосифовне, которая заведовала библиотекой консерватории, а также была председателем профкома, и мы, студенты Виктора Александровича, её хорошо знали. По её словам, сердце профессора остановилось утром, во время парада Победы, а похоронили его 11 мая при большом стечении коллег и учеников.

В Ульяновск я вернулась только 13 мая и даже при всём своём желании не смогла бы попасть на церемонию прощания.

Вспоминаю день, когда я впервые его увидела и пала к нему в ученики.

Училась я на 1-м курсе музыкального училища

имени первого марийского композитора, основоположника марийской профессиональной музыки И.С. Палантая в городе Йошкар-Ола, когда молодой пианист, тогда ещё не профессор, приехал в училище послушать студентов.

Директор училища на собеседовании после вступительных экзаменов поинтересовался, каких выдающихся пианистов я знаю, и единственное имя, которое я назвала, – имя советского и российского пианиста, одного из крупнейших музыкантов XX века Святослава Теофиловича Рихтера.

Известные пианисты наш маленький город посещали крайне редко, да и нас, школьников, родители никогда не отпускали вечерами в тогда единственный в Йошкар-Оле концертный зал – зал музыкального училища, а волнующая душу музыка в исполнении Святослава Рихтера в те годы на радио и телевидении звучала постоянно.

Имя Виктора Александровича Столова, выпускника Московской консерватории, как и имя его учителя, великого пианиста Э.Г. Гилельса, я тогда услышала впервые.

Наша справка

Виктор Александрович Столов, заслуженный деятель искусств Удмуртской Республики, профессор Казанской консерватории имени Н.Г. Жиганова.

Виктор Александрович с 1964 по 2012 год проработал в Казанской консерватории на кафедре специального фортепиано. За годы работы в консерватории В.А. Столов сформировался как зрелый высококвалифицированный педагог, убежденный последователь лучших традиций отечественной пианистической школы. В его классе царила атмосфера высокого служения Музыке.

Виктором Александровичем сыграно более 50 сольных программ, в том числе с симфоническими оркестрами Воронежской, Омской, Свердловской филармоний, а также с Большим симфоническим оркестром СССР.

Во сне земного бытия звучит,
скрываясь в каждом шуме
таинственный и тихий звук,
лишь чуткому доступный уху.
Фридрих Шлегель

**МУЗЫКА
ЛЮБВИ**

Жизненный и творческий путь
Татьяны Леонидовны Шатуновой

**КАЗАНСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ
КОНСЕРВАТОРИЯ
ФОРТЕПИАННЫЙ ФАКУЛЬТЕТ
1981 – 1986 г.**

Здание консерватории
на ул. Большая Красная, 38.

Профессор
консерватории,
пианист Столов В.А.
Мы едем в
электричке
в г. Чебоксары на
классный концерт.
Моё фото. 1984 г.

Пианист прослушал сыгранные мной произведения и сказал, что я ещё маленькая и должна много и упорно заниматься, чтобы когда-нибудь поступить в его класс Казанской консерватории.

Вдохновлённая его словами, я стала много и упорно трудиться, сдавая экзамены только на отлично и прекрасно понимаю, что поступить на фортепианный факультет Казанской консерватории – мечта многих, и осуществить её почти невозможно.

За время моей учёбы Виктор Александрович неоднократно бывал в нашем городе с концертами класса и своими сольными и, что всегда меня удивляло и радовало, интересовался моими успехами.

И вот настало долгожданное лето 1981 года – красный диплом училища, а затем – вступительные экзамены в Казанскую государственную консерваторию имени Н.Г. Жиганова, сданные мной на отлично. Абитуриенты, в числе которых были я и ещё трое парней из разных учебных заведений, сумевшие сдать экзамены досрочно, написали заявление в класс преподавателя В.А. Столова и стали его студентами.

После зачисления родители по моей просьбе поехали в Казань помочь подыскать такую квартиру, которая располагалась бы недалеко от площади Свободы, где находилась тогда консерватория, и в которую можно было бы спокойно поставить инструмент.

В этих нелёгких поисках нам помогала давняя мамаина знакомая из Казани Фарида, которую я знала с самого детства: наши семьи тесно общались между собой и не раз бывали друг у друга в гостях.

Мы прошлись по всем предложенным адресам, но указанное жильё то оказывалось слишком дорогим, то находилось уж очень далеко от центра,

а значит, и от консерватории. Положение казалось безнадежным! Но, боже мой, как жаль было отказываться от своей светлой манящей мечты, неожиданно ставшей реальностью! И я сделала ещё один решительный шаг.

Я нашла телефон учителя и поведала ему о своей проблеме. И он, этот удивительный человек, выслушал меня, понял и помог, и к началу учебного года меня ждала комната в общежитии. Моя комната!

Студент-вокалист старшего курса, а по совместительству комендант общежития, к моему огромному удивлению, знал, что я сдала все вступительные экзамены на отлично, что для приехавших из провинциальных учебных заведений ребят бывает крайне редко.

Ах, это выдавшее виды студенческое общежитие! Путь от него до учебного корпуса консерватории составлял час езды на всегда переполненном трамвае №5. Ни душа, ни горячей воды; на единственной на весь длиннющий этаж кухне две старых-престарых плиты. Но, о радость! В каждой комнате стояло крепкое, чёрное, старых выпусков пианино!

Моя, нет, наша комната была рассчитана на четырёх человек, и мы, четыре новоиспечённые студентки-первокурсницы, завешали репродукциями шедевров живописи совсем уж неприглядные пошарпанные стены. Четыре кровати, четыре стула, платяной шкаф да одна на всех кухонная тумбочка – вот и всё, что могло уместиться в нашей крохотной комнатухе.

Втягиваться в учёбу было крайне тяжело: вставать приходилось в 5-6 часов утра, завтракать чаем да творогом или, если повезёт, бутербродами, затем бежать на трамвайную остановку и ехать к 7 часам в

консерваторию занимать классы с роялями для индивидуальных занятий. Жаль, что в те годы в 6 утра её не открывали, как училище, в которое мы, студенты, ещё до первых автобусов небольшой компанией шли пешком через весь город, чтобы успеть позаниматься на роялях до уроков.

Единственным выходным днём было воскресенье. Двери консерватории для нас, студентов, в этот день были закрыты, и все, кто жил недалеко от Казани, в пятницу вечером отправлялись на пригородных поездах по домам отмыться, отстираться, отоспаться, наесться, от души позаниматься на своём собственном инструменте и вновь вернуться на пригородный поезд. Благо поезда ходили три раза в сутки, и, если не успевали вечером, то уехать можно было даже ночью.

Мамины пирожки, хвалёная бабушкина капуста да баночка любимого варенья – всё, что родители могли дать с собой в дорогу.

А ещё были в те годы талоны на сливочное масло и колбасу, которыми обеспечивали всех студентов общежития. По этим талонам в месяц на одного человека было положено 300 граммов масла и 800 – колбасы.

Особо ценным и интересным в те годы был профессорско-преподавательский состав, и с некоторыми из них меня связывала личная дружба, а позднее – переписка и обмен праздничными открытками.

Заведовала нашей кафедрой представитель школы Московской консерватории Ирина Сергеевна Дубинина, ученица победителя 1-го Международного конкурса имени Ф. Шопена Льва Николаевича Оборина. Внешне она сильно напоминала французскую пианистку и педагога Маргариту Лонг, и, я думаю, не случайно её ученик Юрий Егоров стал первым из студентов Казани лауреатом Международного конкурса и получил первую премию на конкурсе имени Лонг и Тибо в Париже.

А более близкой соратницей и подругой Виктора Александровича была Наталья Александровна Фомина, ученица самого легендарного профессора Московской консерватории Генриха Густавовича Нейгауза, из класса которого вышли два пианиста-колосса Святослав Рихтер и Эмиль Гилельс.

Н.А. Фомина дружила и даже училась вместе с сыном Г.Г. Нейгауза Станиславом Нейгаузом, очень талантливым выдающимся пианистом, впоследствии получившим звание народного артиста России.

Наталья Александровна на протяжении многих лет играла в ансамбле на двух роялях с Виктором Александровичем множество разных программ, появляясь на сцене в своём неизменном концертном чёрном бархатном платье.

Нам, студентам, Н.А. Фомина на занятиях научного Студенческого общества для пианистов рассказывала о жизни великих исполнителей, знакомила с записями их концертов, приглашала к дискуссиям.

Помню, как она в школе искусств имени П.И. Чайковского, где мне впоследствии довелось поработать, играла 29-ю, самую большую и самую сложную сонату Людвига ван Бетховена с огромной фугой.

И Наталью Александровну Фомину, и Виктора Александровича Столова их ученики просто обожали. Их сольные концерты имели огромный успех, и не только у студентов и преподавателей консерватории: послушать их игру приходило много простых людей, почитателей их таланта, и зал консерватории в эти незабываемые минуты наполнялся благоуханием живых цветов.

А мы, учащиеся классов этих удивительных педагогов, выступали со своими студенческими концертами не только в Большом зале консерватории, но и в залах училищ региона.

Наши прекрасные педагоги и дружная группа зародили во мне огромное желание учиться. И я училась, сдавая всё на отлично и получая повышенную стипендию. Государственные экзамены я сдала так же успешно, как и вступительные и получила направление на работу в город Саранск на недавно открытый факультет Мордовского государственного педагогического университета имени М.Е. Евсевьева.

Окончена учёба, остались позади серьёзные государственные испытания, и мы, вчерашние студенты, всей своей группой собрались в маленькой двухкомнатной квартирке своего любимого преподавателя.

Его жена, Анна Иосифовна, попросила меня помочь нарезать салаты, и за разговорами мы досидели почти до полуночи.

И вот мы, четыре романтика: Виктор Александрович, Анна Иосифовна, их девятилетний сын Миша и я, успевая на последнюю электричку, отправились к ним на дачу, что недалеко от станции «Васильево», где недавно взяли участки и уже успели построить дома многие преподаватели консерватории, объединившись в садово-огородническое общество «Аккорд».

Возле станции недавно отгремела гроза, и нам пришлось идти по сырой, пропитанной дождём ночной траве. Мои ноги в новеньких розовых туфельках на белой подошве, совсем не предназначенных для подобных походов, были стёрты, розово-белое таллинское платье промокло, и хозяйке дачи, Анне Иосифовне, ничего не оставалось другого, как отдать мне свои сабо.

Над нами звёздным куполом раскинулось небо, потрясающий запах трав и недавно прошедшего дождя кружил голову, впервые услышанный мной громкий лягушиный хор приятно ласкал слух, а душу согревало неповторимое ощущение лёгкости и свободы.

Небо уже было подёрнуто сереющим расцветом, а в воздухе редкими нотками прорывались голоса птиц, когда мы, наконец, добрались до двухэтажного дачного домика, весь первый этаж которого занимал большой зал с камином, огромным старинным радиоприёмником и, конечно, пианино. Мы с Мишей поднялись в уютную комнату второго этажа, где стояли две кровати, и улеглись спать.

Было тепло и спокойно, и только редкие звуки строящихся дач чуть нарушали опустившуюся над посёлком тишину.

Когда выспались, все собрались внизу, в просторной, залитой солнечным светом кухне, и

позавтракали салатиками, которые брала с собой в банках заботливая хозяйка. Благо на даче был холодильник.

После утренней трапезы мы прошлись по дачному посёлку. Добротные двухэтажные кирпичные дома начинали строиться почти одновременно, и многие из них уже полностью были отстроены. Немного побродив по улицам посёлка, мы вместе с Виктором Александровичем и Мишей спустились к Волге. Стояли первые дни июня, и еще не успевшая прогреться вода в реке окутывала прохладой наши босые ноги.

Вернувшись, мы пошли к дому одной из первых учениц Виктора Александровича, подруги его жены, которая оказалась моим преподавателем по предмету «Концертмейстерство» Юзефиной Юзефовной Сокольской.

Садовые участки возле дач были небольшие: каждый из них занимал всего четыре сотки, на которых в большинстве своём росли плодовые деревья (яблони, вишни, сливы). На грядках зрели помидоры, огурцы и ягоды.

Нас с Мишей ждал непрополотый участок клубники, и мы с энтузиазмом взялись за работу и заслужили похвалу: «Таня, Миша никогда не старался так, как при вас».

Душистый аромат ягод напомнил мне, как ещё в годы учёбы Виктор Александрович приносил мне в кулёчке первую клубнику со своего огорода прямо в консерваторию, и мы в комнате для отдыха слушали концерт в исполнении какого-то пианиста по радиоприёмнику, которого учитель узнавал почти сразу.

К вечеру Анна Иосифовна засобиравалась в город, поскольку утром ей надо было на работу, и живущий наискосок от них консерваторский настройщик фортепиано и большой друг их семьи Сергей отвёз на своей машине нашу хозяйку в город.

Для нас места в машине не оказалось, да мы и не спешили. Стояла ясная солнечная погода, и мы остались до утра, чтобы уехать пригородной электричкой.

В холодильнике ещё оставались салаты, и готовить ничего не требовалось. Миша перед сном долго делился со мной впечатлениями, а утром мы побрели на станцию.

Жара давала о себе знать уже с утра, и девятилетний Миша немного капризничал, за что получил от отца лёгкий подзатыльник.

Чувствуя себя уже дипломированным педагогом, с детства ненавидящим рукоприкладство, я возмутилась: «Виктор Александрович, что вы?! Разве можно бить ребёнка?» И учитель ответил, что это вполне пойдёт ему на пользу.

Когда я вернулась в общежитие, на меня долго ворчала моя соседка по комнате, высказывая, что нельзя было уезжать на несколько дней, никого не предупредив, на что я ответила, что приглашение это было неожиданное, а телефона в общежитии, кроме автомата по две копейки, не было.

Нам оставалось сдать комнату, упаковать свои вещи, которых всегда было немного, поскольку мы всё ненужное по сезону увозили домой.

В июне в Москве предстоял очередной конкурс

П.И. Чайковского, и Виктор Александрович, зная, что у меня в столице есть родственники, у которых я часто бывала в гостях, предложил приехать на второй тур послушать конкурсантов.

Так случилось, что на кафедру преподавателей-пианистов выделили пять абонементов, заказанных заранее, а на В.А. Стулова – сразу два: на него и на супругу, которая по образованию не музыкант, а потому побывает на прослушиваниях один-два раза и этим ограничится. Мне же, как молодому специалисту, перед отъездом на работу в институт послушать наряду с профессурой конкурс будет очень полезно.

Впечатлений от конкурса было море! Второй тур оказался самым интересным: невзирая на то, что ещё на первом туре прошёл большой отсев конкурсантов, участников осталось так много, что прослушивания длились несколько дней подряд: 3-4 часа утром и столько же вечером. И заканчивались они гораздо позднее, чем вечерние концерты в Большом зале консерватории.

Это был первый в моей жизни конкурс, который я послушала вживую.

В один из свободных от конкурса дней профессор сводил меня по моей же просьбе на Выставку достижений народного хозяйства (ВДНХ). Когда-то, когда я была ещё школьницей, мама брала меня с собой в Москву на эту же выставку. Тогда она показала мне космический павильон, где мы с ней увидели настоящие космические корабли, а также чучела собак Белки и Стрелки, которые ещё до людей побывали в космосе.

Посмотрели мы и другие павильоны. Погода была по-летнему прекрасной, и я, зная, что Миша коллекционирует машинки, предложила ему выбрать любую игрушечную машинку в киоске. Он долго сопротивлялся, говорил, что родители подумают, что он её выклянчил, но мне удалось убедить его объяснить родителям, что это подарок от Тани и угостила его своими любимыми миндальными пирожными и газировкой из киоска.

-9-

Когда я вернулась домой в Йошкар-Олу, я поехала к своему отцу на работу, в пионерский лагерь, где он каждое лето вёл кружок «Умелые руки». Под его руководством дети выпиливали и строили судо-и авиамодели. Папа помог мне выбрать несколько подходящих моделей для Миши, и я перед отъездом в Саранск отправила небольшую посылочку на домашний адрес Стуловых в подарок Мише от меня.

Когда я устроилась в один из корпусов общежития института в Саранске, я познакомилась с другими вновь прибывшими к месту работы молодыми специалистами и узнала от них, что в Казани был с сольным концертом С. Рихтер. В период моей учёбы ни Святослав Рихтер, ни Эмиль Гилельс туда не приезжали. Из присланных мне писем поняла, что попасть на концерт С. Рихтера в Большой зал консерватории было почти невозможно: ведь Казань – город-миллионер.

В Саранск из Йошкар-Олы мы с отцом прилетели на маленком самолёте Ан-2.

Папа помог мне устроиться в комфортное об-
щежитие, прошёл по учебным корпусам институ-
та и спокойно улетел домой.

А для меня началась бурная трудовая жизнь.

С чем только не пришлось столкнуться в пер-
вые годы работы!

С первых же дней нового учебного года нас,
всех десятерых вновь прибывших молодых специ-
алистов, отправляли в колхозы Мордовии во главе
больших, в 40-45 человек, студенческих отрядов со-
бирать урожай картофеля. Вверенных нам студен-
тов нужно было расселить, организовать питание и
проезд на работу в поле и обратно.

По возвращении нас ждали большие студенче-
ские группы по 20-30 человек вместе с заочниками.

В ту пору было большое и довольно сильное
заочное отделение, поскольку все лучшие учителя
школ, пока позволял им возраст, шли к нам за выс-
шим образованием.

Ко мне в класс попало несколько сильных вы-
пускников училищ, не прошедших по конкурсу в
консерваторию.

И кроме всего этого, в наши обязанности вхо-
дило одно сольное выступление в год, которое вхо-
дило в общую нагрузку и оплачивалось как 300 ча-
сов работы.

И на протяжении всех этих рабочих лет я чув-
ствовала сильную поддержку своего наставника.
Виктор Александрович всей душой радовался за ме-
ня, свою уже выпустившуюся в большую жизнь сту-
дентку, наблюдая, как я в дуэте с выпускницей Ни-
жегородской (а тогда Горьковской) государственной
консерваторией имени М.И. Глинки самостоятельно
разучиваю новые программы.

Прошло время, и у меня появились свои лич-
ные причины переехать в родную Йошкар-Олу, по-
ближе к родителям. В.А. Столов никогда не терял со
мною связь: всё время интересовался моей рабо-
той, присылал поздравительные открытки вместе
со своей супругой, Анной Иосифовной, а если ему
случалось бывать в нашем городе с концертами ли,
с методической ли помощью, он обязательно при-
ходил в наш дом.

В этом году моему дорогому учителю Виктору
Александровичу Столову исполнилось бы 82 года, а
моим родителям, которые ушли из жизни ещё рань-
ше, в 2007 – 2008 годах – 83-85 лет. По моим пред-
ставлениям, это не так уж и много. Для меня это од-
на из самых больших потерь в моей жизни.

*Прилагаю текст одного из многочисленных пи-
сем моего наставника, адресованных мне.*

Письмо В. А. Столова Т. Л. Шатуновой
Дорогая Танечка!

Спасибо за письмо. Хотя всё в нём не очень оп-
тимистично, мне было читать приятно и интерес-
но. Думаю, что большинство из нас сейчас находит-
ся в сложном, противоречивом душевном состоя-
нии. И проблемы часто сходны, и, если бы всё было
ясно, как их решать, то уже было бы легче. Всё сей-
час забродило, пришло в движение, но не всегда яс-
но, куда и как идти. Мы к новым идеям и их практи-
ческому осуществлению не готовы, так как жили по

канонам, ограничиваясь узкими, порой иллюзор-
ными идеалами. Сейчас у всех перепутье, особенно
в духовной сфере. Нужна социальная востребован-
ность, и тогда будет цель. Особенно трудно сейчас
молодым, думающим, равнодушным. Наше обра-
зование не направлено в жизнь, все его дефекты
могут быть исправлены и компенсированы в прак-
тике, если она необходима и находить творческий
выход. Это самое сложное сейчас в наших профес-
сиях. И, тем не менее, нужно искать пути примене-
ния своих способностей в этих условиях, а учиться
придётся всё время. Прекрасно то, что Вы играете,
значит, не потеряете себя, как музыкант. А в науч-
ной работе Вы, просто, себя не знаете, и, если бы на-
шёлся руководитель, то, мне кажется, Вы могли бы
себя проявить уж никак не хуже тех, с кем из кол-
лег общаетесь, и кто относительно преуспел в этом
деле. Это вопрос обстоятельств, я почему-то в этом
уверен.

Если у Ваших девочек, о которых Вы пишете,
есть музыкальные перспективы, то нужно их ори-
ентировать соответственно. Но сначала их нужно
послушать кому-то со стороны, и тогда предприни-
мать шаги. Может быть, я смогу в следующем полу-
годии побывать в Саранске (в МУ есть такие прогно-
зы), то я бы их послушал, и, если нужно, поговорил
в нашем училище. Но здесь возникает масса новых
проблем, о которых надо будет говорить уже особо.

Очень печально, что у Вас дома не всё в поряд-
ке, очень надеюсь, что это временно. Ваши родите-
ли ещё не стары, и, будем надеяться, что их здоро-
вье поправится. Конечно, если Ваши дела в институ-
те не очень перспективны и интересны, нужно ду-
мать о каких-то новых, и в этом деле нужно быть
очень разумным, всё взвесить, тогда действовать.
Об этом, надеюсь, поговорим при встрече.

У нас здесь это полугодие было насыщено всяко-
го рода заботами, хлопотами, своими проблемами.

9-го декабря мы с И.А. Фоминой сыграли ан-
самблевый концерт. Играем сонату Моцарта Д ма-
жор для 2-х ф-но, Вариации Брамса на т. Гайдна,
Фантазию Шуберта в 4 руки, Вальс Шуберта в обра-
ботке для двух фортепиано Прокофьева.

Концерт прошёл, кажется, удачно, во всяком
случае, играли с удовольствием.

Был тут у нас муз. Фестиваль, так называемый,
«Рюко-форум». Это было интересно, играли хоро-
шие и блестящие музыканты, но это, скорей, фи-
лармоническое, просветительское дело, а не кон-
серваторское. Зур-праздник музыки и сопутствую-
щие мероприятия, методички сомнительного клика
для приезжих педагогов из окрестных МУ и ДМШ.
Я выступал там с воспоминаниями о Э. Г. Гилельсе,
педагоге-музыканте.

Главное событие, доставившее много волнений
– выборы ректора. Было здесь всё, даже борьба. В
результате избрали ректором Р. Абдуллина. Счита-
ем, что, может быть, с молодым ректором начнёт-
ся реальная перестройка и в нашем вузе. Поживём
– увидим. Проблем у нас столько, что не представ-
ляем, с чего можно начинать. Воронов же для КГК
был бы гибелью, здесь же есть надежда получше. А
надо ждать, надеяться, иначе жизнь становится со-
всем унылой.

Татьяна АЛИСЕВИЧ

ИМЯ ДЛЯ МАЛЬЧИКА

Моего старшего двоюродного брата звали Равиль. Это редкое для русской семьи имя придавало брату какую-то особенность. Спросить у кого-либо, почему мальчика так решили назвать в далёком для меня времени его рождения – 1930 году, я не решалась – лишних и неуместных вопросов задавать было не принято. Оставалось только случайно слышать какие-то разговоры взрослых, их мимолетные воспоминания, сопоставлять факты – и делать выводы, почему-то тайна имени брата меня продолжала волновать. Да и сам брат был фигурой загадочной. Сказывалась и наша разница в возрасте – семнадцать лет! А его секретная служба военным переводчиком в Заполярье после учёбы в Ленинграде сильно добавляла таинственности. Выбор профессии тоже был необычен. Он не пошёл ни по стопам отца – успешного инженера Московского авиационного завода, ни матери – врача-хирурга, прошедшей Финскую войну. Судьбы моих близких заслуживают отдельных рассказов, особенно спустя многие годы, когда приходит понимание полной включённости этих людей в исторические перипетии страны.

Имя брата стало невольным триггером, как теперь любят говорить, для погружения в собственную личную историю семьи – очень предметной иллюстрации истории общей.

Как всегда, корни всего – в далёком прошлом. И начинается эта история с дома управляющего имением Воейковых в Симбирской губернии, вернее, ещё раньше – с детских полусиротских лет моей бабушки Ольги Михайловны Капитоновой (в девичестве Поповой).

Родилась она в 1879 году. А вот место её рождения – Екатеринбург – кажется так далёк от всей её будущей жизни, во многом связанной с Самайкинской фабрикой Симбирской губернии. И тем не менее. В Екатеринбурге семья оказалась не по своей воле. Отец бабушки был сослан в Сибирь за прямо-таки, неугодный характер. Да и то сказать, какое сельское начальство будет терпеть, если его в глаза называют «мироедом»? Прадед был таким – резким и нетерпимым. Недаром и в солдаты отец его отправил вместо старшего сына. Да ещё природа наградила таким басом, что когда на службе в церкви, где он иногда пел в церковном хоре, присутствовала местная барыня, просили петь тише – иначе «барыня в обморок падала», как ему говорили. Зато в солдатах, обладая хорошим музыкальным слухом, он смог выучиться играть на духовых инструментах, что не смягчило тем не менее его непокорный характер. Вот так старшая дочь Ольга и появилась у него (молодая жена поехала «в Сибирь»

безоговорочно) в екатеринбургском заключении. Уже после, пробираясь домой обратно, семья остановилась в селе Коптевка Сызранского уезда. И прадед смог работать на железной дороге. Но судьба не была благосклонна. Вскоре его обвинили в произошедшей аварии (он и был стрелочник, классическая ситуация!). В этот раз – Сахалин, откуда ему уже было не суждено вернуться. А разросшаяся семья, оставшись без кормильца, бедствовала. Старшей, Ольге, пришлось идти «в люди» – нянчить чужих детей. А как хотелось учиться! Может быть, тогда моя будущая бабушка уже грезилась о нормальной семье и о непременно образовании для своих будущих детей? Во что бы то ни стало...

По крайней мере, взрослые её дочери всегда говорили, что всем в жизни они обязаны своей дорогой маме.

Но собственные дети появились поздно. С 17 лет до замужества в 29 она прослужила горничной у французско-гувернёров русских хозяев самайкинской усадьбы. Быстро овладела французским разговорным, манерой одеваться «по-городскому». Сусанна Викентьевна, к кому Ольга была приставлена, оказалась довольна. Впрочем, подкупив денег, французы вскоре купили собственный дом с небольшой усадьбой и часто напоминали окружающим, что и они из «господ» тоже.

А бесприданница Ольга вышла замуж за вдовца с двумя детьми.

Младшей дочери мужа едва исполнилось два года, ей она полностью заменила родную мать. Вскоре пошли и свои дети – пять человек, почти друг за другом. Но именно со старшей приёмной дочерью пришлось пережить не только горечь утраты, как с двумя маленькими своими детьми, но и горечь сознательного и очень тяжёлого расставания на долгие годы. Абсолютно чужие люди стали ей семьёй, бездетная пара, каким-то образом, волей судеб оказавшаяся в этих же краях, что и моя будущая бабушка, уже потерявшая мужа. На её руках дети, никакой работы и начавшийся голод в Поволжье. Совсем мало оказалось счастливых дней в её семейной жизни, хотя муж был заботливым хозяином, бравшим на себя и многие домашние хлопоты. Очень любил и умело воспитывал детей, не имея никакого представления о педагогике. Во многом опирался на своё глубокое религиозное чувство. Так бы и прожила семья в Самаре, куда увёз мою будущую бабушку после замужества мной никогда не виденный дедушка. Да и бабушку-то я видела только два последних года её жизни. Но сколько о ней сохранилось в семье памяти!

Самара 1917 года. В семье уже появился предпоследний, пятый ребёнок – моя будущая мама. В далёком моём детстве я очень гордилась, что мама – ровесница революции, она и родилась в знаменитом ноябре. Так что все мамины даты долгие годы торжественно совпадали с революционными. А тогда, в том памятном для страны 17-м году, начались волнения и забастовки и в Самаре, на трубочном заводе, где слесарем работал отец уже большого семейства. Демонстрации с красными флагами и песнями – «Отречёмся от старого мира...» – всё это хорошо запомнилось старшим (!) девятилетней и семилетней девочкам в семье. Пришлось искать более спокойное место. Им снова оказалось Самайкино. Легко сказать – переехать! Надо найти заработок... А детям пора уже учиться. Сколько требовалось сил, чтобы каждый раз начинать налаживать жизнь всё увеличивавшейся семье! Казалось, вот-вот всё образуется. Нашлась работа машиниста на мукомольной мельнице в Фабричных Выселках. Там же детям можно было учиться. В конце 1920 года даже комнату дали в доме барачного типа, одну на всю большую семью, но всё же! И снова – перемены. Суконнную фабрику собрались, как бы сейчас сказали, – перепрофилировать в бумажную. А тут ещё неурожай 1921 года. Мельница оказалась не нужна. Начались эпидемии сыпного и брюшного тифа. Семью спасали только мастеровые руки отца и его отхожий промысел по окрестностям. Приходилось в поисках пропитания (не денег!) пешком добираться до Базарного Сызгана и обратно. Голод был тяжким испытанием. Отчасти спасала так называемая АРА (американская общественная организация), открывшая столовые для голодающих Поволжья. Была такая столовая и на фабрике. Сначала кормили только детей. По официальным данным, в Симбирской губернии более шести тысяч детей получали такую помощь. Конечно, это было не совсем безвозмездно для Советской республики, кроме того, как и всегда, имело определённую с американской стороны идеологическую подоплёку. Три пайка в день получала семья моей будущей бабушки – три порции маисовой каши и три кусочка белого хлеба. Дома на всех каша разбавлялась водой, а бабушка только делала вид, что подносит ко рту ложку. Ни голод, ни тиф не пощадили семью.

Что спасало мою будущую бабушку в этих испытаниях? Только какая-то душевная стойкость, умение не падать духом. Именно так вспоминали её дочери. И ещё умение принимать правильные решения, как бы тяжелы они ни казались. Таким тяжёлым решением стало согласиться отдать приёмную дочь в совершенно чужую семью. Сейчас уже трудно назвать некоторые конкретные факты, прошло много времени, давно нет людей, которые что-то

могли подтвердить документально. В семье тоже много не говорили об этом. Все знали одно – темноголазая серьёзная миниатюрная девочка из большой семьи без отца – кормильца – очень приглянулась бездетной паре. Как эти люди, наделённые возможностями выехать в одну из экзотических для того времени стран Красного моря, оказались в такой поволжской глубинке, мне сказать трудно. Однако это произошло, но произошло не сразу. Бабушка не соглашалась ни под каким видом. Бралась за любую, самую тяжёлую работу, чтобы оставшиеся четверо детей могли просто-напросто ходить в школу. «Интеллигенцию растишь, Михайловна», – неодобрительно говорили ей товарки тряпкорубочного фабричного цеха. Но что же делать – старшей девочке так хочется быть врачом! И откуда в ней это стремление? Может быть, и от потери отца, маленьких сестры и брата, которых можно было бы спасти? Именно это желание девочки и твёрдое обещание этих людей помочь сбыться её желанию сыграло убедительную роль в принятии очень тяжёлого решения.

Что-то дальнейшее было почти сказочным – отъезд в жаркую страну, жизнь какой – маленькой принцессы. Но и там подстерегали опасности. Девочку чудом спасли от тяжёлой болезни – так называемой лихорадки Красного моря. Новая семья была в отчаянии – обрести дочь и потерять её – было невозможно! А девочка ещё раз убедилась в верности выбора профессии, и на склоне своих лет она будет утверждать, что нет на свете лучшей профессии врача. Это чувствовали и её пациенты. Почти вся её врачебная деятельность связана с медсанчастью авиационного завода в Куйбышеве, нынешней Самаре, куда в военное время из Москвы было эвакуировано предприятие её мужа. Но об этом тоже много не говорили.

А пока новая семья держала все обещания. По возвращении уже в Москву девочка стала учиться, как и очень хотела.

Здесь семейная история вскоре прерывается. О судьбе людей, так полюбивших маленькую русскую девочку, мало что известно, кроме того что в истории страны были непростые тридцатые... Да и вообще говорить об этом было не принято. Ещё студенткой мединститута выросшая девочка вышла замуж, и своего первенца назвала в память того человека, который полюбил её, как собственную дочь, и помог ей осуществить детскую мечту, определив всю будущую жизнь. А моя бабушка для неё навсегда осталась единственной дорогой мамой, сумевшей в какой-то судьбоносный момент жизни преодолеть свои чувства и не оглядываться на кривотолки. Она просто хотела лучшей доли для своей дочери.

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

Сергей НИКОЛАЕВ, лауреат премии «Первая роса», руководитель общественного движения «Симбирская православная молодёжь».

ГОНЧАРОВ И ПРАВОСЛАВИЕ: ОТ АДУЕВА К РАЙСКОМУ

Если задать случайно проходящим мимо людям вопрос: «В творчестве каких русских писателей вы бы выделили православную тематику?», наверняка можно будет услышать такие ответы: Пушкин, Лермонтов, Достоевский, Гоголь... Список имен далеко не исчерпывающий, но очень небольшой процент назовет имя Ивана Александровича Гончарова (если таковые вообще будут). Тем не менее Иван Александрович самый что ни на есть православный писатель. Не верите? И я бы не поверил, если бы не одна статья и не одна книга, попавшие как-то мне в руки.

Гончаров – первый русский романист?

В 2014 году я впервые принял участие в литературном конкурсе имени Андрея Безденежных «Первая роса». По итогам конкурса был отмечен дипломом и получил в подарок номер литературного журнала «Симбирск». Я рассматривал этот журнал, на обложке которого была замечательная фотография – купола кафедрального Спасо-Вознесенского

собора и Всехсвятского храма, и внизу веточка вербы, среди прочих мое внимание привлекла статья Василия Владимировича Дворцова «Тридневие от Гончарова». Кстати, по иронии судьбы, журнал я рассматривал на скамейке недалеко от памятника дивану Обломова, а подведение итогов конкурса проходило в Историко-мемориальном центре-музее И.А. Гончарова.

Статья оказалась большой и интересной. Прочел я ее, правда, не тогда на скамейке, а дома, за письменным столом.

Чем же она так интересна? Например, автор считает, что начало отечественного романа стоит отсчитывать вовсе не от «Юрия Милославского» или «Капитанской дочки». «Нельзя русским романом назвать роман на русскую тему», – пишет Василий Дворцов.

По мнению Дворцова были многочисленные попытки наших классиков формального прикосновения к национальному и первые пробы погружения в него. Гениальные, но все же пробы. В отсутствие опоры на духовные ценности народа многие

авторы вольно или невольно копировали западных романистов. «Изучив местный исторический материал, «Князя Серебряного» вполне мог бы написать Вальтер Скотт, а Диккенс – «Мертвые души». А «Капитанская дочка» и «Тарас Бульба» еще совершенно одноприродны «Хроникам Карла IX» и «Жакерии», хотя имеют русский сюжет и русских героев».

Оказывается, римский Запад и Византийский Восток расходятся в определении личности, что это – персона или ипостась? Персона в европейском искусстве имеет внутреннее развитие, но оно безблагодатно роковое и прямолинейное. Если герою не хватает сил противостоять соблазнам, он внутренне разрушается, а затем погибает. Для западного мышления формами – мир духооставлен, возрождение или духовное воскрешение грешника в нем невозможно.

Задача показать это самое перерождение оказалась не под силу многим русским классикам – «Евгений Онегин» остался незавершенным, а второй том «Мертвых душ» сожжен. Поэтому перед Гончаровым стояла сверхзадача – *задача сверху* – создание настоящего русского романа.

Духовное становление Гончарова

Решить данную сверхзадачу мог только истинно верующий человек. Был ли таким Иван Александрович Гончаров? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо внимательнейшим образом ознакомиться с замечательнейшей книгой профессора Владимира Ивановича Мельника «Гончаров и православие. Духовный мир писателя».

Христианская вера была унаследована Иваном Александровичем от родителей. Есть предположение, что отец и дед писателя были старообрядцами. На данный момент нет ни точных подтверждений этому, ни точных опровержений. Один из первых биографов писателя М.Ф. Суперанский пишет, что отец Гончарова был «старовером». С другой стороны, известен факт, что один из родственников Гончарова еще в XVIII веке пожертвовал Смоленской церкви города Симбирска книгу святителя Димитрия Ростовского «Розыск о раскольнической брынской вере, об учении их, о делах их и изъявление, яко вера их не права, учение их душе вредно и дела их не богоугодны» (1709 г.). Одно совершенно точно – писательский дар в семье Гончаровых был наследственным.

Мать Ивана Гончарова тоже была женщиной набожной. Не меньший интерес представляет крестный писателя – отставной моряк, дворянин Николай Николаевич Трегубов. Будучи масоном и вольнодумцем, он все-таки раскаялся и резко поменял свое негативное отношение к церкви.

Тема соотношения философских размышлений и религии, а также прогресса и религии еще долго не будет давать покоя писателю Гончарову. Отдельные его статьи будут посвящены как раз этим вопросам.

Интересным фактом является и то, что писатель вполне мог видеть святого блаженного Андрея Христа ради юродивого. Профессор Мельник отмечает, что «если святой блаженный Андрей чаще всего переминался с ноги на ногу у Вознесенского собора, то маленький Гончаров его, несомненно, видел неоднократно». Святой мог заходить в дом

Гончаровых, потому что он часто бывал в домах у симбирян.

Православную веру Иван Гончаров впитал с «младых ногтей» – и здесь велика как заслуга его родителей, уклада, царившего в семье, так и религиозной атмосферы Симбирска, сложившейся на период подрастания юного писателя.

Православие в творчестве Гончарова

Роман «Обломов» в рамках школьной программы принято рассматривать именно с точки зрения социального контекста. Школьники пишут сочинения на темы вроде «Андрей Штольц как антипод Обломова», «Обломов и «обломовщина» и т.д. Возникает ощущение, что весь роман затевался исключительно с целью противопоставить западников и славянофилов, людей с активной жизненной позицией и приверженцев «обломовщины». Собственно, наше сегодняшнее восприятие романа мало отличается от восприятия его современниками писателя. Для самого Гончарова это было трагедией.

Дело в том, что по задумке писателя «Обломов» являлся логическим продолжением его предыдущего романа «Обыкновенная история». А за «Обломовым» должен был следовать «Обрыв». Таким образом, складывалась трилогия, в которой можно было проследить некую единую концепцию, и это была отнюдь не социальная тематика.

«Обыкновенная история» весьма долго трактовалась как произведение, связанное с предреформенной русской жизнью и проблемой провинциального романтизма. Иван Александрович Гончаров не ставил задачи сделать акцент на религиозном начале в характерах героев романа. Напротив, религия – это просто некая соразмерная часть их личности. Персонажи Гончарова – люди набожные, религиозные, среди них нет атеистов. Их религия не является религией острых вопросов жизни и смерти, она «обыкновенная», т.е. являющая собой обряд, вошедший в жизнь. «В сущности, Гончаров впервые дерзнул прямо обозначить свой идеал как религиозный, введя в название романа «Обыкновенная история» евангельскую ассоциацию (евангельская притча о широких, т.е. «обыкновенных» и узких вратах).

Отдельно по персонажам «Обыкновенной истории» дает подробную раскладку профессор Владимир Мельник. Мы же остановимся на основной мысли романа. Главный герой Александр Адуев (стоит обратить внимание на фамилию) – это человек, перешедший от одних иллюзий к другим, от тезы к антитезе – минуя «синтез». Поэтому-то и история вполне себе обыкновенная, мы видим человека, который сделал выбор в пользу «широких врат», он идет обыкновенной торной дорогой, и его путь – это, увы, путь к духовной смерти.

Поэтому и «Обломов» задумывался, в первую очередь, не как роман на социальную тему, а как роман, продолжающий тему духовного роста личности, чего многие современники попросту не смогли увидеть, понять и оценить. Так «обломовщина» была провозглашена главной причиной неуспешности сонного Отечества. Нужно понимать контекст того времени – либеральные ценности захватывают умы русских людей, «передовые идеи» будоражат общество.

Лишь через десять лет Федор Михайлович Достоевский догадался, в чем же на самом деле был замысел автора, начертав в записной книжке: «Обломов – Христос».

Как же так? Почему? С точки зрения Василия Дворцова, Обломов – это субботний Христос, живой, активно творящий дух, рушащий державу ада и освобождающий Адама, но неподвижный мертвым телом – во исполнение закона. Мистическая хронология событий такова: «Обыкновенная история» – Великая пятница общественного богоотступничества, «Обломов» – Великая суббота неприсутствия Бога в этом мире. «Обломов» – это вовсе не притча о закопанных талантах, как нас когда-то учили. «Обломов – это богатейшая внутренняя жизнь, не проявляемый вовне душевный стоицизм, это предстояние вечности, принципиально не сводимое с внешней, суетливой расчетливостью Штольца».

Великие пятница, суббота и воскресенье неразрывны. Перед Гончаровым стояла сложнейшая задача после пятницы и субботы показать воскресенье, но как это сделать так, чтобы, наконец, все стало понятно? Работа над «Обрывом» шла долгих двадцать лет. И пока ширилась всемирная слава тех или иных писателей, Гончаров не отвечал на вопросы о новом романе. Автор должен был максимально сосредоточиться и внутренне «дозреть» до произведения, которое он однажды назовет «это дитя моего сердца».

«Обрыв» содержит необыкновенную высоту замыслов, необычную даже для Гончарова широту проблематики. Сложилась интересная ситуация – лучший по художественному исполнению роман «Обломов» был уже позади. Однако Иван Александрович собирался написать нечто лучше лучшего, по крайней мере, по глубине замысла. Произведение, в которое войдет все, что писатель пережил и передумал за жизнь.

Идея написать роман «Обрыв» пришла к Гончарову в родном Симбирске. Нахлынувшие воспоминания о детстве, о людях, которых он здесь знал, о событиях всколыхнули сознание писателя.

В именах главных героев трилогии прослеживается явная закономерность: от Адуева через Обломова к Райскому. «Автобиографический герой Гончарова ищет правильное отношение к жизни, Богу, людям». Происходит движение от ада к Раю.

Главный герой Ивана Гончарова не идеален. Но он наделяется духовными навыками и устремлениями. Вместе с остальными главными фигурами романа он проходит через свой «обрыв», приходит к покаянию и «воскресению».

Последний роман писателя задуман широко и емко. Стоит сказать, что последнее слово в нем: «Россия». Автор пишет не только о судьбе героя, но и о грядущих судьбах страны.

Таким образом, Гончарову все же удалось выполнить сверхзадачу и провести идею стяжания Царствия Небесного так, как понимал это сам автор, через всю трилогию. Удалось ли ему написать действительно русский роман, а не роман на русскую тематику? Пожалуй, да. Всего три романа написано Иваном Александровичем, но здесь важно говорить не о количестве, а о качестве. Будучи глубоко верующим человеком, Гончаров пытался писать так, чтобы не по форме, но по самой сути и содержанию его произведения доносили до читателя идеи православия. Россия все время стоит на распутье между Обломовым и Штольцем или больше – между Адуевым и Райским. Возможна ли наша страна без православия? Лучше ли от того, если православие будет формальным, но при этом лишенным глубины и сути?

* * *

Книга «Гончаров и православие» повествует не только о трилогии романов на букву «О». Отдельного внимания заслуживает анализ книги очерков «Фрегат "Паллада"» о кругосветном путешествии писателя и опять же его укреплении в вере. Исследовательская работа Владимира Мельника поражает своей кропотливостью, потому что он подробно разбирает еще ряд статей Ивана Гончарова и три его самые поздние работы, о которых крайне редко говорят литературоведы. Мельник берет на себя смелость порассуждать о них и опять же в контексте православия.

И вот еще два интересных факта, упоминаемых в книге: Иван Гончаров был учителем человека, известного в литературном мире как К.Р., а трилогия романов могла стать... тетралогией. Но и это далеко не все, что еще вызовет интерес у читателя.

В заключение хочется привести такие строки из книги «Гончаров и православие. Духовный мир писателя» В.И. Мельника: «Гончаров выражал свои мнения как художник – лишь пластически, а как христианин – молчанием. (...) Он веровал просто – и ходил в православный храм с детских лет до смерти. Исследовать Гончарова как христианскую личность трудно, почти невозможно. Но задача тех, кто истинно хочет понять его, – взглянуться в пластику его образов, вслушаться в его человеческое молчание».

Ирина МАРШАЛОВА, кандидат филологических наук, заведующая сектором научной работы Историко-мемориального центра-музея И.А. Гончарова.

«ЛУЧЕЗАРНАЯ ВЕЧНОСТЬ» ИВАНА ГОНЧАРОВА

К 130-летию со дня смерти писателя

24 сентября в нашем городе состоялся традиционный День памяти И.А. Гончарова, в этом году приуроченный к 130-й годовщине со дня смерти писателя. Дни памяти великого симбирянина проходят в Ульяновске с 1990 года в канун годовщины со дня смерти романиста (27 сентября 1891 г.). По традиции День памяти начался панихидой по И.А. Гончарову в Свято-Воскресенско-Германовском соборе – одной из старейшей церквей Симбирска. Воскресенско-Германовский храм был построен в начале XVIII века. По благословению митрополита Симбирского и Ново-спасского Лонгина панихиду по И.А. Гончарову в Воскресенско-Германовском храме совершил иерей Иоанн Тихонов.

Продолжил День памяти вечер в Историко-мемориальном центре-музее писателя, который объединил сотрудников образовательных и культурных учреждений города, а также просто почитателей таланта именитого симбирянина. Гости музея прослушали лекцию ведущего архивиста Государственного архива Ульяновской области Антона Юрьевича Шабалкина «Гончаровские адреса Санкт-Петербурга». В качестве иллюстративного материала были использованы фотографии 2015–2021 гг., сделанные А.Ю. Шабалкиным во время посещения Санкт-Петербурга. Лекция также состоялась в рамках недели национального проекта «Наука».

Завершился День памяти И.А. Гончарова знакомством участников с выставкой «Шедевры декоративного искусства. Из собрания Всероссийского музея декоративного искусства» (г. Москва) в выставочном зале Дома писателя. Экскурсию для всех желающих провела младший научный сотрудник Лейсан Ирековна Фиргалиева.

Свято-Воскресенско-Германовский собор

Панихида по И.А. Гончарову

Открытие вечера памяти в Доме Гончарова

Выступление ведущего архивиста ГАУО А.Ю. Шабалкина

На экскурсии по выставке «Шедевры декоративного искусства»

Вот, собственно, незатейливая, простая хронология этого дня, весьма близкая духу Ивана Александровича, чуждавшегося внешней красоты, вычурности, помпезности как в повседневной жизни, так и в творческих поисках. Не случайно сегодня поклонники таланта, исследователи наследия выдающегося романиста всё более говорят о философской составляющей произведений Гончарова, о своеобразии и полноте его мысли, о поразительно верном понимании глубинных процессов жизни. Животворная сила наследия романиста по сей день приковывает внимание читателей и учёных всего мира. Крупнейший специалист в области русского и западноевропейского романа, видный гончаровед Валентин Александрович Недзвецкий отмечал: «В действительности Гончаров ... художник как раз с огромной синтезирующей и обобщающей способностью (философ Владимир Соловьев вообще полагал, что в этом отношении ему в русской литературе XIX века нет равных). Да, он великолепно рисует быт, но это только первый и поверхностный уровень создаваемых им фигур, картин и ситуаций, потому что гончаровский быт всегда и во всем буквально пропитан *бытием* в значении вечных и устойчивых, общенациональных и всемирных характеристик, форм и «образов жизни», устремлений, идеалов и коллизий. Не таковы ли разве основные персонажи «Обыкновенной истории», «Обломова» и «Обрыва», всегда при всей своей социально-бытовой конкретности ориентированные на основные человеческие прообразы (*архетипы*), литературные (как Гамлет, Дон Кихот, Дон Жуан, Фауст, Тартюф, Чацкий, Татьяна и Ольга Ларины и т.п.) или историко-культурные (как Александр Македонский, Платон, Диоген Синопский, Бальтазар, Иисус Навин, Иисус Христос)».

Юрист по образованию, литератор и публицист по призванию, один из организаторов Общества русской культуры им. А.С. Пушкина в Нью-Йорке Борис Львович Бразоль в речи, произнесенной на заседании Общества 8 февраля 1952 года к шестидесятилетию со дня смерти И.А. Гончарова, отметил: «... созданные Гончаровым типы, набросанные его кистью бытовые картины служат высокими образцами художественного мастерства и жизненной правды. Мир, изображенный им в его трех романах – «Обыкновенная история», «Обломов» и «Обрыв», – не поражает читателя ни грандиозностью событий,

ни бездонной глубиной психологического анализа, ни даже пестротой преходящих общественных настроений <...> Однако в каждом из капитальных творений Гончарова, как на огромном экране, отразилась целая полоса русской жизни, красочной и многогранной, несмотря на то, что из нее как бы умышленно исключены резкие контрасты и вычурные эффекты. Литературная манера Гончарова проста, ясна и гармонична, как дорическая колонна. <...> невозмутимая, чисто пушкинская, ясность характеризует все творчество Гончарова, точно пронизанное теплым чувством, нежным сочувствием, бережным вниманием ко всему, из чего складывается наш незатейливый человеческий мир». Поразительно, что злободневный Гончаров, с восторгом принятый общественностью после выхода романа «Обыкновенная история», буквально взорвавший умы современников «Обломовым», крайне критически оцененный интеллигенцией после выхода «Обрыва», картинами воссозданной им безмятежной жизни, время от времени будоражимой ростками пробивающегося общественного брожения, оказался сродни непреходящим древним классикам, «недаром сам Гончаров сравнивает своих обломовцев с олимпийскими богами».

Именно в размышлениях литературного критика русского зарубежья находим мы проникновенные строки о глубокой человеческой и художественной мудрости Гончарова, его «стоическом отношении» не только к тяготам и невзгодам жизни, но и таинству смерти: «В «Обыкновенной истории» он говорит, как скончалась мать Адуева. В повести она занимает если не центральное, то, во всяком случае, значительное место. Сын присутствует при ее смерти. Как же описывает ее Гончаров? Собственно, никак, вернее двумя словами: «Она умерла», и нет в этом эпизоде ни «мук раскаянья», ни «пытки размышленья», ни «малодушных слез прощания с землей». Прав Мережковский, заметивший, что в счастливой Обломовке смерть – такой же веками освященный обряд, такая же ничем ненарушимая идиллия, как и жизнь. «Это, – поясняет он, – кажется, та самая безболезненная и мирная кончина живота, о которой молятся верующие». <...> Так же тихо и спокойно ушел из этого мира и сам Гончаров в твердом убеждении, что смерть – переход из временного не в дурную бесконечность, а в очищенную от временного лучезарную вечность».

ПОД СЕНЬЮ ДРУЖНЫХ МУЗ

*Елена СЕРГЕЕВА, искусствовед, зав. музеем изобразительного искусства
XX–XXI вв., автор передач «Беседы в пространстве искусства».*

«Соединенье муз» – что может быть прекрасней! Поэтические строки и их живописное предьявление! Где образуются подчас сиюминутные, а порой сложные, не всегда сразу прочитываемые параллели! Где творческие замыслы поэта и художника завораживают возможностями новых ассоциаций. Где открывается простор для иногда неожиданных интерпретаций. Где неизбежно наше присутствие, придающее памяти волю. Где воспоминания предлагают высокое сотворчество, создаваемое именно здесь и сейчас.

«Беседы в пространстве искусства» возникли не спонтанно. Музей изобразительного искусства XX–XXI вв. к такому единению относится с пиететом: встречи с художниками, писателями, музыкантами, актерами – это постоянные открытия новых творческих возможностей. А идея «Бесед» родилась во время работы в 2020 году выставки «От сердца к сердцу нить». О проекте была обширная публикация в журнале «Симбирскъ». Именно экспозиция, в которой были представлены живописные работы Ирины Гершевицкой, стихотворения Натальи Калагиной, предложила новый формат – своеобразный творческий тандем, в котором картина не выступает в привычной роли иллюстрации к конкретному стихотворению.

Современность создала условия для иной реальности. Онлайн-реальности. И освоения невиданных ранее пространств.

С декабря 2020 года стали выходить онлайн-передачи «Беседы в пространстве искусства» (группа «ВКонтакте» музея изобразительного искусства XX–XXI вв.). Каждая передача отбирает «героев», своеобразный сценарий предлагает диалог, порой разговор, в котором принимают участие несколько персонажей, иногда это – монолог. В «Беседах» встречаются классика поэзии и современное изобразительное искусство или наоборот. Зимняя круговерть Александра Пушкина откровенничает с картиной Алексея Соколова, сметающей на своем пути привычные устои бытия. Наваянная великой классикой скульптура «Торсы» Василия Шеломова перекликается с откровениями в «Оде греческой вазе» Джона Китса. Трагедия в живописной «Долонии» Рамиля Идрисова ищет свое прочтение в 10 главе «Илиады» Гомера. «Рождество» в картинах Надежды Свешниковой, Аркадия Егуткина, Рамиля Идрисова перекликается со стихотворением Иосифа Бродского. Есть монологи – картины и стихи Ольги Розановой, знаменитого представителя супрематизма, любимой ученицы Казимира Малевича, и ульяновского художника, поэта, фронтовика Юрия Куликова.

Беседы дают неожиданные повороты и представления. В них принимают участие художники из Москвы, Санкт-Петербурга, Латвии, Белоруссии. Но неизбежно главенствующим остается знакомство с поэзией и изобразительным искусством нашего края. Николай Благов беседует с художниками Алексеем Моториным и Иваном Лежниковым, а современный поэт Ольга Даранова – с художниками XX века Дмитрием Архангельским и Михаилом Козьминым.

В «Беседах» принимают участие пять ульяновских поэтов: Ольга Даранова, Наталья Калагина, Ольга Шейпак, Александр Филатов, Сергей Юрьев.

Передачи сопровождают лишь небольшие аннотации как предложение войти в круг образов, созданных независимо друг от друга и объединенных в беседах. Бывает, это только представление беседующих зрителю = равному читателю.

О поэте Анатолии Чеснокове в стихотворении Ольги Дарановой и картине Станислава Слесарского эмоции внешнего свойства кажутся сиюминутными. Важнее их внутреннее глубокое потоки. Соединившись, они образуют неспешную гармоничность существования. Влетающая в окно Муза так же реальна, как яркое лоскутное одеяло, как открывающиеся в окнах просторы деревни. Просторы вселенной, уместившейся в одном стихотворном дыхании. Что это? И сон, и явь рождают творчество.

Совпадения в стихотворении «На закате» Ольги Дарановой и картине «Зимние сумерки» Веры Мильниковой в частности – приметах, деталях того, что запомнилось, того, что пригрезилось. Здесь четкость воспоминаний и ностальгия по несбывшимся мечтаниям. Здесь переосмысление и краткого и одновременно протяженного во времени и пространстве отрезка жизни.

«У этого крыльца» Ольги Дарановой, пейзаж и натюрморт Бориса Клевогина создают беседу о прошедшем. Которое помним. Которое помогает сегодня. Это беседа о памяти – своей собственной,

единственной. И о памяти – огромной, складывающейся, как мозаика, в наши исторические параллели.

Отражение зимы в стихотворении Натальи Калагиной и картине Тамары Мамонтовой отмеряют пульс, звучащий в унисон с погодой, чувствами, меняющимися наше настроение с быстротой падающего снега. Это истинно женский взгляд на видение окружающего мира, с многообразием его нюансов, особой ритмикой поэтического и живописного пространства.

В беседе Натальи Калагиной и Андрея Щеголькова «Лис» один персонаж. Как найти точки соприкосновения, узнавания? Почти невозможно: разные полюса. Но мы даем обратный отсчет. В поисках близких пульсаров стихотворной и живописной формул. В поисках чувств в мире реальном и запрятанном за ограду собственной неприкосновенности. В поисках творческой переклички стихотворного спасительного слога, его лика – шифра и абстрагированного ритма броской живописной «лавы». Поэт, художник собирают вновь и вновь образы, растворенные в переплетениях явности и фантазии. Поэт, художник находят приют в собственном уединении, оставляя нам шанс для сопереживания. Поэт. Художник. Один персонаж.

Стихотворение Натальи Калагиной и картина Татьяны Горшуновой называются «Кораблик». Слог и колорит, сказочное и пригрезившееся – путешествие от детских восприятий – к бесконечным поискам счастья в море жизни. Поискам безбрежным, вечным...

«Грезы» Ольги Шейпак и Евгения Родина. Беседа женщины и мужчины. О жизни. О любви. О предназначении. О Вселенной – увиденной, прочитанной и прочувствованной. О безбрежности и одновременно хрупкости счастья. О вере в него.

Ольга Шейпак и Алексей Соколов в беседе о бесконечном поиске себя, о любви, о бурной сложной жизни души и природы. О неизбежных утратах и новых обретениях. О надежде.

Женский тандем: Ольга Шейпак – Ирина Гершевицкая. Грезы, мечты, думы о жизни. Опасения. Надежды. Ожидания счастья, его предвидение.

Александр Филатов и Татьяна Горшунова беседуют о сцене, театре. И не только. «Весь мир – театр, а люди в нем – актёры» – знаменитая фраза Шекспира. Попробуем произнести ее по-другому: «Театр – это целый мир», рожденный в незапамятные времена, истинно помогающий человеку стать таковым!

Беседуют Александр Филатов и Алексей Соколов. О поэте. О художнике. О прочувствованных точках совпадения. О жизни, наполненной смыслом, озаренной жаждой творчества.

Стихотворение Александра Филатова «Река» и картины Марии Андроновой и Евгения Родина о природе, в которую вплетается наше чувствование ее. О человеке, который понимает и принимает ее настроение. О состоянии души, о зримых и внутренних переплетениях и переходах ее тонов.

Жизнь и космос или жизнь как космос предстают в стихотворении Сергея Юрьева и гравюре Георгия Поплавского.

Беседа двух поколений и перспективы познания этого текущего мира: Сергей Юрьев и Игорь Замалиев. Действительно ли? «Долгая ночь – короткий денек». Или «22 401-й день жизни».

«Откровения» Сергея Юрьева и Алексея Соколова. На пределе. На осознании смыслов, приоритетов. Что есть жизнь? Что побуждает постоянно искать себя, спотыкаться, бороться, принимать ее, ценить и бесконечно открывать заново знакомые и неведомые миры вокруг нас и в нас самих.

С 19 декабря 2020 года по 1 сентября 2021 года опубликовано сорок программ, а количество просмотров 11 630. Монтаж онлайн-передач осуществляет Алексей Сидаков, старший научный сотрудник музея изобразительного искусства XX–XXI вв.

Знаем, что наши передачи ждут, и они будут продолжены. Ведь «Беседы в пространстве искусства», имеющие в современное время иной контекст, обращаются к тому, что зовется сотворчеством поэта, художника, читателя, зрителя.

УЧАСТНИКИ ПРОЕКТА «БЕСЕДЫ В ПРОСТРАНСТВЕ ИСКУССТВА»

Ольга Даранова (Ульяновск) – писатель, поэт. Член Союза писателей России, председатель Ульяновского регионального отделения «Союз писателей России». Учёный секретарь Дворца книги – Ульяновской областной научной библиотеки имени В.И. Ленина.

Вера Мыльникова (Санкт-Петербург) – художник, живописец. Член Союза художников СССР. Заслуженный художник России. Член-корреспондент Российской академии художеств.

Станислав Слесарский (Ульяновск) – художник, живописец. Член Союза художников России, заслуженный художник России, лауреат Международной премии имени А.А. Пластова.

Борис Клевогин (Ульяновск) – художник, живописец. Член Союза художников России, заслуженный художник России. Лауреат Международной премии имени А.А. Пластова.

Наталья Калагина (Ульяновск) – врач-кардиолог, зав. отделением Ульяновского областного кардиологического диспансера. Поэт, автор поэтических сборников. Фотограф, участник фотоконкурсов и фотовыставок.

Тамара Мамонтова (Москва) – художник, живописец. Член Союза художников России. Доцент Московского государственного художественно-промышленного университета им. С.Г. Строганова.

Андрей Щегольков (Ульяновск) – художник, живописец, дизайнер. Представитель нового поколения художников неформального творческого объединения «Левый берег».

Татьяна Горшунова (Ульяновск) – художник, живописец, график. Член Союза художников России. Лауреат Международной премии имени А.А. Пластова.

Ольга Шейпак (Ульяновск) – писатель, поэт, прозаик, публицист. Член Союза писателей России. Главный редактор журнала «Мономах».

Евгений Родин (1944–1992) (Ульяновск) – художник, живописец. Член Союза художников СССР.

Алексей Соколов (Ульяновск) – художник, живописец, график, педагог. Один из организаторов неформального творческого объединения «Левый берег» (Ульяновск). Член Творческого союза художников России, Международного художественного фонда.

Ирина Гершевицкая (Ульяновск, Москва) – инженер, предприниматель. Художник, живописец.

Александр Филатов (Ульяновск) – поэт, журналист, автор-исполнитель эстрадных песен. Член Союза театральных деятелей, Союза писателей, Союза журналистов России. Член Евразийского союза композиторов.

Мария Андропова (Москва) – художник, живописец, историк искусства. Член Союза художников России.

Сергей Юрьев (Ульяновск) – журналист, фотограф, поэт, писатель-фантаст. Член Профессионального Союза писателей России и Совета по фантастической и приключенческой литературе при Союзе писателей РФ. В 2012 году награждён медалью «Н.В. Гоголь – за сказочную литературу» от НП «Неправительственный инновационный центр». Лауреат областных фотовыставок.

Георгий Поплавский (1931–2017) – советский и белорусский график и живописец. Академик Национальной академии наук Беларуси, академик Академии художеств СССР, Российской академии художеств. Народный художник Республики Беларусь.

Игорь Замалиев (Димитровград, Ульяновская область) – художник, живописец, график (акварель, 3D-графика). Председатель Ульяновского регионального отделения Общероссийской общественной организации «Творческий союз художников России», член Международной федерации художников.

Ольга ДАРАНОВА*Анатолию Чеснокову*

Как гулко лес шумит, ты слышишь?
 И как смолисто пахнет день!
 Мне кажется, ты рядом дышишь,
 Ступив в берёзовую сень.
 Всё мнится, что идёшь по лесу,
 Как прежде, радуясь листве!
 И так тебе светло, не тесно!
 И столько строчек в голове!
 Рубашка белая прощеньем
 За несуразность бытия,
 Молитвой – жаворонков пенье,
 Ручья прозрачная струя.
 Твой воздух и твои туманы,
 И твой октябрь горит свечой,
 И ты, оставленными званый
 Сегодня в этот день земной.
 И этот горький дым разлуки
 Соединяет нам сердца,
 И осени не молкнут звуки.

2019

Станислав Слесарский. Деревенская Муза поэта А. Чеснокова.
 2018. Собственность автора

Борис Клевогин. Пейзаж с закатным небом.
 2004. Собственность автора

Ольга ДАРАНОВА
НА ЗАКАТЕ

Цветы вдруг поменяли облик,
 Утратили свою небесность.
 Их простота сломалась о блик
 Заката, потеряв уместность
 Воздушных линий и соцветий,
 Их жизнерадостного ситца.
 В сиреновом вечернем свете
 Они потупили ресницы.
 И как-то всё отяжелело:
 Вода в графине, штора, люстра,
 И бусы горстью переспелой
 Упали на комодик густо.
 Вещицы старого комода
 Вдруг стали достояньем Лувра,
 Остановилось время года,
 И в простоте уснула мудрость.
 Настало время Зазеркалья,
 Игры теней, одушевленья
 Фигурок детства в танце бальном
 И старых истин водворенья.
 И поздние слезинки влаги
 На колокольчиках застыли,
 Как день прошедший – на бумаге,
 Как дом, в котором раньше жили.

2020

Вера Мыльникова. Зимние сумерки. 1982. Собрание УОХМ

Ольга ДАРАНОВА

* * *

У этого крыльца, под этой старой крышей
 Вы мысленно всегда, до самого конца.
 Здесь то, что проросло и что дано нам свыше
 От колыбели дней до смертного венца.
 Бессонница давно подруга вам и мука,
 И сон придёт лишь в час, как выпадет роса,
 А ночь напомним нам, что временна разлука,
 И ясно зазвучат ушедших голоса.
 Подробность обожжет, изъятая из плена
 Спрессованных годов, как из скалы росток,
 И яркостью затмит все краски во Вселенной,
 И будет эта боль - живительный глоток.
 Вы вспомните траву и скрипы половицы,
 И в сенях керогаз, ведь он был член семьи!
 И керосина дух не раз ещё приснится,
 И запах этот – был исчезнувшей земли.
 И вам не распознать, слезы то бег, дождя ли...
 У слёз и у дождя теперь один исток.
 Вас приютит земля, где вы когда-то знали,
 Как пахнет тем дождём пропитанный листок.
 Там узкая река, и птицам там раздолье,
 А зеркало воды так тихо и светло,
 Там деревья густы и ветви их так вольны,
 И бережно реки касается весло.
 Там вечера густы, полыньи и певучи,
 Малиновый закат – как пламя на холсте.
 И карагач молчит на каменной круче,
 Как верный страж границ на родовой версте.

2020

Борис Клевогин. Самовары. 2002 Собственность автора

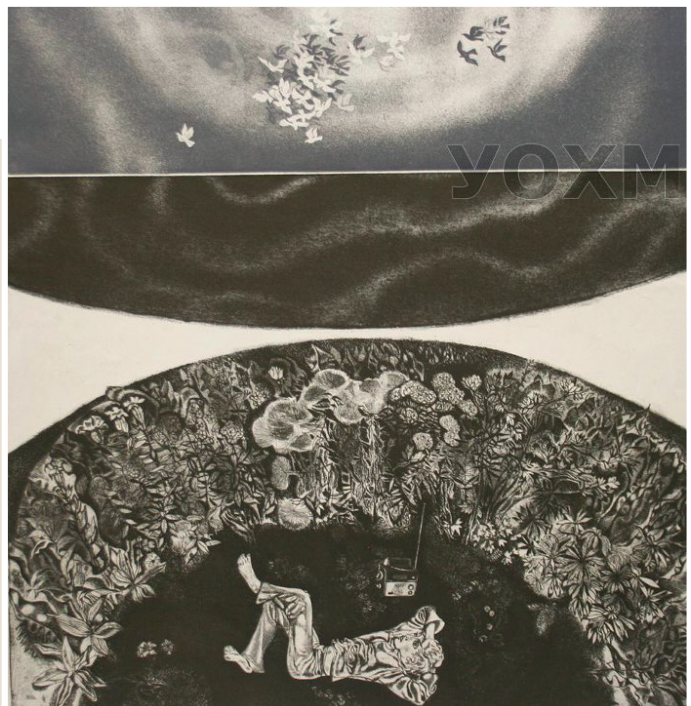
Сергей ЮРЬЕВ

* * *

Когда я был растением, я знал
 Свое родство с созвездиями неба,
 Какая была была, какая небыль
 Меня ждала во мгле иных начал.

Я знал пути движения корней,
 Когда тянул свой стебель в поднебесье,
 Я знал огромный мир, и бессловесность
 Была любой словесности мудрей.

Читая фазы Лунного Серпа,
 Я знал, куда мне новый путь размечен,
 И я ушел куда-то в бесконечность,
 Когда через меня легла тропа.

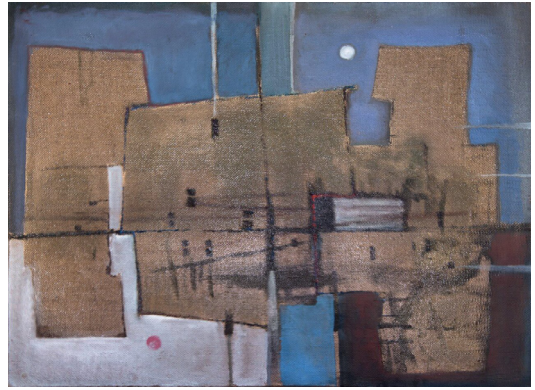

Георгий Поплавский.
 Звездное небо. Серия Космос. 1977. Собрание УОХМ

Сергей ЮРЬЕВ

22 401-Й ДЕНЬ ЖИЗНИ

Ровно восемь утра. Перфоратор за стенкой ревет.
Начинается день. Как вчерашний – ни лучше, ни хуже.
За окном – минус 9. Февраль. Телевизор простужен
И к тому же заврался. Зато перфоратор не врёт.
Это ценное свойство – реветь, но при этом не врать.
В наше зябкое время не всякий способен на это.
Впрочем, мне удалось этой ночью дожить до рассвета,
И, пожалуй, не стоит на чью-то ущербность пенять.
Тихо в келье своей точит шпагу аббат Арамис,
На костлявом коне Дон Кихот покидает Ламанчу...
Как бы мне оседлать хоть какую-то старую клячу
И прожить этот день как мгновенье, как целую жизнь.

Игорь Замалиев. Долгая ночь, короткий денёк.
2013. Собрание УОХМ

Алексей Соколов. Укус змеи. 2015. Коллекция фонда
современного искусства Левый берег

Сергей ЮРЬЕВ

ОТКРОВЕНИЕ № 1

Пережить бы эту зиму,
А потом – весну и лето,
А потом ещё немного,
А потом – ещё чуть-чуть...
Я люблю вполне взаимно
И закаты, и рассветы,
И стараюсь верить Богу,
Словно доброму врачу.

Если просто вынес мусор,
Значит день прошёл даром,
Если друга где-то встретил –
Не напрасен был вдвойне.
Комариные укусы
Не являются кошмаром,
Если ты на этом свете,
Не на прочей стороне.

В том краю потустороннем
Непокой нам только снится.
Атмосферные явления
Из-под камня не видать.
Ни к труду, ни к обороне
Перебежчик не годится,
Лишь смиренное теченье
Леты может наблюдать.

Единица измеренья –
38 попугаев.
С ними вычислить несложно,
Где граница бытия.
В ежедневных упражненьях
Совершенства достигая
В том, что было невозможно
Перевыполнить. Хотя...

Мы, конечно, все там будем –
То ли в кущах, то ли в пекле...
Результат распределенья
Предсказать никак нельзя.
А куда делятся будни,
Не спеши, мели, Емеля!
Ведь по щучьему веленью
Жизни хватит за глаза.

Но ни в чём неотразимы
Несчастливые приметы...
Сколь верёвочка не вейся,
Наступает карачун.
Пережить бы эту зиму,
А потом – весну и лето,
А потом – ещё бы с месяц,
А потом – ещё чуть-чуть...

Алексей Соколов. И рисую мы с морозом звуки на стекле. 2010

Наталья КАЛАГИНА

* * *

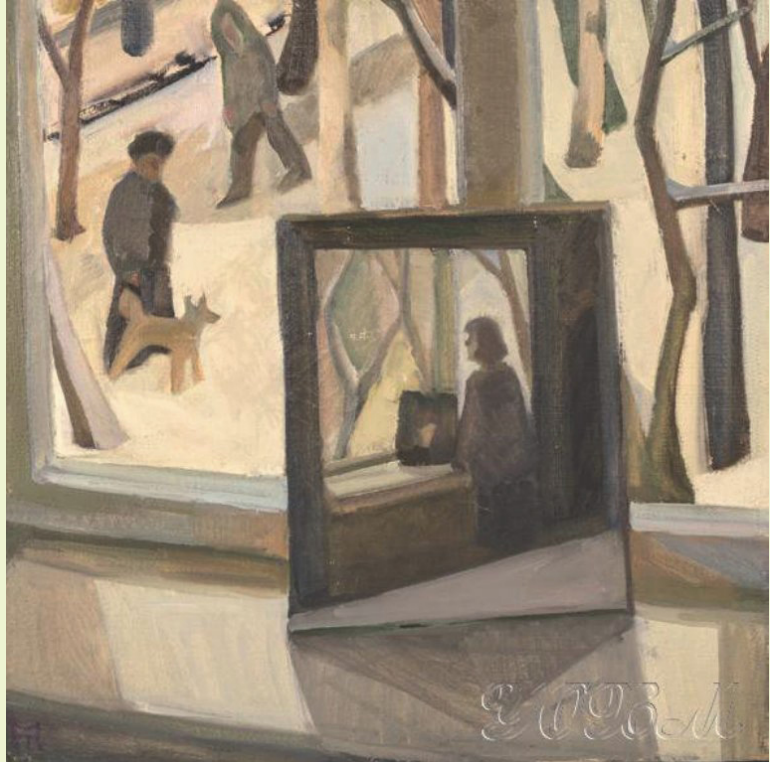
Ждут фонари рассвета,
Гасят огни дома.
Белые сигареты
Курит в ночи Зима.

Пепел летит на крыши
И на изгибы рек.
Странно такое слышать?
Ладно, пусть будет снег.

Это, как мир, не ново:
В белом плену земля.
Но для кого-то повод
Всё начинать с нуля.

Чьих-то следов цепочки
Словно слова в тетрадь.
Жаль, из судьбы ни строчки
Нам не переписать.

Кто-то уйдёт, оставив
В памяти блокпосты.
Кто-то, как дым, растает.
А между ними – ты.

Тамара Мамонтова. Отражение. 2005. Собрание УОХМ

Наталья КАЛАГИНА**ЛИС**

Здравствуй, рыжий, здравствуй, Лис,
Вновь мы на одной планете.
Ранней осени каприз,
Самый лучший друг на свете.

Вижу, узнаешь сюжет,
Отпустив личину зверя,
Но за столько долгих лет
Ты не научился верить.

Вольной сути – всюду рай,
А не идолу служенье,
Если чувства через край –
Стать легко живой мишенью.

Ты запутывал следы,
Шерсть волнуя дрожью крупной,
И предчувствие беды
Шло за мною неотступно.

Мне мерещился не раз
Лисий морок в лунном свете,
Но решили всё за нас:
Не приручен – не в ответе.

Я не враг тебе, поверь,
И прошедшее итога,
Дикий мой и нежный зверь,
Стал ты мне ещё дороже.

Андрей Щегольков. Лис крадёт Луну. 2002-2003.
Собственность автора

Татьяна Горшунова. Пролетающая с фонариком. 2005.
Собственность автора

Наталья КАЛАГИНА

Разноцветные кораблики,
Сны беспечные мои
Растерялись, словно яблоки,
Что скатились со скамьи.

Где теперь, в какой вы гавани
У неведомой земли?
Или в кругосветном плавании,
Или в дрейф во льдах легли?

В ночи смутные, безлунные
Рвется тягостный кураж:
Сны плывут пиратской шхуною
Мысли брать на абордаж.

То пригрезится, то вспомнится –
В полусне, как на войне.
Карандаш, блокнот, бессонница
Вновь придут на помощь мне.

Татьяна Горшунова. Кораблик. 2009
Собственность автора

Ольга ШЕЙПАК

Полоскою алой, как кровью на мира стекле,
Расписался закат, раскалился закат,
Обнажил, что таила я долго в себе.

И, сникая, упало,
растаяло солнце в кровавой воде,
Как тяжелое слово, всего только слово,
Разбившее миф о тебе.

Почернел горизонт, догорела корона земли.
Кто услышит дыхание близкой беды?
Кто увидит уродливый профиль тоски?
Только снова рассвет над рекою

упрямо встает,
И играет заря, и ликует заря –
Окрыленной надеждой в виски мои бьет.

1991

Алексей Соколов. Красные дома. 1989

Ирина Гершевицкая. Шаг в глубину. 2007. Собственность автора

Ольга ШЕЙПАК

* * *

Мне снился сон: плыла ладья,
Зеркальной глади доверяясь.
И полногрудая луна
Над ней безудержно смеялась.
Шептали водоросли: «Там,
На глубине озерной мути,
Услышишь музыку к стихам,
Отбросишь плевелы от сути».
Клонили шапки камыши,
И вёсел бархат их касался:
«Куда стремишься? Не спеши,
В объятьях озера останься».
К руке припаяно весло,
Но губы в поцелуе тонут,
Любви проснувшейся жерло
Очередную жертву ловит.
И опускаюсь я на дно
Ладьи ли, озера – не знаю...
Мелькнуло ангела крыло,
Но вот уже в тумане тает.
Мне снился сон. Плыла ладья,
Лелеемая лунным светом...
А может, я и не спала –
Глаза ослеплены рассветом.

Ольга ШЕЙПАК

* * *

Когда ударит гром над белым садом
И торжество закончится моё,
Я уплыву тогда в небытие,
Лелея землю призрачным туманом.
Парная почва, жажду утолив,
Назначит щедро новое цветенье.
О, как завидно битие других,
Желающих постигнуть назначенье,
Познать восторгов меру и стыда!
Но им ли знать, куда, лишившись тела,
Спешит душа?.. В любимые дома,
Которым до нее давно нет дела.
...Я вас люблю – всех тех, кто позабыл
Мою улыбку, сладкий, нежный голос.
Не чудо ли, ведь тот же миг прожил
И тот же, что и я, лелеял колос!

Евгений Родин. Грёзы. 1978–1981. Собрание УОХМ

Татьяна Горшунова. Театр. 1991. Собрание УОХМ

Александр ФИЛАТОВ СЦЕНА

Пускай зеркала разбиты,
А души полны ворон, –
Но где-то горят софиты,
И взгляды со всех сторон.
Ты крылья расправь, и птицей
Над сценой своей лети –
И знаешь, нельзя разбиться,
А шоу должно продлиться,
И значит, нельзя уйти...
Земные дела вершите,
Скрепя болевой порог,
Но если вас выбрал зритель,
То значит вас любит Бог.
Пусть счастливы будут двое,
И вечно продлится бал,
Лишь сцена сердца умоет,
А занавес все укроет,
И с небом сомкнется зал!..

Александр ФИЛАТОВ

СЛОВО

Я не пишу стихов, что все хотят,
И не пишу лишь потому, что «надо»:
Формальность чувств и мыслей – это яд,
А озаренье – капля. Миг... Награда,
Которая приходит невзначай, –
Ты только запиши ее в тетрадку:
Пускай остынет в кружке черный чай,
Не вправе ты забыть свою догадку...
Профессии на свете нет – «поэт»,
Ну разве что антенна для приема?
Мишень готова сделать рикошет,
В прицеле – жизнь, на вылете – лишь слово...

Алексей Соколов. Художник и солнце. 1989

Мария Андропова. На озере. 1983. Собрание УОХМ

Александр ФИЛАТОВ

РЕКА

Сырость. Холодные ночи стоят.
В дымке – прощания клёкот.
Вновь под рулады осенних сонат
Стала река одинокой.
Только что жизнь здесь кипела вовсю,
Весла ломая и крылья,
С осенью стылой в неравном бою
Ставши вчерашнею былью.
Крики утихли, на глади воды
Нынче ни лодок, ни уток,
И на ветвях, от мороза седых,
Зарится новое утро...
Мир опустел. Нет недавней гульбы,
Детского смеха потоков.
Снится ей лето, его не забыть –
Стала река одинокой...

ОСЕННЕЕ СОЗВУЧИЕ

Фото Александра Цыганкова

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Памяти поэта
Александра Дмитриевича Лайкова
(16.02.1953 – 7.09.2021)

Александр ЛАЙКОВ

* * *

А. Чеснокову

Я в прошлом столетии
печь затопил –
Завыла чугунная вьюшка!
Дымком потянуло
до самых стропил,
И брагой заполнилась кружка.
А угли с шипеньем
стреляли к ногам,
Как брызги ядрёной вишнёвки!
И, босый, молился
с похмелья снегам
Кудрявый поэт из Теньковки.
Замёрзнешь, дружище!
Ступай-ка ты в дом,
Согрей свою душу и тело...
Опять по России раздор и содом,
И тьма бесенят налетела.
Но рано нам мерить
Терновый венок,
Обжегшись о холодность мира:

За нами – Россия!
Языков и Блок,
И Пушкина звонкая лира!
Подкинем поленьев,
чтоб дым к небесам,
Чтоб в стужу запели капели!
А утром поклонимся
древним местам,
Где вечнозелёные ели.
А самая старшая память хранит
О встрече друзей достоверно.
...Истлеют дискетки
и рухнет гранит,
Одно только Слово – бессмертно!
Ты слышишь, дружище,
певучую речь?
Не все ещё песни допеты!
Кудрявый потомок
затопит нам печь,
Чтоб в круг собирались поэты!

* * *

Я каждый миг ликую и скорблю,
И устаю, как все, к исходу дня...
Шум города и шорох звёзд ловлю,
И вечность протекает сквозь меня.
Я – человек! И смертен на земле
Смеюсь и горько плачу, боль тая,
Что растворюсь однажды в звёздной мгле,
Забрав с собой частицу бытия.

Раиса КАШКИРОВА

АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ

*Веют в сердце холодные вьюги,
боль душевную враз не унять.
Если мы прорастаем друг в друге,
Нам непросто друга терять...*

Р. К.

Немыслимая утрата. Мы проводили в последний путь Александра Дмитриевича Лайкова.

Столько статей Александр написал про писателей Ульяновской области!

Талант поэта и журналиста не давал ему покоя и служил во благо ульяновской литературе, ульяновскому Союзу писателей России, родным местам, которые он так любил и воспевал.

Вместе с ним мы трудились над сборником «Симбирская пристань», Саша часто делал подборки, рассылал в толстые литературные журналы, писал замечательные стихи, ездил по области с выступлениями, занимался общественной работой, все время оставаясь на посту, помогал Ольге Шейпак, Илье Таранову, Ольге Дарановой, Елене Кувшинниковой... всем нам.

Будучи простым и невероятно добродушным человеком, частенько изображал строгость, а сам балагурил в чате... Очень любил свою семью, супругу Наталию, гордился внуками... От него исходила мягкая, тёплая аура. Я испытываю ощущение, что какие-то краски нашего литературного содружества навсегда исчезнут с уходом Александра Лайкова, ведь он – день за днём, незаметно, непритязательно – исполнял работу общего ангела-хранителя. Так бывает. Мы быстро привыкаем к хорошему и замечаем его только тогда, когда оно уходит из нашей жизни...

Светлая память тебе, Саша!

Светлая память!

Вечное небо поэту...

Александр ТИМАКОВ

* * *

А. Лайкову

Погода холодает на глазах...
Но кто ответит, как могла природа
Ошеломить нелепостью ухода
И опечалить думой о друзьях...

Они уходят как-то второпях...
Последнего звонка затихли звуки...
И опустить не успеваешь руки,
Как снова слезы горькие в горстях...

Не думая со скорбью о вестях,
Я всех вас вспоминаю поминутно,
Мои друзья, вы для меня как-будто
Угасшие костры в пустых полях...

О них, сынах достойных и мужьях,
В ком неизбежен вечный дух бунтарский,
Мне не забыть! Ненастным днем сентябрьским
Приходит осень с думой о друзьях...

13.09.2021

Илья ТАРАНОВ*Памяти друга Александра Лайкова*

Бурлит волна, терзает берега,
 Зовёт меня поговорить о бренном.
 Но жизнь её на воле не долга:
 Взметнётся и угаснет в шуме пенном.
 Так и поэт! Взлетит над суетой,
 Поманит ввысь строкою смелой
 И сам уйдёт вдогонку за волной,
 Оставив лист бумаги белой.
 Возможно, зрела новая строка
 О горечи в душе и о судьбе России...
 Застыло небо, дрогнула рука,
 Волна отхлынула, ревя в бессилии.
 Смотрю на море – нрав его суров;
 Ему бы я излил покорно душу.
 Но морю не понять волненья слов,
 Когда его терзает мысль о суше.
 Смотрю на чайку среди бездны вод:
 Пари, поэт! Привольно и беспечно!
 Гудит, дымит бумажный теплоход,
 Страницами отматывая вечность!

Галина АНИСИМОВА**САШЕ**

Что-то не читается, что-то мне не пишется,
 Лишь грустится-плачется, в горле стылый ком...
 Иногда знакомое «Как дела?» послышится,
 но «ошиблись адресом» – номер незнаком.
 А знакомый номер – твой –
 стал вне зоны действия,
 имя – просто памятью, точками – штрихи...
 Твой уход негаданный
 стал стихийным бедствием.
 А когда-то звали так мы твои стихи...
 Рвали душу образы, рифмы и... метания
 Ты писал, как чувствовал – страху вопреки...
 Боль, печаль, бессилие, поиски, скитания
 серебром украсили тёмные виски...
 Ты теперь находишься в мире, нам неведомом.
 Там другие правила, свой закон, устав...
 Но вернёшься сказками, сагами и ведами.
 Ты ушёл нечаянно. Просто жить устав...

12.09.2021

*Писатели: А. Жданов, А. Белова, А. Лайков,
 И. Таранов, Н. Ларионов*

Анатолий ШУТЫЙ

* * *

Часто я пишу на дни рожденья,
 А на дни кончины не привык.
 Я хотел бы попросить прощенья...
 Но туда не долетает крик.

Черных дней холодному накату
 Противостоять бы... недосуг.
 Покатились планы по закату –
 Колесница вырвалась из рук!

Были лиры выверены струны,
 И листьями был завален стол...
 Кто же знал, что колесо Фортуны
 В этот раз заденет Суходол...

Где ж твой воробей?.. Его не видно.
 Только так же тихо молвит плёс...
 Что-то непонятно и обидно –
 Будто нет ответа на вопрос.

Верно, Там нужны поэты тоже.
 Пусть Господь дает тебе покров.
 Мы период этот подытожим,
 Будем жить и скажем много слов.

Только улыбнуться так не сможем,
 И писать, как наш... Поэт Лайков.

08.09.2021

Лидия СТЕПАНОВА

* * *

Памяти Александра Лайкова

Как же хрупок сосуд этой жизни!
 Как тонка эта ниточка-жизнь!
 Вдруг в мгновение ока - и тризна,
 И внезапно всё катится вниз.
 Все заботы земные и планы,-
 То, что было так важно вчера,
 Станет лишь бесполезным туманом,
 Что развеют наутро ветра.

И застынут друзья в удивленье –
 Так внезапно! Не верится! Нет!
 Лишь вчера он с таким упоением
 Нам читал свой удачный сонет.
 Лишь вчера мы смеялись беспечно
 Над его каламбуром опять.
 Лишь вчера так тепло и сердечно
 О жене он сумел написать.

Как же хрупок сосуд этой жизни!
 Вот еще одного больше нет.
 Он писал о любви и Отчизне,
 Был он лирик и тонкий поэт.
 Постигая связь истин и смыслов,
 Он Поэзии рыцарем был
 И оставил нам чувства и мысли,
 Что в стихах навсегда поселил.

*Евгений Ларин и Александр Лайков***Нина КОВАЛЕНКО**

* * *

Невозможно поверить, так трудно принять!
 Над Икрянкою ветер грустно затих...
 Твое теплое сердце способно обнять
 Было всех, кто встречался тебе на пути.
 Ту улыбку добрейшую нам не забыть.
 Когда ты к микрофону читать выходил...
 Твое кредо – Любовь, и она будет жить
 В твоих светлых стихах, что ты нам подарил!

Ольга ДАРАНОВА

* * *

Облака, как брызги акварели,
 На холсте задумчивых небес.
 И витает дух сырой сирени
 Над фатой молоденьких невест.
 Бьёт фонтан Симбирского разлива
 На любовь и счастье молодым.
 Но плывёт на Каспий сиротливо
 Одиноких теплоходов дым.
 Я давно в Ульяновск врос корнями,
 Здесь мои друзья, семья и дом...
 Отчего мне снится свист моряны,
 Шорох волн и вёсел за окном?
 Я наполнен горечью полыни,
 Соком вишен, плотью огурцов...
 А когда трещат дрова в камине,
 Слышу хруст медовых леденцов.
 Фонари, как ягоды калины,
 Город рассыпает ночью вновь,
 А в Икряном – бакен у залива,
 Ветряки и первая любовь.
 Чайки кружат на просторе синем
 Над высокой волжскою волной...
 Здесь, на главной улице России,
 Я живу – волжанин коренной.

Мария ШАКУН

* * *

Смерти нет...
 Для тебя
 Нет губительной тени
 Увядания, горечи, небытия.
 Просто минуло время былого цветенья,
 Где и юность, и радость, и доблесть твоя.
 Время жатвы трудов настает, остужая,
 Оставляя прогалы седого жнивья,
 Жизнь идет...
 Оттого средь её урожая
 Ныне зрелость, и мудрость, и память твоя.

Николай МАРЯНИН, поэт и краевед.

КОСМИЧЕСКИЙ ПРИШЕЛЕЦ

Перестало биться доброе сердце Александра Лайкова – неожиданно, больно, несправедливо. Словно кропотливый алхимик, он настойчиво искал философский камень поэзии, и ему, без сомнения, удалось создать в этом божественном ремесле свою «третьяковскую галерею» незабываемых образов. Поэта следует поминать стихами, и мне вспомнились несколько связанных с Сашей поэтических историй...

До сих пор храню дома подшивку «Ульяновского комсомольца» за 1987 год, где я тогда работал редактором газеты. Здесь мы впервые и встретились с Сашей Лайковым, когда он принёс в редакцию свои стихи. Гляжу на фотографию в газете: молодой, стройный, подтянутый, в модном клетчатом пиджаке. А в общении – открытый и добродушный, с неизменной улыбкой на лице. Таким он и оставался для меня всю жизнь... В той давней поэтической подборке, опубликованной в «Литературной гостиной» областной молодёжной газеты, нашёл стихотворение, которое ещё тогда запало мне в душу, но оно почему-то не вошло позже ни в одну из книг Александра Лайкова:

Хлопнул ветер распахнутой ставней,
Луч в окошке мигнул и погас...
Мы проснулись с прекрасной Натальей
В жаркой комнатке, в светлый час!
Треск поленьев. Шипенье оладьев.
Звон отцовской пилы со двора...
Входит мама в наглаженном платье:
– Как спалось вам? Вставайте. Пора!
Сядем в горнице, предков помянем,
Погрустим над короткой судьбой.
И любимую песню затынем:
«По Дону гуляет казак молодой...»
И тогда в неизбывной печали
Я замечу, как выросли мы:
Наших мам и отцов увенчали
Белоснежные шапки зимы.

Через несколько лет я вёл литературную страницу уже в газете «Град Симбирск», и Саша приносил сюда свои новые стихи. А также подарил первые поэтические сборники: «Из пепла и света» (1993) и «Подкова в золе» (1995). В автографе первой книжки он пожелал мне «оптимизма в наше нервно-паралитическое время», а во второй – «острого боевого пера и горячего коня». Я в шутку называл его космическим пришельцем, приземлившимся однажды в районе Астрахани и умело затерявшимся на стройках Ульяновска.

Без чувства юмора в то время жить было сложно. В 1998-м, когда мы вместе с Сашей работали в областном корпункте, чуть ли не вся страна получала зарплату не вовремя, и нас это тоже касалось. В конце декабря, когда мы в журналистском кругу собрались отметить наступающий праздник, я прочитал по этому поводу «Новогодние страдания по

Александр Лайков
(фото из газеты «Ульяновский комсомолец», 1 августа 1987 г.)

зарплате», где и моему другу было отведено несколько строк:

...И к Лайкову Саше тоже
Не идёт никак трансферт:
Сердце щемит, дрожь по коже –
И таблетки на десерт.
Ведь «Рабочая трибуна»
Гонораром не спасёт,
Изменила вдруг фортуна,
И под ложечкой сосёт.
Правда, Саша, в некоем роде,
Наплевал на докторов:
Водку на автозаводе
Так хлестал, что будь здоров!

Дни рождения в корпункте тоже отмечались за шумным столом. У меня была традиция поздравлять коллег биографическими балладами, написанными с иронией и лёгким юмором. Саша Лайков родился 16 февраля, и к этому дню 1999 года я перевёл с греческого и древнерусского его имя, отчество и фамилию, в результате чего получился «чем-то недовольный защитник людей, олицетворяющий плодородие». На эту тему вместо тоста и родилось

тогда стихотворение «С чего в этой жизни довольному быть?»:

В год Белой Змеи под звездой Водолея
Тащило парами Зелёного Змея,
А в рыбном краю прикаспийских песков
Явился на свет Александр Лайков...
Февраль заморозил село Икряное,
Сковал всё живое и всё неживое,
Всю Волгу стремясь подо льдом загубить...
С чего тут ребёнку довольному быть?!
Он вырос в эпоху сплошной кукурузы,
Но ел ежедневно икру и арбузы,
Поэтому, видимо, в душу его
Поэзия вдула своё естество...
Писал он про то, что природу мы губим,
Что сами себя и кланём, и не любим,
Да и не научимся, видно, любить...
С чего тут поэту довольному быть?
Сорвал с себя Саша духовные цепи
И кинул навек астраханские степи:
К симбирским проспектам позвал его клич,
Где жил тоже всем недовольный Ильич.
И вот уже ленинцы снова и снова
На стройках Ульяновска видят Лайкова:
Слагает он летопись жизни страны,
А не протирает в прорабской штаны.
И плещет из Саши энергия духа,
Да только на стройке – бардак и разруха,
К тому ж перестали зарплату платить:
С чего журналисту довольному быть?
Защитник людей годы жизни итожит:
Себя защитить – да и то уж не может,
Куда ж ты, Россия, нас всех завела?
Грабительски вылезла из-за угла
И ножик приставила к Сашиной шее...
Он мчится в объятья корпункта скорее,
И вот уж крутых информаций табун
Диктует в столицу рабочий трибун.
Да только и здесь – криминал да стихи,
И век плодородия кончен в России,
И мучит хандра, волком хочется выть...
С чего тут трибуну довольному быть?
Уже вся Россия брюзжит на судьбину,
И крутит её, словно волжскую льдину,
Того и гляди, что утащит на дно –
Останется мокрое место одно!
Лишь ярким цветком в тёмном царстве пырея –
Тот день февраля под звездой Водолея,
Где льются сто сорок четыре струи
Зелёного Змея в год Белой Змеи,
Когда можно крикнуть в порыве героизма:
Долой все брюзжания и недовольства!
И пусть аромат плодородных полей
Наполнит бокалы всех добрых людей
Во здравие, в честь и во славу поэта:
Сегодня не грех и напиться за это!
Чтоб хоть на денёк всем нутром ощутить,
С чего в этой жизни довольному быть?!

Через год в феврале всю страну вдруг охватило новое сумасшествие – день святого Валентина, праздник всех влюблённых. Меня это сильно раздосадовало, и когда через пару дней мы собрались в корпункте отметить день рождения коллеги и друга, я предложил в честь Лайкова создать в стране «День святого Александра»:

У нас в России каждая скотина,
Смирив патриотический синдром,
Ликует в день святого Валентина,
Распятого когда-то за бугром...
Но предсказала мудрая Кассандра,
Прочла у Нострадамуса она,
Что будет день святого Александра
Отныне шумно праздновать страна.
Чужого дядю он затмит всецело,
Огонь в очах у Сашки тоже есть,
Осталось лишь его святое тело –
Распять, а может, даже и раз шесть!
А в остальном – он лучше иностранцев,
У них же ничего святого нет,
И потому так много самозванцев
Среди братвы вошло в авторитет.
Придумают же: праздник всех влюблённых...
Да наш святой в пылу любви таков,
Что тащит ураганом чувств ядрёных
От каждой строчки Сашкиных стихов!
На пару дней лишь дату передвинем –
И будет наш, российский день любви...
А Валентина мы, конечно, кинем,
Нашёлся и получше визави!
А заодно пора нам, россияне,
Ещё одну нелепость устранить:
Придумал кто-то, видимо, по пьяне,
День армии с мужским объединить...
Защитницам Отечества обидно,
Что всё вниманье – только мужикам,
И радоваться как-то несолидно
Под взрывы и военный тарарам.
Как будто кроме армии и флота
Во всей России нету ничего...
А так ведь людям в этот день охота
Напиться за живое естество!
К тому ж всё та же шустрая Кассандра
Бурлит своим пророчеством в крови:
Да, будет в день святого Александра
Мужской международный день любви!
Неделькой раньше – это не причина,
Чтоб кто-то предсказанью помешал...
И вообще, наш Сашка, как мужчина,
По всем статьям почти что идеал:
Застенчив в меру, смел, но не распутен,
Игрив, настойчив, но не ловелас...
Вот станет президентом В.В. Путин,
И сразу же подпишет свой указ:
Чтоб каждый год на день святого Сашки
По всей России мы, без дураков,
Могли законно вмазать по рюмашке
За всех влюблённых русских мужиков!
Корпункт в 2001 году закрыли, и мы разбежались кто куда, встречаясь лишь на литературных ту-совках, собраниях, в творческих поездках и на писательских юбилеях. В 2011-м у Саши вышел сборник стихов «Зимородок», и в автографе подаренной мне книги он пожелал «от собрата по перу творческих удач». Время неумолимо, и в 2013 году мы собрались на очередной юбилей Александра Лайкова – ему исполнилось 60 лет. Как раз накануне, 15 февраля, в озеро Чебаркуль Челябинской области упал большой метеорит, и я понял, что это знак свыше, в очередной раз поведаяв собравшимся на юбилей коллегам, что перед нами не просто замечательный поэт, но и «Космический пришелец»:

В поэзию на стыке двух веков
вошёл Лайков не в лайковых перчатках,
а как метеорит влетел Лайков,
весь в радужных небесных отпечатках...
Он в прошлом веке печку затопил,
а поутру нашёл в золе подкову,
которую на счастье прикрепил
гвоздями к поэтическому слову!
И с той поры творения его
живут среди открытий и находок,
он сам от вдохновенья своего
балдеет, как февральский зимородок...
И без друзей практически не пьёт,
а вот с друзьями, медленно хмелея,
свои стихи читать не устаёт
и в будний день, и в блеске юбилея!
Господь его поздравить захотел –
подарок мчался по небу, как пуля,
да жаль, до Волги он не долетел
и растворился в водах Чебаркуля...
Но не привык к унынию поэт,
ведь он и сам космический пришелец:
в стихах устроил свой парад планет
среди земных сумятиц и метелиц!
Лирическую музыку Земли
зарифмовал, в размер загнал сурово,
чтоб люди мира чувствовать могли
небесное космическое слово.

А сам – скромняга, скептик и добряк,
работает в «Ульяновске сегодня»,
и завтра у него всё будет так,
коль в этом воля кроется Господня...
Ведь это ж Он послал ему свой вздох
со скоростью небесного болида,
чтоб был всегда здоров, творил как бог,
и точно помнил, в чём его планида!

В последнюю неделю Саша звонил мне дважды. Сомневался, не слишком ли резко он высказался в ответ на письмо одного местного литератора. Переживал, что не стало нашего доброго товарища, художника Бориса Склярука. А вернувшись из Суходола, сообщил с тревогой, что поел консервов из холодильника и плохо себя чувствует – мутит, и боли в поджелудочной. Я поведал ему нечто похожее из своего опыта, что шутить с этим нельзя и надо вызывать скорую. А через два дня Саши не стало... Как позже выяснилось – он умер не от отравления, это был инфаркт.

Он готовил к изданию очередную книгу своих стихов в надежде отыскать всё-таки философский камень поэзии. Об этом мы и написали с Сергеем Ляминим прощальную песню памяти нашего друга.

Её можно услышать на сайте
<https://www.chitalnya.ru/work/3155691/>

*И. Таранов, Г. Анисимова, Р. Кашкирова, Н. Марянин,
А. Дашко, А. Лайков*

АЛХИМИК СЛОВА

*Памяти
Александра Лайкова*

Начертано свыше поэту
в алхимию Слова войти,
когда он внимает Завету
в начале земного пути.
И выдержав все нареканья
в сумятице прожитых лет,
секрет философского камня
с восторгом откроет поэт.
Но лишь остановит свой взор он
на тайне, что вечность хранит,
нелепой случайности ворон
над ним уже в небе парит...
В высоком стремлении к свету,
где вместо молитвы – стихи,
начертано свыше поэту
страдать за земные грехи.
Смирняя в душе катастрофу,
он примет достойно свой рок,
с улыбкой взойдя на Голгофу
по ямам пронзительных строк.
И ярких элегий мотивы
вослед полетят к облакам,
а слов золотых переливы
алхимик оставит векам!

РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА

*Анатолий ШУТЫЙ, член Союза писателей России,
доктор физико-математических наук.*

ВСЁ ОСТАВИЛО СЛЕД

* * *

Былое уходит, и солнечный зайчик
Вчерашнего дня убежал за леса...
Улыбка исчезла, просохла слеза –
С собою под солнце уносит их значит.

Уносится ветром дыханье твое,
И голос исчез в тишине приходящей,
Теперь настоящей, все время щемящей...
Ни вор, ни пожар, ни ночей воронье,

А реки времен унесли, что дороже:
Тепло от руки, торопливость шагов
И данный от всякого лиха покров...
И я уносимый течением тоже

С минутами счастья, за ними вослед...
Меня здесь все меньше при каждой утрате.
Спешу я за ними не памяти ради –
Отчасти без них и меня больше нет.

За солнечным зайчиком путь ведь не труден –
Минуя метели, к былому теплу...
Глаза лишь закрою – туда я плыву...
И скоро не будет меня среди буден.

* * *

Как будто замерли часы,
Где были мы, ушли откуда.
За гудом лет мы ищем чуда –
Мерцания былой росы...

И в шелесте былого дня
Мы ищем травы прошлых весен –
Закрыв сегодняшнюю осень,
Мы ищем вдалеке себя...

Но прах остался вместо крова,
И там – среди шумящих трасс –
Уже никто не помнит нас,
Лишь мы носители былого.

* * *

Я помню старые дома,
И палисадник, и скамейки,
Лежали для котлов дрова...
Игрушку помню в виде змейки –
Звено в ней в форме чурбачка –
Купила мама – «как живая»!
Еще я помню дурачка –
Дразнили мы, не понимая,
Когда, качаясь взад-вперед,
Он песню пел «Не плачь, девчонка»...
И детства память мне не врет.
И черепашку, и котенка
Я помню... Колокольчик – звон
Его был первым – шаг познанья.
Я помню утро тех времен,
И счастья тихого касанье,
И детскую я помню грусть...
Час переезда вышел горек.
Туда я до сих пор стремлюсь...
Быть может, в следующий вторник?..

* * *

Перевязанной стопкой наследство
Не пришло на спешащий вокзал
Бойкой юности – книжки из детства,
Те, которые папа читал,
От себя добавляя немало
Каждый вечер счастливый, до сна,
Их со мною листала и мама;
Там была еще книга одна –
На четвертый мой годик от деда,
Помню: синяя надпись... но тень –
Мама в черное что-то одета –
Он болел и ушел в этот день;
Были книги про космос, ракеты...
Но на детском совсем языке,
Были сказки про тыкву-карету
И о смелом коньке-горбунке...
Только гордо душа развернулась
На мерцанье далеких зарниц
И умчалась, что свойственно, в юность –
Налегке, без потертых страниц.
А теперь, если б мне их потрогать...
Ариадны нашел бы я нить,
Мира взрослого загнутый коготь
Не сумел бы меня зацепить.

* * *

Как остров среди долгих дней потока,
Мой разговор о нынешнем, былом...
И молча, и бывает шепотком –
Мне никогда не будет одиноко!
Пусть часто без ответа... но без срока!
Без продолжений, даже без начал
Я говорю и с теми, кто далеко,
И с близкими, которых потерял.

* * *

Мне вспоминается порой:
Гуляем с мамой мы меж сосен,
Придет еще не скоро осень,
И небосвод над головой...
Зеленых шишек я в горсти
Несу... по горкам придорожным,
Но с мамой я – ничто не сложно,
Хоть по песчаному пути!
Я помню... Мне лет десять-восемь...
Гуляем мы... не скоро осень...
А до смертей вся жизнь почти.

* * *

Можно выйти во двор
И вернуться обратно,
До морей и до гор
Улетать многократно,

И любимую книгу
Пролистывать снова...
Но подвластное мигу
Не сыщет покрова.

Всё оставило след –
И улыбка, и шаг,
Только в прошлое... нет –
Не вернуться никак.

Нашей памяти стайки
Минут многокрылых
Будто белые чайки,
Но сесть к нам не в силах.

* * *

Фонарь на углу, охраняющий прошлое...
За ним будто мир мною прожитых лет,
И юность моя – всё, что было хорошее...
И можно пройти туда через запрет.

А там черепашка, вокруг одуванчики,
И мама с сестрой моей смотрят кино...
Соседи сидят у подъезда на лавочке...
А папа спросил: «Свет включить? Уж темно»...

Я вижу всё это сквозь веки закрытые –
Открыть же боюсь... и, возможно, не зря.
Прикрытые временем, но незабытые
Уходят минуты за свет фонаря.

Сезоны сменяются в месяцах кружева,
И солнце садится, прошедши зенит,
Фонарь, будто стражник у края минувшего,
Он ставшее вечностью молча хранит.

* * *

Наши близкие как раньше –
И глаза, и те же лица...
В мире Бога нету фальши –
Будет также Сердце биться!

А иначе для чего же
Мы любили и страдали,
Для чего же мир был сложен,
Для чего виднелись дали?!

Не останется на камне,
Что запуталось в ресницах,
И любовь пересекает
Меж мирами все границы.

* * *

Два пса непримиримых, два борца,
Когда встречались вместе у крыльца,
Смотря в упор, чуть прыгали упруго...
Но, если откровенно, то два друга.

Как сцепятся – почти смертельный бой –
Один был черным, белым был другой.
«Соседи вы! А вдруг серьезно ранишь?!» –
Журила их старушка – понимали ж!

Мой прошлый мир –
счастливым помню... бедным...
Был черным пес один, другой был белым.

* * *

Когда на улице бесприютно
И мысли, и взор не найдут пристанища,
Шумы жизни чужой как будто
Коснутся тихонечко, успокаивающе...
Ты вспомнишь, как было давно... когда-то...
И здесь заливались минуты звуками...
Вернутся как будто слова и даты,
Шаги ты услышишь за сердца стуками...
Но голос мальчишки ворвется – дети ж,
Потом пробегут через двор товарищи,
И жизнь чужую ты перекрестишь
Глазами и шепотом – благословляюще.

* * *

Расставаться нам разве ж надо?!
Пусть от памяти в сердце горше...
Наши близкие где-то рядом,
Только мы их не видим больше.

Позабить и предать – едино,
Все равно что захлопнуть двери!
Вместе с ними прошла година,
Не боялись они и терний...

Так же любят они, как раньше,
И страдают за нас, но молча.
Пусть обнимет их память наша
За границами дня и ночи.

Раиса КАШКИРОВА, член правления Ульяновского регионального Союза писателей России и актива димитровградской писательской организации «Слово». Живёт в г. Димитровграде.

МОЯ НИКИТИНКА

*Никитинка! Родимый островок!
Ты мне опять даёшь любовь и силы.
Ты молоком грудным меня вскормила
и мне не просто детство подарила,
а безмятежный жизненный пролог...*

В одном из поэтических блицтурниров нашего, ульяновского, Союза писателей России прозвучала фраза моего коллеги Ильи Таранова о том, что все мы живы прошлым, как бы ни отрицали этого. Зацепили меня его слова и долго не отпустили.

И в свой день рождения я отправилась в солнечный, бережно хранимый в памяти уголок счастливого детства.

Ехала, волнуясь, переживая, и уже на подъезде к Никитинке еле сдерживала нахлынувшие чувства и слёзы. 47 лет назад я покинула эти места! 47 лет ни разу ни побывала там, где солнышко, сиявшее внутри меня ярко и безмятежно, набирало силы для жизненных странствий.

Всё изменилось, всё!

Сгнили и канули в позеленевшую воду речушки Никитинки мостки, с которых братец ловил зеркального карпа, а однажды скинул меня, пятилетнюю, сразу на глубину, одновременно научив плавать. Некогда золотистая песчаная коса безвозвратно заросла буйной зелёной травой, утратив право называться пляжем, которым так гордился прежний совхоз «Культура». Нет больше деревянного моста, по которому я ходила за молоком, неизменно подкармливая на обратном пути прямо из крышечки бидона охранявшую наш амбар кошку. Только лет в восемнадцать осмелилась признаться в этом изумлённым родителям...

Исчезла с лица земли родная одноэтажная школа, а на месте старенького бревенчатого дома, встретившего меня, новорожденную, из Мелекесса ровным теплом голландки и поистине вселенской любовью, стоит крепкое трёхэтажное здание новой школы.

Но ещё по дороге, связав призрачные воспоминания и фото из потерянного домашнего альбома, я увидела Лысую гору – излюбленное место отдыха родителей и других жителей совхоза. А на въезде, по-солдатски охраняя мою Никитинку, по-прежнему высился холм, прежде казавшийся мне могучей горой, где, обласканная тёплыми ветрами и нежным касанием ковыльных колосков, я так любила лежать и мечтать о будущем...

С облегчением нашла белокаменный учительский дом, построенный взамен первого, деревянного, специально для нашей семьи, а рядом – памятник Вечной Славы, возле которого, когда-то оглянувшись и обнаружив, что меня никто не поддерживает за сиденье, впервые свалилась с двухколёсного велосипеда.

И главное! Меня узнали соседи!

Дорога домой

Когда я спросила, помнят ли они семью учителей, живших рядом, бабушка, сидевшая во дворе, охнув, произнесла: «Рая?!»

И небеса вновь обрушились на меня потоком воспоминаний!

Я услышала, что **мама** была замечательным учителем физики и математики – строгим, справедливым и настойчивым, а папу, который проработал в «культуре» без малого 13 лет директором средней школы, очень любили за его человеческие качества.

Мама и я в старой никитинской школе

Соседки сообщили, что все эти годы моя за- кадычная подружка, Людка Сафронова, живёт в этом селе и работает продавцом в магазине! Я понеслась в магазин, выяснив на всякий случай домашний адрес подруги. И не напрасно: оказалось, что у Люды выходной. Купила у её сменщицы арбуз и отправилась к Людмиле домой, совершенно не признав в продавщице вторую свою подружку, Ирку Ефёрову. Подозреваю, что в понедельник утром Иринку тоже ждало откровение: Люда, принимая у неё смену, конечно же, рассказала про нашу встречу.

Подойдя к Людкиному дому, с детским восторгом обнаружила на нём номер 13 (а дело было в пятницу, тринадцатого, в мой день рождения, так что для меня тринадцать – число удачи!) и громко позвала подружку, назвав её имя.

«Иду!» – отозвался женский голос из открытого окна. – «Кто там?»

«Рая, Рая Мердеева!» – торжественно объявила я, уже несколько не сомневаясь в том, что эти места помнят меня, любят и ждут – что ещё нужно для счастья?

Людка вихрем вылетела на крыльцо и случились жаркие объятия – со смехом и почему-то совершенно без слёз.

Она затащила меня в дом, а мой супруг и его тётушка, любитель поездок и неутомимый искатель новых впечатлений, деликатно отказавшись войти, остались на улице.

Муж, подсмеиваясь слегка, рассказывал мне потом, что тётя Валя несколько раз беспокойно спрашивала его: «Кто это? Кто это так смеётся?.. Неужели Рая?!»

Мы не пили чай, ничего не пили, мы смотрели старые фотографии, обнимались и говорили, говорили, с невероятной скоростью сокращая пропасть лет, лежавшую между нами, и мгновенно вживаясь в жизненные обстоятельства друг друга.

Людка сочувственно спросила: «Помнишь, как ты плакала, когда уезжала?»

А я ответила, что это село, холмы его и овраги, промызганные нами, несмотря на запреты родителей, вдоль и поперёк, и она сама, моя Людка, снились мне долгие годы...

Сначала, пребывая в состоянии полнейшего восхищения и блаженства, я никак не могла понять, что именно вернула мне встреча с малой родиной... **Но днём позже, открыв старый семейный альбом, я внезапно осознала: я в этой жизни не приёмная, у меня есть свои корни, свои, выжженные солнцем, но родные до боли степи и ковыльные холмы, свои родные души, которые никто и никогда больше не сможет у меня отнять.**

Словно в мозаику моей жизни наконец-то легли некогда утерянные пазлы, а вместо сердечного «протеза», застывшего в груди после смерти папы и мамы, вновь застучало живое и такое горячее, уязвимое для слёз и открытое счастьем сердце...

На прощание Люда, ойкнув, побежала за ручкой и листочком, чтобы написать мне номер своего Ватсапа, и радостно сообщила, что в Димитровграде она бывает «чуть ли не каждый месяц».

Людмила Сафронова и Раиса Кашикирова

В ответ я написала свой. Забрала листочек с номером, легкомысленно отмахнувшись от предложения мужа сразу сохранить данные в телефоне...

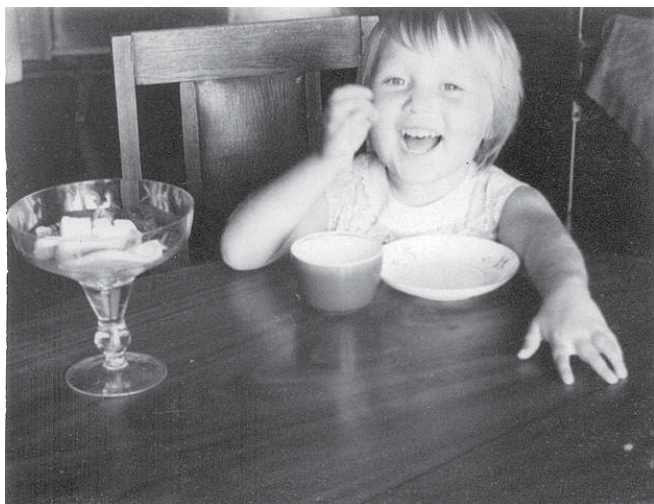
И только на подъезде к Мелекессу развернула записку.

В ней моей рукой была нарисована солнечная рожица и стоял мой номер телефона...

ЛИСТАЯ НЕДОПИСАННУЮ ПОВЕСТЬ

Листаю недописанную повесть, в которой, нити детства оборвав, во весь опор несётся жизни поезд, на станциях меняя свой состав. Вагоны разноцветных впечатлений, родных и близких образов, потерь, неожиданных связей и приобретений, имеющих значение теперь. Над суетливым поездом – надмирно – легчайший шлейф неуловимых снов, где тает в нежном облаке зефирном придуманная девочкой любовь. Зелёные овраги спят в долине среди нещадно выжженных степей – всё нереальным кажется мне ныне среди земных страстей и скоростей. И вдруг – толчок, вне плана остановка, в сердечном ритме сбой, сошли с пути! И всё, что было ранее неловко, сейчас легко в сторонку отмести! Почти запараллелено пространство – на станции «бессрочно» выход мой! Среди глав страданий, поисков и странствий открыт почти забытый путь домой. Как в давнем сне, плывут сухие степи, просторы из непаханных земель и лысых гор... И ветер мягко треплет знакомую ковыльную постель. Я в детстве. Вот потерянные пазлы мозаичной картины Бытия. Такое счастье не приходит дважды И может испытать его не каждый...

Но повесть не дописана моя...

Маленькая РА

ПОЧЕМУ МЕНЯ ЗОВУТ НЕ СВЕТА

Почему меня зовут не Света?
Думала всё детство я про это.
Хорошо быть Светой... В корне «свет» –
свет от солнца и других планет
и сиянье самых ярких звёзд...

Солнце обеспечивает рост,
лучиком сквозит через окошко,
греет и щекочет мне ладошку.
Я жары ни капли не боюсь
и сама, как солнышко, свечусь.
Все смеялись – не случится чудо,
Светкой звать тебя уже не будут!
Я смирилась. Но однажды вдруг
мне сказал один хороший друг:
«Ты не обижайся, дорогая,
но тебя зовут совсем не Рая,
на востоке солнце – это РА...
Ты же Света, солнышко...»
Ура!!!
Помню, как сейчас, мгновенья эти:
я счастливей всех детей на свете!
Оказалось, Рая – это свет
солнца, счастья, радостных побед,
свет от самых дальних ярких звёзд...
Замысел Всевышнего так прост...
Не беда, что Светою не стала,
главное, что свет в себе искала.
Вот они – пассажи бытия.
РА-я значит солнце – это я.

ПРИЗ ЗА ПОДПИСКУ

Приз за подписку на литературный журнал «Симбирскъ» недавно вручен Светлане Витальевне Зазимко из Димитровграда.

Светлана Зазимко – поэт, член Союза писателей России, а еще – постоянный подписчик журнала.

Приз от издательского дома «Ульяновская правда» вручила главный редактор журнала «Симбирскъ» Елена Кувшинникова.

Светлана Витальевна Зазимко руководит клубом любителей поэзии «Эхо» при Димитровградском дворце книги. На встречах не только рассказывает о замечательных поэтах, но и проводит обзоры новых выпусков нашего журнала.

Благодарим Светлану Витальевну Зазимко – автора, читателя, подписчика журнала «Симбирскъ». И поздравляем с приятным событием!

*Дмитрий САВЕЛЬЕВ, протоиерей, настоятель Богоявленского храма
с. Прислониха.*

И СНОВА О ЧТЕНИИ

Разговор о чтении, состоявшийся 12 августа в литературной студии «Восьмерка» в библиотеке №8, не оставил меня равнодушным. Понятно, что в широком общественном смысле обсуждаемой проблемы чтение имеет глобальное значение. Общество читающее и общество, совсем не читающее – это два совершенно разных общества, кардинальным образом отличающиеся друг от друга.

Но и общества читающие тоже могут быть очень неодинаковыми. Как мне показалось, внутренней пружиной, давшей обсуждению свою энергию, было очень ясное ощущение различия практик чтения в нашей стране до 1991 года и после пересечения этого рубежа. Именно этим ощущением были вызваны настойчивые вопросы друг к другу: что и как мы читали раньше и что и как мы читаем сейчас. Участники разговора обращались к читательскому опыту друг друга, стараясь отразить произошедшие изменения. Поэтому на повестку дня как бы сами собой встали вопросы о мотивации чтения и о смысле его для нашей частной жизни. Пытаясь осознать, что изменилось в нас самих, мы тем самым старались понять изменения, произошедшие в окружающем нас мире. Поскольку мне обычно приятнее больше слушать, чем высказываться, я старался не особенно часто прерывать нить разговора своими эмоциональными всплесками. Но разговор закончился, а эмоциональные всплески остались. Хочется бросить несколько слов вдогонку, пока не улеглись и не остыли вызванные разговором мысли. Поэтому попробую предложить собственное суждение на заданную тему. Не претендую на конечные обобщения и тем более на абсолютную истину. Это только мои мысли и только мой опыт. Но может быть, кому-нибудь будет интересно.

Итак...

ЗАЧЕМ МЫ ЧИТАЕМ

В детстве вообще не возникало такого вопроса. Читать нас учили взрослые. Чтение было важным элементом нашей социализации. Человек неграмотный или не читающий выпадал из своего круга читающих людей. Наверное, где-то далеко от меня существовали и общества, совсем не читающие, но мне в детстве такие не попадались. Семья, детский сад, школа, вуз, родственники, знакомые – для всех окружающих чтение было неотъемлемой частью жизни, о необходимости которой никто толком и не говорил. Примерно так же, как никто не говорил о необходимости учиться ходить. Хочешь жить как все и иметь в жизни некоторую степень свободы – ходи! Не хочешь ходить – сиди и пользуйся крохами с пиршественного стола жизни. Понятно, что мне хотелось жить и получать от жизни все причитающиеся блага и радости.

Со временем чтение стало приносить удовольствие и вызывать интерес. Но этот интерес, ощущаемый как мой собственный и ничей другой, все-таки, как я теперь догадываюсь, был пересажан в меня извне. Не могу сказать, что сыграло в этом более важную роль – влияние среды, воспитательные усилия родителей или объективная ценность и содержательность читаемых книг. Но все произошло совершенно незаметно, помимо моей воли, в точности по схеме классиков марксизма: производство рождает потребление, потребление порождает и формирует потребности. И эти потребности не замедлили возникнуть.

Чтение стало развлечением, отдушиной среди других сторон жизни, порой отягощающих душу своей обязательностью, и, понятное дело, отвлечением от этих обязательных нагрузок. Я стал читать, отлынивая от домашних обязанностей, потом осмелился читать на уроках, пряча книжку в парте. Учителя, конечно, знали об этом и иногда возмущались. Но у них хватало хлопот с другими учениками, а я учился хорошо и не доставлял им никаких проблем. Поэтому они больше терпели, чем боролись.

Про потребность невозможно сказать, зачем она нам дана. Хочется есть, и мы едим. Хочется пить – пьем. Захотелось размяться – идем гулять. Ощущаем сенсорный голод – ищем новых впечатлений. Захотелось пищи для ума – читаем. Впоследствии для определения этой потребности в чтении нашлись красивые слова: «духовная пища», «духовный голод». Когда в школе проходили стихотворение Пушкина «Пророк», первая строчка мгновенно стала для меня прекрасной формой выражения моего собственного жизненного опыта. «Духовной жаждой томим» – это значит давно ничего интересного не читал.

ПОЛЬЗА И ВРЕД ЧТЕНИЯ

Как и все остальное в жизни, чтение накладывает отпечаток на характер и в целом на душу человека. Чтение погружает нас в чей-то реальный или воображаемый жизненный опыт, что серьезно расширяет наши внутренние горизонты. У нас внутри элементарно оказывается больше материала для сравнения и размышлений, больше примеров на разные случаи жизни. Причем этот чужой опыт предоставляется нам не «в сыром виде», как в собственной

повседневной жизни, а очень хорошо обработанным в творческой лаборатории писателей. Мастера духовной кулинарии на своих писательских кухнях очистили сырье жизненных впечатлений и фактов от всего лишнего, потом долго жарили и парили их на огне творческих печек, чтобы сделать более съедобными для наших слабых умов. Полученные таким образом полуфабрикаты соединили в какой-нибудь суп или винегрет с единым сюжетом, придали блюду аппетитную форму, набросали специй печали, радости и прочего удивления, а для совсем тупых и неразборчивых развесили в разных местах этикетки морали и авторских комментариев к употребляемому блюду.

Упакованный в книгах концентрат смыслов оказывается куда более питательным и привлекательным для умов, чем бедный, порой однообразный и плохо приготовленный собственный жизненный опыт. Читатель научается хорошо читать и разучивается хорошо жить. Типичный образ читателя рисует нам неловкого человека в очках, знающего массу ненужных сведений, но беспомощного в самых простых житейских ситуациях. Это одинокий мечтатель, оторванный от жизни, значительную часть своей жизненной энергии вырабатывающий в обширных глубинах своего непомерно развитого воображения. В этих же непостижимых глубинах его энергия и расходуется на какую-то непонятную, невидимую внешнему наблюдателю работу. Поэтому читатель нередко оказывается плохим собеседником, не способным разделить недостаточно красиво оформленные мысли и чувства окружающих, не очень хорошим другом, нестарательным работником на своей работе. Это все для него лишь внешняя, не очень важная и значительная оболочка жизни, отвлекающая его от истинного бытия в идеальном мире книг. Только с подобными себе путешественниками по вымышленным мирам читатель способен войти в глубокий ментальный контакт и разделить с ними недоступные другим впечатления от совершенных интеллектуальных путешествий и пройденных читательских дорог. Чтение может превратиться в страсть, ничем принципиально не отличающуюся от алкоголизма, наркомании, игромании и прочих злоупотреблений теми или иными радостями жизни. Но если дело не зашло так непоправимо далеко, читатель вполне может адаптироваться в реальном мире и даже приносить в нем некоторую пользу. Он хорошо усваивает новую информацию и может стать посредником между миром общечеловеческого опыта, законсервированного в книгах, и теми людьми, которые нуждаются в крупицах этого опыта для решения конкретных актуальных проблем.

БЫСТРО ИЛИ МЕДЛЕННО

Когда-то в юности я всерьез воспринял лозунг, ставший заголовком популярного журнала: «Знание – сила». Быть сильным хорошо. Силу можно и нужно накапливать. Я старался вместить в себя побольше информации. Совершенно логично и своевременно на глаза попала реклама заочных курсов быстрого чтения. Как и всякая реклама, она обещала легкое и доступное решение моих проблем. Я решил связаться в это сомнительное дело. Больше

полугода штудировал присланный мне учебник, занимался быстрым анализом текстов, отучался от внутреннего проговаривания, медитировал на какую-то индийскую мандалу, шептал соответствующие мантры, тренировался в экзотическом сочетании энергичности и расслабленности внимания. Организаторы курсов были людьми очень хитрыми. Проверку результатов обучения они доверили самим обучающимся, которых несколько месяцев изнурительных тренировок сделали людьми крайне заинтересованными. Мне тоже очень хотелось получить хороший результат от проделанной работы. Поэтому я оказался нестрогим экзаменатором. В конце обучения я милостиво выбрал себе для экзамена книжечку не самого большого формата и с не самым мелким шрифтом. Бегло просмотрев ее, я ответил сам себе на десять обязательных вопросов и решил, что моя новая скорость чтения – 100 страниц в час. Это было меньше обещанного на курсах, но на большее я вряд ли был способен. Осталось похвалить себя за старания и приступить к использованию новых умений.

Следующий год стал контрольным. За это время я успел прочитать таким образом около трехсот книг, тщательно записывая их названия на карточках. Это не очень много, но больше, чем я успевал прочесть в любой прошлый период жизни. Особенно если учесть работу, неожиданно появившихся маленьких детей и тяжелые потрясения в стране. Хуже было то, что, перебирая однажды карточки, я обнаружил, что почти ничего не помню из прочитанного. Названия помню, схемы анализа содержания помню, а самих впечатлений, воспоминаний вкуса и аромата прочитанных книг совершенно не осталось. Но это еще было полбеды. Я еще мог приходить к знакомым и третируют их именами авторов и названиями прочитанных книг. Но потом я попал в зал каталогов Ульяновского дворца книги и обнаружил, что даже в библиотеке небольшого провинциального города содержится несколько сотен тысяч названий. Это было своего рода потрясением. Прикинув примерную продолжительность оставшейся мне части жизни и умножив количество лет на триста, я совсем приуныл. Надежд на энциклопедизм и осведомленность во всех областях совсем не осталось. Стоит ли тогда жертвовать радостями чтения, если от необъятного пирога знаний человечества я все равно смогу откусить лишь ничтожный кусочек?

Из этого мрачного и безнадежного состояния меня опять вывела книжка. На глаза попались воспоминания Д.С.Лихачева. В частности, он рассказывал, что в Санкт-Петербургском университете он посещал семинар по медленному чтению. На этом семинаре под руководством знаменитого профессора студенты полгода читали пушкинского «Медного всадника», тщательно вдумываясь в содержание не только каждого слова, но и связанных с ним ассоциаций. Это было для меня новостью. Оказывается, можно читать не только быстро, но и медленно. При этом точно уже ничего не позабудешь. Я забросил схемы моментального анализа текстов и медитации на мандалу. Тем более что накануне я пришел к православной вере и крестился. А медитации перед мандалой и молитвы перед иконами явно

противоречили друг другу. Впоследствии у меня появилась возможность проверить на практике медленное чтение, описанное Д.С. Лихачевым. Несколько лет я руководил группой по изучению Евангелия, которая собиралась сначала в библиотеке им. С.Т. Аксакова, а потом при кафедральном собрании. Более чем за пять лет еженедельных занятий мы так и не успели прочесть целиком Новый Завет. А я понял, что текст хорошей книги, не говоря уже о Священном Писании, заслуживает долгого и вдумчивого всматривания в детали. И это всматривание производит в душе такой невообразимый объем содержания, который невозможно даже представить при других способах чтения.

Что в итоге? Конечно, я отказался от быстрого чтения, хотя не совсем и не навсегда. Перед прочтением новой книги я могу бегло ее пролистать. Таким поверхностным проглядыванием «вполглаза» я пытаюсь предварительно познакомиться с ее содержанием, а потом уж решить для себя, что с ней делать дальше. Некоторые книги заслуживают спокойного развлекательного чтения, некоторые заставляют подумать над ними подольше, а иные прямо требуют напряженного труда и умственных усилий. Читать быстрее я точно не могу. Скорее, я предпочитаю читать как можно медленнее, если для этого находится время.

Но зато я осознал ограниченность моих возможностей. Мне совершенно точно не стать уже энциклопедически образованным человеком. Лозунг «Знание – сила» оказался не для меня. Но я также не могу поднимать штангу, не могу бегать стометровку и выполнять массу других спортивных упражнений. И ничего, оказывается, можно прожить и без этого.

ДЛЯ СЕБЯ ИЛИ ДЛЯ ДРУГИХ

Говоря о способах чтения, я забыл упомянуть еще об одном обстоятельстве. Мы можем читать книги не только для себя, но и для передачи их содержания другим людям. В тюрьме, в армии, в пионерском лагере, в любом другом коллективе вынужденно соединенных друг с другом людей хорошие рассказчики ценятся и приобретают большой авторитет. В детстве я думал, что прочитать и рассказать книгу – это почти одно и то же. Но в детстве у нас нет внутренних тормозов, а у взрослых людей они почему-то появляются. Вдруг оказывается, что пересказать какую-то книгу так, чтобы привлечь к ней внимание других людей, – это очень сложная задача. Как написано в Псалтири, «прильпе язык гортани моей». Чтобы быть понятым, книгу буквально приходится переводить на другой язык. Переходить с авторского на язык, понятный слушателям.

Моя мама была учителем литературы. Она рассказывала мне, что в слабых классах дети с трудом воспринимают стихотворный текст. Для таких трудных учеников она стала пересказывать «Евгения Онегина» прозой. Не знаю, насколько точно этот прозаический перевод передавал мысли и образы оригинального текста, но другого способа сообщить их ученикам просто не было. В детстве я удивлялся тому, что мама каждое лето перечитывала «Войну и мир», «Отцы и дети», «Преступление и наказание» и прочие произведения школьной программы.

«Зачем ты это делаешь, разве ты их не помнишь почти наизусть?» – спрашивал я маму. «Помню, но я должна оживить их в памяти», – отвечала она. Я, конечно, не соглашался и относил это на счет профессиональной деформации личности (классики марксизма сказали бы об этом: «профессиональный кретинизм»). Но спустя много лет мне самому пришлось начать читать лекции на темы педагогики, философии и религии. Я понял, как трудно рассказать другим людям то, что самому вроде бы совершенно ясно. Понял, как трудно найти нужное выражение, связать мысль с мыслью и при этом не сбиться с намеченного пути рассказа. А в детстве казалось, что стоит только открыть рот, и содержание прочитанного само польется неудержимым потоком. Как написано про Царевну-лебедь в «Сказке о Царе Салтане»:

«А как речь-то говорит,
Словно реченька журчит».

Теперь, готовясь к занятиям, я могу прочитывать главы учебников и фрагменты первоисточников по пять-десять раз. При этом удается каждый раз открывать в них что-то новое и примечательное. И так из года в год. Мама, как ты была права!

НА РОДНОМ ИЛИ НА ИНОСТРАННОМ

В прежнюю эпоху наша страна была очень закрытой и самодостаточной. Мы почти не вступали в контакты с другими народами и государствами. А если вступали, то это делали какие-то специально назначенные и обученные люди. А прочую массу народа эти международные контакты никак не затрагивали. Поэтому уроки иностранного языка в школе носили какой-то ритуальный и символический характер. Разучиваемые там искусственные фразы никак не соединялись с жизнью и были никому не нужны. Примеры из далекого прошлого, когда, скажем, большое количество текста в «Войне и мире» напечатано по-французски, казались нереальной сказкой или чудачеством автора. Но присутствие этих образцов хотя бы в истории как-то напрягало и формировало чувство собственной неполноценности.

Ситуация резко изменилась после перестройки. В составе самодеятельного хора я вдруг оказался в Германии. Самым большим изумлением для меня было то, что вынесенные из школьного курса ритуальные фразы оказались вполне себе живыми и хорошо работали. Когда я говорил простыми предложениями из учебника за 5-й класс – «Я иду гулять» или «Сегодня хорошая погода», – натуральные немцы отлично меня понимали. Я, правда, плохо понимал, что они мне отвечали, но это было уже не так важно. Лед тронулся: иностранный язык оказался не ритуальной тарбарщиной, а чем-то реальным и притягательным.

Я решил выучить язык получше. Для начала приобрел себе томик прозы Пушкина на немецком языке. Подумал, что на русском я эти произведения знаю хорошо, поэтому на немецком тоже как-нибудь разберусь. И тут начались настоящие чудеса. Не сказать, что я не понял содержания. Но на немецком языке это были совершенно другие книги. Герман из «Пиковой дамы» оказался офицером и солдафоном, прямо каким-то штандартенфюрером СС.

Он жил в казарме, вставал по звуку трубы и ходил в караулы. Когда я читал эту повесть по-русски, его солдафонство совершенно не ощущалось. Наоборот, по воспоминаниям сцен из одноименной оперы Чайковского, этот герой казался очень штатским человеком, вдохновенным, порой возвышающимся до высоких лирических нот. То же самое ощущение не оставляло меня при чтении «Капитанской дочки». Куда делась удалая стихийность казаков-разбойников? Разговоры Пугачева со своими товарищами-атаманами стали напоминать заседания военного совета какого-нибудь штаба немецкой армии. А всего-то сменились звучания слов да их порядок в предложениях. Появилась немецкая логика: Объект-субъект-предикат. И знакомая живая жизнь вдруг зазвучала другими голосами, на других инструментах и, кажется, совсем в другой тональности. Я стал подозревать, что знакомые и любимые с детства в русских переводах книги Конан Дойла, Жюль Верна, Вальтера Скотта и Диккенса на самом деле написаны совсем по-другому и рассказывают о чем-то немного другом, и я люблю вовсе не их, а те истории, которые написали вместо этих авторов замечательные переводчики.

СМЕНА ЭПОХ

Осталось только высказаться о том, что изменилось в чтении за последние тридцать лет, с 1991 по 2021 год. Не знаю, кто больше изменился: страна, мы вместе с ней или наше чтение. После окончания школы и института, где я прослушал небольшие курсы русской и зарубежной литературы, казалось, что все литературные горизонты мне уже более или менее известны. Конечно, почти ничего толком еще не прочитано, но, казалось, уж сориентироваться-то в литературной ситуации я более или менее смогу. Оставалось только выписать «Новый мир» и «Юность», читать «Литературную газету», и можно было быть спокойным за собственную современность и осведомленность. Совсем как в песне модной тогда группы «Машина времени»:

«Быстрее чем погода меняется мода,
Попробуй за ней уследи!
Я жил по старинке, я слушал пластинки
И думал, что всех впереди».

Как и у героя песни, мои иллюзии тоже вскоре рассеялись. После перестройки появились книжные развалы. Попав на один такой развал в Москве, я испугался. Меня поразило огромное количество книг и имен авторов, о которых я совершенно ничего не знал. Я даже не догадывался, что все это изобилие может существовать на свете. Я испугался и заблудился. Заблудился физически и умственно. Мой уютный и хорошо обжитый с детства литературный мир рухнул в одночасье. Он рассыпался, оставляя после себя совершенно неизвестные, незнакомые мне дикие и пугающие джунгли. Продавцы наперебой хвалили гениальные книги всемирно известных, как они утверждали, авторов. Я ринулся в эти джунгли очертя голову, как ныряют с закрытыми глазами в неизвестный и опасный океан. Метался от Габриэля Гарсиа Маркеса к Карлосу Кастанеде, от Дейла Карнеги к Карлу Попперу, хватал все, что попадалось под руку.

Постепенно оказалось, что многие авторы, даже отмеченные премиями и признанием мировой публики, мне совершенно не близки. Например, тот же Карнеги сначала заинтересовал своими секретами успеха, а потом вызвал стойкое отвращение удивительно наивной безнравственностью и бесчеловечностью. Вторым открытием стало то, что, несмотря на открывшееся многообразие, лучшие и классические образцы литературы все-таки были нам известны. Конечно, новые имена авторов постоянно открывались. Но их книги оказывались чаще всего не лучше старых знакомых. Например, много было сказано о тайной русской литературе советского периода, о негорящих рукописях, десятилетиями пролежавших в издательских столах и не допущенных к публикации цензурой. Познакомившись с некоторыми из этих шедевров, я подумал, что советская цензура иногда бывала права. На развалах я впервые увидел книги ранее не знакомых мне русских философов: Соловьева и Бердяева, Ильина и Лосева. Но, посмотрев на выходные данные и названия издательств, понял, что при большем старании я вполне мог их найти в советских библиотеках.

Просто я был моложе и ничего про них не знал.

В общем, все возвращается на круги своя. Раньше мы жили возле прекрасного книжного озера. Теперь я ощущаю себя на берегу огромного книжного океана. Я давно понял, что совершенно ничего о нем не знаю и никогда не узнаю чего-то важного и главного. Но в этом состоянии я могу быть подобен Сократу, который почти две с половиной тысячи лет назад сказал примерно то же самое. Это утешает. Когда-то мы имели за душой горсть интеллектуальных монет, а теперь оказались почти совсем нищими. Но, согласно Нагорной проповеди, духовная нищета может ощущаться и как блаженство. Мне никогда не выпить это книжное море, никогда не стать в нем китом, акулой или другой вызывающей уважение рыбой. Но я могу поплавать в нем маленьким карасиком, найти какую-нибудь блестящую жемчужину и порадоваться своей находке.

Жизнь полна неожиданностей. Не исключено, что когда-нибудь в моем читательском мире все опять изменится. Тогда вновь потребуются разговор вроде этого, чтобы осознать происшедшее.

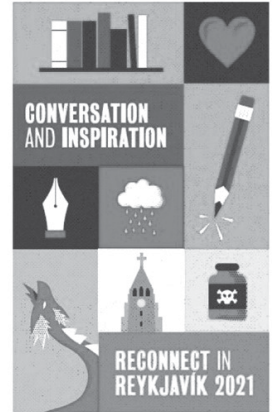

**ULYANOVSK
UNESCO
CITY OF LITERATURE**

УЛЬЯНОВСК – ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГОРОД ЮНЕСКО

Подробности всех новостей
на сайте программы
«Ульяновск – город литературы ЮНЕСКО»
<http://ulyanovskcreativecity.ru>

Reykjavik
Bókmenntaborg
UNESCO
City of Literature

10 ÁRA
2011–2021

КОНФЕРЕНЦИЯ ЛИТЕРАТУРНЫХ ГОРОДОВ ЮНЕСКО

С 6 по 10 сентября Ульяновск принял онлайн-участие в ежегодной конференции литературных городов ЮНЕСКО, которая на этот раз прошла в Рейкьявике (Исландия). Координаторы 39 литературных городов обсудили лучшие практики, специфику организации литературных мероприятий в период пандемии, будущие совместные проекты, а также работу писательских резиденций в новых форматах и другие вопросы. Ульяновск представил новый международный проект The only question, направленный на развитие диалога писателей из литературных городов.

Подробности <http://ulyanovskcreativecity.ru/>

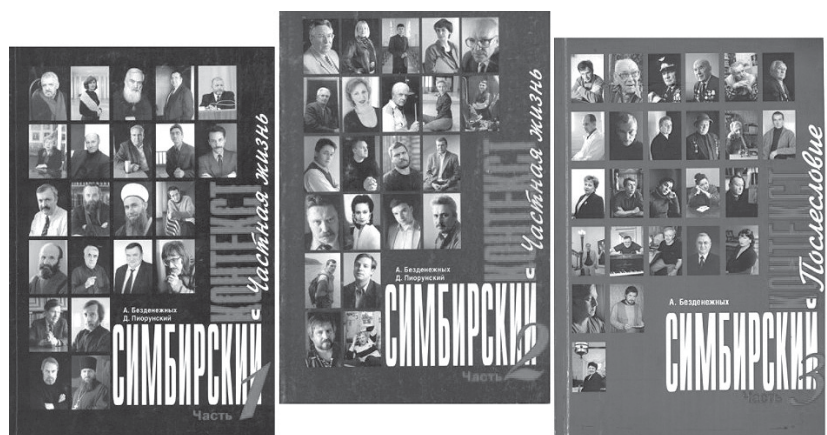
ЛИТЕРАТУРНЫЙ ТРОЛЛЕЙБУС

В сентябре дирекция программы «Ульяновск – литературный город ЮНЕСКО» и Ночная мэрия по случаю Дня города организовали вечерний литературный тур на троллейбусе в Заволжском районе. Пассажиры специального рейса слышали тексты авторов из литературных городов ЮНЕСКО (Манчестер, Одесса, Гранада, Нанкин, Вонджу, Айова, Милан, Данидин, Норидж, Кухмо, Утрехт) в прочтении известных людей города, а также стихотворения ульяновских поэтов.

Подробности <http://ulyanovskcreativecity.ru/>

«СИМБИРСКИЙ КОНТЕКСТ»

Прошло более десяти лет со времени выхода книги ульяновского журналиста и писателя Андрея Безденежных «Симбирский контекст», представляющей собой восемьдесят семь интервью с людьми, каждый из которых являлся яркой личностью, оказывающей влияние на те или иные события жизни Ульяновской области. Прочитать книгу можно онлайн на сайте «Первая роса» <https://www.pervayarosa.com/andrey-bezdenezhnykh-simbirskiy-kontekst/>

ДОСТОЕВСКИЙ ОНЛАЙН

Айова – город литературы ЮНЕСКО в США – организовал проект по онлайн-чтению романа Достоевского «Братья Карамазовы» (на англ. языке). 100 дней книгу будут читать в Фейсбук-группе с комментариями профессора Анны Баркер.

Присоединяйтесь

<https://www.facebook.com/groups/500658247921765/>

ВСТРЕЧА С ПРОФЕССОРОМ САЛЛИ СТОКСДЕЙЛ

В сентябре в коворкинге Literary Hall (Дворец книги) в Ульяновске прошла встреча с профессором Университета Таусона Салли Стоксдейл. На встрече, организованной Библиотекой духовной культуры им. В.В. Розанова, гостя представила книгу «In the Midst of Liberation», в которой история Симбирского края занимает важное место. Участниками встречи стали студенты факультета иностранных языков УлГПУ, сотрудники библиотек, а также кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка, преподаватель Елена Сергеевна Архангельская.

Подробности

<http://ulyanovskcreativecity.ru/>

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОСТАНОВКИ

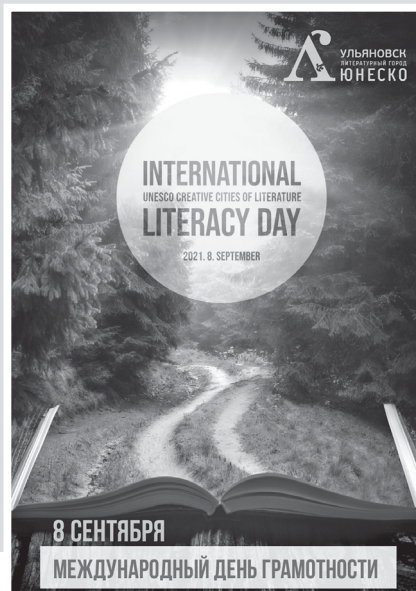
В Ульяновске появились литературные пешеходные переходы и остановки. Предложения горожан по благоустройству города поддержаны в городском конкурсе творческих проектов и инициатив в сфере культуры «Креативный город». Литературные пешеходные переходы расположены вблизи городских библиотек: библиотеки №1 «Мир искусств», библиотеки №4 им. Е.А. Евтушенко, библиотеки №12 им. В.И. Даля, библиотеки №17 «Содружество», детской библиотеки №26. Литературные остановки появились в Железнодорожном районе на улице Кирова, недалеко от модельной Центральной городской библиотеки им. И.А. Гончарова и в Засвияжском районе на улице Терешковой, рядом с библиотекой №4 им. Е.А. Евтушенко.

Подробности <http://ulyanovskcreativecity.ru/>

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДЕНЬ ГРАМОТНОСТИ

Ульяновск традиционно присоединился к серии акций, организованных в литературных городах ЮНЕСКО по случаю Международного дня грамотности, который отмечался 8 сентября. Библиотеки ЦБС провели марафон мероприятий, посвященных цифровой грамотности. Каждый литературный город отметил этот важный день по-своему – от библиотерапии и специальных марафонов до телефонных семинаров и трансляции рэп-видео.

Подробности <http://ulyanovskcreativecity.ru/>

ПОДПИШИСЬ НА
ЛИТЕРАТУРНУЮ
РАССЫЛКУ
УЛЬЯНОВСКА

- » ЛИТАФИША ГОРОДА
- » НОВОСТИ О МЕСТНЫХ АВТОРАХ
- » ИНФОРМАЦИЯ О РЕЗИДЕНЦИЯХ, СТИПЕНДИЯХ, ПРЕМИЯХ
- » НОВОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ РОССИИ И МИРА

ЛИТЕРАТУРНАЯ РАССЫЛКА

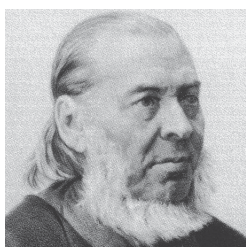
Бесплатная литературная рассылка Writers' Info Point от программы «Ульяновск – город литературы ЮНЕСКО»: анонсы литературных событий города, тексты местных авторов, резиденции, стипендии и премии для писателей, новости литературы, интервью и др.

Для подписки отправьте ваш e-mail на infopoint.ulskcitofliterature@gmail.com

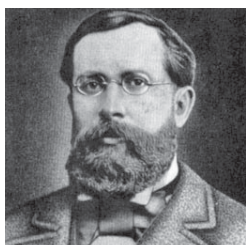

ЮБИЛЕЙНЫЙ
КАЛЕНДАРЬ

ОКТЯБРЬ 2021

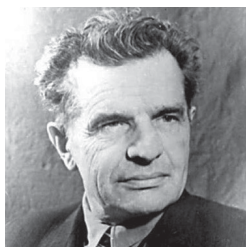
1 октября – 230 лет назад родился писатель **Сергей Тимофеевич Аксаков** (1.10.1791, г. Уфа – 12.05.1859, г. Москва). Учился в Казанском университете. Жил в Петербурге и Москве. Автор сочинений «Записки об ужении рыбы» (1847), «Семейная хроника» (1856), «Детские годы Багрова-внука» (1858), сказки «Аленький цветочек» (1858) и др. Писал стихи. Бывал в Симбирске, с. Чуфарово, Репьёвка, Никольское-на-Черемшане, Вишенка. В с. Аксаково Майнского р-на проходят Аксаковские праздники. Его имя носит областная библиотека для детей и юношества (2007).

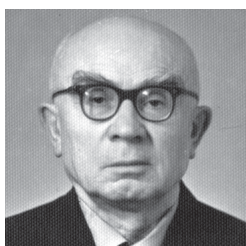
1 октября – 180 лет со дня рождения зоолога, писателя **Модеста Николаевича Богданова** (1.10.1841, с. Русская Бекшанка, ныне Барышского р-на Ульяновской обл. – 16.03.1888, г. С.-Петербург). Окончил Симбирскую классическую гимназию. Был редактором журнала «Охота и коннозаводство». Автор детских книг «Мирские захребетники» (1884), «Из жизни русской природы» (1889); написал рассказы «Карпушкин родник», «Уж и жаба», «Ванька и колдун», «Охота в симбирских садах», «Война сорок с мышами» и др. Его именем названы улица в Ульяновске, библиотека в Барыше.

1 октября – 105 лет назад родился писатель, журналист **Анатолий Иванович Инчин** (1.10.1916, с. Камышлинка, ныне Северного р-на Оренбургской обл. – 17.03.1997, г. Самара). В 1930-х гг. был завучем средней школы и директором вечерней школы в р.п. Радищево. После войны работал учителем в Верхней Мазе. Автор сборников стихов «Ручеёк», «Угадайка», «Облако на ниточке» (1960); книг о войне «Шумят леса Хинельские» (1966), «Пароль – «Победа» (1969), «Круты берега Черноталки» (1990), «Партизанские были» (1995) и др. Член Союза писателей СССР.

2 октября – 125 лет со дня рождения писателя **Фёдора Ивановича Панфёрова** (2.10.1896, ныне р.п. Павловка Ульяновской обл. – 10.09.1960, г. Москва). В 1931–1960 гг. (с перерывами) главный редактор журнала «Октябрь». Автор романов «Бруски» (1937), «Борьба за мир» (1947), «В стране поверженных» (1948), «Большое искусство» (1954); трилогии «Волга-матушка река» (1953, 1958, 1960); повести «Родное прошлое» (1956) и др. Последний раз приезжал в Ульяновск в 1949 году. Лауреат Сталинской премии (1948, 1949). Член Союза писателей СССР (1934).

2 октября – 125 лет назад родился краевед, литературовед **Константин Алексеевич Селиванов** (2.10.1896, с. Карлинское, ныне Майнского р-на Ульяновской обл. – 30.12.1974, г. Москва). Окончил Самарский пединститут (1932). Работал учителем в Карлинском. С 1941 года – директор Карлинской средней школы. Автор книг «Русские писатели в Среднем Поволжье» (1941), «Замечательные места Ульяновской области» (1946), «По литературным местам Ульяновской области» (1958), «Литературные места Ульяновской области» (1969) и др.

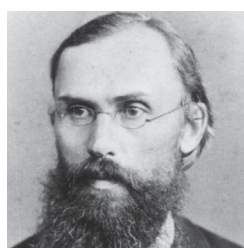
3 октября – 140 лет со дня рождения священнослужителя, автора воспоминаний **Сергея Петровича Петровского** (3.10.1881, с. Анненково, ныне Железнодорожного р-на Ульяновска – 16.01.1933, г. Ульяновск). Окончил Симбирскую духовную семинарию (1903). Служил священником в церкви с. Пятино и с. Карлинское (ныне Инзенского и Майнского р-нов). В конце 1920-х гг. переехал к сыну в Ульяновск. В 1920-х гг. написал свои воспоминания, которые под названием «Незабвенное былое» были опубликованы в журнале «Духовный собеседник» (2002).

4 октября – 60 лет исполняется краеведу **Юрию Владимировичу Крылову** (р. 4.10.1961, г. Сенгилей Ульяновской обл.). Окончил Сенгилеевскую среднюю школу №2 (1979). Работает хранителем фондов Сенгилеевского районного краеведческого музея им. А.И. Солуянова. Соавтор альманаха Сенгилеевского краеведческого музея «Краеведческие записки» (2012–2013, выпуски №2, 3, 4, 5). Автор краеведческого издания «Древний Сенгилей: археологические исследования о прошлом города» (2016). Член Союза краеведов Ульяновской обл.

6 октября – 70-летний юбилей отмечает историк, публицист **Лев Николаевич Лютов** (р. 6.10.1951, с. Тагай Майнского р-на Ульяновской обл.). С 1958 года живёт в Ульяновске. Окончил Саратовский университет (1978). Преподавал историю в УлГПУ имени И.Н. Ульянова (1982–2007). Доктор исторических наук (1998). С 2007 года профессор Ульяновского филиала Президентской академии. Автор книг «Начало НЭПа в провинции. Симбирская губерния в 1921–1923 гг.» (2002), «Симбирское-Ульяновское Поволжье в годы НЭПа» (2005), «Вязь времён: публицистика и не только» (2006) и др.

7 октября – 190 лет со дня рождения очеркиста, этнографа, мемуариста **Сергея Васильевича Максимова** (7.10.1831, с. Парфеньево, ныне Костромской обл. – 16.06.1901, г. С.-Петербург). В 1865 году путешествовал по Волге с артистом И.Ф. Горбуновым и драматургом А.Н. Островским; 27-29 мая провёл в Симбирске; в связи с тем, что ранее уже бывал в городе, показал товарищам Венец, памятник Карамзину, дом Языкова. Автор книг «Тюрьма и ссылка» (1862), «Лесная глушь» (1871), «Сибирь и каторга» (1871), «Бродячая Русь Христа ради» (1877) и др.

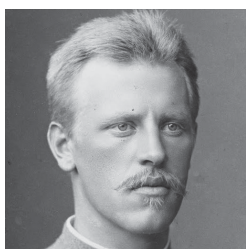
7 октября – 175 лет назад родился прозаик, журналист **Николай Константинович Лебедев**, псевдоним – Н. Морской (7.10.1846, по др. сведениям 8.10.1845, г. Симбирск – 11.04.1888, г. С.-Петербург). Сын учителя словесности Симбирской гимназии. Окончил Петербургский университет (1871). Публиковался в журнале «Нива». Автор романов «Аристократия Гостиного двора» (1878), «Содом» (1880), «Купленное счастье» (1880), «Бароцейская королева» (1883), «Калиф на час» (1884); книги рассказов «О детях не для детей» (1883) и др.

7 октября – 55 лет исполняется писателю **Андрею Валерьевичу Геласимову** (р. 7.10.1966, г. Иркутск). Окончил Якутский университет (1987). Преподаёт в Литературном институте имени А.М. Горького в Москве. Автор повестей и романов «Жажда» (2002), «Год обмана» (2003), «Рахиль» (2003), «Степные боги» (2008), «Холод» (2015), «Роза ветров» (2017), «Чистый кайф» (2019) и др. В марте 2015 г. провёл в Ульяновске публичную лекцию «Литературные процессы в современной России»; в сентябре 2020 г. принял участие в книжном фестивале «Амфибрахий».

8 октября – 40-летний юбилей отмечает прозаик **Евгений Анатольевич Эдин** (р. 8.10.1981, г. Ачинск Красноярского края). Окончил Красноярскую академию цветных металлов и золота. Автор книг прозы «Танк из веника» (2014), «Дом, в котором могут жить лошади» (2017), «Нам нравится наша музыка» (2019). Лауреат Международной литературной премии им. И.А. Гончарова за повесть «Дом, в котором могут жить лошади» в номинации «Ученики И.А. Гончарова»; приезжал в Ульяновск на её вручение 20 сентября 2020 года. Живёт в Красноярске.

10 октября – 160 лет назад родился норвежский путешественник, писатель **Фритъоф Нансен** (10.10.1861, усадьба Стурё-Фрэн, ныне в черте г. Осло, Норвегия – 13.05.1930, усадьба Пульхёгда губернии Акерсхус, Норвегия). В 1921 был организатором помощи голодающим Поволжья, в декабре побывал в Саратове и Самаре; посетил г. Мелекес (ныне Димитровград Ульяновской обл.) и окружающие селения. Автор книг «В стране льда и ночи» (1897), «На Крайнем Севере: жизнь эскимосов» (1904), «Россия и мир» (1923) и др. Лауреат Нобелевской премии мира (1922).

10 октября – 115 лет со дня рождения татарского поэта **Демьяна Фатхи**, настоящие имя и фамилия – Касым Фатхутдинович Фатхутдинов (10.10.1906, с. Татарский Калмаюр, ныне Чердаклинского р-на Ульяновской обл. – ?11.1943, с. Кантемировка Воронежской обл.). Автор поэмы «Поля без межи» (1929); сборников стихов «Тальянка» (1929), «Голоса металла» (1931); рассказа «В боярском лесу» (1930); поэмы «Трагедия золотой тайги» (1940). Работал на заводах Дальнего Востока, в Казани, Зеленодольске. Пропал без вести в годы Великой Отечественной войны.

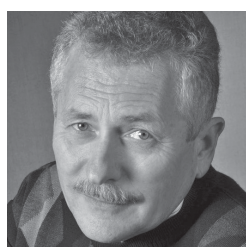
12 октября – 240 лет назад родился поэт, переводчик **Андрей Иванович Тургенев** (12.10.1781, г. Симбирск – 20.07.1803, г. С.-Петербург). По другим сведениям, родился в Москве; в 1792 году переехал в имение отца – с. Тургенево и Андреевка Симбирской губ., провёл здесь детские годы. Автор стихотворений «Надежда кроткими лучами освещает» (1795), «С.И. Плещееву» (1799), «Надпись к портрету Гёте» (1800), «К ветхому поддевическому дому А.Ф. Воейкова» (1801), «К Отечеству» (1802), «Элегия» (1802), «В.А. Жуковскому» (1803) и др.

14 октября – 60-летний юбилей отмечает критик, литературовед **Павел Валерьевич Басинский** (р. 14.10.1961, г. Фролово Волгоградской обл.). Член Союза российских писателей (1993). Автор книг «Сюжеты и лица» (1993), «Московский пленник» (2004), «Горький» (2005, в серии ЖЗЛ), «Смирненник и аристократ» (2006), «Лев Толстой: Бегство из рая» (2010), «Скрипач не нужен. Роман с критикой» (2015) и др. В октябре 2015 г. провёл встречу с читателями во Дворце книги в Ульяновске и Димитровграде; выступил с лекцией «Лев Толстой: загадки биографии».

15 октября – 275 лет со дня рождения путешественника, географа, автора записок **Николая Петровича Рычкова** (15.10.1746, г. Оренбург – 1798, имение близ Царицына, ныне г. Волгоград). В 1768 году принимал участие в экспедиции Петербургской академии наук в Поволжье; зиму провёл с академиком П.С. Палласом в Синбирске. Автор сочинений «Журнал или Дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства» (1772), «Дневные записки путешествия в Киргиз-Кайсацкой степи» (1772).

16 октября – 70 лет исполняется публицисту, литературному критику **Виктору Владимировичу Бирюлину** (р. 16.10.1951, г. Астара Азербайджанской ССР). Член Союза писателей СССР (1988). Бывал в Ульяновске, о чём позже писал: «У меня сложился образ свободного, творческого города, живущего не напоказ, крепкого своими историческими корнями». Автор книг «Душа обязана трудиться!..» (1983), «Время отвечать на вопросы» (1986), «Человек, которого обманули» (1992), «Размышления в саду» (2008) и др. Живёт в Саратове.

17 октября – 115 лет назад родился литературовед, фольклорист **Пётр Сергеевич Бейсов** (17.10.1906, с. Пешково, ныне Азовского р-на Ростовской обл. – 23.09.1976, г. Ульяновск). В 1940–1976 гг. преподаватель, декан историко-филологического факультета УлГПИ им. И.Н. Ульянова. Член Союза писателей СССР. Автор более 200 научных трудов: «И.А. Гончаров и родной край» (1951), «Свободное слово бессмертно: из истории революционной литературы в старом Симбирске. 1905–1912 гг.» (1966) и др. Его имя носит школьный музей литературы и искусства в Новоульяновске (1979).

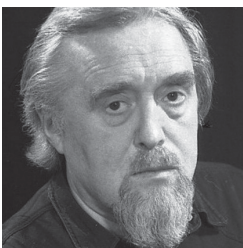
17 октября – 105 лет со дня рождения поэта **Александра Михеевича Никифорова** (17.10.1916, с. Вязовка, ныне Радищевского р-на Ульяновской обл. – 29.05.1975, г. Москва). Участник Великой Отечественной войны. Работал в Москве на заводе «Серп и молот» и автозаводе им. И.А. Лихачёва. Автор поэтических сборников «Сосна» (1957), «Лебяжье озеро» (1962), «Листья живут корнями» (1964), «Угловые камни» (1969), «Глоток воды» (1973), «Поклон Волге» (1987). Последний раз был на родине в 1975 году. Его имя присвоено школе в Вязовке (2016).

18 октября – 95 лет со дня рождения историка, краеведа **Алексея Алексеевича Киселёва** (р. 18.10.1926, с. Полянки, ныне Сурского р-на Ульяновской обл.). Окончил Ленинградский университет (1956). Преподавал историю в Мурманском пединституте (1969–2000). Доктор наук (1976), профессор (1977). Автор книг «Родное Заполярье» (1974), «Мурман в дни революции и гражданской войны» (1977), «Город мой, широкоплечий» (1996), «Записки краеведа» (2000), «Мурманск в истории улиц и площадей» (2006) и др. Почётный гражданин Мурманска (1996).

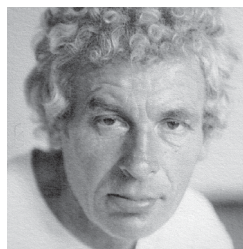
19 октября – 30-летний юбилей отмечает эрзянская поэтесса **Алина Сергеевна Подгорнова** (р. 19.10.1991, с. Кабаево Дубёнского р-на Республики Мордовия). С 2001 года публиковалась в журнале «Чилисема» («Восход»). Окончила Мордовский университет им. Н.П. Огарёва (2014). Живёт в Саранске. Работает в литературном журнале «Сятко». Автор поэтических сборников «Марямга» (2013), «Кроме рифм» (2016). Член Союза писателей России (2013). Побывала на выставке-конкурсе «Симбирская книга» во Дворце книги в Ульяновске (2015).

22 октября – 80 лет исполняется гончарововеду **Михаилу Васильевичу Отрадину** (р. 22.10.1941, с. Солотча, ныне в черте Рязани). Окончил Ленинградский университет (1966); преподаёт на кафедре истории русской литературы. Доктор филологических наук (1997). Автор трудов «Обломов» в зеркале времени» (1991), «Петербург в русском очерке» (2006), «Забавное» сделать комическим: юмор в романе И.А. Гончарова «Обрыв» (2015) и др. Лауреат Всероссийской литературной премии им. И.А. Гончарова; был в Ульяновске на её вручении 20 июня 2010 г.

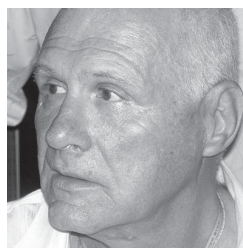

22 октября – 30-летний юбилей отмечает поэт, прозаик **Андрей Алексеевич Орловский** (р. 22.10.1991, г. Херсон Украинской ССР). Объехал с поэтическими гастрольями многие города России; выступил 10 ноября 2015 года в арт-пространстве «Квартал» в Ульяновске. С 2017 года читает курс лекций «Литература с чёрного хода» в Центральной научной библиотеке им. Н.А. Некрасова в Москве. Автор сборников стихов и эссе «Здравствуйте!» (2007), «Уметь стрелять» (2011), «Обрыв» (2013), «Искренность» (2014), «Спички. Дорога домой» (2016).

25 октября – 70 лет со дня рождения поэта **Анатолия Петровича Чеснокова** (25.10.1951, с. Теньковка Карсунского р-на Ульяновской обл. – 9.03.2010, там же). Окончил УлГПИ им. И.Н. Ульянова (1974). Работал учителем русского языка и литературы в школах Ульяновской обл. и Украины. В 1980-х гг. жил в Молдавии. Автор поэтических сборников «В сердце России» (1994), «Прямая речь» (2001), «Свет Родины» (2007), «Росой омытая строка» (2016). Трагически погиб. С 2010 года в Карсуне и Теньковке проводятся литературные чтения, посвящённые его памяти.

27 октября – 120 лет назад родился писатель **Абдулла Ибрагимович Юсупов** (27.10.1901, ныне пос. Старотимовкино Барышского р-на Ульяновской обл. – 20.01.1978, г. Казань). По другим данным, родился 5.10.1901 г. Работал в Симбирском отделе народного образования. Участник Гражданской и Великой Отечественной войн. Автор книг «Заки Кутлин» (1959), «Сигбат Гафуров. 1887–1937» (1960), «Далёкое и близкое» (1964), «Бякир Белоусов» (1969), «Господа Акчурины» (1974). Награждён орденами Ленина (1945), Красной Звезды (1942), Красного Знамени (1944).

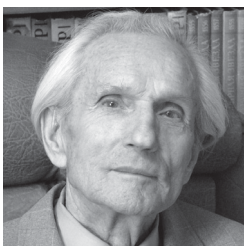

28 октября – 80 лет со дня рождения писателя-сатирика **Анатолия Алексеевича Трушкина** (28.10.1941, г. Челябинск – 9.06.2020, г. Москва). Окончил Литературный институт им. А.М. Горького (1974). Дружил с Никасом Сафроновым. 10 апреля 2009 года приезжал в Ульяновск на его персональную выставку в Ленинском мемориале; не раз выступал с концертами в Ульяновске и Инзе. Автор книг «Уроки в школе дураков» (2002), «Смешная наша жизнь» (2006), «Кто на свете всех смешнее?» (2010), «Пятница, 13-е число» (2010), «Содом и Гоморра» (2011) и др.

28 октября – 65-летний юбилей отмечает поэт **Владимир Александрович Криминский** (р. 28.10.1956, с. Ермоловка Вешкаймского р-на Ульяновской обл.). Первые стихи опубликовал в районной газете «Путь Октября». Окончил карсунское СПТУ №2. С

1985 года живёт в Ульяновске; работал на УАПК, сотрудничал с газетами, занимался бизнесом. Автор книг «Стихотворения» (1999), «Стихи» (2012), «Из неопубликованного» (2017). В 2014 году принял иноческий постриг. Настоятель храма в честь Покрова Святой Богородицы в с. Сара Сурского р-на.

30 октября – 95 лет назад родился поэт, прозаик, журналист **Евгений Степанович Ларин** (30.10.1926, с. Верхняя Якушка, ныне Новомалыклинского р-на Ульяновской обл. – 20.12.2020, г. Димитровград). Участник Великой Отечественной войны. Работал учителем, журналистом. Член Союза писателей СССР (1984). Автор книг стихов и прозы «Про Ерёму-молодца» (1963), «Кузнец» (1982), «Дороже золота» (1992), «Грозы над Русью» (1996), «Пока бьётся сердце» (2005), «Цветы сердца» (2007), «Девушка в шинели» (2020) и др. Почётный гражданин Димитровграда (1998).

работал учителем, журналистом. Член Союза писателей СССР (1984). Автор книг стихов и прозы «Про Ерёму-молодца» (1963), «Кузнец» (1982), «Дороже золота» (1992), «Грозы над Русью» (1996), «Пока бьётся сердце» (2005), «Цветы сердца» (2007), «Девушка в шинели» (2020) и др. Почётный гражданин Димитровграда (1998).

30 октября – 95 лет со дня рождения писателя **Якова Капитоновича Рогачёва** (30.10.1926, с. Девлезеркино, ныне Челно-Вершинского р-на Самарской обл. – 21.03.1995, г. Димитровград). Член Союза журналистов СССР. Работал в газетах «Знамя коммунизма», «Ульяновская правда», «Автостроитель», «Канаш». Посещал литобъединение «Черемшан». Автор повести «Человек нестигаемой воли»; книг «Путь большевика» (1968), «Гигант в степи» (1990), «Сельские мотивы» (1992); сборника рассказов «Кто старше?» (1993). Член Союза писателей России (1995).

30 октября – 75-летний юбилей отмечает этнограф **Светлана Владимировна Суслова** (р. 30.10.1946, г. Ульяновск). Окончила Казанский педагогический институт (1970). Кандидат исторических наук (1981). Старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани в Казани. Автор трудов «Татарские ювелирные украшения» (1980), «Народный костюм татар Поволжья и Урала» (2000), «История костюма тюркских народов» (2011) и др. Лауреат Государственной премии РТ (2001). Заслуженный работник культуры РТ (2007).

работал учителем, журналистом. Член Союза писателей СССР (1984). Автор книг стихов и прозы «Про Ерёму-молодца» (1963), «Кузнец» (1982), «Дороже золота» (1992), «Грозы над Русью» (1996), «Пока бьётся сердце» (2005), «Цветы сердца» (2007), «Девушка в шинели» (2020) и др. Почётный гражданин Димитровграда (1998).

ПОЭЗИЯ ЮБИЛЯРОВ ОКТЯБРЯ

Сергей АКСАКОВ (1791–1859)

ПОСЛАНИЕ К БРАТУ

Предвестник осени туманной,
Седой зимы суровый сын,
Печальный гость, никем не жданный,
Губитель красоты долин!
Дохнул мороз – и пожелтели
Одежды рощей и лугов;
Повеял ветер – полетели
Листы увядшие лесов;
Но мы с тобою, брат мой милый,
Мы любим осени приход,
И самый вид её унылый,
Для нас исполненный красот,
Какую-то имеет сладость!
Не знаю, как её назвать?..
Она... не веселит, как радость,
Не заставляет горевать,
Она... есть тайна сердца... Полно
Неизъяснимость объяснять;
Без нас любителей довольно
О тайнах сердца толковать!..

Рыбак, рыбак, суров твой рок;
Ты ждал зари нетерпеливо,
И только забелел восток,
Вскочил ты с ложа торопливо.
Темны, туманны небеса,
Как ситом сеет дождь ненастный,
Качает ветер вокруг леса –
Ложись опять, рыбак несчастный.

Юных лет моих желанье
В летах зрелых не сбылось,
Непременное мечтанье
Как мгновенье пронеслось.

Я мечтал, что с другом нежным
Буду время проводить;
Буду в горе неизбежном
Сердце с ним моё делить.

Я мечтал в любви страстной
Чашу восхищений пить
И с подругою прекрасной
Небо в зависть приводить.

Андрей ТУРГЕНЕВ (1781–1803)

* * *

О ты, которую несчастье угнетает,
 Чьё сердце горестью питается одной,
 Нигде, ни в чём себе отрад не обретает,
 Покрыта чья душа отчаяния тьмой, –
 Воззри на небеса с сердечным умилением,
 К небесному отцу прости свой томный глас
 И с пламенной слезой моли об утешенье.
 Но счастья не ищи – его здесь нет для нас,
 В сем мире, где злодей, страх божий забывая,
 Во злодеяниях найти блаженство мнит,
 Рукою дерзкою сирот и вдов теснит,
 Слезам, отчаянью, проклятьям не внимая.

1799

* * *

Забудем здесь искать блаженства,
 В юдоли горести и слез:
 Там, там, на высотах небес,
 Жилище блага, совершенства.
 Там бедный труженик земной,
 Достигнув вечного покою,
 Узнает, что есть бог благой.
 Но здесь, тягчим его рукою,
 В нем видя грозного судью,
 Как тень от горя исчезая,
 Напрасно слезы проливая,
 Клянёт он молча жизнь свою.

1802

В.А. ЖУКОВСКОМУ

Смиранный жизни путь цветами устилая,
 Живи, мой милый друг, судьбу благословляя,
 И ввек любимцем будь её.
 Блаженство вольности, любви, уединенья
 И муз святые вдохновенья
 Проникнут сладостью всё бытие твоё.
 А мне судьба велит за счастьем гоняться,
 Искать его, не находить,
 Но я не буду с ней считаться,
 Коль будешь ты меня любить.

1803

Пётр БЕЙСОВ (1906–1976)**МОЯ ЛЮБИМАЯ**

Кто люб и дорог, сердцу мил,
 Светлы любви черты...
 Я от друзей не утаил,
 Что есть на свете ты.

Как не сказать – душа поёт,
 Отрады не тая,
 Что есть тот город, где живёт
 Моя любимая.

В землянке было трое нас,
 Проверенных в бою...
 Мы посмотрели в сотый раз
 На карточку твою.

Что ж, на войне так на войне,
 И я скажу, любя,
 Что мнится мне, что я вдвойне
 Сейчас люблю тебя.

ВМЕСТО ПИСЬМА

Ты просишь писать тебе часто и много,
 Но редки и коротки письма мои.
 К тебе от меня непростая дорога,
 И часто писать мне мешают бои.

Враги недалёко, и в сумке походной
 Я начатых писем десяток ношу.
 Не хмурься, родная, я выберу часик свободный,
 Настроюсь – и сразу их все напишу.

Поверь, дорогая, тебе аккуратно
 Длиннющие письма пишу я... во сне:
 И кажется мне, что ответы тотчас же
 Стрелою, как птицы, несутся ко мне.

Враги недалёко – и спим мы немного.
 Нас будит работа родных батарей –
 У писем моих непростая дорога,
 И ты не проси их ходить поскорей.

Вот песенка эта вместо письма,
 Что в ней не сказал я – придумай сама.
 И утром, её напевая без слов,
 Ты знай, что я – твой, что я – жив и здоров.

Александр НИКИФОРОВ (1916–1975)

* * *

Над Волгой голосит пурга,
 Она сурово хмурит брови.
 И пеной хлещет в берега,
 Трубит, упрямая, в дуброве.

Спешит пурга: живей, живей!
 Но нет уж зимнего разгула...
 В былой Симбирщине моей
 Весна полотна развернула.

Сверкает, искрится ветла –
 Причудливый стеклянный слиток,
 Гремит на улицах села
 Морозный скрип шагов, калиток...

Но утром прозвенит капель,
 Голубизна раздвинет дали,
 Зелёной кепкою апрель
 Махнёт с разбуженных проталин.

И жигулёвская волна
 Плещёт, раскачивая льдины...
 Откуда к нам пришла весна?
 Возможно, с волховской плотины?

Весна в садах и на полях
 Идёт в платке прозрачно-алом...
 И верится, что в Жигулях
 Она берёт своё начало.

СНЕГИРЬ

Ещё белым-бело на белом свете,
А уж снегирь – на удивление мне –
В рубаше красной, в бархатном берете
И с пёстрою крылаткой на спине

На ветку сел почти над самой кошкой –
Сильнее страха вешний пыл в крови –
И потихоньку на губной гармошке
Наигрывает что-то о любви.

Снег по карнизам липнет мокрой ватой,
Сосульки кровля держит на весу.
И снова, сочной зеленью чреватые,
Вспухают почки в Зюзинском лесу.

Играй, снегирь, отходную морозу!
Цветенье нам с тобой сулит заря...
И я смотрю, как на живую розу,
На красную рубашу снегиря.

Алина ПОДГОРНОВА (р. 1991)

ОДА ЛУНЕ

Жёлтый серп, похожий на банан,
Соглядатай всех моих бессонниц!
Я тебя штурмую на таран.
Я – безумнейшая из твоих поклонниц.

Это не диагноз – без ума.
Без ума – как раз и есть свобода.
Ты магнит, но тянешься сама
В самый центр сцены-небосвода.

Сколько у тебя ночных друзей,
Поглощающих рогалик твой!
Всех на свете слов тебе ясней
Их интернациональный вой.

Солнце – это жёлтый лицемер.
Пусть нам вряд ли без него прожить,
Мы луне, царице тёмных сфер,
Благодарны за возможность выть.

МИСТИЧЕСКИЙ

Выйду на крылечко майским вечером
Слушать предсказанья соловья.
Он поёт про «ничего» и «нечего»,
А в припеве – что-то там про «зря».
И его бесхитростная песенка
Ребусу коварному сродни:
То ли призывает он повеситься,
То ли за бессилие бранит.
Как поёт! Ну как он заливается!
И доволен, видимо, собой.
Но чего, чего он добивается?
Чтобы в петлю или чтобы в бой?
Чёрной кожей небо перетянуто,
Мир как хищник прячется во тьме.
То, что в песне было упомянуто,
Как ты понимать прикажешь мне?
Соловей в оракульской агонии
Прикрывает бисеринки глаз,

И, не объясняя антиномии,
С тонкой ветки падает в экстаз.
Вслед за этим, как ни поразительно,
Прямо надо мною, на суку,
Кто-то изрекает и презрительно,
И многозначительно: «Ку-ку».

Андрей ОРЛОВСКИЙ (р. 1991)

* * *

я о многом уже сказал, но толку –
все мы ищем в стоге из слов иголку,
но смысл не в ней самой.

города и люди, дороги, книги:
движение – единственная из религий,
исповедуемых мной.

ГОГОЛЮ

«лестницу, поскорей, давай лестницу!..» –
хоть с ума сойти, хоть повеситься.
всё равно – свет сверху идёт,
снизу тёмная полоса.

и горячка жжёт, вместо пота – мыло.
в душной комнате грохот от чёрных крыльев:
это ворон садится на мокрый лоб
и закрывает глаза.

все поэты, избавившись тел и страхов,
остаются – в жире библиографий,
в затхлых залах музеев и глупо-добрых
хранительницах ключей.

здесь от мастера стол и стул, ну а кроме –
коридоры, лестницы и колонны:
искажённый, застывший, фальшивый образ
бытовых мелочей.

так и рукописи – горят. бесспорно.
время подобно плохому спорту:
место победы обычно пусто,
ничего не спасёт.

память стирается, как пружина
в ржавом желудке старой машины.
слово лишь – бабочка от искусства –
переживает всё.

Анатолий ЧЕШОКОВ (1951–2010)

* * *

Пусть стужей дышит ветер,
И скоро – снегу лечь,
Я затоплю под вечер
В родной деревне печь.

И вспыхнут враз поленья,
Теплом обдув меня.
Забыв тревог сомненья,
Я слушаю с волнением
Цветную речь огня.

И пламя захохочет
В ночи – до самых звёзд,
Словно нарядный хочет
Распустит жаркий хвост.

Пусть кружатся снежинки,
Пусть лютый вихрь пурги, –
В душе поют смешинки
От радуги-дуги.

Ведь золотое слово
И пламенную речь
Мне подарила снова
В деревне нашей печь.

Я – ЧЕЛОВЕК

Игорю Мухудинову

Я – человек, во мне живут века,
Из прошлого – бегущая река.
Я – древний Рим, библейский Вавилон,
Я пробный камень будущих времён.
Я брат издревле солнцу и воде,
Я враг несчастью, горю и беде.
Я кровный брат деревьев, звёзд, ветров,
Птиц быстрокрылых, дальних облаков.
Я – клинопись шумеров и санскрит,
Я – Данте, Циолковский, Еврипид.
Я – память всех убитых на войне,
Во мне звучит история, во мне.
Во мне кричат Дахау, Ленинград –
Я вырвался из тысячи блокад.
Я выжил, несмотря на глад и мор
Содомов миллионов и Гоморр.
Я мудр, как змий, и хрупок, как стекло.
О сколько тайн сквозь мозг мой протекло!
Я буду жить, творить, я не умру.
И жизнь моя, как знамя на ветру.
Я – мысль Толстого, Тютчева строка,
Из будущего – светлая река.

Владимир КРИМИНСКИЙ (р. 1956)

* * *

Я люблю, когда тёплым приветом,
Отразясь в синем зеркале вод,
Коронует заря алым цветом
Голубой-голубой небосвод...

Это жизни омытый рассветом
Лучезарный, искрящийся лик:
Я люблю, тихим счастьем согретый,
Наблюдать этот трепетный миг.

В этом миге и крик журавлиный,
И аккорды звенящей тиши,
Сентябри грустно-красной рябины
С васильковой печалью души.

Если жизнь только раз нам даётся,
Пусть она никогда не пройдёт,
Пусть живущий от счастья смеётся,
Пусть смеющийся вечно живёт.

Говорят, есть в богатстве отрада,
Только мне в этой жизни земной
Впрок ни хлеба, ни денег не надо,
Был бы кто-нибудь рядом со мной...

В этом мире и юном, и древнем
Мне для счастья довольно вполне,
Чтоб по женщине в каждой деревне
Да по другу в чужой стороне.

* * *

Свет зари за окошком струится,
Новый день неохотно встаёт.
Открываю глаза – и не спится:
Новый день, что он мне принесёт?
Может, радости маленькой долейкой
Этот день осчастливит, как знать...
Может, счастьем одарит, а сколько
Нужно счастья, чтоб горе унять?
Иль отметиной чёрной на годы
Ляжет на сердце подлости тень...
Это против закона природы,
Чтобы подлость – и солнечный день.

Евгений ЛАРИН (1926–2020)

РОССИЯ

Россия, Россия, отрада моя,
Как дороги сердцу родные края,
Родные берёзки, родное село,
Где снегом черёмухи всё замело.
Россия, Россия, ты – сердце строки.
Ты душу поишь, как реку родники.
Твоя красота мне молчать не велит.
И песнь о тебе в моём сердце звенит.
Россия, Россия, – российская речь,
Тебя ли не славить? Тебя ль не беречь?
Без речи твоей, без цветов на лугу,
Без песен твоих я прожить не смогу.
Россия, Россия, – мой воздух и свет.
Иду за тобой я под стягом побед.
Я имя твоё в своём сердце ношу.
Тобою живу и тобою дышу.

ПОКА ТЫ СО МНОЙ

Я всем поделюсь: сухарём и монетой,
Последнею каплей воды и вина,
Последнею спичкою и сигаретой,
Рубаху отдам, коль кому-то нужна.

Отдать даже редкую книгу могу я,
Которой в работе я пользуюсь сам.
И только тебя я, мою дорогую,
Вовек ни за что никому не отдам.

Уж я в этом случае – жмот и жадюга.
Уж тут всё, что есть, только мне одному.
Ни капельки нежности даже для друга,
Ни искорки зноя души – ни-ко-му!

Да, всё одному, что незримо и зримо:
И внешность, и голос, и нежность, и цвет.
Пусть много достоинств, но всё неделимо.
Пусть всё в изобилье, но лишнего нет!

Пока ты со мной – я богатый и гордый.
Пока озаряешь мне душу весной,
Ни графы, ни лорды, ни принцы, ни форды –
Никто не сравнится в богатстве со мной!

ПРОЗА

ЮБИЛЯРОВ ОКТЯБРЯ

Модест БОГДАНОВ (1841–1888)

О ЧЁМ ГОРЕВАЛИ ПТИЧКИ (отрывок из рассказа)

Только что проснулось солнышко на новый год. Под старой сиренью, на пушистом снегу, собралась целая толпа птичек. Были тут воробышки – буйные головушки; были тут чечётки – воробышкам тётки; были тут снегурочки – красненькие дурочки; были тут синички – птички-мастерички. Собрались толпою, судят, что им делать.

Старый год убрался – новый наступил. Дедушка морозец думал, как бы лучше встретить новый год. Заглянул он в окна: видит, все хлопочут, чистят и метут. Догадался старый; созывает тучи и велит посыпать землю свежим снегом. Тучам то и на руку, чтоб освободиться от снежинок лишних. Всю-то ночь работали; к утру на покой ушли. Как проснулось солнышко, видит – всё чистенько, бело на земле. Только его деткам, пташкам и зверушкам, этот снег – беда. Травы позасыпало; на ветвях присесть нельзя. Голодают бедные – нечего поесть.

Собрались пичужки и ведут совет.

– Чуть жив, чуть жив, – говорит воробей.

– Фью, фью, фью, фью, – отвечает снегурочка.

– Можно бы почек поесть, да на ветку нельзя присесть.

– Пинь-пинь, тарарах, кто голоден, тот дурак! – смеётся синичка.

– Чего ж поесть, чего ж поесть? – спрашивает чечётка.

– Подождите, друзья! – говорит овсянка. – Новый снег непрочен. Солнышко его растопит, тогда найдём и зёрнышек.

– Да, – говорит воробей, – жди, кума, если сыта, а нам голод не тётка.

Толковали-толковали, а всё ничего не придумали.

– Пойдите, – говорит синичка, – я всех вас выручу.

Порхнула она и полетела на окно. Стук-стук в стекло. «Пинь, пинь, тарарах». Белая занавесочка не колыхнётся. Подождала она да опять стук-стук в окошко. «Пинь, пинь, тарарах, тарарах!» – громче прежнего закричала синичка.

Вдруг занавесочка колыхнулась, поднялась, и черноглазая девочка появилась перед синичкой. Синичка до того испугалась, что скорей порхнула прочь.

А птички подняли её на смех.

– Что, – говорил воробей, – сунулась ворона в барские хоромы, да и бежать скорей.

– Ах ты, насмешник, конопляный воришка! – обиделась синичка. – Похожа ли я на ворону? Я тебе сейчас покажу, что я не трусиха, – и порхнула на окно. Девочка даже руками захлопала от удовольствия.

– Митя, – кричит, – Николушка, поглядите, какая хорошенькая птичка прилетела ко мне!

– Тише, тише, – говорит Митя, – не то она улетит.

Прибегают оба мальчика, и пошли у них толки. Коля говорит:

– Я поймаю птичку.

– Нет, не поймашь, – дразнит Митя.

– Нет, поймаю.

А синичка так и вертится: «Пинь, пинь, тарарах!» Заглянула Лёля вниз, там целая толпа птичек. Нахохлились, прищурили глазки, сидят в снегу.

– Ах вы, глупые мальчишки, – говорит Лёля, – чем спорить, давайте накормим птичек. Видите, они голодные, озябли.

– Накормим, накормим, – повторили мальчишки, – только как это сделать? Форточки открывать нам не велено.

– А знаете как? – говорит хитрый Митя. – Мы попросим Григория. Он нам всё сделает.

Старый повар Григорий устроил живёхонько. Перед окном на снегу он поставил ящик вверх дном, насыпал на него песку, а на песок всякого птичьего лакомства: конопляного семечка, проса, овса, хлебных крошек. Дети так и припали к стёклам окна. Прошло несколько минут. «Пинь, пинь, тарарах!» – кричит синичка. Повертелась на дереве, порхнула на ящик и закричала от радости. Никогда ещё не ела она такого хорошего обеда! Скачет синичка по столику, как добрая хозяйками гостей созывает:

– Слетайтесь, воробышки – голодные утробушки; слетайтесь, чечёточки – весёлые трещоточки; слетайтесь, овсяночки, просяночки; слетайтесь, щеголята – весёлые ребята; слетайтесь, синички – милые сестрички!

И слетались пичужки на богатый стол пир пировать, низко кланялись синичке. А поевши, собрались, затянули хором песенку кто во что горазд.

Анатолий ИНЧИН (1916–1997)

ШУМЯТ ЛЕСА ХИНЕЛЬСКИЕ (отрывок из повести)

Где-то далеко на северо-востоке глухо гремит канонада. Это бьют вражеские орудия вслед прорвавшимся полкам и эскадронам, которые уходят всё дальше, на соединение с фронтом.

Кладбищенским холодом веет от поляны со скрюченными станинами, изуродованными лафетами и рваными стволами – ненужным теперь ломом.

У меня пусто на душе: только что мы взорвали свои орудия. И хотя мы выполняли приказ, я испытываю такое чувство, будто совершил преступление. Десять моих товарищей сидят сумрачные, угнетённые, стараясь не глядеть друг другу в глаза.

Итак, мы одни... Догнать своих уже нет возможности. Самостоятельно пробраться к фронту – свыше двухсот километров по прямой – ещё труднее.

Я знаю, что все дороги, все населённые пункты до самой Москвы забыты немецкими войсками. Немцы стремятся до зимы закончить войну. Сделать, как они говорят, «блицкриг»... А до больших снегов осталось совсем недолго: поля давно опустели, лес стоит тёмный, неприветливый.

По ночам в лесу бродит зима. Содрогаются от холода последние листья и опадают на затвердевшую, как камень, землю. Ветер подхватывает их, кружит в бешеной пляске, разбрасывая по просекам и полянам, снова поднимает в воздух...

Пятые сутки блуждаем мы по урочищам и болотам. Широкая грязная полоса проломившейся ледяной корки отмечает наш след. Бойцы молча идут за мной, шатаясь от усталости и голода. Сдаёт даже здоровяк-уралец Саша Быков. Надолго ли хватит сил?

Леса окружены заставами гитлеровцев. Нашего брата ловят и бросают в концлагерь. Нам уже встречались несколько разрозненных групп. Среди них были и такие, что успели побывать в концлагере на станции Навля...

– Лучше погибнуть в бою или подохнуть от голода, чем в плен к фашистам! В деревнях не появляйтесь: сплошь они, вражины, хозяинуют.

Я слушаю рассказ человека, убежавшего из концлагеря, и в памяти всплывают слова: «Командир Красной армии живым не сдаётся в плен...» Что

кроется за этим предостережением – понятно. Откуда они, эти слова? Из Устава или приказа Верховного главнокомандующего?.. Да это и неважно. Для меня, действительно, самым страшным был бы плен. Не дай и не приведи! Лучше пистолет к виску, чем это.

Смотрю на товарищей, и острая боль пронизывает сердце. Вот ленинградец Лёва Хлапов, лейтенант, совсем ещё юноша, мой помощник. Хрупкий, с нежным девичьим лицом и печальными глазами. Незадолго до окружения прислан в артиллерийский полк нашей дивизии. У него замечательный голос. Однажды после боя я слышал, как он исполнял арию Игоря. Он пел для себя, вполголоса. Я был потрясён! Да и не только я: Лёва покорила всех, кто слушал его... Попади он в плен, что с ним, евреем, сделали бы враги?!

На исходе шестых суток, совсем обессиленные, мы наткнулись на группу бойцов. Они оказались «богачами»: у них в запасе была ещё половина лошади.

Лёва Хлапов брезгливо отворачивается.

– Попробуй, лейтенант, копыто, – ребята нарочно разыгрывают его. – Ничего, что без маникюра: знай, глодай!..

Мы жарим шашлык – кто на штыке, кто на шомполе или просто на прутике. Соли нет. Половина куска получается сырой, половина – обгорелой. Ждать некогда: страшно мучает голод.

Я кинжалом отбил на пеньке кусок мякоти и сварил в каске. Потихоньку сунул Лёве. Тот нехотя начал жевать. Потом сам стал жарить себе кусочки. Голод – не тётка: заставит...

Нас собралось человек шестьдесят. Один – врач из соседней кавалерийской дивизии, мой тёзка – Анатолий. Были тут и воентехник, и начфин, и командиры взводов – все из разных частей. Стали решать, как быть: сидеть на болотах или выбираться из окружения? Без долгих споров надумали уходить из лесов. А куда? Впереди Навля – река глубоководная. На мостах – охрана. Половина из нас – большие, истощённые до последней степени... Выход один – надо искать брод.

Фёдор ПАНФЁРОВ (1896–1960)

ВОЛГА–МАТУШКА РЕКА (отрывок из книги)

Море буйствовало...

Оно колыхалось, перекашивая горизонт, хлопало водяными ладошками, как бы подгоняя волны. А волны походили на косяки диких, разгорячённых коней: вырываясь откуда-то из необъятной дали, взвихривая седые гривы, они в стремительном галопе неслись на берег и тут падали, превращаясь в клокочущую пену. Вперемежку с ними, будто шагая по дну, наступали сказочные богатыри, то высовывая, то пряча густо-синие плечи. И всё громкогласно

орало, металось, особенно там, где берег врезался в море острыми скалами. Здесь, обрушиваясь на каменную грудь, волны таранили её и, ушибленные, сползали вниз, но тут же вздымались, более мощные и грозные.

А надо всем этим висела глубинная лазурь неба, и южное солнце калило землю. Было красиво и страшно, потому курортники не купались. Они группами лежали на горячем песке, напоминая загорелыми телами стада тюленей...

Аким Морев пришёл на пляж с некоторым опозданием и, посмотрев на отдыхающих, не без залихватства подумал: «Но ведь я когда-то Волгу переплывал», – и, переступив кружевную кромку застывшей пены, метнулся навстречу сказочным богатырям.

И всё сказочное вдруг исчезло: вода оказалась настолько упругой, что её еле-еле пробивала рука, а волны кипели гребешками, будто расплавленный свинец... А вот и девятый вал, почти такой же, что и на картине Айвазовского, только этот весь в движении и молниеносно растёт, становясь огромным, точно высоченный хребет, покрытый вечными льдами.

– Шалишь! Эй! – словно в юности на разгорячённого жеребёнка, прикрикнул Аким Морев и на миг оторопел, даже растерялся перед грозной водяной горой, как иногда теряется человек, неожиданно попавший в трясины: куда ни ступишь – засасывает. Он хотел было плыть к берегу, а его что-то держало, куда-то утягивало. – Шалишь, эй! – ещё раз прикрикнул он, но вал с сокрушительной силой обрушился на него, и Аким Морев потерял власть над собой: море сначала вскинуло его на гребень – мелькнула лазурь неба, – затем плашмя ударило по тугой воде. В глазах потемнело, что-то хрустнуло в груди, и он потерял сознание.

Очнувшись он на пляже, ощущая, как кто-то растирал ему виски, кто-то, будто рычагами, двигал его руками.

Придя в себя, он увидел кипящий котёл – море, а направо – скалистый берег, на который со всего бега кидались разгневанные волны.

Было это давно, но тот девятый вал Аким Морев запомнил на всю жизнь...

Вот и сейчас, многое пережив, став секретарём обкома партии, он, невольно содрогаясь, прошептал:

– Ай-яй-яй! Как глупо я тогда нарвался! Хорошо, что море выкинуло меня, но ведь оно могло и проглотить, как акула рыбёшку.

Нечто подобное девятому валу он встречал и потом, и не на море, а в жизни, и потому стал, как казался иным со стороны, до чрезвычайности осторожен в решениях возникавших перед ним крупных общественных задач. Конечно, осторожность его зиждилась не на трусости, а на сознании ответственности перед народом. Опыт говорил Аким, каким тяжёлым бременем могут лечь на плечи народа с кондачка принятые решения, поэтому-то, прежде чем сделать заключение по делу, имеющему большое жизненное значение, он тщательно изучал факты, беседовал с людьми, примерялся... и зачастую откладывал решение, почему и казался иным торопыгам «долгодумом».

– Да, девятый вал. Сколько раз в жизни приходится сталкиваться с ним!.. И всё-таки мы иногда оголтело кидаемся ему навстречу и утягиваем за собой тысячи людей, – проговорил он и задержал взгляд на рыжем потоке, ворвавшимся в кабинет.

Казалось, рыжие лучи солнца нахально лезут в открытые окна, намереваясь всё вытеснить, затопить, как иногда прорвавшаяся река затопляет котлован: вон уже дымкой окутался диван, порыжели портреты, стены, лёгкие гардины, а поток всё плывёт, плывёт, меняя облик предметов, находящихся в кабинете.

Красиво?

Сергей ПЕТРОВСКИЙ (1881–1933)

В БОРЬБЕ ЗА НАРОДНУЮ ТРЕЗВОСТЬ (отрывок из книги)

Тихий, тёплый вечер догорал, и только купола городских церквей тёмными силуэтами вырисовывались в вечернем сумраке, когда наш поезд, подъезжая к Белгороду, повернул вдоль города к вокзалу. Город принял нас ласково, лишь только мы вступили на его территорию: к нашим услугам и квартира, и извозчики, и всё необходимое – и всё это, нужно заметить, по самой подходящей цене, без всякого намёка на представившийся случай наживы и на бесцеремонное обирание простодушных богомольцев, как это обычно бывает в подобных случаях.

Утром 2 сентября, лишь только первые лучи солнца осветили город, мы были уже около монастыря. На площади и около монастырских ворот была масса народа, все стремились проникнуть за ограду, всем хотелось пройти в пещеру Святителя и там, у его святой гробницы, излить своё горе, выплакать свою наболевшую душу, обременённую грехами, измученную невзгодами жизни... А около монастырской стены расположилась больная, страдающая нищая братия, один взгляд на которую

заставлял тоской и острой болью сжиматься непривычное к таким зрелищам сердце. Тут были и слепые, и хромые, и калеки всевозможных ужасающих форм. И всё это стонало, плакало, пело жалобным голосом, молило «милостивых благодетелей» подать копеечку, сжалиться над их действительно ужасной долей.

Нас пропустили за стены монастыря, и нашим глазам представилась такая картина: народная толпа живым тройным кольцом окружала собор, где в небольшой подземной пещерке почивал Святитель, и стояла эта толпа покорная, тихая, благоговейно настроенная; у каждого в руке была трудовая свеча, которую каждому хотелось самому донести до гробницы Святителя и там положить у его подножия. Долгое, томительное ожидание! Говорили, что очередь приложиться к святым мощам приходила через 8–10 часов. Но и это долгое стояние, по крайней мере, – с надеждой достигнуть пещеры и поклониться святым останкам Угодника Божия, было счастьем для проникнувших за монастырскую стену,

так как большинство простого народа в эти дни не имело и этой возможности.

Ранняя обедня в небольшом приделе, устроенном над самой пещерой, подходила к концу, когда мы в первый раз спустились к гробу Святителя. Пели запричастное, как сейчас помню, ирмос из канона Великой Субботы: «Ужаснися бояйся небо»... Известно, что и вообще-то невозможно без глубокого сердечного волнения слышать пение этих дивных песнопений, а в этой исключительной обстановке в особенности: радость от сознания, что мы у цели своего паломничества, грусть от сознания своей греховности, и вообще какое-то неопишное чувство охватило сердце, когда мы по ступеням небольшой лесенки стали спускаться в пещеру. Масса свечей и лампад заливали своим светом небольшую пещерку. Мы увидели стоящий вдоль стены открытый гроб и в нём покрытые святительскими одеждами нетленные останки Святителя Иоасафа. Возвышающаяся в изголовии митра, прикрытое воздухом лицо, сложенные на груди руки – всё это производило впечатление, как будто Святитель только вчера опочил и что его нетленное тело не

157 лет тому назад, а только недавно положили в этот гроб. В глубоком волнении опустились мы на колена перед этой драгоценной гробницей и с умилением облобызали нетленные мощи Святителя. Монах, стоявший у изголовья, принял наши иконы, крестики и другие вещи, которые мы приобрели на память о Белгороде, и благоговейно прикоснулся ими к святым мощам, а также снабдил нас ватой из гроба, которую богомольцы берут как святыню, как благодатное средство врачевания от разных болезней.

В ожидании поздней литургии мы остались тут же, в соборе, осматривали драгоценную раку, приготовленную для святых мощей; здесь же, в особо устроенном шкафу, находились ризы, в которых почивал святитель в продолжение 157 лет: они не только не истлели, но не изменили даже своего первоначального цвета. Подрысник был, очевидно, ватный – вата не сохранилась, а сама материя осталась целой. Туфли, расшитые золотом по бархату, выглядели как новые. Все эти вещи, повторяем, покоились в течение 157 лет на теле Святителя в тёмном гробу, в холодной сырой пещере, и тление не коснулось их...

Юрий КРЫЛОВ (р. 1961)

«БЕЛЫЕ ПЯТНА» ДРЕВНЕГО ПОСЕЛЕНИЯ *(отрывок из сочинения)*

Теперь можно уверенно сказать, что древний Сенгилей (как он назывался, мы так и не знаем) был основан не позже второй половины IX – начала X веков. На это указывает ряд находок: найденный на бутырской стороне трёхлопастной ромбический наконечник стрелы, датируемый IX веком, фибула – сьюльгама IX века, найденная в центре, на побережье, и три свинцовых амулета, колеса-солнечника с шестью спицами (два из них сломаны), которые в основном датируются VIII – серединой IX веков.

Первое поселение, вероятнее всего, возникло в междуречье рек Сенгилейки и Тушонки, впадающих в Волгу, так как эта территория обладала естественной природной защитой: с трёх сторон илистые берега рек и глубокие овраги.

Уже к середине X века Сенгилей был уже довольно крупным, по тем меркам, торговым городом. На это, в первую очередь, указывает находка медной византийской монеты. Она была выпущена в 920–944 гг. в городе Херсонесе от имени византийского императора Константина VII Багрянородного. Медные монеты Херсонеса имели хождение только на территории Крымского полуострова, дальше они не поступали. В это время на территории Волжской Булгарии ходили на вес так называемые «куфические монеты», серебряные монеты мусульманских государств Северной Африки и Средней Азии. Поэтому медная византийская монета могла сюда попасть только одним способом, а именно привезена купцом, приехавшим в Сенгилей по Волге с территории Крымского полуострова, и никак иначе. Было ли в X веке поселение на

выборной стороне, нам пока неизвестно, но, скорее всего, оно уже существовало.

В XI веке Сенгилей ещё более разросся. В центральной части, вероятно, появляются поселения иностранцев, к примеру русских ремесленников. Известны два предмета русского происхождения, притом найденные не более чем в 100 метрах друг от друга. Это амулет-топорик XI века и семилопастное височное кольцо, принадлежащее женщине из русского племени вятичей, оно датируется XI – началом XII века.

Возможно, к этому же времени относятся находки фрагментов трёх глиняных сфероконов, один из них с процарапанной надписью, читаемой как «Булгар», сосудов для хранения и транспортировки ртути (один почти целый), все в одном месте, где и амулет-топорик. Там же найдены несколько пробирных камней. Их употребляли ювелиры и алхимики для определения качества золота. Все эти находки указывают на наличие в этом районе в XI веке какой-то мастерской ювелира или алхимика.

Где-то здесь же, в центре, были найдены три обломка горлышек от стеклянных сфероконов, один из них с росписью. Стеклянные сфероконические сосуды являются чрезвычайно редкой находкой. Например, в Биляре – столице Волжской Булгарии – найден лишь один (тоже горлышко). Кстати, здесь же рядом часто находят куски шлака, остатки производства выплавки железа. Всё это вместе говорит о наличии в районе побережья между улицами Володарского и Октябрьской развитого

железоделательного и ювелирного производства домонгольского времени. Также в этом районе было найдено большое количество конских подков, датируемых XI–XVII веками, которые изготавливались для нужд проходящих через Сенгилей многочисленных торговых караванов.

Выборная сторона города в XI веке также уже была заселена (вероятнее всего, ещё в X веке). Там во второй половине XI века находилась ювелирная мастерская (к сожалению, где – неизвестно). От неё сохранился уникальный клад ювелирных украшений из серебра. Сейчас он хранится в городском краеведческом музее. Украшения были спрячтаны в

небольшом глиняном горшочке. Клад был зарыт в большой спешке, о чём говорит его состав. Также там были кусочки древесного угля. Можно сказать, что во 2-й половине XI века древний Сенгилей подвергся нападению, и выборная сторона города была уничтожена. Сам город, скорее всего, уцелел, но мастерская ювелира была сожжена, погиб и сам её хозяин, иначе клад бы нам не достался.

Кстати, в это же время подверглись нападению и другие многочисленные городища и селища в нашем районе: Буеракское, Каранинское, «городки» возле Индома, Никольское – это те, которые мы в какой-то мере успели исследовать...

Сергей МАКСИМОВ (1831–1901)

НА ВОСТОК (отрывок из книги)

Быстро примчала меня железная дорога в Москву; скоро очутился я у Рогожской заставы, где большой тарантас, шедший в Нижний, дожидался только одного попутчика. Извозчики, по обыкновению, накинулись на меня огромной толпой: видимо, рады были моему появлению; запросили с меня огромную сумму, считая за новичка, и не ошиблись. Сев в тарантас, я имел удовольствие слышать от одного соседа, что он заплатил только половину моей суммы и ехал до Нижнего, а от другого, что он заплатил против меня вдвое и ехал не до Вязников, как я, а только до Владимира. Всё, словом, случилось так, как бывает это, и до сих пор, по положению: раньше пришёл – оплатишь всю дорогу; позже пришёл, да узнаешь, что седоки есть, заплатишь ничтожную сумму, которую иной раз стыдно выговорить; самым последним пришёл – при отъезде, когда уже не только окуплена вся дорога, но и взят крупный залишек, – уедешь чуть не даром. Во всём уменье и сноровка и такова уже логика, исконный порядок и обычай всех ямщиков у Рогожской.

Показали мы билеты свои на заставе, заплатили шоссейную пошлину и поехали. Ямщик у нас бесшумный, беззастенчивый, разговорчивый; каждого спросил: куда едет, кто таков, зачем. Дошёл и до меня черёд.

– Отгадай! – предложил я ему.

– Да как тут тебя судить? Дело тёмное. Пальто, вишь, на тебе из парусины, надо, быть, шито; шапка не рваная. Кто тебя знает, что ты такое?

– Так на то, поди, тебе и голова в плечи ввинчена, чтоб знать, да думать, и на то извозчиком зовёшься, чтоб сразу отгадывать и в один дух догадываться о седоке, а затылком-то я и сам, брат, крепок.

– По речи-то по твоей равно бы ты из кутейников. Они больно на язык-то зубасты бывают.

– Зачем же ты изругался-то?

– Кутейником назвал? Извини! Так я тебя и духовенством могу взвеличать – изволь, сделай милость!

Так и вышло; всю дорогу до Вязников я слыл под именем духовного. Замешкался я на станции – «духовного нет», замечал ямщик. «Какого духовно-

го?» – спрашивали товарищи. – «А что в белом-то».

– Не бросай, господин духовный, окуроч-то, дай мне. Как ты вот уже в попах трубку-то будешь курить – за волосья трепать станут.

– А что, господин кутейник... то бишь духовный господин, подыскал ли ты себе поповну-то? Без того ведь и места не получишь.

– Учат ли вас науке-то этой, чтобы по звёздам читать и сказывать, что какая звезда значит, духовный человек?

И всё в таком роде и в подобных выражениях, обращённых в большей части случаев в форме вопросов, по которым можно было видеть не пытливого исследователя, а простого, праздного распростёка, который оттого и задаёт вопросы, что ему больше делать нечего. Он меня успел уже спросить (и не один раз): на чём свинья хвост носит? как выходит по науке: к слезам или к радости левый глаз чешется? шуринов племянник как зятю родня? муж с женой, брат с сестрой, шурин с зятем: сколько народу стало? Словом, это был ямщик распущенный, избалованный купеческой повадкой и баловством, ямщик, который хорош был бы в лакейской компании, едва ли пригоден к другому делу, помимо лёгкого дела – извоза, и, наверное, не устоял бы в такой работе, которая требует и внимания, и догадливости, и сметки, а потому-то он, наверное, и состоит в ямщиках.

Спутники мои на этот раз оказались тоже несостоятельными и пригодились только на то, чтобы идти в долю на чай, на порцию селянки, на пару пива. Один оставил нас во Владимире, его место занял другой, ещё хуже, а в Вязниках оставили меня и те, и другие: и старые мои спутники, и новые.

В Вязниках я остался одинок, без советника, без руководителя на постоялом дворе, остался потому именно, что из Вязников путь мне лежал в сторону за Клязьму, где в 40 верстах лежало село Холуй, с иконописцами до последнего обитателя, с окрестными деревнями и сёлами, заселёнными исключительно одними офенями. Там моя Мекка, моя Медина, мой Эльдorado!

Андрей ГЕЛАСИМОВ (р. 1966)

АТАМАНОВКА (отрывок из рассказа)

Возить из Китая контрабандный спирт дед Артём придумал не сам. Опасному промыслу его обучал тесть – Иван Николаевич Брюхов. Ну, а того, в свою очередь, обучила жизнь.

От высылки в Казахстан, где в тридцатые годы сгноили не одну и не две сотни казачьих семей из Забайкалья, Брюховых уберегло только то, что добро они наживали своими руками. Стадо из двадцати коров и семнадцати лошадей просто конфисковали в колхоз, как украденное у народа, а самим разрешили остаться в Атамановке, поскольку батраков они не держали. Четыре женатых сына с невестками, сам старик Брюхов, жена и единственная дочь Дашка с непутёвым зятем в этом большом хозяйстве трудились одни. Со стороны никого не нанямали.

Помог, как ни странно, и зять, которого старик Брюхов не уважал, а к третьему ковшу браги мог под весёлую руку запросто и побить. После ухода атамана Семёнова и Азиатской дивизии Унгерна в Манчжурию Артёмка Чижов стал главным заводилой в атамановском комсомоле. Он любил выступать перед народом, орать песни, чем, очевидно, и покорило сердце дочери Ивана Николаевича. Решение не высылать Брюховых атамановский комбед принял во многом из-за него.

«Ты балабол, – говорил ему Иван Николаевич. – У тебя тока корочки партейны в кармане, вот за счёт их и живёшь. А балаболы да болтунишки отобрали у нас добро».

Артёмка в ответ гнал на тестя контрреволюцию, называл его «семёновцем», «карателем» и «кровососом». Старик Брюхов бросался на него с кулаками, завязывалась драка, в которой Артёмка всегда терпел поражение.

«Яичком по глазу покатай, – бросал старик Брюхов, усаживаясь обратно за стол. – Снимает синяки-то. А то, гляди, ишшо наподдам».

Сдав в колхоз не только скот, но и единственную в Атамановке конную сенокосилку, записываться туда сам Иван Николаевич категорически не пожелал. «А мне от вашей власти ничё не надо. Я один проживу. Тока моими лошадаками, смотрите, не подавитесь».

Природная чалдонская злость и упрямство нашёптывали ему собрать всех детей с внуками и немедленно двинуться через границу в Китай, но

старик Брюхов решил пока подождать. Он проглотил самую страшную за всю свою жизнь обиду и начал искать пережогинское золото. В Атамановке многие считали, что оно всё ещё где-то поблизости. Во всяком случае, ни японцы, ни чекисты, ни белые его так и не нашли.

Вот с этим-то золотом уже можно было думать о том, чтобы перебраться на ту сторону.

Пережогин вошёл в Атамановку летом 1918 года. Его отряд остановился здесь по дороге в Читу. Высокий, почти под два метра, он расхаживал по станице с длинной дубинкой и агитировал против Советов. Бабам нравились его густые седые кудри, а на мужиков производила сильное впечатление огромная, с чайный стакан, трубка с полуметровым чубуком. Впечатляли и две бомбы, висевшие на ремне.

«Анархия, – говорил Пережогин красивым голосом, опершись на ограду палисадника, – это вам, братцы, не комиссарская власть. За анархию умереть не жалко».

В Атамановке умирать никто не хотел, но помимо всеобщего торжества анархической идеи Пережогин обещал деньги. «И не паршивые «керенки», – говорил он, постукивая дубинкой по своим необыкновенно высоким сапогам. – Золото, братцы. В монете и в слитках. Так что седлайте коней».

В качестве аванса он раздавал кусочки золотой утвари. Те, кто бывал в Манчжурии, понимали, что это золото из буддийского монастыря, но чужого бога никто не боялся. В Читу с пережогинским отрядом из Атамановки отправилось тогда пять человек. Наталья, жена Егора Михайлова, вынесла из дома своего новорожденного Митьку и положила его на дороге. Егор подъехал к ней, стегнул её плеткой, спрыгнул с коня, подобрал копошащийся свёрток и переложил его на обочину. Отряд двинулся мимо надрывавшегося от крика Митьки, заглушая его вопли лихой казацкой песней со свистом и улюлюканьем.

Через два дня в Атамановку вошёл отряд японцев. Они грозились расстрелять Пережогина за нападение на дацан и убийство буддийских монахов. Узнав, что анархисты ушли в Читу, японцы долго ругались между собой, а после этого развернулись обратно в китайскую сторону...

Евгений ЭДИН (р. 1981)

ТАНЦЫ (отрывок из повести)

Он поднялся, глядя в тёмную глубину окна, как в зеркало, и привёл себя в порядок. Заправил рубашку в брюки, затянул ремень, провёл ладонями по волосам.

Рядом в отражении появилась фигурка Анны – она приблизилась из коридора балетными

шажками, стала за спиной, положила ладони ему на плечо, пристроила на них подбородок и начала вглядываться в стекло. словно оценивала, как они выглядят вместе.

Павел замер на мгновение с занесёнными руками, застёгивающими пуговицы рубашки, чтобы

не спугнуть тихую красоту, которая была растворена вокруг, в ней, в них, в том, как вписаны они в небогатую, казённую обстановку съёмной квартиры, как всю эту оконную картину обливает оранжевый свет, а за стеклом, если потушить лампу, – холод вечера, чернота и высота.

Так они стояли, будто восковые фигуры в музейном зале, запоминая эту минуту.

– И всё-таки, почему? – спросил он наконец, продолжая застёгиваться. – Я довольно обычный. И в сравнении с Игорем...

– Потому что... много что. – Она помолчала и добавила в своей задумчивой манере: – Я чувствую себя последнее время очень плохо. Мне трудно делать вид, будто всё хорошо. А у Игоря всегда на всё одно лицо. Ему на всё наплевать, и всегда было наплевать. Есть такая компьютерная игра: там нужно покупать разные компьютерные финтифлюшки, латы, мечи, за настоящие деньги. Он спускает на это ползарплаты. Мы каждый день ссоримся. И ещё – у него есть другие женщины, кажется.

– А... значит, мечь, – сказал Павел, пытаясь не выдать разочарования.

– Не только. Не знаю. Ты серьёзный, взрослый... Надёжный. Не знаю почему. Просто, наверное, такое время, что тебе надо быть в моей жизни. До этого у меня никого не было, и даже в мыслях. Я считала себя выше. А почему я?

– Не знаю. – Он подумал. – Просто всегда хочется смотреть на тебя.

Анна кивнула, помолчала.

– В тебе вот это тоже хорошее... Что ты умеешь смотреть. Смотреть и молчать, – сказала она, глядя в стекло. – И у тебя хорошие глаза.

Так они стояли, и он, повернувшись и заключив её в объятия, тихо гладил её по спине.

Месяц назад Павел с женой начали посещать курсы хастла. Танцевали зимой, по субботам, в холодном зале бывшего детского сада; теперь здесь сдавались помещения. Общество подобралось разномастное. Было много профессионалов, много хорошо и не впервой двигающихся пар, много и просто новичков, пришедших впервые, обычных и безликих. В целом они двое не очень-то выделялись на общем фоне, не были хуже других, и постепенно Павел успокоился. Люба же была счастлива уже от того, что по команде инструкторов совершает слаженные движения вместе со всеми. Смены рук, поддержки, развороты.

На очередном занятии появилась новая пара. Парень – длинноволосый герой-одиночка, дитя природы – усаживался по-турецки прямо на пол, с видом независимым и дерзким, и глотал воду из бутылки, точно прибыл прямиком из Сахары. Передвигался модной, изломанной, ворчливой походкой. Миндалевидные глаза смотрели из-под выгоревшей чёлки как рыси из зарослей тальника.

Его подруга была похожа на породистую лошадку, античную гречанку – вся из наструненных жил. Стройные, мускулистые ноги, балетные, с выраженной ключицей плечи, тонко прорисованные шейные мышцы. Когда она улыбалась, у неё изящно напрягалась шея и становились видны бьющиеся под смуглой кожей голубые ручейки крови.

Они выглядели как искусно выточенные механические фигурки в часах: отъединённые от мира, созданные друг для друга, ни в ком не нуждающиеся.

– Какие красивые! – с восхищением и завистью сказала Люба. – Хочу познакомиться с ними.

– Красотка Нона, Леди совершенство, – съязвил Павел. – Летает на зонтике, ездит в тырке на мышах... – хотя ему тоже понравилась девушка...

Фритъоф НАНСЕН (1861–1930)

НА КРАЙНЕМ СЕВЕРЕ. ЖИЗНЬ ЭСКИМОСОВ (отрывок из книги)

В суровой Гренландии люди так же подвержены любви, как и в других благодатных странах земного шара. Любовь гренландца похожа на простой безыскусный полевой цветок и не имеет ничего общего с искусственными наслаждениями наших цивилизованных народов. Когда мужчина влюбляется в женщину, он не думает заниматься отвлечёнными мечтами, а выезжает в море, чтобы ещё с большей энергией заняться ловлей и добывать средства для прокормления своей будущей семьи. Его молодая скромная подруга взбирается на ближайшую гору и смотрит с восторгом, как её милый ловко скользит в своём каяке, покачиваясь на волнах. Лицо её выражает искреннее чувство, и вся она миловидна и прелестна. Охотник давно уже скрылся за горизонтом, а эскимоска всё стоит и смотрит в безбрежную даль, где нашли свою смерть столько от важных охотников.

Когда он, наконец, возвращается, таща на буксире убитую добычу, она бежит на берег и помогает втащить каяк и убитого зверя. Он берёт свои орудия и спокойно идёт домой. Она же смотрит ему вслед восторженным взором и думает, что скоро можно будет сыграть свадьбу.

Но бывают случаи, когда жених не возвращается, его поглотило море, и эскимоска напрасно ждёт своего милого. Тогда слёзы льются по её лицу. Она плачет без конца и говорит, что не переживёт своего несчастья. Однако проходит два-три дня, и она понемногу успокаивается: «Ведь на свете ещё есть много мужчин!» – думает она и начинает высматривать себе другого жениха.

Эскимосы обыкновенно женятся тогда, когда могут прокормить свою жену. Браки не всегда заключаются по любви, а часто потому, что в доме нужна хозяйка, чтобы приготовить кожи и шить

одежды. В прежние времена браки заключались очень легко. Если мужчине нужна была хозяйка, он высматривал себе девушку. Затем, в один прекрасный день, отправлялся в тот шатёр, где она жила, хватал её за волосы или за руку и тащил в свой шатёр, где усаживал на нары. Будущий супруг дарил ей лампу или ведёрко для воды, и тем дело кончалось. Согласно эскимосским обычаям, девушка ни в каком случае не должна была показать, что муж ей нравится, если даже она его любила. Она должна была сопротивляться ему изо всех сил, кричать и голосить. Особенно хорошо воспитанная девушка должна была голосить целый месяц и даже убежать от мужа. Если такое хорошее воспитание, наконец, надоедало ему, то он мог надрезать подошвы её ног ножом, чтобы отучить от побегов. После этого жена обыкновенно принимала довольный вид и не делала попыток к бегству даже тогда, когда раны заживали.

Такие обычаи существуют ещё до сих пор на восточном побережье Гренландии. Родственники увлекаемой невесты равнодушно смотрят на её борьбу с женихом, так как считают это её личным делом и вообще по своей природе не любят мешаться в чужие дела.

В прежние времена эскимос так же скоро разводился, как и женился. Если жена ему не нравилась, он давал ей понять своё нерасположение, и она безропотно собирала свои вещи и одежду и возвращалась в дом родителей. При этом она старалась не выдавать волновавших её чувств. Развод особенно

лёгок, когда нет детей. Ребёнок, а тем более мальчик, является связующим звеном, и брак не так легко расторгается.

Если жители восточного побережья могут содержать ещё одну жену, то они её приводят в дом, не обращая внимания, нравится ли это или нет первой жене. Часто это делается для того, чтобы помочь ей в работе, а иногда для получения потомства, если первая жена бездетна. Но вторая жена никогда не пользуется таким почётом, как первая, даже в том случае, если она – любимая. С введением христианства многожёнство, конечно, прекратилось; когда женатый эскимос «крестится», он должен расстаться со второй женой, что он делает очень неохотно, в особенности если от неё были сыновья. Отвергнутая жена возвращается к родителям и носит на голове зелёную ленту в знак того, что дети её незаконные.

Положение замужней женщины в Гренландии бывает различно, смотря по обстоятельствам. Вообще главой считается муж, но бывает, что в доме командует и жена. В прежние времена жена считалась собственностью мужа. На восточном побережье часто происходит настоящий торг, причём молодой человек за дозволение увести с собою молодую девушку платит её отцу выкуп в виде гарпуна или какого-нибудь другого орудия; и наоборот, хорошие охотники получают от отцов вознаграждение за то, чтобы они взяли себе в жёны их дочерей, причём дочери непременно должны согласиться исполнить желание отцов...

Павел БАСИНСКИЙ (р. 1961)

ПОЛУДЕННЫЙ БЕС (отрывок из книги)

В то время в России было два человека, способных вызывать к себе одновременно любовь и ненависть, – Лев Толстой и Иоанн Кронштадтский. Они не были знакомы, но не любили друг друга. Толстой – холодно и насмешливо, как просвещённый барин, отец Иоанн – жгуче и страстно. Однажды он попросил в своём дневнике Бога убить Толстого: «Господи, убери этот труп зловонный, гордостью своею посмрадивший землю!» Это была вечерняя молитва отца Иоанна...

Рядом с дамой в короткой шубке стоял неопределённого возраста господин со старомодной позолоченной тростью и модным цилиндром в руке, в чёрном плаще с белым подбоем. Заметив беспокойное выражение лица соседки, господин улыбнулся и шутливым жестом распахнул полы плаща, как бы предлагая укрыться за ними. Жест был вульгарен и неуместен в храме. Женщина отвернулась.

– Не бойтесь, – произнёс господин развязно. – *Эти* не опасны. Впрочем, для вас было бы надёжнее завернуть за колонну или встать за моей спиной.

«Какой нахал!» – неискренне подумала дама. Словно угадав её истинное настроение, господин придвинулся к ней.

– Церковь не лучшее место для знакомства, – прошептал он ей в ухо, – но позвольте представить: Иван Родионович Вирский.

И он протянул ей руку, которую она машинально пожала, так же машинально отметив, что кисть у незнакомца слишком мягкая и тонкая в кости для такого крупного мужчины.

– Вы впервые здесь?

– Да, – призналась она виновато.

– Пойдёте к причастию? Не советую! Видите ту особу в очереди? Она не идёт, а как бы крадёт к батюшке. Ого! Он тоже её заметил. Ха-ха! Нахмурился – видите? Он ждёт от неё больших неприятностей – да!

Надежда Павловна, так звали молодую даму, тотчас поняла, о ком идёт речь. Мелкими шажками, крадучись, к отцу Иоанну приближалась низкорослая, горбатенькая бабёнка, по самые глаза закутанная в чёрный платок. Под платком смешно торчал её тонкий и востренький, точно сдавленный щипцами, носик. Глаза её безумно блестяли.

Отец Иоанн приобщал неторопливо, внимательно всматриваясь в лица причастников. Кому-то он улыбался и ласково гладил по голове. Его ладонь

могла пробежаться и по жёстким вихрам мальчишки-подмастерья, и по завитым волосам щёголя, схваченным душистым фиксатуаром, и по строго склонённому затылку морского офицера. Но женщину в чёрном платке Кронштадтский не причастил, а грубо толкнул указательным пальцем в голову.

– Вон, еретица! – гневно сказал он, чтобы его слышали в очереди. – Во-он! Я запретил тебе ходить сюда, покада не раскаешься в своей ереси!

Женщина слушала батюшку, как-то странно поедая его преданными глазами. Но когда перед ней замаячил указательный палец Кронштадтского, она вдруг подпрыгнула, как бульдожка, и вцепилась в него острыми жёлтыми зубками. От неожиданной боли священник вскрикнул. С трудом выдернув палец из ощеренного рта женщины, он оттолкнул её от себя. Слизывая языком кровь, женщина бормотала:

– Иисусе сладчайший! Вот и причастилась! Сподобилась! Святой плоти и крови Иоанна причастилась!

Городовые схватили женщину под руки и поволокли к выходу. Дорогу им преградила звереющая толпа.

– Бей сатанайку! – закричал кто-то. – Бей её, суку, в кровь! Непременно ей надо кровя пустить!

– Прочь! – испуганно орала городовые, махая саблями. – Назад! Не смей!

На паперти началась свалка. Избитую в кровь женщину полицейские выволокли за церковную ограду и, словно огромную куклу, за руки потащили в участок. В храме отец Иоанн призывал к порядку.

– Уймись, несчастные! – увещевал он, пряча за спину окровавленный палец. – Помните, где вы находитесь!

Голос его подействовал. Толпа успокоилась...

Николай РЫЧКОВ (1746–1798)

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО РАЗНЫМ ПРОВИНЦИЯМ *(отрывок из записок)*

Город Синбирск есть то самое место, в котором мы всё зимнее время препроводили. Как скоро летние месяцы настали, то отправился я из онога по пути, лежащему к пригородку Билярску. Тридцать вёрст надлежало ехать безлесными и необитаемыми местами; а при конце сего расстояния находилось село Чердаклы.

Скозь безлесны были места от Синбирска до села Чердаклов, тем лесистее стали они от деревни Помряскиной, на пути моём случившейся. Лес в сих местах растущий большею частию сосновый; а для того земля в округе сего жительства лежащая, будучи песчана и глиниста, для хлебопашества не так способна. Жители сея деревни (да и другие живущие в сей стране земледельцы) не имеют обыкновения удабривать земли свои навозом, а потому, нуждаясь пахотною землею, стараются сыскивать оную на поемных и пологих местах. Напротив того изобилуют они наилучшими лугами по причине тут текущей речки, называемой Красной, коя впадает в реку Майну; а сия, протекая подле лесистых гор, соединяется устьем своим с рекою Волгою. Сия речка, имея близ себя множество озёр и разливаясь весною, наводняет около лежащие места, где большею частию имеют жители и пашни, и луга.

Село Кандаля, имеющее название сие от имени речки тут текущей, достойно тем большего примечания, что противу самого жительства сего наверху возвышенной горы видимы остатки древнего жилища, укреплённого двумя крытыми валами, отделёнными один от другого довольно глубоким рвом. Валы, вокруг сего местечка обнесённые, окружностью составляют триста пятьдесят сажень, и несмотря на древность времени донныне стоят ещё неразрушимы. Они сделаны наподобие полукружия так,

что оба конца сего окружения соединяются у самой крутизны той горы, наверху которой находится оный городок, и при подошве коей течёт река Кандаля. Жители сего села скажут, тут жилище древних болгар, и сие тем больше подтверждают, что и столичный город сего народа, стоявший близ устья реки Камы, и донныне Болгарами сльвёт. От сего места на более сорока вёрст остатков древних зданий ниже каких либо развалин внутри укрепления сего не видно: и так должно думать, что они разрушены или долговременною древностью, или от новых обладателей сей страны.

Вышеупомянутое житье окружено со всех сторон великим числом земледельцев, и хлебная цена бывает обыкновенно дешевле, нежели в других местах: для сего построен тут казённый винокурный завод, который довольствуется хлебом, покупая его в оном же селе по причине случающегося в каждую неделю тут базара. Жители около лежащих деревень великим множеством съезжаются в день торжища и привозят всё то, что получают способом своего рачительного хозяйства.

От сего села по пути, лежащему к пригородку Билярску, дорога была лесистая, и обыкновенно тут растущий лес дубовый, осокоревый, ольховый, осиновый и берёзовый. Земля, будучи чёрная и притом очень влажная, для хлебопашества так способна, что нет ни малой нужды удабривать оную по обычаю земледельцев, обитающих во внутренних провинциях Российскаго государства. Места оные населены множеством различных народов, а потому впусте и без пользы оставляемой земли очень мало; но вся обработана руками трудолюбивых земледельцев.

Между множеством различных селений, на

пути моём случившихся, деревня татарская Старый Баран, имеющая название сие от имени речки, тут текущей, достойна сведения потому, что в трёх верстах от неё, в вершинах упомянутой речки, посреди густого лесу находится ещё старинный городок, валами укрепленный.

На самой большой дороге, лежащей к пригородку Билярску в пятнадцать от последних городков, а в трёх верстах от деревни татарской, именуемой Чибаш, находится ещё старинное жилище, так поря-

дочно укрепленное, что должно справедливую похвалу приписать искусству древних сего места обитателей. Три возвышенные вала и столько же глубоких каналов окружают оный замок и представляют вид, дуге подобный. С западной стороны не имеет он никакого укрепления; да и не было им в том ни малой нужды: ибо тут в довольно крутых берегах течёт речка Чибаш, а позади её находятся места очень болотистые, которые могли жителей защищать в случае неприятельского нападения...

Виктор БИРЮЛИН (р. 1951)

РЫБАЛКА ЛЮБИТЕЛЕЙ (рассказ)

Пять часов утра! Край неба только светлеет. Самый сладкий сон. А в тихом летнем саду он ещё слаще. Но Ванюшка быстро заводит машину, и мы рулим к недалёкому устью Хмелёвки. Опоздали! В густых камышах и вокруг них уже торчат удочки местных рыбаков.

Пока вытаскивали из багажника снасти и надувную лодку, подъехал джип с большим дюралевым катером на прицепе. Джип привычно развернулся. Съехал прямо в воду. Из него вышли два крепких мужика в высоких резиновых сапогах. Настоящие речные волки. Отцепили катер, ловко забрались в него. На малых оборотах прогрели мощную «Ямаху» и стрелой помчались к далёким островам.

Проверят сети. Не на удочку же «волки» ловят рыбу. И домой с богатым уловом. А может, причалят к знакомому острову. Поставят палатку. Наберут сушняка. Не спеша разведут костёр. Затеют к вечеру уху. Вынут из прибрежного песка охлаждённую бутылочку. И за дружеской беседой под звёздами и свежим волжским ветерком проведут заветные часы жизни.

Накачав свой двухместный «Шкипер», направили его за нескончаемую полосу камыша. Утренняя прохлада быстро растворилась в лучах вышедшего из-за окоёма солнца. Камышовая зелень стала нежнее, мягче. В глазах зарябило от водяных бликов. Поспешили забросить несколько «косынок», «бакланов» и небольшую всегда некстати путающуюся сеть. Побросали и забученную с вечера прикормку из сухарей и жмыха.

Всё это оглядываясь, поскольку рыбоохрана на Волге не дремлет. Потом Ванюшка половил немного на удочку. Один раз сорвалась хорошая плотва. Немного поблеснил. Блёсны у него французские. Первый класс. Но щуки и судаки уже позавтракали. А я сидел на вёслах, с наслаждением вдыхал неповторимый запах волжской воды и разглядывал берег.

Чередующиеся земляные пласты выглядят безжизненными, миллионы лет назад исчерпавшими плодоносную силу. Но кое-где в них вцепилась трава. А внизу почти отвесной стены на границе с водой – пышное зелёное ожерелье из деревьев и кустарников.

Прямо на кромке красуются разнообразные, порой причудливые постройки. Вот маленький дворец из красного кирпича, весь в башенках. А рядом обычный дом с двумя широкими навесами по сторонам. То ли для застолий, то ли для рыбацких затей. Похоже, владельцы и дворцов, и хижин смирились с мыслью о возможных оползнях, обвалах. Зато в их окна вливается постоянно меняющийся свет отражённого Волгой солнца. И круглый год рыбалка. Равнодушные к ней вряд ли поселятся в таком опасном соседстве с большой водой.

Часто встречаются сходы к Волге. В глаза бросилась винтовая железная лесенка с ажурными перильцами. Пошли укромные пляжики. На одном заметил маленькую синюю палатку. Воображение тут же нарисовало укрывшуюся в ней влюблённую парочку. Не будут же рыбаки спать в такой час. Попадаются и замаскированные от недобрых взглядов лодочные стоянки.

Невольно забылся, пока не услышал: «Пап, чего ты в самые камыши правишь?». Напротив Ванюшка со своим хитроватым добрым прищуром в очередной раз замахивается спиннингом. А над головой солнце уже во всё небо. Вокруг спокойная волжская гладь. Её лёгкое колыхание убаюкивает, кажется, не только нас, но и острова, берега и «Шкипера», которого я привязал для устойчивости к камышам.

Вся жизнь в эти минуты сошлась на нашей лодке. Душе немного надо для радости. Достаточно приветливого родного взгляда, ласковой воды за бортом, смешного кваканья лягушек возле недалёкого берега и нескольких чаек, зигзагами носящихся над головой.

Как часто бывает в наших краях, погода резко изменилась. Вдруг подул сильный ветер. Волны стали накатывать всё выше, уже захлёстывая нас. «Шкипера» закачало. Куст камыша, к которому он привязан, вырвало с корнем.

Мы заторопились обратно, собирая по пути свои забросы. Улов? С десяток небольших плотвичек, краснопёрчок и линьков. И два рака, залезших в «баклан» за рыбой. У них была потом своя история со счастливым возвращением в родную стихию.

Алексей КИСЕЛЁВ (р. 1926)

МУРМАНСК – ГОРОД–ГЕРОЙ (отрывок из книги)

Мурманск красив в любое время года, но особенно – летом. Ибо особую нарядность ему придают в солнечные дни богатая палитра фасадов домов, чистота асфальтированных улиц, зелёное убранство скверов и газонов. Только в памяти старожилов да на фотографиях сохранились деревянные тротуары на улицах, нагромождение сараев возле бараков, пыльные или утопающие в грязи переулки. Строясь, город одновременно и преображался. Правда, временами было не до эстетики – не хватало ни сил, ни времени, ни средств.

Теперь – иначе: благоустройство города, его районов и улиц рассматривается как важнейшая социальная задача. Разве не выразительны, например, такие цифры: за каждую последнюю пятилетку участок (а теперь трест) зелёного строительства высаживал в городе по 1,5 миллиона цветов, десятки тысяч деревьев и кустарников. А это огромный труд: надо для начала завезти грунт, землю, создать почву, защитить саженцы от случайных повреждений. И не каждое дерево сразу приживается...

Но шелестят на ветру берёзы и осинки, ива и даже сирень. А какую радость приносит осенью красная рябина! Сейчас на каждого мурманчанина приходится почти по 4 квадратных метра зелёных насаждений – втрое больше, чем пять лет назад. Но и этого мало. Зелёная зона Мурманска становится всё гуще. Во многом это заслуга самих горожан. Десятки тысяч их по призыву исполкома горсовета выходят ежегодно весной и осенью на субботники и воскресники по благоустройству, принимают активное участие в месячниках. Коллективы предприятий наводят чистоту и порядок на подшефных улицах, жильцы домов – на дворовых территориях.

Зимой, в полярную ночь, Мурманск сверкает огнями. На уличное освещение он расходует, ни много ни мало, около полумиллиона киловатт-часов электроэнергии в месяц. В городе многие десятки распределительных и трансформаторных подстанций, сотни километров подземных и 200 километров воздушных кабельных линий. Современные светильники на металлических опорах ровными шеренгами встали по обеим сторонам улиц. Мощные

ртутные лампы типа «Солнце» заливают ярким светом просторы площадей. Голубые лучи прожекторов высвечивают мемориальные сооружения города – памятники В.И. Ленину, жертвам интервенции, защитникам советского Заполярья, ледоколу «Ермак», кораблям-героям. Щедрым многоцветьем играет-переливается световая реклама. Глянет моряк или пассажир теплохода на город с рейда Кольского залива – непередаваемая картина! Не об этом ли сложена песня Оскара Фельцмана на слова Евгения Долматовского?

*Коль не видел ты Мурманска с моря,
То не знаешь, как город красив...*

Мурманск активно участвует в осуществлении на деле принципов мирного сосуществования, в развитии добрососедских отношений со скандинавскими странами, поддерживает постоянные и тесные контакты с городами-побратими. В Швеции это Лулео, в Финляндии – Рованиemi, в Норвегии – Тромсё и Вадсё. Есть у Мурманска побратим и в США – город Джонсонвилль. Уже стали традиционными встречи спортсменов городов-побратимов, поездки делегаций органов городского самоуправления, культурные обмены. И кто бы и с какой целью ни приезжал в город, он отмечает: мурманчане помнят о войне, свято чтут подвиг победителей фашизма.

...В год 40-летия победы над фашизмом в северной части города была обнаружена (какая уже по счёту, сказать трудно) неразорвавшаяся авиабомба. Прибывшие по вызову строителей офицеры-сапёры сделали заключение: «150-килограммовая бомба немецкого производства, с двумя взрывателями. Корпус повреждён, но взрыв вполне возможен и непредсказуем. Надо вывозить за город». Но эвакуировать бомбу – это не грунт из-под строящегося дома вывезти. Сначала сделали ровную дорогу до шоссе, а только потом отправили бомбу и за городом взорвали её.

Это далеко не единичный факт. За полтора месяца до этого при реконструкции дороги Мурманск – Печенга было обнаружено в земле более 300 снарядов...

Михаил ОТРАДИН (р. 1941)

«ОБЛОМОВ» В ЗЕРКАЛЕ ВРЕМЕНИ (отрывок из сочинения)

Давно отмечено, что в создании «Обломова» сказался опыт работы писателя над книгой о кругосветном путешествии – «Фрегат «Паллада». Как признавался сам Гончаров, плавание на фрегате дало ему «общечеловеческий и частный урок». Писатель имел возможность не только сопоставить различные страны, целые миры, разделённые громадными пространствами, но и сравнить, увидев их практически одновременно, вживе различные

исторические эпохи: «сегодняшнюю» жизнь буржуазно-промышленной Англии и жизнь прошлую, жизнь «древнего мира, как изображают его Библия и Гомер». Как явствует из книги «Фрегат «Паллада», Гончаров, сравнивая Восток и Запад, пытается осмыслить переход от «Сна» к «Пробуждению» в глобальном масштабе, постоянно думал о России, о родной Обломовке. Рецензенты, в частности молодой Писарев, отметили, что автора «Фрегата «Паллада»

прежде всего интересует проблема национального русского характера, национальной судьбы.

История завершения «Обломова» в литературе о Гончарове давно получила название «мариенбадского чуда»: за несколько недель он – «как будто под диктовку» – написал почти все три последние части романа. У «чуда» есть объяснение: все эти десять лет он думал о романе, писал его в голове. Наконец, в одном из писем 1857 года Гончаров подытожил: «Я сделал, что мог». В откликах известных литераторов (И.С. Тургенева, В.П. Боткина, Л.Н. Толстого), познакомившихся с романом в авторском чтении по рукописи или сразу после его журнальной публикации, повторялся один и тот же эпитет: «Обломов – вещь «капитальная»».

Так, Л.Н. Толстой, судья строгий, не склонный потакать авторскому самолюбию, пишет А.В. Дружину: «Обломов – «капитальнейшая вещь, какой давно, давно не было. Скажите Гончарову, что я в восторге от Обломова и перечитываю его ещё раз. Но что приятнее ему будет – это что Обломов имеет успех не случайный, не с треском, а здоровый, капитальный и невременный в настоящей публике».

Роман Гончарова появился в период подготовки очень важных социальных перемен, прежде всего отмены крепостного права, когда особенно остро встал вопрос об историческом прошлом и будущем развитии «просыпавшейся России» (А.И. Герцен).

В пятом номере «Отечественных записок» за 1859 год было помещено письмо некоего Н. Соколовского из Симбирска. Судя по содержанию письма, он написал свой отклик, не дождавшись публикации заключительной части романа. Н. Соколовский первым заявил, что имя героя станет нарицательным. Независимо от Добролюбова (письмо и статья «Что такое обломовщина?» были напечатаны одновременно), он поставил Обломова в ряд «лишних людей». В заключение Н. Соколовский, точно почувствовавший актуальность затронутых романом проблем, убежденно заметил, что критику,

который решится писать об «Обломове», надо будет «вооружиться строгим анализом и поднять много социальных отношений». Как бы подтверждением этих слов и стала статья Добролюбова «Что такое обломовщина?», ставшая самым значительным явлением в истории критического осмысления романа Гончарова. Многие поколения русских читателей воспринимали «Обломова» по Добролюбову. Да и критики, даже если они не принимали его концепцию, так или иначе учитывали её, писали с оглядкой на Добролюбова. Статья была у всех «на слуху».

Масштаб, в котором рассматривается проблема, обозначенная в названии статьи, намечен уже в эпиграфе: «Русь», «русская душа», «веки» русской жизни.

Обращение к высокому гоголевскому слову о будущем России давало читателю возможность понять, что в сознании автора статьи содержание романа соотносится с главными вопросами национальной жизни в её историческом развитии.

Статья «Что такое обломовщина?» – один из самых ярких образцов «реальной критики», главный «приём» которой состоял в том, чтобы «толковать о явлениях самой жизни на основании литературного произведения». В своём понимании таланта Гончарова Добролюбов исходил из наблюдения, сделанного в 1848 году Белинским: «Г-н Гончаров рисует свои фигуры, характеры, сцены прежде всего для того, чтобы удовлетворить своей потребности и насладиться своею способностью рисовать; говорить и судить и извлекать из них нравственные следствия ему надо предоставить своим читателям». Добролюбов не просто признаёт правдивость изображения, но и отмечает, что речь идёт о произведении искусства высочайшей пробы. «Уменье охватить полный образ предмета, отчеканить, изваять его», «спокойствие и полнота поэтического мирозерцания» – в этом критик видит силу гончаровского таланта.

Анатолий ТРУШКИН (1941–2020)

ЧУДЕСА (рассказ)

Избирательная кампания... Где цирк-то! Теперь обещай не обещай – словам уже никто не верит. Народ говорит: «Никого не надо выбирать. Всё равно все будут воровать». Уже чудеса нужны, чтобы тебя избрали. Предвыборные технологии поэтому и шагают вперёд.

Я был на нескольких встречах, сам видел: кандидат ходил между избирателями и у каждого деньги доставал – у кого из кармана, у кого из ушей, из лифчиков, из волос на голове. У одного с лысины снял пять тысяч! Говорил в зал: «И себе, и вам – всем достану денег, только изберите меня».

Чего-то я сомневаюсь – достанет он на все-то... Мне кажется, вряд ли.

Другой денег не мог достать, но из ста рублей

делал сто долларов. Не прятал никуда! В руке держал. Дунет – вместо рублей у него доллары!.. Я дунул – у меня ничего, были рубли, и остались рубли. Он говорит:

– Дунь посильнее.

Я дунул – сто рублей улетели, никто не вернул. Он дунул – у него доллары, на доллары дунул – у него евро. Говорит:

– Всех научу, только изберите меня.

Но народ теперь тоже не дурак, сомневается:

– Это, наверное, фокусы. Сотвори настоящее чудо.

А технологии предвыборные на тот момент отставали от жизни, и он не смог сотворить чудо. Но буквально через неделю пошли мы с женой на

встречу с одним кандидатом. Тот, как все, обещает и обещает, народ набычивается и набычивается. Кандидат тогда карты достаёт:

– Вот карта у меня, а вот она уже у того дяди с шестого ряда.

Как она там оказалась? Я сам видел – никто не передавал. Не знаю, как она там оказалась.

Народ говорит:

– Ну и что? Вот до вас избрали одного в депутаты. У него через год коттедж, яхта, «Мерседес». Не успела прокуратура взглядом моргнуть, уже коттедж не у него, а у дяди... по отцу, яхта – у дяди по матери, «мерседес» – у тётки.

Но кандидат хорошо подготовился, говорит:

– Зря вы мне не верите, я что обещаю, делаю.

И останавливается возле слепого. Слепой спрашивает его про пенсию. Кандидат:

– Если меня выберёте, увеличу всем пенсию в четыре раза, а ты, слепой, прозрей и иди.

Коснулся его, тот глаза распахнул:

– Я вижу, вижу! Голосуйте за этого кандидата!

Повезло слепому. Жена мне ещё сказала:

– Тебе бы там сесть с твоим геморроем-то.

Вот такие уже технологии. Но бывают и сомнительные чудеса. Женщина одна:

– Я лечусь уже десять лет, а детей у меня нет и нет. Бог не даёт.

Кандидат:

– Я дам!.. Если меня выберёте. – И рукой повёл в её сторону.

Она:

– Ой, я на третьем месяце! Голосуйте за него!

Мне чего-то кажется, что здесь подстава была. Уж больно быстро она... Но народ у нас простоватый пока, многие всё равно поверили.

А вообще с подставами опасно работать. Одному кандидату сделали подставу – «инвалида» хромого. Кандидат должен был подойти, ударить его палкой по ноге, сказать: «Ты здоровый, иди работай». Тот должен был крикнуть: «Ой, я здоровый!» – и убежать работать. А оппозиция заманила «подставу» в буфет, на его место посадила настоящего хромого.

Кандидат спускается в зал:

– Я не потерплю возле себя проходимцев, я всех заставлю работать!

И палкой хромого по больной ноге. А тот из бывших десантников. Прицелился костылём и по спине ему ка-ак хрястнет!.. Но немного промахнулся, попал в висок. Кандидат внешне ничего – наверное, ему что по спине, что по голове, но всё-таки он забыл, что хотел обещать, и заврался... Проиграл, короче.

Нет, теперь как кампания избирательная – мы на все встречи всей семьей. Интересно, до чего технологии дойдут. Хотя я не знаю, в принципе-то можно доказать, что если тебя выберут, то ты-то уж точно воровать не будешь?

Мне кажется, всё равно, если даже докажут, – хоть немного, а будут подворовывать.

Светлана СУСЛОВА (р. 1946)

ЖЕНСКИЕ УКРАШЕНИЯ КАЗАНСКИХ ТАТАР *(отрывок из монографии)*

Среди татар – крупных по численности тюркоязычных народов нашей страны – наиболее массовыми и определяющими считаются татары Среднего Поволжья и Приуралья. Они делятся на две родственные по происхождению, языку и культуре этнографические группы: казанские татары и татары-мишари, отличающиеся между собой специфическими особенностями в быту и языке.

Наиболее многочисленную и самобытную группу татар Среднего Поволжья и Приуралья представляют собой казанские татары, которые издавна являлись центральной группой, вокруг которой шла этническая консолидация татарского народа. Коренная этническая территория казанских татар (особенно Казань и районы Заказанья) издавна представляла собой наиболее развитый в экономическом отношении район Среднего Поволжья и Приуралья, древнейшее место сосредоточения всевозможных ремёсел, в том числе и ювелирного. Достижения и национальное своеобразие татарского ювелирного дела особенно ярко отразились на женских ювелирных украшениях.

Мастера-ювелиры Казани и Заказанья сумели сохранить и развить традиционное ювелирное искусство, получившее высокое развитие в крае ещё

в болгарское время и период Казанского ханства... Значительная часть казанских ювелиров проживала в Новотатарской слободе Казани. Широко занимались производством ювелирных украшений в исследуемый период времени и в селениях, особенно в современном Сабинском, Арском, Мамадышском районах. В некоторых деревнях Сабинского района (Тэнэки, Юлбат) изготовлением украшений занимаются до настоящего времени. Очагом ювелирного производства в Западном Закамье была д. Карамышево (современный Черемшанский район Татарии). Лучшим ювелиром этой деревни в конце XIX – начале XX вв. был выходец из Заказанья Абжат-бабай Нутфуллин, обучивший ювелирному делу и двух своих сыновей. Слава о нём, как об искусном мастере, шла по всей волости, знали его и в Казани.

Татарские мастера владели всем технологическим процессом ювелирного дела (от изготовления заготовок до вторичной их обработки). Основным материалом для изготовления украшений служило серебро различных проб: низкопробное у основной массы населения и высокопробное у высших слоёв. Широко было распространено золочение серебра.

В Казани в серебряном деле издревле наибольшее развитие получила чеканка. Известно, что

в 1652–1653 гг. «годные к государеву делу» казанские чеканщики были приглашены в Москву для оформительских работ в Кремле. Чеканка в творчестве татарских ювелиров встречается трёх видов: пуансонная (точечная), плоско-рельефная и высоко-рельефная, которая представляет собой уже тиснение и штамповку.

Другими широко распространёнными видами ювелирной техники у казанско-татарских мастеров были литьё и гравировка. Чаще всего отливкой из дешёвых металлов делалась имитация старинных екатерининских и елизаветинских рублей и мелкой серебряной монеты, широко применявшихся при изготовлении женских украшений. В технике гравировки особенно часто выполнялись браслеты, бляхи. Гравировка изделий часто сопровождалась насечкой или инкрустацией из другого металла, а также чернью.

Наиболее квалифицированные татарские мастера владели и техникой скани. Казань была единственным городом в Поволжье, где было развито

искусство скани, причём оно носило здесь особый характер. Так, в России почти повсеместно сканные узоры расцвечивали эмалью. Казанская скань является исключением, её завитки дают чисто графические рисунки сложных мелких узоров. С точки зрения техники татарская скань связывается исследователями скорее со среднеазиатской или греческой, чем с русской. В глубоких маленьких ячейках, образованных завитками скани, у казанцев нет эмали. Однако они не только знали эмаль, но владели даже таким сложным техническим приёмом, как покрытие эмалью чеканного рельефа.

Скань татарские ювелиры изготавливали трёх видов: плоскую, накладную и бугорчатую. Бугорчатой сканью, являющейся высшим достижением ювелирной техники казанско-татарских мастеров, выполнялись дорогие бляхи для татарских шейно-нагрудных украшений, застёжки для камзолов и браслетов. Имела распространение у казанско-татарских ювелиров и связанная со сканью зернь – мелкие металлические шарики...

ЮБИЛЕЙНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

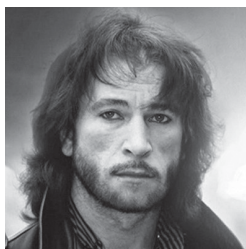
НОЯБРЬ 2021

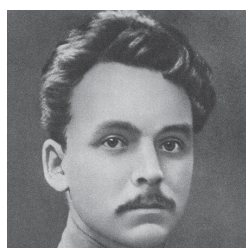
1 ноября – 45 лет исполняется прозаику **Марии Александровне Ульяновой**, псевдоним – Уляя Нова (р. 1.11.1976, г. Домодедово Московской обл.). Окончила Литературный институт им. А.М. Горького. Член Союза писателей Москвы. Автор книги прозы: «Реконструкция Евы» (2013); романов «Инка» (2004), «Лазалки» (2010), «Как делать погоду» (2012), «Собачий царь» (2016), «Чувство моря» (2018) и др. Живёт в Москве. В сентябре 2017 года приняла участие в VII Международном культурном форуме в Ульяновске; встретилась с читателями в Ленинском мемориале.

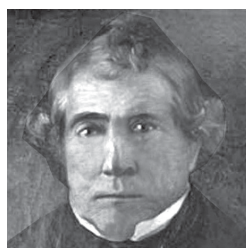
2 ноября – 60-летний юбилей отмечает поэтесса **Любовь Геннадьевна Рассошных** (р. 2.11.1961, г. Чусовой Пермской обл.). Окончила Пермский химико-технологический техникум (1981). С 1981 года живёт в Ульяновске. Работала на УЗТС и УАЗ. Посещала литературные объединения «Надежда» и «Горизонт». Публиковалась в многотиражках «Станкостроитель» и «Панорама УАЗ», в газетах «Ульяновская правда» и «Ульяновский комсомолец», сборниках «Запах первого снега», «Притяжение доброты», «Ликующая муза», «Милая роща», «Золотая осень» и др.

4 ноября – 65 лет со дня рождения рок-музыканта, певца, поэта **Игоря Владимировича Талькова** (4.11.1956, пос. Грецовка Щёкинского р-на Тульской обл. – 6.10.1991, г. С.-Петербург). В 1979 году на концерте в Ульяновске испанского певца Мичела был представлен бас-гитаристом его оркестра. В 1987-м по приглашению В.В. Ястребова стал гостем рок-клуба «Автограф» в Ульяновске. Создал группу «Спасательный круг». Был застрелен во время концерта. Посмертно изданы поэтические сборники «Монолог» (1992), «Оборванная струна» (1993, вместе со стихами В.Р. Цоя).

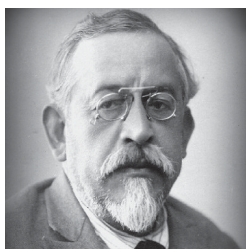
7 ноября – 130 лет назад родился прозаик **Дмитрий Андреевич Фурманов** (7.11.1891, с. Середа, ныне г. Фурманов Ивановской обл. – 15.03.1926, г. Москва). Участник Гражданской войны. В 1919 году служил комиссаром в дивизии В.И. Чапаева. Не раз бывал проездом на станциях Инза, Барыш, Базарный Сызган и Кузоватово Симбирской губ. Автор повестей «Красный десант» (1922), «В восемнадцатом году» (1923); романов «Чапаев» (1923), «Мятеж» (1925); цикла очерков о М.В. Фрунзе (1925) и др. Его именем названа улица в Ленинском р-не Ульяновска.

11 ноября – 180 лет со дня рождения английского писателя, путешественника **Маккензи Уоллеса** (11.11.1841, д. Богхед, Южный Ланаркшир, Шотландия – 10.01.1919, г. Лимингтон, Гэмпшир, Англия). В 1870–1875 гг. жил в Петербурге, Москве, Ярославле; совершил поездку на пароходе по Волге от Нижнего Новгорода до Царицына, останавливался в Симбирске. Результаты своих наблюдений изложил в книге «Россия» (1877). В поездке по Самарской губ. его сопровождал А.Н. Гончаров – племянник писателя. Выпустил книгу «Паутина Империи» (1902).

14 ноября – 190 лет назад родился публицист **Дмитрий Фёдорович Самарин** (14.11.1831, г. Москва – 15.12.1901, там же). Родовое поместье отца находилось в с. Вязовка Симбирской губ. (ныне Радищевского р-на Ульяновской обл.). Владел здесь имением с братом Юрием. Автор статей: «Барон Шульц фон-Ашероден и доктор Меркль», «Уставная грамота и оброчная подать», «Передел общинных полей» (1873), «Приход церквей» (1864) и др. Издал книгу «Поборник вселенской правды» (1890), где полемизировал с философом В.С. Соловьёвым.

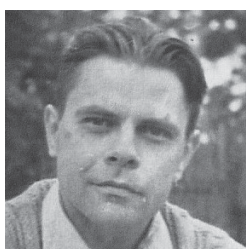
14 ноября – 145 лет со дня рождения татарского политического деятеля, журналиста, историка, публициста **Юсуфа Хасановича Акчуры** (14.11.1876, г. Симбирск – 11.03.1935, г. Стамбул, Турция). Из рода симбирских купцов Акчуриных. В 1883 году переехал с матерью в Стамбул. Жил в Париже, Казани. Не раз приезжал в Симбирск и Старое Тимошкино. В 1916-м в Цюрихе встречался с В.И. Лениным. С 1923 года был советником президента Турции К. Ататюрка. Издал книгу «Тюркизм» (1928). В 2015-м в Ульяновске проведена конференция памяти Ю. Акчуры.

16 ноября – 95 лет со дня рождения журналиста, писателя **Михаила Андреевича Чеботаева**, псевдоним – М. Андреев (16.11.1926, с. Белый Ключ, ныне Вешкаймского р-на Ульяновской обл. – осень 2013, г. Москва). Окончил Литературный институт имени А.М. Горького (1961). Автор поэтических сборников «Флотские годы» (1966), «Непокой» (1970), «У мира на виду» (1980), «Океанский фарватер» (1981); книг прозы: «В море штормовом» (1975), «Служебный меридиан» (1986), «Крест и голгофа Константина Воробьева» (2008) и др. Член Союза писателей России (1994).

16 ноября – 50-летний юбилей отмечает поэтесса **Ольга Николаевна Вотякова**, псевдоним – Вольнова (р. 16.11.1971, г. Ульяновск). Автор поэтических книг «Душевный шум достигнутых мгновений» (2003), «Аллея писем» (2008), «Первоклассика» (2012), «ЗагаДАРики» (2013), «Междунамые» (2016), «Игрушки» (2017) и др. Член Российского союза профессиональных литераторов (2014). Лауреат молодёжного литературного конкурса «Первая роса» (2016). Руководитель и педагог семейного клуба «Радей».

17 ноября – 105 лет со дня рождения переводчика **Константина Алексеевича Чугунова** (17.11.1916, г. Симбирск – 30.03.1991, г. Москва). В 1931–1934 гг. трудился в Ульяновске на заводе им. Володарского. Служил в органах госбезопасности, работал в агентстве ТАСС. Зам. главного редактора журнала «Иностранная литература» (1967–1990). Член Союза писателей СССР (1975). Перевёл на русский язык произведения Рокуэлла Кента, Уильяма Фостера, Патрика Прингала, Ларса Лоуэнса, Джона О’Хары, Ирвина Шоу, Джона Апдайка и др. Заслуженный деятель культуры РСФСР.

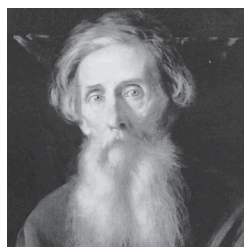
18 ноября – 185 лет назад родился литератор **Николай Михайлович Соковнин** (18.11.1836, с. Хвостиха, ныне Кузоватовского р-на Ульяновской обл. – 1880-е гг., г. С.-Петербург). Сын владельца с. Хвостиха; род Соковниных внесён в дворянскую родословную книгу Симбирской губ. Учился в Симбирской гимназии. Со 2-й половины 1870-х гг. жил в Петербурге. Поддерживал дружеские связи с поэтом Д.Д. Минаевым. Написал «Воспоминания старого казанского студента. 1856–1858», опубликованные в журнале «Русская старина» (1892).

20 ноября – 75-летний юбилей отмечает духовный писатель, патриарх Московский и всея Руси **Кирилл**, в миру – Владимир Михайлович Гундяев (р. 20.11.1946, г. Ленинград). Посетил Ульяновск 20–21 мая 2015 года: возложил венок к Вечному огню, открыл памятный знак патриарху Сергию, совершил освящение Спасо-Вознесенского собора. Автор книг «Преодоление смуты» (2013), «Святая Земля» (2014), «Говорить Божию Правду» (2016), «Слово к ближним и дальним» (2018), «Живая память. Святые и мы» (2018), «Русь святая, храни веру православную» (2018) и др.

22 ноября – 260 лет со дня рождения литератора, историка **Платона Петровича Бекетова** (22.11.1761, г. Симбирск – 18.01.1836, г. Москва). Двоюродный брат поэта И.И. Дмитриева. Жил в Москве. Автор сочинений «Стихи к портрету г. Вольтера», «Паук. Притча», «надписей» к статуям А.В. Суворова и Я.Ф. Долгорукова; опубликовал переводы: «Иль пенсеро, или Мысли Мильтоновы», «Пилигрим» Ж. Казотта, «О древних поэтах европейских, известных под именем бардов» и др. В 1811–1823 гг. председатель Общества истории и древностей российских.

22 ноября – 220 лет назад родился писатель, этнограф **Владимир Иванович Даль**, псевдоним – Казак Луганский (22.11.1801, пос. Луганский завод, ныне г. Луганск ЛНР – 4.10.1872, г. Москва). Был в дружбе с А.С. Пушкиным. Не раз бывал в Симбирской губ.; гостил в имении Н.Т. Аксакова в с. Репьёвка (ныне Инзенского р-на). Автор многих повестей, а также книг «Русские сказки» (1832), «Были и небылицы» (1839), «Пословицы русского народа» (1862), «Толковый словарь живого великорусского языка» (1866) и др. Его имя носит библиотека №12 в Ульяновске (2018).

23 ноября – 100 лет со дня рождения литератора, мемуаристки **Веки Фёдоровны Панфёровой** (23.11.1921, г. Вольск, ныне Саратовской обл. – 9.08.2014, г. Москва). Дочь писателя Ф.И. Панфёрова. Окончила МГУ (1949). Жила в Москве. Основала в Вольске

литературный центр им. Ф.И. Панфёрова. Не раз приезжала в р.п. Павловка Ульяновской обл. Автор повести об отце «Дело всей жизни» (1987); книг мемуаров «Фёдор Панфёров – мой отец: очень личные воспоминания» (1996), «Фёдор Панфёров в моей жизни» (2006). Член Союза писателей России (2001).

26 ноября – 225 лет назад родился драматург, поэт **Николай Васильевич Сушков** (26.11.1796, ? – 19.07.1871, г. Москва). Сын симбирского губернатора В.М. Сушкова и писательницы М.В. Сушковой. В 1799–1803 гг. жил в Симбирске. Был женат на родной сестре поэта Ф.И. Тютчева. Автор пьес «Сафо» (1823), «Бедность и благотворительность» (1847), «Комедия без свадьбы» (1849), «Движущиеся столы» (1853); сборника стихов «Книга печалей» (1855); сочинений «Воспоминания о Московском университетском благородном пансионе» (1848) и др.

«Воспоминания о Московском университетском благородном пансионе» (1848) и др.

26 ноября – 110 лет со дня рождения чувашского поэта, драматурга **Якова Гавриловича Ухсая** (26.11.1911, с. Слакбаш, ныне Белебеевского р-на Башкортостана – 7.07.1986, г. Чебоксары). В 1938–1939 гг. преподавал в Ульяновском чувашском педучилище. С 1940 года жил в Чебоксарах. Народный поэт Чувашской АССР (1950). Автор пьес «Судьба» (1940), «Тудимер» (1941); поэм «Дед Кельбук» (1950), «Лебяжье» (1955), «Земля» (1961); трилогии «Звезда моего детства» (1973) и др. Лауреат Государственной премии РСФСР (1972). В 1983 году приезжал в Ульяновск.

«Звезда моего детства» (1973) и др. Лауреат Государственной премии РСФСР (1972). В 1983 году приезжал в Ульяновск.

26 ноября – 40 лет исполняется поэту, литературному критику **Григорию Викторовичу Шувалову** (р. 26.11.1981, пос. Ладва Прионежского р-на Республики Карелия). Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Член Союза писателей России. Главный редактор поэтического журнала «Разговор». Автор книги стихотворений «Весточка» (2017). Был участником Гончаровского праздника в Ульяновске 17–18 июня 2018 года; провёл семинар в рамках Всероссийского молодёжного литературного совещания «На родине Гончарова». Живёт в Москве.

главный редактор поэтического журнала «Разговор». Автор книги стихотворений «Весточка» (2017). Был участником Гончаровского праздника в Ульяновске 17–18 июня 2018 года; провёл семинар в рамках Всероссийского молодёжного литературного совещания «На родине Гончарова». Живёт в Москве.

27 ноября – 75-летний юбилей отмечает литературовед **Елена Ивановна Анненкова** (р. 27.11.1946, пос. Неболчи, ныне Любытинского р-на Новгородской обл.). Окончила Ленинградский пединститут им. А.И. Герцена (1970); с 1991 года возглавляет здесь

кафедру русской литературы. Была в Ульяновске в 2006 году; выступила на прошедших в УлГУ Аксаковских чтениях. Автор изданий «Гоголь и Аксаковы» (1983), «Гоголь и декабристы» (1989), «Аксаковы» (1998), «Гоголь и русское общество» (2012), «Константин Аксаков. Веселье духа» (2018) и др.

27 ноября – 70 лет исполняется литератору **Владимиру Николаевичу Янушевскому** (р. 27.11.1951, г. Куса Челябинской обл.). Окончил УлГПИ им. И.Н. Ульянова (1974). Кандидат педагогических наук. Работал в Ульяновском институте повышения квалификации и переподготовки работников образования. Стихи и прозу публиковал в журналах «Радуга», «Волга», «Литературный Ульяновск», «Вопросы литературы» и др. Призёр фестиваля малой прозы, посвящённого 180-летию И.С. Тургенева (1998). Автор поэтического сборника «Двоеочие, или «Бронзовый век» (2008).

«Двоеочие, или «Бронзовый век» (2008).

30 ноября – 120 лет назад родилась мемуаристка **Мария Семёновна Жак** (30.11.1901, г. Ростов-на-Дону области Войска Донского – 1995, там же). Окончила Северо-Кавказский университет (1925). Работала библиотекарем в Ростове-на-Дону. Во время войны была эвакуирована с семьёй на Среднюю Волгу. В 1942–1943 гг. жила у родственников в Мелекесе, трудилась в городской газете «Власть труда». Автор воспоминаний «Я помню», посмертно опубликованных в альманахе «Ковчег» и журнале «Донской временник» (1999–2002).

«Я помню», посмертно опубликованных в альманахе «Ковчег» и журнале «Донской временник» (1999–2002).

30 ноября – 65-летний юбилей отмечает чешский литературовед **Мартин Маховец** (р. 30.11.1956, г. Прага, Чехословакия, ныне Чехия). Окончил Карлов университет в Праге. Теоретик литературы «чехословацкого андерграунда»; читает лекции в Чехии, США, Германии, Венгрии, Италии, России и др. Вместе с П. Гуловой и Л. Мартинеком был участником Ночи чешской литературы в Ульяновске 14 мая 2015 года. Автор книги «Письма подполья: Размышления о нелегальных текстах в коммунистической Чехословакии» (2020).

«Письма подполья: Размышления о нелегальных текстах в коммунистической Чехословакии» (2020).

55 лет исполняется поэтессе, прозаику, автору-исполнителю **Светлане Ягер**, творческий псевдоним – Лана Оли (р. 1966, г. Ульяновск). Выпускница Ульяновского музыкального училища (1987). В 1999 году переехала в США, штат Миссури; живёт в г. Канзас-Сити. Окончила Литературный институт им. А.М. Горького (2018). Автор поэтического сборника «Сезон любви» (2011), книги стихов и прозы «Дом. Ой. Home» (2018). Публиковалась в журнале «Симбирскъ» (2016). В 2018 году в Ульяновске провела презентацию книги во Дворце книги и в библиотеке №17.

405 лет назад родился среднеазиатский поэт **Аллахияр Суфий** (1616, по др. данным около 1630, обл. Минкаль, ныне возле г. Каттакурган, Узбекистан – 1713, по др. данным около 1723, г. Александрия, Египет). Писал на тюркском и персидском языках, жил в Бухаре. Потомок выходцев из Поволжья. В преклонном возрасте совершил хадж в Казань и Болгар, добирался до которых по территории нынешней Ульяновской обл. Главные произведения: «Неукротимость немощных», «Цели просветлённых», «Путь богобоязненных», «Сокровища благоверных».

ПОЭЗИЯ

ЮБИЛЯРОВ НОЯБРЯ

Любовь РАССОШНЫХ (р. 1961)

СОЛНЕЧНЫЙ ТРАМВАЙ

Я еду в солнечном трамвае,
А за окном шумит апрель,
И я счастливая такая,
Что в лето приоткрылась дверь.

Слышны над Волгой крики чаек,
Деревья первых листьев ждут.
Я так хочу, чтоб не кончался
Трамвая этого маршрут.

ЧИТАЯ ПУШКИНА

Трель соловья опять стрельбой нарушена.
О, беспощадный наш двадцатый век!
А девочка читает сказки Пушкина,
В них радость, чудеса, добро и свет.

Когда ж мы от жестокости излечимся?
Глядит весна в раскрытое окно...
И девочка, а с нею человечество
Так верят: будет зло побеждено!

БАБЬЕ ЛЕТО

А поезд мой вперёд летит,
И нет в него назад билета.
А мне так хочется сойти
На остановке «Бабье лето».

Здесь так уютно и тепло,
И светлых дней ещё немало,
Не всё на сердце отцвело,
Отзеленело, отыграло.

Пусть день короче, чем вчера,
Но зажигать не время свечи.
Пусть подморозило с утра,
Но будет солнечно под вечер!

* * *

Ну-ка, горькой плесните скорей!
Вроде, праздник, а душу не греет.
Вот опять у меня юбилей.
Сколько ж их там всего, юбилеев?

Дни ползут, как в термометре ртуть:
Хладнокровно, размеренно, просто.
Боже мой, как он короток, путь
От зачатия и до погоста!

Игорь ТАЛЬКОВ (1956–1991)

ПАРУС

Белеет парус в тишине.
Белеет, на волнах качаясь.
Он подарил надежду мне,
Надежда – этот белый парус.

Из плена вечной суеты
Моя мечта к нему стремится,
Чтоб в свете утренней звезды
С рассветом в небе раствориться.

* * *

Не спеши проклинать этот мир –
Он не так уж и плох,
Если утром ты видишь цветы
У себя на окне.
А за окнами светится храм,
А во храме есть Бог.
Но а если он есть –
То землёй не владеть сатане!

РАЗНОЕ О РАЗНОМ

Я просыпаюсь – чуждый миру,
Ловлю себя на том, что день,
Подобный жадному вампиру,
Опять вопьётся в чью-то лиру,
Хотя за окнами – сирень.

Хотя за окнами бушует
Весенний яркий карнавал,
Под звон ручьёв за жизнь ратует
Счастливых птиц глумной хорал.

Я просыпаюсь – чуждый счастью,
Мне день, не день,
И ночь, не ночь,
Я вижу за окном ненастье,
В котором некому помочь...

Михаил ЧЕБОТАЕВ (1926–2013)

* * *

О, родимая округа,
Старосельский окоём,
Сколько можно друг без друга?!
Пробил час побыть вдвоём.

Приоткройся снова взору,
Улыбнись приветно мне.
Убедись, не опозорил
Я тебя на стороне.

Вот они, мои награды,
Это значит, что вдали
На земле был труд в услуду
Человеку от земли.

В честь твою в походных далях
Вахты правил, и притом
Всюду видел не тебя ли
Я в сиянье золотом?

ТОВАРИЩ РИСУЕТ БЕРЁЗЫ

Отступили и штормы, и грозы.
В сотнях миль от родимой земли
Мой товарищ рисует берёзы,
Видя пальмовый берег вдали.

Мы в походе седьмую неделю,
И матросу дороже вдвойне,
С чем сроднился ещё в колыбели,
Что, тоскуя, он видит во сне.

Это чувство любому знакомо.
Провожая служить на моря,
Белогрудки у отчего дома
Колдовали над нами не зря.

Колдовали, росой кропили,
Осыпали серёжки к ногам,
Чтобы мы зачарованы были,
Чтоб всегда они виделись нам.

Пальмы высятся гордо и броско,
Манит гладью лазоревый плёс.
Но горят на картине матросской
Обручальные кольца берёз.

Ольга ВОЛЬНОВА (р. 1971)

ЯДРО

Ядро под мантией Земли
Дрожало мелко,
В расплавленных часах Дали
Окрепил стрелки.

И время стронулось внутри,
И мир затикал,
И новый круг неповторим,
И место стыка.

А ось космическим копьём
Планету жалит,
И всё прозрачной связью времён
Во время жалоб.

Втекаю в толщу бытия
Струёй песочной,
И явь, и новь уже моя,
И время прочно.

Ядро под мантией Земли
Дрожит слабее,
Часы на время завели,
Авось успею.

ГОНКА

Хочется выдержать гонку
В беге с самою собой,
Сбросить подковою звонкой
Опыт в осенний запой.

Пусть подбирают на счастье –
Мне это всё ни к чему,
Вместе с породой и мастью
Трудную долю приму.

Всё, что затеплилось ночью,
Утром – седая зола.
Было ли пастбище сочным,
Да и любовь ли была?

Снова с собою в упряжке
Я от сомнений несусь,
Топчут копыта ромашки.
«Тпру!» – отрезвит меня Русь.

Платон БЕКЕТОВ (1761–1836)

ПЕСНЯ

Не свети ты, месяц, ясно
И не мучь мой дух тоской,
Вспоминая мне всечасно,
Что любезной нет со мной!

Вспоминая те минуты,
Что исчезли так, как сон,
Ты сугубишь муки люты,
Извлекаешь тяжкий стон.

Ты свидетель молчаливый
Всех утех моих бывал,
Как в объятиях у милой
В свете все я забывал:

Будь свидетель злой судьбине,
На тоску мою взгляни!
Вздохи слышишь только ныне,
Видишь слезы ты одни.

Как густые затмевают
Облака лучи твои,
Так печали облакают
Дух и мысли все мои.

Видя ты мое мученье,
Как стену я без нее,
Злой печали в облегченье
Хоть во сне яви ее!

Покажи мне вид любезной,
Вид, столь милый для души,
И в всегдашней части слезной
Слезы хоть на час ты осуши!

Николай СУШКОВ (1796–1871)

РАЗДУМЬЕ

Сир и беден на земли –
Я скитаюсь в край из края...
Что-то ждёт меня вдали?
Что-то сердце, занывая,
То забьётся, то замрёт!
То огонь во мне, то лёд!
То – надежды полон – вспыхну!
То – уныл – тоской затихну!
Где ж безвестности рассвет?
Где узнаю жребий тайный?
Где бессмертия обет?
Неужель зажглась случайно
Искра неба на земли?..
Что же ждёт меня вдали?
Что готовит Провиденье?
Казнь иль мир? Любовь иль мщенье?

1794

1831

ЕВАНГЕЛИЕ

Вот Книга книг, скрижаль любви:
Когда порой тебе взгрустнётся,
Её на помощь призови –
И так легко тебе вздохнётся!
Твой взор пытливым жизни в даль
Стремится сквозь девичьи грёзы:
То помрачит мечты печаль,
То детский смех осушит слёзы;

Е. Ф. Т.

Всё встретишь в жизни: и цветы,
И тернии! Прерви ж гаданья,
Смири невнятные желанья,
Раскрой священные листы, –
Предайся всею мыслью Богу:
Он «жизнь и истина и путь» –
И прояснится понемногу
Твоя судьба, и стихнет грудь.
Молись – и жди! Молись в смиренье!
В благочестивом размышленьи
Ты сердцу силы почерпни!...
Молитвою, когда умру я,
Меня, не плача, не тоскуя,
В невинном сердце помяни.

1853

Яков УХСАЙ (1911–1986)

ПЕСНЯ ПРО ВОЛГУ

Лейся, песня, долго-долго
По-над Волгою рекой!..
Хороша ты, наша Волга,
Славен берег твой крутой!

В былях, в памяти народной
Ты осталась на века
Непокорной и свободной,
Волга-матушка река!

Ты купала нас при свете
Разгоравшейся зари.
Не с того ли твои дети,
Погляди, богатыри!

И в глазах, и в душах наших
Чистый свет твоей воды.
Всех ты рек, родная, краше,
Мы родством с тобой горды.

Враг завистливый, жестокий
На тебя пошёл войной,
Замутить хотел истоки
Нашей радости большой.

Но назад поворотили
Мы непрошенных гостей
И на Одере поили
Наших волжских лошадей.

Лейся, песня, долго-долго
По-над Волгою рекой!..
Хороша ты, наша Волга,
Не найти второй такой.

* * *

Вон в небе журавли... Куда стремится
Высокий и нестройный их отряд?..
Под ними сёла курские горят,
И негде отдохнуть усталым птицам.
О, как бы я, солдат, был нынче рад
В Чувашию родную возвратиться!
Но я с врагами должен расплатиться...
Так пусть на Волгу журавли летят.
Я из окопа им кричу: «Туда,
Туда летите, к солнечным затонам.

Переливаясь синим и зелёным,
Там плещется спокойная вода.
Там соловьи поют на берегу,
Там – я клянусь – вовек не быть врагу!»

Григорий ШУВАЛОВ (р. 1981)

* * *

Этот город похож на наркотик,
мне уже не уйти никуда.
Я бросаю с моста вертолётник,
и его забирает вода.

Наша жизнь далека от кошмара.
Над рекой расстилается смог.
На перила влюблённая пара
прицепила амбарный замок.

Гаснет день и кончается лето,
холодок продирает насквозь.
Никогда я не верил в приметы,
потому ничего не сбылось.

Собираются птицы к отлёту
на юга в дармовое тепло.
Зря я выбрал трагичную ноту,
но иначе и быть не могло.

ПРОБУЖДЕНИЕ

Природа, сжатая в кулак,
в апреле разжимает пальцы –
ликуют птицы и скитальцы,
и у поэтов всё ништяк.

Об этом после как-нибудь...
Апрель – и лопаются почки,
и дышат клейкие листочки
во всю распахнутую грудь.

Земля – как смятая постель,
пока на ней не вырос клевер.
И, как по компасу, на север
идёт вприпрыжку коростель.

Снег тихо прячется в лесу,
готовый превратиться в воду,
трава выходит на свободу,
услышав первую грозу.

Природа празднично-светла
и улыбается спросонок,
она беспечна, как ребёнок,
не знающий добра и зла.

Владимир ЯНУШЕВСКИЙ (р. 1951)

ПОЛДЕНЬ

Хлеб не отбрасывает тени.
Сверкнёт небесным блеском нож.
Свои молочные колени
Огладишь нежно и сожмёшь
И опахнёшь подолом. В ситце
Вспорхнёт жар-птица, и по шву
Тесьма смарагдово махрится,

Блестя на солнце. На траву
Падут тела и души. Странно,
Что наши губы точит ржа.
Незаживающая рана
В краюхе хлеба от ножа...

ПРУД

Аллея лип. Лубок усадьбы.
Заросший пруд под летним зноем
Блескуч. Молебны, тризны, свадьбы –
Быльём поросшее былое –
В нём отражались. В голубое
Мальчишки прыгают с отмошков
И по сей день. Густые брызги
Хрустально-пенистой коростой
Покроют зелень буйной ряски.
И от пронзительного визга,
От мокрых тел гончарно-красных
Пойдёт усталое зеркало
Волнами, полными неясных
Следов того, что не пропало,
А в складки времени запало.

КЛАССИКА

Чем глубже в своё, тем больше вашего:
Чеховские очки, рубаха-толстовка.
Милостидарь, сударь, вашество,
Дамские локоны, детская головка.

Сапоги всмятку, аршин пространства,
Тарантас, бричка, рыдван, коляска.
Тоска, самоедство, масонство, чванство,
Божья милость, монаршья ласка.

Карась-идеалист, барышня-крестьянка,
Шинель, юродство, охота, гаданье.
А какие смушки! Смущает цыганка:
Казённый том, страница, страданье.

Лана ОЛИ (р. 1966)

* * *

В доме моём – большая белая кухня.
Посередине – круглый стеклянный стол.
Серые шторы льняные, будни, будни
из тишины, и лист на столе пустой.

Я ухожу в его пустоту, и память
снова несёт меня в девяностый год.
Серые стены бетона, куда бы кануть,
если в кармане тридцать рублей всего?

Только в стихи. Так легче, намного легче,
кажется, раз и всё – разомкнётся круг.
Время со мной разберётся, зашьёт-залечит, –
я говорю себе и себе же вру.

А за стеной кричат, как всегда, соседи.
А за стеной – ребёнок. Не плачь, прошу.
А за окном, громыхая, трамвай проедет
так, чтоб навек оставить во мне свой шум.

* * *

Пустые души комнат.
В них время словно ртуть.
Тому, который помнит
меня – меня забудь.

Оставлю я бумажный
листочек на столе.
Совсем-совсем не страшно
расстаться на сто лет

и стать травой под градом,
прощая телу дрожь,
когда узнаешь правду,
что правда – это ложь.

* * *

Мои свободы, мои границы, –
лечу без неба бесцветной птицей.
А небо было, высоким было.
Вчера пропало. И всё остыло.

Бескрайни ночи, а дни – бескровны.
А между ними – стук сердца ровный
и безразличный. А в сердце... небо,
кусочек неба оставить мне бы.

Пропали люди – со мной простились.
Исчезли храмы и божья милость.
Одна, без стаи, в пустынном крае.
Лечу без неба. Куда – не знаю...

ПРОЗА ЮБИЛЯРОВ НОЯБРЯ

Улья НОВА (р. 1976)

СОБАЧИЙ ЦАРЬ (отрывок из романа)

С судьбой Топтыгин согласен, но помалкивает и виду не подаёт. И тем не менее все будние дни, какой ни возьми, имеют обыкновение час за часом нищать, истончаться, потихоньку в вечер превращаться.

Прокуковало радио рабочий полдень. Пора из берлоги родной вылезать. Пробуждается Топтыгин от бездействия, по волшебству обретает вид хитроватый и прищур вороватый. Гром ещё не грянул, можно было бы часок помечтать на ту тему, кто она, эта тараторка из радио, которая, что ни день, весело и бойко прославляет целебные свойства подорожник-травы. Но Топтыгин уже отмахнулся от газеты. С горечью отключает он тараторку и боязливо поглядывает на часы. Не в силах усидеть на месте, срывается с тахты. Ох и летает по квартире – не мужик, а ласточка перед грозой. Тут Топтыгин возится, пиджак щёткой царапает. Там Топтыгин шуршит, папиросы разыскивает. И в шкафу наглаженное раскидывает, разложенное по полочкам разбрасывает, возмущаясь, куда же делись штаны.

Готовится Топтыгин к бегству, за сборами озадаченно потирая щетину на подбородке. Щетина у него растёт островками, словно на болоте осока колючая, очень уж вид придаёт подозрительный. Поразмыслив, решает Топтыгин и сегодня как-нибудь обойтись без бритвы: а то в спешке рука дрогнет, будешь потом весь в порезах ходить.

Теперь, кажется, к побегу готов. С нетерпеливым трепетом выплываает он у двери, надвигая ботинки. Но случается же изо дня в день, как по расписанию: только обрадуется Топтыгин-человек, что судьбу вокруг пальца обвёл, тут же громом из ясно-го неба раздаётся торопливое скрежетание ключа в замке.

Антонина-жена с порога бессловесно торжествует. Брови её – ондатровый воротник, запахнутый в сильную пургу. Прошибает орлиный взор Топтыгина до хребта, отбивая тягу к сопротивлению, заставляя без оправданий уронить голову и покориться судьбе. Чтобы не пускать на самотёк жизнь косолапого, эта женщина степенная и важная целый день ломала голову, как бы убежать с работы пораньше. Уж она наплела про электрика, про новую люстру обмолвилась, кому надо их прогулы припомнила, до хрипоты побрехала со сменщицей, не без слёз пошептала с хозяйкой – всё же вырвалась на осенний рябиновый холодок.

Задыхаясь, бежала по парку Потаповна, каблучками давила красные яблочки. Из-под ног её срывались в небеса стаи перепуганных голубей. Когда она неслась по улице, в наискось застёгнутом плащике, в сбившейся измятой косыночке, удивлённые вороны на ветках качались и неодобрительно вослед каркали. Она шептала осипшим голосом извинения, когда сумками нечаянно рвала чулки. А ещё старалась в спешке не прибить дитё малое и не раздавить собачонку на тонких лапках, породу которой вслух при людях говорить неприлично... Всю дорогу жена мчалась, как карета скорой помощи по платному вызову, вот почему теперь команды вырываются из её горла с кашлем. Шёлковые подвитые волосы превратились в подмокшее сено. А по румяным щёчкам катятся капли пота, похожие на куриный бульон, и виснут на многоступенчатом подбородке.

Плащик летит на вешалку, ботинки срываются с ног, в три прыжка вторгается Потаповна на кухню. Кастрюли покорно вскакивают на плиту: кипят, бурлят, громыхают литаврами крышек. Чайник

трубит-заливается, сковородки чирикают и шипят, нож сверкает и крошит, морковь шаркает туда-сюда об тёрку. Чудится издали, что партизанский отряд разъярённых баб шумит и потеет, самозабвенно стараясь вырвать Топтыгина из обычной безмятежной одури. Не тратя время на разбирательства, жмёт жена на худенькое плечико, приговаривает: «Садись, горе». И опускает кроткого на табурет.

Дымится перед Топтыгиным полная тарелка щей, вкладывается в его руку ломоть хлеба, в другую, онемевшую и повисшую плетью, вставляется ложка. Золотая баба Потаповна усаживается рядом, подпирает кулаком щёку, разглядывает исподлобья, как

Топтыгин покорно обжигается супом. Не жена глядит, а сыч следит, как он безропотно уплетает тугое мясо с прожилками. Каждые полминуты эта самая жена, словно крыло, вскидывает руку в часы и кукует во весь голос: «Не копайся», отчего сосредоточенный на еде Топтыгин вздрагивает, рискуя подавиться, обжечься или от испуга слететь с табурета. «Как с ребёнком, честное слово, мять тебя размять», – бормочет он с набитым ртом. За это перед измученным Топтыгиным вырастает холм гречневой каши, увенчанный тремя сардельками и маринованным помидором, а в безвольную руку его вкладывается почерневшая кривоzubая вилка...

Дмитрий ФУРМАНОВ (1891–1926)

ПИСАТЕЛИ (отрывок из романа)

И вдруг в толпе мелькнуло знакомое лицо. Павел приподнялся на носки, но стоявший обернулся к нему спиной и продолжал разговор, жестикую деланно и настойчиво обеими руками. Павел полёгонуку протискался в сторону говорившего, выполз сбоку.

– Волконский... Здравствуйте...

Говоривший легко перевернулся, и на его молодом выбритом лице сначала скользнуло деланное изумление, потом так же деланно и неловко закрилась по губам фальшивая улыбка:

– Лужский... товарищ Лужский! Какими судьбами? Да разве здесь?

И он заторопился вопросами, протянул Павлу тонкую короткую руку.

– Здесь... В политотделе...

– Давно оттуда?

– Три месяца.

– Значит, всё маршруете?

И он холодно засмеялся, обнажив прекрасные чистые зубы. Потом вдруг серьёзно:

– А я тут глуп-пейшее дело... Ну, то есть такая глупость – сказать смешно. В отряд спекулянтов приписали... ха-ха-ха!..

Волконский снова широко сверкнул прекрасными сильными зубами.

– Волконский и – спекуляция... Кстати, у вас тут никого нет? – И он загадочным сдержанным движением повёл большой палец в сторону часовых. – Скорей бы, что ли, никак не доберусь... Выяснить – и баста...

Павел молча глядел в его барское прожелтевшее лицо и чувствовал, как от этой манерности у него что-то растёт, сгущается в груди.

– Здесь-то? Нет. Никого нет, – ответил он равнодушно. – Вы здесь, в Москве?

Волконский сделал лицо серьёзным и чуть прихмурился от небрежного ответа Лужского:

– А я уж тут по иной пошёл. Всё бросил – это уж вы пописывайте. Мы больше не пишем: в Губ-прод-комисс...

– Вон как... – промычал Павел. – Да нет, я тоже – какое писанье... Писать, знать, ещё рано.

– Ну-ну, не скромничайте. Вы всё такой же... Да, а где Пальцов, Салазкин, Кунц? Вы о них ничего не слышали?

Павел через две минуты простился с Волконским, он знал его ещё по Симбирску. Волконский что-то клеил там в культпросвете, пописывал в журнале.

Павел отошёл от мрачной, неприветливой толпы ожидавших и пошёл напрорез, мимо фонтана, к спуску. Фонтан стоял пустой и холодный, сухо желтели ржавые краники.

Бесстыдные и грустные, серели обнажёнными обгрызенными плечами статуи, словно пригнувшись под тяжестью чугунной тяжёлой вазы. Мраморный круг ополз и облез, жидкая решётка была местами выдрана из земли и ржавыми тонкими ниточками извивалась у грузного мраморного круга.

А за фонтаном, вдалеке рыжела рыхлая крутолобая стена Китай-города, в чёрную пасть Владимирских ворот вползала и вползала вон торопливая людская толпа. И тут все с мешочками на спинах, с кошёлками в руках, сердитые и строгие.

Угловая башня скудно выпятила огромное кирпичное пузо и темнела глубокими выбоинами, откуда высыпался раскрошенный годами кирпич. На стене, неведомо кем, поставлены были два худых бочонка; их, видимо, никто не замечал, не стащил в «буржуйку».

Лужский глянул на бочонки и мысленно прикинул, на сколько бы их хватило. И тут вспомнил, что дома нет газолину, что на вечер нечего есть, что ежели припустить ходу – можно ещё застать на «Смольбазе». Он, толкаясь, налетая и сшибая встречных, смешно подобрав одной рукой невероятно длинную шинель, мчался на рынок. Добежал до университета, подумал – и ударил вверх по Никитской. Тут в ряд стояли два полуразрушенных дома. Они когда-то, видимо, были огорожены, но изгородь растащили, и обломки кирпичей ссыпались на тротуар. Павел заметил и запомнил: «Будем класть пещурку, надо сюда смахать за кирпичами...».

Маккензи УОЛЛЕС (1841–1919)

РОССИЯ (отрывок из книги)

Кроме Невы, путешественники посещают обыкновенно Волгу и Дон, составляющие часть русского «Grand tour». Иностранцы, не ограничивающиеся посещением Петербурга и Москвы, отправляются обыкновенно по железной дороге в Нижний Новгород, чтобы видеть большую ярмарку, и затем садятся на какой-нибудь волжский пароход. Освоившись с фактом, что Россия вообще не богата красивыми видами, можно найти поездку по Волге довольно привлекательно. Левый берег её низменный, как берег Рейна ниже Кёльна, но правый берег высок, местами усеян лесом и не лишён живописных мест. Утром второго дня пароход достигает Казани, некогда столицы независимого татарского ханства. Число татарских жителей и теперь здесь довольно значительно. Несколькими мечетями, украшенными большими минаретами и расположенных в нижней части города, свидетельствуют о живучести здесь ислама, несмотря на то, что ханство уже более 300 лет присоединено к России. В целом, однако, город имеет более европейский, чем азиатский характер.

Путешественник, отправляющийся в Казань в надежде «бросить взгляд на Восток», сильно разочаруется, если только он не принадлежит к тем одарённым богатую фантазией туристам, которые повсюду открывают то, что желают видеть, особенно если это может послужить впоследствии интересным материалом для «путевых впечатлений». И всё-таки надо сказать, что Казань самый интересный город на этом пути. Он имеет если не восточный, то всё-таки своеобразный характер, между тем как другие города – Симбирск, Самара, Саратов – так же мало интересны, как и большая часть русских губернских городов.

Вероятно на третий день пути, рано утром, на горизонте покажется нечто похожее на цепь гор. Для избежания разочарования считаю нужным тут же заявить, что в этой части страны нет вообще ничего, что бы действительно заслуживало названия «горы». Ближайшая цепь гор в этом направлении есть Кавказ, который начинается однако в отдалении нескольких сот вёрст и, следовательно, не может быть виден с парохода. Упомянутые же возвышения представляют лишь цепь холмов, носящих название Жигулёвских гор. В западной Европе они едва ли обратили бы на себя много внимания, но

«в царстве слепых, как говорится, одноглазый есть уже король», и в такой равнине, как восточная Россия, эти холмы имеют большое значение. Не представляя ничего величественного, склоны этих гор, покрытые густым лесом и доходящие до водяного берега, производят однако значительное впечатление, особенно когда они покрыты нежным цветом ранней весны или густою лиственностью осени.

Отдавая полную дань уважения взглядам моих патриотических русских друзей, я должен однако высказать, что в целом виды Волги не вознаграждают потери времени, труда и расходов, каких требует поездка от Нижнего в Царицын. Кое-где попадаются красивые места, но их немного. Палуба парохода часто представляет больший интерес, чем берега реки. Здесь попадаются замечательные спутники. Большинство пассажиров – русские крестьяне, всегда склонные поболтать, без всякого формального знакомства, и охотно рассказывающие новому знакомому простую историю своей жизни. Я часто проводил такими образом много часов приятно и с пользой, и всегда убеждался, что крестьянин, при полуфаталистическом смирении, отличается добродушием, простым здравым смыслом, и не чужд стремления узнать что-либо о чужих странах; вследствие этого они не только рассказывали своё, но и ставили вопросы, которые, хотя и кажутся иногда детскими, но большею частью попадали в цель.

Между пассажирами попадают обыкновенно и представители живущих здесь финских племён; для этнологов, изучающих физиономию, они могут быть интересны; но они гораздо менее общительны, чем русские. Природа, кажется, создала этих людей молчаливыми и угрюмыми, а условия жизни сделали их боязливими и недоверчивыми. Татарин, напротив, почти всегда разговорчив и весел. Большею частью он ходебщик или вообще мелкий торговец. Узел, на который он опирается, представляет его склад товаров, состоящий обыкновенно из печатных материй и пёстрых платков. Сам он носит широкий, грязный халат и меховую шапку, даже когда температура доходит до 30° в тени. Хитрая подвижность его маленьких острых глаз представляет резкую противоположность с мрачными, безжизненными выражениями глаз сидящего рядом с ним финского крестьянина...

Константин ЧУГУНОВ (1916–1991)

ЛИХОРАДКА (отрывок из перевода рассказа К. Раймонда)

Карлайл оказался в беде. Ему было трудно всё лето, начиная с июня, когда от него ушла жена. Но приходящая няня понадобилась ему лишь недавно, когда до начала занятий в средней школе, где он преподавал, оставалось несколько дней. До этого обязанности няни выполнял он сам. Не отходил от детей ни днём, ни ночью. Их мать, как он им

объяснил, отправилась в длительное путешествие.

Первой няней, которую он взял, оказалась толстая девица девятнадцати лет по имени Дебби; она сказала, что выросла в большой семье и малыши её любят. Дебби назвала несколько фамилий людей, которые могли бы дать ей рекомендацию, и записала их адреса карандашом в блокноте. Карлайл взял

листок, сложил его и сунул в карман рубашки. Сказал, что завтра ему надо в школу, поэтому пусть она утром и приходит. Она сказала: «Ладно».

Он понимал, что жизнь его вступает в новую фазу. Айлин ушла, когда он ещё проставлял ученикам годовые отметки. Объявила, что уезжает в Южную Калифорнию, где начнёт новую жизнь. Она уехала с Ричардом Хоупсом, коллегой Карлайла по школе. Этот Хоупс преподавал драматическое искусство, а заодно вёл занятия по стеклодувному делу; судя по всему, отметки ученикам он выставил заранее, быстренько собрал вещички и вместе с Айлин покинул город. Теперь, когда мучительно трудное лето осталось позади и наступал новый учебный год, Карлайл понял наконец, что без приходящей няни ему не обойтись.

Первые его попытки успеха не принесли, и когда он уже почти потерял надежду, ему подвернулась эта Дебби.

Поначалу Карлайл радовался, что она согласилась у него работать. Он вверил ей и дом, и детей, точно это была его родственница. Так что винить ему, кроме себя и собственного легкомыслия, было некого, когда несколько дней спустя он приехал из школы раньше обычного и обнаружил перед домом чей-то автомобиль. С зеркала заднего вида свисала пара побрякушек. В палисаднике, к своему изумлению, Карлайл обнаружил собственных детей – чумазых, в запачканной одежде; они играли с большой собакой, которой ничего не стоило откусить ребёнку руку. Его сынишка Кейт икал и имел заплаканный вид. Дочь Сара, увидев вылезавшего из машины отца, тоже захныкала. Оба сидели на траве, а собака лизала им руки и лица. Когда Карлайл подошёл к детям, пёс зарычал, но всё же немного отступил. Карлайл взял Кейта и Сару под мышки и понёс к парадной двери. В доме орал проигрыватель – от его рёва дрожали стекла.

Трое молодых парней, сидевших в гостиной у кофейного столика, разом вскочили на ноги. На столике стояли бутылки с пивом, в пепельнице

дымились недокуренные сигареты. С пластинки со стереозаписью кричал Род Стьюарт. На диване, рядом с четвёртым парнем, сидела, поджав под себя ноги, толстуха Дебби. Она молча уставилась на вошедшего Карлайла, будто не веря своим глазам. Кофточка на ней была расстёгнута, пальцы рук сжимали сигарету. Табачный дым и музыка заполнили всё пространство гостиной. Толстуха и её дружок поспешно поднялись с дивана.

– Подождите, мистер Карлайл, я всё объясню, – сказала Дебби.

– Нечего тут объяснять, – отрезал Карлайл. – Проваливайте ко всем чертям. Всё. Пока я сам вас не вышвырнул. – Он крепче прижал к себе детей.

– Вы должны мне за четыре дня, – сказала толстуха, стараясь застегнуть на себе кофточку. Пока она теребила пуговицы, с сигареты, по-прежнему торчавшей у неё между пальцами, сыпался пепел. – Сегодняшний день не в счёт. За сегодня вы мне не должны. Мистер Карлайл, всё не так, как вам могло показаться. Они просто захотели послушать вот эту пластинку.

– Не надо ничего объяснять, Дебби, – сказал он и опустил детей на ковёр. Но они продолжали жаться к нему, разглядывая чужих людей.

Дебби смотрела на них с удивлением, точно впервые увидела, и медленно качала головой.

– Вон отсюда, чёрт вас возьми! Сию же минуту! Ну? Все! Вон!

Он подошёл к парадной двери и отворил её. Парни двигались нарочито медленно. Не спеша собрали бутылки с пивом и вразвалку зашагали к выходу. Пластинка с записью Рода Стьюарта всё ещё играла. Один из парней сказал:

– Это моя пластинка.

– Бери. – Карлайл сделал шаг в сторону парня и остановился.

– Только без рук, ладно? – сказал тот. – Без рук. – Он подошёл к проигрывателю, поднял звукосниматель и снял пластинку. Диск продолжал крутиться...

Патриарх КИРИЛЛ (р. 1946)

СЕМЬ СЛОВ О РУССКОМ МИРЕ *(отрывок из книги)*

Хотел бы сказать о том, какую я сейчас вижу пользу от деятельности Всемирного Русского Народного Собора.

Нас многое сегодня разделяет.

Во-первых, наше общество раздроблено. Мы по многим темам расходимся, существуют различные партии, политический плюрализм. Он, как бы об этом ни говорили, раздробляет общество. И мы знаем, что эта множественность, этот плюрализм небезобидны, особенно в предвыборное время, когда общество напрягается, когда борьба кандидатов проецируется на всё общество. Столкновения бывают иногда даже на кухне между родными

и близкими людьми. Всякое разделение ослабляет общество и государство. Есть такая модель – она сегодня считается оптимальной, – но я не хочу эту модель никак характеризовать, я просто констатирую тот факт, что политический плюрализм всегда обрачивается внутренним напряжением в обществе.

Есть другая тема, которая тоже разделяет наш народ. Это социальное неравенство, разное имущественное положение. Мы знаем, что наряду с очень богатыми людьми, у которых не хватает сдержанности, способности ограничивать себя, не хватает бытовой культуры, чтобы своё богатство не выпячивать перед глазами других людей, есть неимущие.

Наличие этих имущественных диспропорций – это тоже фактор, разделяющий наше общество.

И третий момент, тоже очень существенный. Мы многонациональная страна, 90 процентов населения принадлежит к русскому этносу, где-то меньше, где-то больше. Но и меньшинства очень активны. И люди всех национальностей должны в такой стране, как Россия, чувствовать себя комфортно. Должны быть выстроены очень продуманные балансы в межэтнических отношениях. Нарушение этих балансов влечёт за собой рост напряжения, который, как мы знаем, не только в России, но и в других местах оборачивается многими конфликтами.

Есть ещё естественное разделение – разделение на поколения, на «отцов» и «детей». Кто-то иронизирует по этому поводу, а кто-то очень серьёзно воспринимает эту проблему, особенно родители, когда они видят, что теряется общий язык и общая ценностная платформа в разговоре с детьми. Это реальная проблема, которая также несёт в себе потенциал разделения.

А теперь давайте попытаемся понять: а что уравнивает эти многочисленные потенциальные разделения в нашей стране? Подскажите, пожалуйста. Может быть, кто-то лучше меня разбирается в этом вопросе. Я не вижу такой системы. Традиционно такой системой была Церковь. Но после многих лет страданий и гонений Церковь только сегодня обретает некий потенциал. И это вызывает, как вы знаете, неадекватную, истерическую реакцию со стороны носителей нерелигиозного мировоззрения. Я спрашиваю себя: а почему же у нас

не было никакой истерики, когда мы жили в атеистическом государстве? Не было истерики со стороны православных людей по поводу того, что большинство людей заявляли, что они не принадлежат к Церкви, и Церковь находилась в угнетённом состоянии. Церковь же никого не угнетает, а истерика не прекращается.

Тем не менее у Церкви ещё нет потенциала, позволяющего говорить о том, что она способна уравнивать все эти конфликты, хотя сегодня уже делается очень многое. Но у Церкви есть возможность собирать людей, в том числе людей разных взглядов и разных убеждений, во имя высших целей. Однако эти цели должны быть ясно сформулированы. Сегодня народ грамотный. Каждая партия у нас формулирует цели, но одни с ними соглашаются, а другие выступают против. Нужно так формулировать цели и задачи общенародной жизни, стратегического развития нашего общества, чтобы это объединяло людей независимо от политических, социальных, этнических, возрастных и прочих границ.

И вот в далёком 1993 году (вы помните, что происходило в нашей стране – мы были близки к гражданской войне, разрушены были все внутренние связи в обществе, было колоссальное недоверие у людей к власти, власть себя тоже чувствовала как на оккупированной территории, происходило разрушение экономики, Вооружённых сил, культуры, образования), в то тяжелейшее время возникла идея Собора. Почему? А потому что в истории нашего государства Соборы всегда играли решающую роль...

Владимир ДАЛЬ (1801–1872)

ПРАВДА И КРИВДА (отрывок из сказки)

Живут у нас на земле Правда да Кривда: живёт Правда и во дворце, и в барских хоромах, и в крестьянской избе; молвит народ, что она у бога живёт; мыкается и Кривда всюду: и по царским палатам, и по боярским теремам, и по бедным лачугам; о Кривде народ молвит, что привилась она к земле, и по ней стелет и мелет, и врёт и плетёт.

Вот раз идёт по земле Правда, чище красного солнца: люди её сторонятся, шапки снимают, чувствуют; а она каждому из своих ясных очей приветом в очи светит. Вот и идёт божия Правда по земле, ни шатко ни валко, ни на сторону, прямо как стрела! Навстречу ей из косога переулка идёт Кривда, ковыляя да пошатываясь; заслонила рукой глаза, прищурилась на Правду; а Правда – что солнышко, на неё Кривде во все глаза не глянуть!

– Ба, ба, ба! – говорит себе под нос Кривда. – Да это никак святая душа на костылях, что люди Правдой зовут. Уж куда как мне эта Правда надоела: как глянет в лицо, то словно горький дым глаза ест! Хоть бы как ни на есть извести её, постылую!

Кривде за худым делом недалеко ходить; как

раз надумала. Подковыляла она, щурясь, к Правде, низенько ей поклонилась и говорит сладким голоском:

– Что тебя, золотая Правда, давно не видать? Аль заспесивилась? А ещё про твою милость народ молвит, что без тебя люди не живут, а маются. Помоему ж худому разуму, так дело-то наоборот (прости на правдивом слове): с тобой люди маются, а со мной душа в душу сживаются, и наше житьё-бытьё идёт как по маслу.

Глянула Правда Кривде в подслепые очи да и говорит:

– Нет, Кривда, худо тому, кто с тобой дружится; с тобой весь свет пройдёшь, да назад не вернёшься! Ложь не живуча!

Как рассердится Кривда за правдивое слово да, ошестинясь, закричит, зашипит на все свои голоса:

– Вишь, что выдумала – я ль не живуча! А знаешь поговорку: «Соврёшь – не помрёшь»? Да я на людей сошлюсь, что со мной жить лучше, чем с тобой!

Правда покачала головой, сказала: «Нет!» – и

пошла своим путём. Она в увёртки да извороты не пускается, много слов не раздаёт; у неё либо «да», либо «нет».

Увязалась Кривда за Правдой, зацепила клюкой и не пускает.

– Давай, – говорит, – об заклад биться, что людям со мной лучше ужиться!

– Давай, – говорит Правда, – вот сто рублей. Смотри, Кривда, проспоришь!

– Ладно, посмотрим, чья возьмёт! Пойдём судиться к третьему, на третейский суд, вот хоть к писарю; он недалеко живёт.

– Пойдём, – сказала Правда.

И пошли. А Кривда тем временем стянула у прохожего бумажник да платок из кармана и спрятала к себе в карман. Вот пришли они к писарю; стала Правда своё дело сказывать, а Кривда тем временем кажет писарю из-под полы деньги да платок. А писарь человек бывалый, как раз догадался, что делать; вот и говорит:

– Проспорила ты, Правда, свои денежки: в наше

время лучше жить Кривдой; сытее будешь!

Нечего делать, отдала Правда сто рублей сполна, а сама всё стоит на своём, что лучше-де жить правдой.

– Экая ты неугомонная! – подзадоривала её Кривда. – Давай опять об заклад биться: я ставлю тысячу рублей в кон, а ты, коли денег нет, ругайся глазами своими.

– Хорошо, – сказала Правда.

Вот и пошли они опять судиться третейским судом к боярину. Выслушав их, боярин вздохнул и говорит:

– Ну, матушка Правда, проспорила ты ясные очи свои, хороша святая Правда, да в люди не годится.

Заплакавши, Правда боярину слово молвила:

– Не ищи же ты, боярин, Правды в других, коли в тебе её нету!

А Кривда зацепила Правду клюкой и повела из города вон. Идёт Правда, слёзку за слёзкой роняет: горько ей, что люди чествовать чествуют её, а правдой жить не могут...

Елена АННЕНКОВА (р. 1946)

АКСАКОВЫ (отрывок из книги)

Не слишком хлопоча о древности своего рода, точнее, не слишком ею гордясь, С.Т. Аксаков посвятил несколько лет своей жизни восстановлению истории семьи. Его дед, Степан Михайлович Аксаков, производил аксаковский род от варяжского князя. Древние родословные книги в самом деле позволяли говорить о том, что первый известный представитель рода Аксаковых жил ещё во время княжения Ярослава Мудрого. Правда, современный исследователь подверг сомнению подлинную древность рода: в обстоятельном исследовании, посвящённом аксаковской семье, В.А. Кошелев отметил, что семейное предание, возводящее род к знаменитому Шимону, знатному варягу XI столетия, было убедительно оспорено ещё при жизни С.Т. Аксакова, в 1858 г., а несколько позже была поставлена под сомнение и родословная легенда о потомке Шимона, именуемом «Иван Оксак». Таким образом, следовало вести начало рода от XVII столетия. Для Сергея Тимофеевича рассказы о древности происхождения могли представлять определённый интерес, однако вряд ли случайно он сам не уделил этому должного внимания. Гораздо ближе ему была непосредственная история семьи, позволяющая восстановить те духовно-родственные связи, которые хранятся в живой памяти. Поэтому им сохранены для истории лишь два предшествующих поколения, две семьи: деда Степана Михайловича и отца Тимофея Степановича (1759–1837), женившегося на Марии Николаевне Зубовой (1762–1833).

Что же выделено Аксаковым в психологическом строе жизни прежней эпохи? Пожалуй, это прежде всего патриархальность сознания, выражающаяся в доверии к единству, к общности жизни,

к освящённым временем традициям. Это вера в благотворность духовной связи с национальными истоками. Это непрерывно совершающийся синтез природы и культуры, который на первых этапах (и исторического развития, и индивидуального становления) может быть бессознательным, почти инстинктивным, но в дальнейшем требует осознанных духовных усилий. Это и способность к динамическому развитию, не разрушающему до основания все прежние формы жизни, но принципиально преобразующему то, что освоено прежним опытом.

Вглядываясь в историю семьи, реконструируя её, отчасти сотворяя, Аксаков и воссоздаёт путь общечеловеческого развития, в котором разнородные компоненты жизни неизбежно будут вступать в противоборство и в то же время тяготеть к синтезу. Интересно, что именно становится у Аксакова поворотным, решающим моментом в жизни семьи. Первая фраза «Семейной хроники»: «Тесно стало моему дедушке жить в Симбирской губернии, в родовой отчине своей, жалованной предкам его от царей московских...». Таким образом, изначально зафиксированы стремление и готовность выйти за пределы «родовой отчины». Несмотря на то что переезд вызван конкретными причинами (на одной земле оказалось четверо хозяев), он предстаёт как неизбежный по самой своей сути, независимый от единичного, обусловленного конкретной ситуацией повода. Движение, динамика заложены в природе жизни, внешне сохраняющей черты патриархальной устойчивости, статики, спасительного равновесия. Первая глава «Семейной хроники» и именуется – «Переселение». Однако само это переселение – в аксаковском изображении – оказывается

движением к спокойной, привольной, устойчивой жизни. После первоначального беспокойства, тревоги, неустроенности крестьяне Степана Михайловича Багрова (так назван дед Аксакова в «Семейной хронике») понимают, что на новом месте, в Уфимском наместничестве, им лучше; переселение ассоциируется с поисками обетованной земли, особого

края, где есть достаток, свобода, прочность естественного уклада. Эти черты устойчивости и движения, патриархальной статики и исторической динамики и далее будут соседствовать, взаимодополнять друг друга. Их единство станет своеобразной доминантой близкого Аксакову мира его предков; черты этого мира он сохранит в своей семье...

Мария ЖАК (1901–1995)

Я ПОМНЮ... (отрывок из воспоминаний)

Начальство убедилось за время этого переезда, что госпиталь, обременённый стариками и детьми, не может быть боевой единицей. Поэтому приказали отправить семьи подальше в тыл. Это оказалось для нас страшным ударом. Нам с Жаком вообще было трудно расставаться, а в такое опасное время, когда Жак оставался в самой, как теперь бы сказали, горячей точке, это могло стать последним прощанием. И к тому же я плохо представляла себе, куда нам ехать и как я доведу семью.

К этому времени мы уже связались с семьёй Жаков. Роза Абрамовна с Рахой и Волей, добравшаяся до них из Харькова Доня с маленьким Волей, а также Абрам с Фирой и семья Меера – все они жили в Мелекессе, небольшом городке за Волгой (теперь он называется Димитровград). Туда и решено было ехать. И дорога туда была достаточно простая: по Волге до Ульяновска и одну ночь в поезде. Через несколько дней (это время мы провели во дворе школы, отведённой госпиталю) Жаку удалось устроить нас на пароход, но, правда, только на палубе. Прощанье было очень тяжёлым, да я и перед этим не могла все дни удерживать слёзы. А Лёля, когда мы отплывали, сказала: «Вот и два у меня папы, а ни одного не осталось».

Плыли мы до Ульяновска несколько дней. И, несмотря на все неудобства: спали на полу палубы, еды не хватало, – поездка была бы спокойной, если бы не тревожное ожидание воздушных налётов (бежать-то некуда), не страх перед неизвестным будущим и не тоска расставания с Жаком.

Остались в памяти два момента: в Саратове я решила выйти на берег, чтобы получить хлеб по рейсовым карточкам (тогда, да и после войны, выдавали такие временные карточки на время пути). Нам сказали, что магазин близко, но к нему надо подняться по крутому спуску с умиленным названием «Бабушкин взвоз». Я ужасно боялась опоздать, – ведь расписания не было. В магазине вытянулась очередь, но со мной находилась ещё одна пассажирка, которая сумела пробиться и убедить продавщицу нас обслужить. Назад мы бежали из последних сил – пароход уже гудел.

А второй момент – моя наивность, за которую меня упрекают до сих пор. Жак дал мне несколько

пачек папирос для задабривания должностных лиц. И я одну положила на стол какого-то паровозного начальника, когда просила разрешения поставить котелок с пшеном на плиту камбуза. Он разрешил так любезно, что я поверила в его отзывчивость и сочувствие. Но через минуту я увидела, как он сердито отказал в такой же просьбе женщине, у которой папирос не было.

В Ульяновске мы устроились тут же на пристани. Для мамы и Лёли удалось получить одну кровать в комнате для пассажиров с детьми, а мы с Серёжей приткнулись где-то в уголке речного вокзала. Нас даже кормили кашей из какой-то крупы под названием, кажется, «магара» (в словаре я такого названия не нашла). Тогда она нас вполне удовлетворяла, не знаю, стали бы мы её есть теперь. И через день-два удалось достать какую-то телегу, которая перевезла наши вещи через весь город на железнодорожный вокзал. Мы втиснулись в поезд и поехали в Мелекесс. Туда была ночь езды, и мы приехали ещё затемно. Поезд стоял только несколько минут, нам пришлось выбрасывать багаж на платформу. При этом один узел распался, нужно было собирать вещи и увязывать заново. Нам энергично и дружелюбно помогал молоденький армянин-солдатик. Когда мы разговорились и он узнал, откуда мы, его расположение усилилось: он был связан родством с Нахичеванью. С его помощью мы сдали вещи в камеру хранения (к нашему счастью, на этой маленькой станции была и даже работала ночью эта камера) и отправились в город.

И хоть с собой мы взяли только мелочи – чайник, сумочки и т.п., но для нас и это было тяжёлой нагрузкой. Сначала я распределила вещи между всеми, но очень скоро пришлось нам с Серёжей всё забирать. Идти пришлось далеко, через весь город, на Луговую, 13. Шли мы несколько часов, часто отдыхая на крылечках – хорошо, что там стояли скамеечки, можно было отдышаться и даже минуту подремать. Но когда мы, измученные и несчастные, наконец добрались до желанного домика, постучали и Раха распахнула окошко и протянула нам руки, а Доня выбежала через калитку, мы сразу успокоились и ободрились. И будущее показалось не таким страшным...

*Юбилейный календарь подготовил
Николай Марянин, поэт и краевед*